

Собственные записки

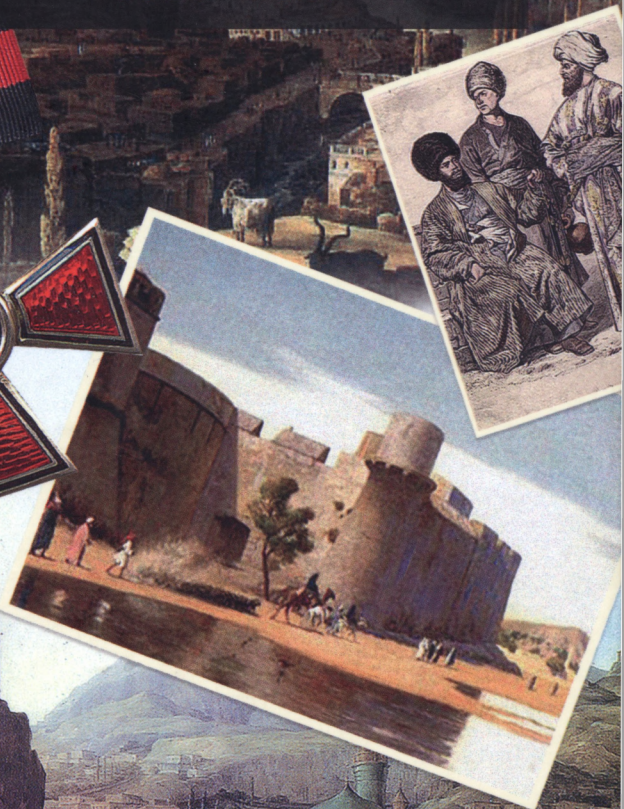
1821 – 1825

Н. Н. Муравьев-Карсский

• КУЧКОВО ПОЛЕ •

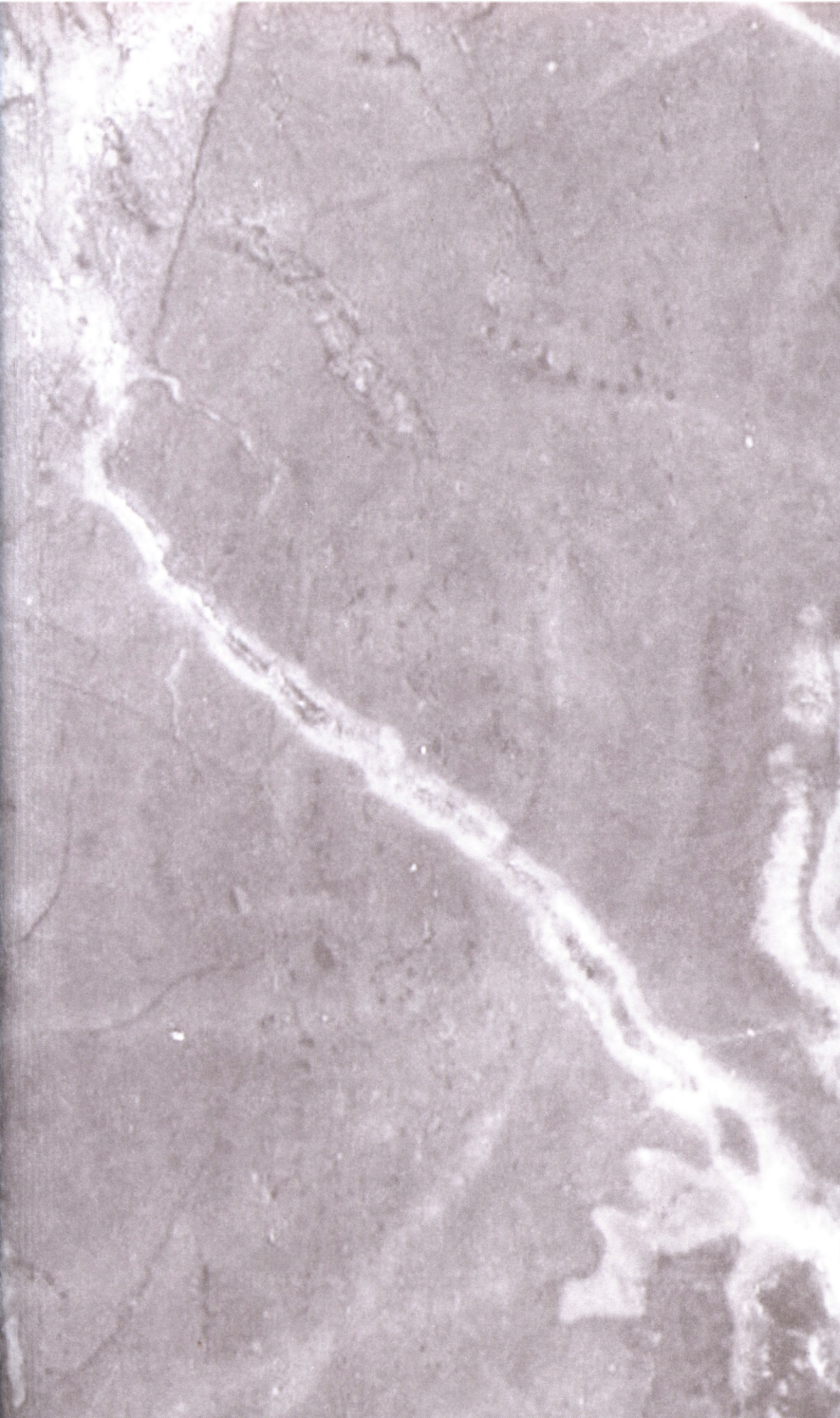
Н. Н. Муравьев-Карсский Собственные записки

1821 – 1825

ВОЕННЫЕ

МЕМОАРЫ

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
ЗНАКОМЫЕ
1819-1820

Дорогие мои
друзья,
я пишу вам
эти строки
в то время
как вы
находитесь
вдали от
родины

С. ПЕТЕРБУРГ 1820

В. П.

Н. Н. Муравьев-Карсский

**СОБСТВЕННЫЕ
ЗАПИСКИ
1821–1825**

КУЧКОВО ПОЛЕ

Москва

2016

УДК 82-94
ББК 63.4(2)47
М91

Издано при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям
в рамках Федеральной целевой программы
«Культура России» (2012–2018 годы)

Печатается по изданию: Русский архив. 1888. Вып. 1. С. 71–92;
Вып. 2. С. 235–258; Вып. 3. С. 393–432; Вып. 5. С. 97–122;
Вып. 7. 313–352; Вып. 9. С. 5–48; Вып. 10. С. 193–224;
Вып. 11. С. 385–433.

Муравьев-Карсский Н. Н.

М91 Собственные записки 1821–1825 / Вступ. ст. Г. В. Ляпишева; примеч. Г. В. Ляпишева и Д. Д. Зелова. — М.: Кучково поле, Беркут, 2016. 416 с.; 16 л. ил. — (Военные мемуары)

ISBN 978-5-9950-0633-6

Очередной том «Собственных записок» Н. Н. Муравьева-Карсского охватывает временной период с 1821 по 1825 годы. Автор описывает свое пребывание в Туркменинии, в частности производившуюся им топографическую съемку восточного побережья Каспийского моря в районе Красноводского залива, а также службу на Кавказе под началом генерала А. П. Ермолова.

Характеризуя малоизученный период русской истории, записки Муравьева-Карсского будут, несомненно, интересны не только узкопрофильным специалистам и исследователям, но и широкому кругу любознательных читателей, интересующихся историей нашего Отечества.

УДК 82-94

ББК 63.4(2)47

ISBN 978-5-9950-0633-6

© Ляпишев Г. В., вступ. ст., примеч., 2016
© ООО «Кучково поле», 2016

Предисловие

Николай Николаевич Муравьев (1794–1866) был военным деятелем, особенно прославившимся взятием во время Крымской войны турецкой крепости Карс, за что получил почетную приставку к фамилии «Карсский». Кроме того, он был одним из образованнейших людей своего времени, внесшим свой заметный научный вклад в археологию, этнографию, географию и др. науки. Его молодость пришлась на эпоху Отечественной войны 1812 года и Заграничных походов русской армии 1813–1814 годов, в которых он принял активное участие, начав службу колонновожатым в Свите Его Императорского Величества по квартирмейстерской части в чине прапорщика, а к окончанию военных действий став поручиком. Этот период он описал в 1-й части своих «Записок», которые были напечатаны в журнале «Русский архив» уже после смерти автора.

Периоду жизни и деятельности Н. Н. Муравьева с июня 1816 по декабрь 1820 года посвящена 2-я часть его «Записок». В это время он, будучи в чине капитана, сопровождал главнокомандующего Грузинским отдельным корпусом А. П. Ермолова при его посольстве в Персию. Затем Н. Муравьев с риском для жизни совершил экспедицию в Туркмению и в Хиву.

За отличное исполнение этого поручения 4 мая 1820 года Муравьев был произведен в полковники. В мае того же года он был командирован в Петербург с докладом о результатах экспедиции, где был дважды принят императором Александром I, а затем возвратился в Тифлис для дальнейшего прохождения службы.

«Записки» Н. Н. Муравьева-Карсского, хронологически охватывающие период 1811–1816 гг., были переизданы издательством «Кучково поле» в 2015 г., а период 1816–1820 гг. — в 2016 г.

Данная книга «Записок» охватывает период с января 1821 по декабрь 1825 года.

В начале этого периода, в течение всего 1821 года, Н. Муравьев занимался подготовкой и проведением второй экспедиции в Туркмению, руководителем которой он был назначен. Основной задачей экспедиции являлось определение места, удобного для строительства крепости, обеспеченного пресной водой и имеющего возможности для подхода морских судов. Дополнительной задачей было составление описания значительной части восточного побережья Каспийского моря. Процесс подготовки и проведения экспедиции описан весьма подробно. Поскольку для Муравьева это путешествие было не первым, то он знал, что его ожидает, и учитывал опыт предыдущего похода. Кроме того, будучи начальником, он мог принимать решения самостоятельно. Эти обстоятельства в значительной мере предопределили успех экспедиции. Тем не менее и это путешествие было связано со смертельным риском как от противодействия соседних персидских и хивинских властей, так и от соперничества раз-

личных туркменских племен, промышлявших похищением людей и продажей их в рабство. Не следует забывать также о воздействии природных факторов: при возвращении шторм на море чуть не потопил оба экспедиционных судна.

Однако все препятствия были преодолены, и экспедиция успешно выполнила свои задачи, а Н. Муравьев был награжден орденом Св. Владимира 3-й степени.

В январе 1822 года Муравьев записал в своем дневнике: «пора одуматься и, бросив путешествия, избрать род службы покойнее, выгоднее и под глазами главнокомандующего»*.

В соответствии с этим своим решением в феврале того же года он обратился к А. П. Ермолову с просьбой при переводе в армию дать ему полк. Ермолов согласился и приказал Муравьеву написать письмо командиру Свиты Его Величества по квартирмейстерской части князю П. М. Волконскому о своем желании выйти из Свиты по состоянию здоровья. Со своей стороны, Ермолов также поддержал эту просьбу, о чем он писал своему другу А. А. Закревскому: «Полковник квартирмейстерской части Муравьев, известный тебе поездкою его в Хиву, просит также о переводе его в армию, и я весьма охотно предлагаю ему полк. Я предупредил о сем князя Петра Михайловича [Волконского] письмом /.../. Ему можешь откровенно сказать, что для теперешней службы Муравьев особенных дарований не имеет, но что в армии будет он штаб-офицер и командир полка отличнейший и что, конечно, полезно распределять чиновников по

* См. с. 154 настоящего издания.

способностям»*. До получения решения по этому вопросу Ермолов направил Муравьева в Дагестан, где в селении Тарки (недалеко от современной Махачкалы) строилась крепость Внезапная. Муравьеву было поручено командовать двумя батальонами, закончить постройку крепости и наблюдать за местными жителями. Незадолго до отъезда Муравьева в Тарки Ермолов получил ответ Волконского на представление, где сообщалось, что государь установил порядок, по которому кандидата в полковые командиры «должно сперва перевести к старшему в полк, дабы он обучился фронтовой службе, а после того уже поручить ему полк»**. Поэтому было решено, что на время пребывания в Тарках Муравьев будет причислен к Грузинскому гренадерскому полку и оттуда уже будет переведен командиром 7-го карабинерного полка.

В марте 1822 года Н. Муравьев получил по почте первые экземпляры напечатанной в Москве книги***, написанной им по результатам поездки в Хиву. Хлопотами по изданию книги занимался брат Михаил, который выделялся среди братьев своей практичностью. Для издания книги была организована подписка. Тираж книги составил 600 экземпляров****. Часть книг, предназначенных для подарков началь-

* Письмо А. П. Ермолова А. А. Закревскому из Тифлиса 23 февраля 1822 г. // *Ермолов А. П. Кавказские письма: 1815–1860.* СПб., 2014. С. 276.

** См. с. 182 настоящего издания.

*** *Муравьев Н. Н. Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819 и 1820 годах.* Ч. 1, 2. М., 1822.

**** Письма М. Н. Муравьева // Из эпистолярного наследия декабристов. Письма к Н. Н. Муравьеву-Карсскому. М., 1975. С. 186, 188.

ству и друзьям, была выпущена в сафьяновых или кожаных переплетах. Эта книга, содержащая ценнейшие сведения политического, географического, экономического, этнографического и военного характера, вызвала большой интерес, она была переведена на европейские языки и вскоре стала библиографической редкостью.

Муравьев отбыл из Тифлиса в командировку 10 мая 1822 года. Но уже 11 июля 1822 года Ермолов поздравил Муравьева дружеским сердечным письмом: «Поверишь ли, любезный Муравьев, что уже есть в приказах, что ты командир 7-го карабинерного полка*. Ты, по крайней мере, так скоро его не ожидал и, может быть, даже и не думал. Было время, что желали мы 41-го полка, а карабинерный лучше! Служи с удовольствием и счастливо!»**

Однако командировка в Тарки затянулась, и Муравьев вернулся в Тифлис уже после празднования Нового 1823 года. Здесь ему предстояла приемка полка. До него командиром 7-го карабинерного полка был полковник Ладинский, про которого Ермолов говорил так: «это естественная каналья и плут». Ладинский давно служил на Кавказе, везде имел своих приверженцев, с помощью которых он действовал по всей Грузии. По его назначениям, а вернее сказать, интригам сменялись приставы и коменданты и на освободившиеся места ставились люди, нужные ему для совершения мошеннических дел.

* Муравьев был назначен командиром 7-го карабинерного полка приказом от 11 июня 1822 г.

** Письмо А. П. Ермолова Н. Н. Муравьеву из лагеря на реке Куме 11 июля 1822 г. // *Ермолов А. П. Кавказские письма: 1815–1860.* С. 285.

Конечно, бороться с таким человеком было просто. Ладинский плел интриги, целью которых было поссорить Муравьева с офицерами полка, распускал порочащие слухи, уничтожил многие документы и т. п.; поэтому передача полка затянулась, и только через пять месяцев в конце мая 1823 года Муравьев вступил в командование полком. Забегая вперед, можно сказать, что в этой должности ему пришлось служить до 1827 года.

В службе на новом месте ни в коей мере не оправдались ожидания Н. Муравьева о более спокойной жизни. Полк был расположен сравнительно недалеко от Тифлиса, поэтому несколько рот полка, сменяя друг друга, направлялись в Тифлис для содержания караулов и производства различных работ по требованиям начальства. Кроме того, роты стояли в различных местах, значительно удаленных друг от друга, что затрудняло надзор за ними. К тому же назначение Муравьева совпало с необходимостью переноса главной квартиры полка из Башкечета в Манглиси, причем с обустройством на новом месте надо было успеть до зимы. Все это привело к тому, что времени на обычные занятия у Муравьева практически не было, даже ведение дневника пришлось прервать почти на год.

Финансовое положение Муравьева также не улучшилось. Об этом он писал в начале 1824 года: «Содержась столь долгое время одним только жалованьем, я более помышлял о том, чтобы, в дурных обстоятельствах или каких-нибудь непредвиденных, могущих случиться по службе неприятностях, иметь, с чем выехать из Грузии, и потому, откладывая в течение четырех лет /.../ часть своего жалованья, успел

скопить до 5000 рублей ассигнациями, которые берегу на черный день. Сверх того должен я заботиться еще о приготовлении около 14 000 рублей для сдачи полка; получаемое же мною недостаточно было уже в прошлом году на мои расходы»^{*}.

В это время многие командиры полков использовали свое командное положение для собственного обогащения, превращая свой полк в род имения, где солдаты использовались вместо крепостных крестьян. Так, предшественник Муравьева Ладинский завел пасеку, имевшую почти 700 ульев, и, продавая по высокой цене воск в полковую церковь, а мед в Тифлисе, имел доход 2000 рублей серебром в год. Однако высокие моральные принципы Муравьева не позволяли ему заниматься подобными делами. Особенно разорительными для него были посещения А. П. Ермолова, который приезжал с большой свитой и прислугой, и всех приходилось принимать за свой счет. После первого приезда Ермолова в полк Муравьев записал: «Путешествие сие стоило мне близ 2000 рублей ассигнациями, что было для меня весьма накладно в начале командования полком»^{**}.

Служба на глазах у главнокомандующего также не приносила удовлетворения. В это время А. П. Ермолов в значительной степени потерял интерес к службе, что было видно по многим его суждениям и поступкам. Он проводил время в игре в бостон или раскладывании гранпасьянса, сердился, когда ему приносили бумаги, и подписывал их, почти не читая. По тем же делам, в которые он вникал, он часто при-

^{*} См. с. 309 настоящего издания.

^{**} См. с. 287 настоящего издания.

нимал не лучшие решения, и переубедить его самыми благоразумными доводами не удавалось; напротив, он только из одного упрямства настаивал на своем решении. Это сильно ограничивало самостоятельность Муравьева, в частности, по вопросам размещения новой штаб-квартиры полка. Кроме того, его раздражала невозможность применять к подчиненным взыскания за вину, так как Ермолов расценивал это как притеснение подчиненных. Поэтому неоднократно в дневнике Муравьева можно прочесть, что он хотел бы оставить службу, но не может этого сделать из-за своего материального положения.

Как и раньше, Н. Муравьева беспокоила неустроенность его личной жизни. Его любовь к Наталье Мордвиновой не проходила, и он изредка получал известия от своих родственников, что в доме адмирала готовы пойти ему навстречу и что он найдет соответствие в склонности со стороны дочери его. Для решения этого дела надо было приехать в Петербург, но, как записал Муравьев в своем дневнике в январе 1824 года: «я, завлеченный службой и остановленный бедным состоянием своим, не позволяющим мне почти выехать отсюда, должен отказаться от сего и, проводя дни свои в одиночестве, видеть, как лета моей молодости, уже протекшие, проведенные в суетах и беспокойствии, не приготовили меня для предстоящей старости и мирного, и благополучного житья в кругу семейства; словом, должен навсегда посвятить себя для службы, оставив все прелестные предположения о будущем, о коих я давно уже мечтал»*. Наконец, этот вопрос, затянувшийся на много

* См. с. 309 настоящего издания.

лет, завершился в апреле 1825 года, когда Муравьев получил известие о том, что Н. Н. Мордвинова вышла замуж.

Решив продолжать службу на Кавказе дальше, Муравьев не хотел бросать тех занятий, которыми он занимался в свободное время. Он намеревался продолжать изучение турецкого и персидского языков, на что уже употребил много времени, добавив к ним еще изучение грузинского языка. Он продолжал чтение иностранных научных книг по истории и географии, а также находил время и для музыки. Вот как он писал об этом: «Имея прекрасное фортепиано, купленное у Грибоедова, я посвящаю на оное в первые пять дней недели по одному часу в день. Занимаюсь также гобоем и флейтой, не с теми, однако, уже мыслями, которые привлекают в молодых летах к занятиям всякого рода, в надежде извлечь из сего впоследствии времени себе пользу или удовольствие. То предбудущее время для меня уже настало, и я занимаюсь сими предметами единственно для удовольствия, которое они мне в настоящем доставляют»*.

Ну и, конечно, еще одним основным занятием, если обстановка это позволяла, было ежедневное ведение записей. Муравьев стал вести дневник с середины 1816 года, а потом с большими или меньшими перерывами продолжал делать записи в своих тетрадях почти до самой смерти.

Тексты, вошедшие в 3-ю часть «Записок», различаются по жанрам. В период с 20-го января 1821 года по 4 октября 1822 года они представляют собой днев-

* См. с. 311 настоящего издания.

никовые записи, которые Муравьев вел во время службы в Тифлисе, а также во время подготовки и проведения второй экспедиции в Туркмению, возвращения из этой экспедиции и командировки в Тарки. Далее произошел длительный перерыв, связанный с хлопотами по приему полка и вступлению в должность командира, и Муравьев смог продолжить свои записи только 17 декабря 1823 года. Возобновление записок предваряется пространными рассуждениями о цели их ведения. Суть этих рассуждений состоит в том, что если раньше он писал для себя, «чтобы, перечитывая прошедшее, воспользоваться ошибками своими и вперед их не делать», то теперь с приобретением опыта эта цель отпала. Новая цель состоит в распространении сведений о крае, еще столь мало известном: «Цель сия меня более побуждает вести сии записки /.../, теперь же буду продолжать их прежним порядком, смешивая сведения сии с описанием происшествий моей жизни»*. Таким образом, события конца 1822 года и всего 1823 года были написаны как мемуары, т. е. уже после того, как они произошли. Записки за 1824–1825 годы вновь велись как дневник, однако частота записей стала меньше, чем раньше.

Третья часть «Записок» была впервые опубликована издателем П. Бартеневым в нескольких номерах журнала «Русский архив» в 1888 году.

В данной публикации текст «Записок» приведен в современной орфографии с сохранением своеобразия языка первой четверти XIX века, исправлены

* См. с. 199 настоящего издания.

опечатки первого издания. Все встречающиеся в тексте сокращения, как правило, раскрыты. Восстановленные пропущенные слова или их элементы заключены в квадратные скобки.

Издание снабжено справочно-поисковым аппаратом. В примечаниях к тексту представлено следующее:

— приводится более подробное описание событий, о которых автор упоминает кратко, но без изложения которых непонятна суть этих событий;

— объясняется значение специальных терминов, а также устаревших, иноязычных и диалектных слов; при этом особое внимание было обращено на несоответствие используемых автором названий национальностей и других этнографических терминов с современными названиями и терминами;

— приводятся современные названия населенных пунктов и других географических объектов, которые за прошедшее время были переименованы (иногда даже неоднократно);

— указываются ошибки автора или публикатора (установить, кто ошибся, не имея первоначального рукописного текста, не всегда возможно), но, очевидно, что многие ошибки явно вызваны неправильным прочтением рукописного текста при его трансформации в печатный.

В именном указателе содержатся биографические данные об упоминаемых в книге лицах. Здесь также имеется много разночтений в именах.

Ценность этой части «Записок Н. Н. Муравьева-Карсского» заключается в том, что они написаны непосредственным, а в части путешествия в Туркмению единственным русским участником, описавшим

эту экспедицию. Мы надеемся, что предпринимаемая публикация послужит источником сведений об относительно малоизученном периоде русской истории и будет интересна и полезна как для историков, так и для широкого круга читателей.

Г. В. Ляпишев

Собственные записки
1821–1825

1821 год

(Начато в Тифлисе, 2 января 1821)

На днях ко мне явились два артиллерийских офицера, подпоручик Рюмин и граф Катани, которые назначены для следования со мной к туркменским берегам. Я занимаюсь с ними и показываю им употребление секстанта и средства к определению широты.

26 января был со мной один случай, который здесь помещаю для показания корыстолюбивых нравов азиатцев. Ко мне пришел поутру здешний аздиб, или начальник магометанского духовенства, человек, занимающий важное место, с состоянием, и со мной очень мало знакомый. Наговорив мне множество учтивостей и лести самой низкой, он подал мне письмо, по-русски писанное, которым просил меня купить для его дочери семь с половиной аршин желтого атласа на платье. Меня удивил сей поступок. Он не стыдился срамить дочь свою и получить отказ от меня с выговором за такую просьбу. Корыстолюбие все преодолевает в сих людях.

27-го числа Киат-Ага давал обед, на который приглашено было человек с десять; но он никак из своего карману не решился сделать сего, не на счет положенного ему от казны содержания — обычай азиатцев. Впрочем, должно удивляться уму и способностям сего человека, родившегося в степях.

30-го. Я обедал у И. А. Вельяминова, который, получив записку из Георгиевска от Алексея Петровича, решился, наконец, отпустить офицерам артиллерийским, при мне находящимся, столовые деньги. Дело Киата о сю пору еще не кончено. Вот уже скоро два года, как он подавал просьбу главнокомандующему, в которой он просил о возвращении ему денег от одного астраханского армянина, который ездил к ним на берега, брал у него деньги и дал ему расписку в них. Расписка при бумаге была послана к астраханскому губернатору; но о сю пору ни денег, ни ответа оттуда, хотя главнокомандующий уже три раза о том писал в Астрахань. Вот порядок, в котором находятся здешние дела. Точно так писано было уже месяца полтора тому назад к барону Вреде в Кубу¹, чтобы он доставил сюда списки садов и домов в Дербенте, отобранных в казну от разных беглецов, тамошних жителей, дабы отдать сад и дом Петровичу; но о сю пору еще никакого ответа на сие нет.

31-го. Вчера после обеда я взял первый урок персидского языка.

5 февраля. Я ходил смотреть здешний монетный двор, в котором перебивается всякий год на наши деньги до 50 000 рублей из серебра, покупаемого из Турции.

6-го. Я был дежурным в здешнем благородном собрании. Не могу никак отделаться от общества, в которое меня назначили директором и в котором я стыжусь находиться.

8-го отправился отсюда туркменский посланник Киат-Ага с сыном своим Якши-Магмедом в Баку. Они прощались с И. А. Вельяминовым и получили порядочные подарки: отцу подарили сукна, парчи, золотые серьги и 200 червонцев, а сыну — сукна и парчи.

Петровичу же 100 червонцев. Но сей последний оказался опять армянин. Он вытребовал себе прогоны на двух лишних лошадей. Я его крепко бранил за его плутовство. Он уже несколько раз заставлял меня раскаиваться в том, что я его отличал. Отправление туркменцев вчера не обошлось без шума. Я принужден был идти жаловаться к Вельяминову на казаков, которые не давали ни конвойных, ни подушек к седлам. Офицера за сие арестовали, а казаков перепороли, и туркменцы отправились к 9 часам вечера.

9-го. Поутру я ходил в чертежную и видел новую карту Грузии, которую Верховский начал составлять. Если б он долее остался обер-квартирмейстером² при здешнем корпусе и не отлучался бы от нашей части по частым препоручениям, то он бы привел в настоящий порядок нашу часть, находящуюся о сию пору в большом упущении.

11-го. Я вчера получил письмо от Корсакова, по которому я должен совершенно терять надежду к исполнению давнишних желаний моих. Согласие с одной стороны противоречится несогласием стариков, которые смотрят весьма много на состояние. И в самом деле, обстоятельства мои не такого рода, чтобы я мог приступить к исполнению сей цели³. Расстроенные дела батюшки должны меня заставить служить в Грузии, где я имею больше средств содержать себя.

20-го. Я ходил поутру в горную экспедицию, где тамошний начальник Карпинский показывал мне собрание древних монет одного горного же чиновника Гольцова, который недавно умер скоропостижно. Сие собрание уже давно известно; оно состоит, кажется, из шестисот медалей, в числе коих может быть до 50 отличных.

Здесь случилось с месяц тому назад странное происшествие. Вице-губернатор, прокурор и четыре советника, свидетельствуя казначейство, нашли все деньги в целости; но, спустя несколько минут, когда они опять в комнату казначейскую вошли, то не нашелся один мешок в 600 червонцев. Не знали на кого подозрение в сем воровстве иметь, потому что, кроме сих чиновников, никто туда не заходил; стали примечать за ними и в скором времени увидели, что прокурор, не имевший никогда денег, стал покупать разные вещи и платить долги свои. Подозрение пало на него; дом его обставили часовыми и обыскали; денег не нашли. Он отвечал, что деньги даны ему были Наумовым, Поповым, Ладинским и многими другими; тех под присягой спрашивали. Они, в самом деле, дали несколько денег, и то было давно. Он сослался на одного артиллерийского офицера Шарыгина, будто тот ему давал денег. Шарыгин, будучи дальний родственник его жене, хотел им помочь и объявил, что он точно давал прокурору деньги; но Шарыгин человек бедный и не имеет столько достатка. Сие подало на него подозрение; его также обставили часовыми, дабы никто с ним говорить не мог, привели его к присяге, и он сознался, что сих денег прокурору не давал; через сие стало открываться преступление прокурора, который не мог более показать, от кого он сии деньги получил. Вчера его арестовали.

Вчера получено здесь известие о том, что Алексей Петрович пожалован орденом Св. Владимира первой степени. Талызин назначен к нему в адъютанты с переводом в молодую гвардию⁴.

Третьего дня прокурор сознался в сделанном им воровстве и показал остальные триста червонцев, закрытых им в нужном месте.

25-го. Приехал от Алексея Петровича фельдъегерь⁵, который привез награждения для здешнего корпуса, и, между прочим, бриллиантовую аннинскую звезду для Алексея Вельяминова и бриллиантовый перстень с вензелем для Верховского.

Я был поутру у И. А. Вельяминова. Он читал мою записку об отправлении, которую я ему послал, был ею доволен и обещался все по ней исполнить. На днях он назначил тоже достаточные столовые деньги для меня и для офицеров артиллерийских, обещался дать награждение денежное и команде, следующей со мною. Он согласился на все мои требования.

16 марта. Я принимал поутру от Верховского инструменты, потребные для съемки на восточном берегу моря.

Вечеру я был у коменданта; он сказал мне, что после многих шалостей, дерзостей и беспорядков, учиненных Шишковым, он принужден был его силою взять на гауптвахту, где он просидит долгое время. Развратное поведение сего человека не имеет меры.

Вчера я был два раза у Могилевского за своим отправлением. Бумаги мои еще не начали писать и не прежде как на будущей неделе начнут; а причины сему никакой нет, кроме биллиарда и бостона, который занимает у Могилевского, как у других служащих, большую половину дня или почти весь день и часть ночи; между тем, время проходит, и я боюсь, чтобы опять не опоздали отправить меня. Алексей Петрович, уезжая отсюда, собирался всякий день заняться туркменскими делами, и всякий день в назначенное время я приходил к нему с Киатом и Могилевским. Он играл большую часть дня в биллиард

или в бостон и откладывал дело до другого дня; наконец, он уехал, не сказав ничего и не отдав даже Могилевскому бумагу, полученную им из Петербурга: утвержденное государем решение Комитета азиатских дел, в которой показаны были действия, долженствующие быть нынешнего года на восточном берегу Каспийского моря.

20-го. Я делал вечер и прощался со знакомыми и приятелями. Сад перед моим домом был освещен; праздник был веселый и хорошо удался. После многих хлопот и немалых затруднений, я получил, наконец, свое отправление.

26-го числа ввечеру я должен был считать себя весьма счастливым, что оно еще не протянули целый месяц.

27-го числа уехал отсюда Базилевич в Баку для осмотра артиллерии.

Получив отправление, я послал один список моих распоряжений в случае гибели к брату Александру, один отдал старику князю Бебутову, а один оставил у себя, потом отслужил молебен и собрался в дорогу. Я известил тоже письмом Алексея Петровича о скором отъезде моем из Тифлиса.

Второе путешествие в Туркмению

Отправление, полученное мною от генерал-лейтенанта Вельяминова, заключалось в следующем.

1) Свиты Его Императорского Величества по квартирмейстерской части г-ну полковнику и кавалеру Муравьеву. Г-н главнокомандующий в Грузии, его высокопревосходительство Алексей Петрович Ермолов, изволил предположить, дабы в

течение нынешнего лета сделать новую экспедицию к трухменским⁶ берегам, как для приобретения яснейших понятий об их положении и удобствах к каким-либо заведениям, так и в особенности для отыскания выгодного места к построению крепости, которая трухменским народам, ищущим покровительства России, могла бы служить защитой от их соседей, и вместе с тем обеспечивать складку российских товаров, по случаю предполагаемого привлечения к сему месту хивинской торговли и укрытия наших торговых сношений с разными обитателями восточных берегов Каспийского моря.

Употребление вас в экспедицию 1819 года доставило правительству о разных поколениях⁷ трухменских народов и их соотношениях к своим соседям весьма полезные и основательные сведения, которые познакомили оное с краем, дотоле вообще малоизвестным. В сем же случае оправданные на самом опыте отличные ваши познания, соединяемые с благоразумием и ревностным усердием к пользам службы Его Императорского Величества, побудили г-на главнокомандующего в Грузии избрать вас главным начальником для совершения сей новой экспедиции. Вследствие чего поручаю вашему высокоблагородию с получения сего отправиться в Баку, где вы найдете в готовности два военных судна, назначенные в сию экспедицию, на которые, приняв пехотную команду бакинского гарнизона, назначенную в числе 50 человек при одном офицере, и из Ленкорана⁸ одно легкое полевое орудие с одним комплектным количеством зарядов при двенадцати артиллерийских служи-

телях, имеете немедленно отправиться к тухменским берегам; причем для руководства вашего в операциях, предназначаемых к вашему исполнению, я нахожу нужным, сообразно с волей г-на главноуправляющего в Грузии, предписать вам следующее.

1) По прибытии вашем в Красноводскую пристань немедленно заняться съемкой Красноводской косы, северного берега Балканского залива⁹ и островов, в заливе находящихся; потом можете приступить к обозрению Балканских гор¹⁰, на коих, по уверению жителей, имеется строевой лес. Только в сем последнем предприятии, как долженствующем отдалить вас от берегов и, следовательно, от прикрытия военных судов, вы должны предварительно взять все меры благоразумной осторожности. И не иначе решиться на сие, как удостоверясь совершенно в искренних к вам расположениях тухменского народа и притом обеспечив себя благонадежными из почтеннейших старшин аманатами¹¹, кои во все то время, пока продолжится обозрение Балканских гор (чрез вас ли самих, или, что всего лучше, чрез посланного от вас офицера под прикрытием благонадежной воинской команды), должны будут оставаться на наших военных судах. Такую осторожность не худо наблюдать и во всех других случаях, когда обстоятельства будут требовать самим вам иметь на берегу сношения с тухменскими народами или посылать кого из офицеров во внутренность земли. В помощь же вам для съемок и употребления в разные по службе поручения, командировются под распоряжение ваше весьма отличные артиллерийские офицеры гг. подпоручики Рюмин и Катани, которые вместе с вами и

должны из Тифлиса отправиться в предположенную экспедицию.

2) По обозрении и съемке вышепоименованных мест главнейшей обязанностью вашей будет избрать на оных и определить одно место, наиболее выгодное как по удобству пристани, так и по возможности иметь в изобилии хорошую пресную воду для построения на оном крепости, долженствующей впоследствии помещать в себе российский гарнизон и разные торговые заведения.

3) Когда сии важнейшие предметы нынешней экспедиции будут вами исполнены, то не оставьте предпринять обозрения Кендерлинского залива¹², острова Агиз-Ады¹³, а если время позволит, то можете также плыть на север и обозреть Александр-Бай¹⁴, Мангышлак¹⁵, устье Эмбы¹⁶ и далее восточные берега Каспийского моря.

4) Командир военных судов, назначенный в сию экспедицию, долженствует состоять в совершенной от вас зависимости по всем операциям, к исполнению вам предписанным, исключая управления самими судами и морской команды, как таких предметов, кои непосредственно относятся до морского начальства. Впрочем, для лучшего усмотрения вами всех обязанностей, возложенных от начальства на командира военных судов, прилагается при сем копия с инструкции, ему данной.

5) Трухменского старшину Киат-бега с сыном его, ожидающих вас в Баке*, не оставьте взять с собою на суда и доставить в место их жительства. Не нужно мне напоминать вам о ла-

* Так в тексте. Имеется в виду Баку. (Примеч. ред.)

сковом и уважительном с ним обхождении; ибо вы сами довольно знаете, как достоинство его, так и ту пользу, какой правительство ожидает от его преданности в России. Прилагаемое при сем письмо от меня на его имя имеете лично вручить ему в Баке, с чайным погребцом, который получите от казначея г-на Майвалдова; копия же с письма моего к нему прилагается здесь для вашего сведения.

6) При сношениях ваших с главнейшими старшинами и даже простым трухменским народом, старайтесь ласковым обхождением, также удовлетворением их просьб, не превышающих вашей власти и возможности, и наипаче строгой справедливостию на случай обид, кем-либо из вашей команды им нанесенных, поселить в сем народе добрую к нам веру, искренность и чистосердечное расположение к российскому правительству; причем, если начальники разных трухменских поколений, исключая признающих над собою зависимость персидского государства, сами добровольно изъявят пред вами желание свое принять присягу на верность подданства Его Императорскому Величеству, то не отклоняйтесь от такого их расположения и по обычаям той земли приведите их к присяге с приличным сему случаю торжеством. Однако никакое с вашей стороны настояние о сем, а и того меньше принуждение не должны иметь места.

7) Равным образом при добровольном же согласии старшин дать в залог своей верности аманатов, можете принять двух или не более трех по выбору вашему из почетнейших старшин или их детей, коих при возвращении экспедиции возьме-

те с собою для пребывания их в Баке, где назначится им от казны пристойное содержание. Киат-бегу, по мнению моему, гораздо для дел наших будет полезнее остаться в месте его жительства, дабы он мог от трухменского народа более и более приобретать к себе доверенности и влияния на оный. Между тем, для приобучения трухменцев признавать в лице его некоторую над собою власть необходимо нужно, чтобы вы при сношениях своих с главнейшими старшинами употребляли Киат-бега во все дела, а сами бы подавали им пример уважения к нему, как особе, пользующейся особенной доверенностию российского правительства, которое готово чрез его посредство доставлять всякие возможные выгоды для трухменского народа.

8) Принять за ненарушимое правило, дабы не только не приближаться к Астрабадскому култуку¹⁷ и никого не посылать в город Астрабад¹⁸ из вверенной вам команды, по каким бы то ни было поручениям, но даже и в самых трухменцах при нынешних наших дружественных связях с Персией стараться отклонять всякие того рода покушения, кои они по надежде на покровительство России вздумали бы паче чаяния предпринять и которые могли бы подать персиянам хотя малейшую причину подозревать в соучастии с ними российское правительство: ибо постоянная и неременная воля государя императора состоит в том, дабы всемерно сохранять святость заключенного с Персией мирного трактата¹⁹ и поддерживать доброе согласие с сею державою.

9) Буде найдете кого-либо из трухменцев человека верного и скромного, то можете из одного лю-

бопытства послать его в Хиву, для разведания о происходящем там и для узнания расположения к нам хивинского хана; но отнюдь с вашей стороны не начинайте с сим владельцем никаких сношений. Если же бы он сам, сведав о нахождении вашем на трухменских берегах, прислал к вам своих людей с какими-либо поручениями, в таком случае посланных примите сколь можно ласково и, уверив их в самом искреннем расположении г-на главнокомандующего в Грузии к их хану и желании его всегда продолжать дружественные с ним связи, отпустите их от себя довольными. На поручения же, какие к вам будут, если в них заключаться будет важность, не ответствуя ничего решительного, отзовитесь тем только, что вы об оных представите на усмотрение самого г-на главнокомандующего; притом без затруднения согласитесь принять на суда посланцев от хивинского хана, на случай, если бы он сам пожелал отправить таковых в Тифлис к г-ну главнокомандующему. Только в сем случае поставьтесь предварительно выведать о настоящих причинах такого посольства и отклонить оное под благовидным предлогом, в случае, буде бы причины сии признаны вами были несовместными с достоинством империи, дабы избежать, таким образом, всяких открытых неудовольствий и разрыва в сношениях. Сверх того примите меры, чтобы посольство сие, когда оное должно будет принять, не было по обычаю азиатцев слишком многочисленно, для отвращения излишних со стороны казны на оное издержек.

10) В рассуждении вещей, кои из Астрахани на военных судах будут к вам доставлены, также тех, кои вами самими будут в Баку искуплены

и 500 четвертей пшеницы, долженствующей из бакинского магазина погрузиться на судно, я представляю употребление оных собственному вашему усмотрению, т. е. продать их тухменскому народу умеренными ценами, не гонясь за прибытками казны, и некоторую часть даже подарить им, буде по соображению обстоятельств вы признаете сие полезным для будущих предположений правительства.

11) Хотя по встретившимся обстоятельствам и признано много за необходимое продолжить сию экспедицию шесть месяцев; но, как из распоряжений самого г-на главнокомандующего, предназначавшего было заготовление морской провизии только на два месяца, должно заключать о желании его, дабы она без особенной надобности не была продолжаема, то и постарайтесь сколько возможно скорее, окончив все возложенные на вас поручения, возвратиться с судами в Баку.

12) Для привлечения тех из туркменских старшин, коих наиболее нужно к нам привязать, отпускается для подарков им в ваше распоряжение потребное количество экстраординарных вещей, кои по прилагаемому при сем реестру извольте принять от г-на казначея Майвалдова вместе с 1500 руб. сер[ебром], назначенных мною для покупки вами в Баку разных вещей, нужных для продажи туркменам.

13) На собственное ваше содержание во все продолжение экспедиции назначается мною в месяц по 100 рублей, артиллерийским двум офицерам по 45 р., пехотному офицеру при воинской команде из бакинского гарнизона по 60 р. и фельд-

шеру Степанову по 9 р., что все по расчислению на семь месяцев составит 534 червонца и один руб. сер[ебром]. Сверх того отпускается вам экстраординарной суммы 300 червонцев, да на прогоны до Баку и обратно со всеми при вас чиновниками 200 рублей, полагая на 15 лошадей и особливо 500 червонцев для доставления бакинскому коменданту г-ну полковнику Меликову, на закупку морской провизии. Всю сию сумму, заключающуюся на 1334 червонца и 351 р. сер[ебром], вы получите также от казначея г-на Майвалдова, с двумя шнуровыми книгами за моим подписом, в коих должны быть записываемы расходы в отпущенной вам денежной сумме и экстраординарных вещах.

14) Для письменных дел на татарском языке позволяю вам из Баку взять одного мирзу, которому совместно с переводчиком Муратовым назначите пристойное по усмотрению вашему содержание из экстраординарной суммы, а в случае недостатка в оной можете употреблять и ту сумму, которая будет вами выручена за продажу хлеба и разных вещей туркменскому народу.

В заключение же мне весьма приятно присовокупить, что начальство от известных ваших талантов, предусмотрительности и ревностного усердия к пользам службы Его Императорского Величества с уверенностию будет ожидать важных успехов от сей начальству вашему порученной экспедиции и надеется совершенно, что ваше высокоблагородие ничего со своей стороны полезного и достойного уважения не упустите из виду, чем самым вящую снищете к себе признательность высшего правительства.

* * *

29 марта я выехал из Тифлиса. Рюмин оставался для оканчивая некоторых поручений, данных ему Вельяминовым. Я ночевал того числа на Соганлугском посту. Со мной были и провожали меня барон Унгерн, Жихарев, Боборыкин и Соколовский. Мы шли поздно. На рассвете я был крайне удивлен прибытием Якубовича. Он из Карачагей²⁰ выбыл было на первый пост, полагая встретить меня по дороге в Кяхетию; но встретился с подполковником Фирсовым, который сказал ему, что я выехал из Тифлиса по Елисаветпольской дороге. Он пустился меня нагонять, проехал 120 верст²¹ в одни сутки на своем коне и нагнал меня в Соганлуге²². Человек сей привязан ко мне без меры, и всяк, зная его любовь, должен дорожить ею; отличные качества его достойны всякого уважения. Я простился с Якубовичем, прося его выехать к 10-му числу апреля месяца на Мингичаурскую переправу²³, дабы меня встретить. Он мне сие обещался сделать.

30-го числа я ночевал на Салаглинском посту, где поутру 31-го числа навестил меня тамошний пристав Казахинской дистанции подполковник Лапинский. Со мною ехал вместе корпусный обер-священник протопоп Тимофей, который едет через Дагестан на линию.

Прибывши в Шамхор²⁴, я написал к елисаветпольскому окружному начальнику М. И. Пономареву записку, коей просил его о высылке мне лошадей. Он сам находился в то время в 12 верстах от Шамхора, где производил над разбойниками следствие и где он несколько дней уже занимался выживанием саранчи, которая в несказанном множестве носилась по полям Елисаветпольского округа и истребляла весь

хлеб, который нынешний год подавал хорошую надежду жителям своим урожаем. 2 апреля я послал Катани вперед в Елисаветполь²⁵ для заготовления мне квартиры, а за ним и сам поехал. Отъехавши половину дороги, я увидал Пономарева в стороне, в поле, воюющего с саранчой, и посетил его. Старик был очень рад обнять меня, и мы вместе поехали в Елисаветполь, куда и прибыли после полудня.

Я остановился у армянского архимандрита в предместье Килисакянте и в тот же день навестил дом Пономарева, в котором был принят со свойственными сему старику и его семейству ласками и доброжелательством.

3-го числа поутру я занимался бумагами, писал к И. А. Вельяминову, прося его прислать ко мне в Баку описание и сметы строений, предположенных Ладыженским²⁶, который плавал по восточным берегам моря при Екатерине.

Товарищ мой Катани оказывается славным малым. Расторопность его, добрый нрав и способности отличны. Он недаром был любимец генерала Базилевича.

Отобедав у Пономарева, я сходил к вечерне в армянскую церковь, где служил мой хозяин архимандрит; день сей был Вербного воскресенья. Кроме шума, беспорядка и драки, которые происходили от прихожан во время служения, мне весьма не понравился обычай, знаменующий нравы армян. Царские двери были заперты, и после многих молитв и обрядов, священник, говоривший проповедь слушателям, предложил отпереть двери тому, кто больше даст за сие денег, оценив сие в восемь рублей серебром. Аукцион начался. Никто больше не дал, и какой-то старик, верно богач, расщедрился, дал восемь рублей и

отворил двери. За ним весь народ с шумом и дракой ворвался в алтарь, и тем служба и торг кончились.

На вечер Пономарев по старому обычаю своему назвался на праздник ко мне или, лучше сказать, на попойку. Уважая прежнее приятельство наше, я его позвал и человек 20 его приятелей, которых я в глаза не знал. Все были довольны, ибо все перепились, и я довольно рано отделался от сих гостей. Такого рода праздники напомнили мне наше путешествие с Пономаревым в 1819 году, когда я был свидетелем всякий день подобного кабака; но я уже теперь откупился, и будет с них. Срамное празднество такого рода не допускается нами между слугами нашими; здесь же я должен был сделать сие, дабы меня не называли гордецом либо скрягой. Я бы и на сие мнение гостей моих мало посмотрел, если б не хотел сделать удовольствие Пономареву.

5-го приехал сюда из Баку инженер-генерал-майор Хотяев, который, осмотрев свой округ, возвращается в Тифлис.

7-го прибыл сюда из Карабага²⁷ майор Дистерло с женой и детьми, которых он хочет окрестить в лютеранскую веру в немецкой колонии. Батюшка наш отстает от нас; он святил здесь вновь сооруженную церковь, во имя Захария и Елисаветы, и остался погулять на праздниках.

8-го числа я выехал из Елисаветполя, дабы избежать праздника, который опаснее там, чем в других местах, по множеству любящих старые обряды, как то целованье и пьянство. Я прибыл ночевать на первую станцию Куракчай, откуда генералы Мадатов и Базилевич только что выехали. Первый из них ездил для обозрения трех ханств, ему вверенных, а второй для смотра артиллерии.

Приехав рано на станцию, я ходил в тот же вечер на охоту с ружьем, видел множество дичи; но не удалось ни по одной из них выстрелить; дичь же, водящаяся в тех местах, есть джейраны, олени, фазаны, куропатки, зайцы, лисицы, шакалы, кабаны, иногда встречаются и барсы. Стоя в кустах, какой-то зверь пробежал мимо меня; я не мог его видеть за густотою березы, но по шуму, с которым он пробежал, и по топоту ног его я полагал, что то должен был быть немалый зверь.

9-го. Армянин, высланный от Пономарева, выставил лошадей только на Кургулачае, а на Куракчае и не показался. Я послал на Кургулачай, чтобы его с лошадьми привели на Куракчай, и сам поехал; встретив его, связал и вел пешего на веревочке до самого Мингичаура²⁸; на станциях же сажал его в колодки. Неповиновение жителей к начальникам сих областей невероятно; причиною же сему беспечность и корыстолюбие наших, угнетающих бедных и не обращающих внимания на проступки богатых.

10-го числа, в день Воскресения Христова, я выехал из Мингичаура и переправился через Куру. Нухинский комендант Старков выставил для меня тут лошадей и послал со мной сына одного старшины до границы Ширванской.

12-го меня нагнал князь Мадатов, который ехал из Нухи²⁹ в Ширван³⁰. Он посадил меня в коляску и довез до Новой Шемахи³¹, где мы ночевали в деревне Татарской, отстоящей на три версты от поста. Тут мы нашли Макаева, пристава Ширванской области, грузина, необтесанного, необразованного, безграмотного, который держится различными неправдами на своем месте. По изгнанию Мустафы-хана из его богатых владений, армяне и грузины, жадные к день-

гам, заняли все места, до управления касающиеся; насилие, воровство и грабеж водворились в ханстве. Одна казна получает ежегодного дохода от Ширванского ханства 125 000 червонцев; но народ обременен тяжелыми податями и угнетен откупщиками. Все возможные рукоделия, промыслы и занятия платят величайшие откупа; при хане даже женщины были на откупе, и когда некто из жителей хотел жениться или взять наложницу, то он платил откупщику деньги. За девку цена откупная была выше, чем за женщину.

Прибыв в вышеупомянутую деревню и найдя круг подлых людей, в который я попался, я бы не медлил ни минуты оставить оный; но мне хотелось чрезвычайно видеть город Фитдаг³², новую столицу хана, и потому я решился потерпеть сутки.

Мадатов, представлявший из себя вечно шута в Тифлисе, мне очень нравился своими суждениями в сем месте, где ему не было никакой нужды представлять шута. Он судил здраво и основательно.

13-го числа я отправил выюки с Катани по большой дороге, и сам поехал с Мадатовым в Фитдаг. Мы ехали чудесными местами, обработанными, плодоносными, орошенными свежими водами. Гористые места сии заслуживают внимания: они единственны красотою и богатствами своими. Переезд был 40 верст; мы все поднимались к Кавказским горам и приехали к подошве скалы, на которой построен Фитдаг. Въезд чрезвычайно трудный; около трех верст дорога идет извилинами по скале и очень крута; на вершине же стоит, среди вечных туманов, ханский бывший замок. Он выстроен наподобие всех домов вельмож в Персии, известных в прежних описаниях моих. Пестрая живопись, без вкуса и без знания, яркими цве-

тами своими поражает приезжего, и весь убор дворца сего, почитающейся у азиатцев пышным, может назваться бедным и странным. Самый город Фитдаг лежит несколько пониже за замком и весь в виду сверху. Он дурно выстроен и состоит весь из лачуг.

14-го я отправился из Фитдага, где провел время весьма неприятно и скучно; спустился с гор и приехал в Старую Шемаху. Я ехал местами несравненно лучше тех, который ведут из Новой Шемахи в Фитдаг. Сады, луга, воды все было прелестно и, можно даже сказать, единственно. Правительство наше хочет перевести жителей Фитдага в Старую Шемаху и населить снова древние развалины и величественные здания прежней столицы Ширвана; но жители охотно желают населить Новую Шемаху, дабы быть среди своих кочевых единоплеменников. Они не постигают своих выгод, и правительство понудит их к переселению в старый город, где воздух гораздо здоровее, чем в новом. Переменив лошадей, я следовал далее и прибыл ввечеру на Морозинский казачий пост, где меня Катани с вьюками дожидался.

16-го я приехал в Баку и остановился на той же квартире, на которой прежде с Пономаревым стоял. Я обедал у коменданта Меликова. Суда, назначенные для отплытия со мной, еще не прибыли из Астрахани, и полагают, что они не прежде 10-го числа будущего месяца сюда придут. Корвет³³ за несколько дней до прибытия моего сюда отплыл в Сару³⁴. Он так сделался худ, что не в состоянии более плыть, и потому ни Басаргина, ни его офицеров — никого здесь не было. Один отец Тимофей только здесь находился. Остолопов, командир шкоута³⁵ «Св. Поликарп», женился на дочери таможенного начальника

Александровского и находится здесь, ожидая получения отставки.

17-го приехал сюда генерал-майор Базилевич из Кубы. Я провел три дня с ним вместе. Он мне во все время пребывания здесь также нравился, как и в Тифлисе. По приезде сюда я взял к себе опять в мирзы, или письмоводители, для турецкого языка здешнего жителя Магмед-Гуссейна, который с Пономаревым был в 1819 году в Туркмении. Для конвоирования моего в Туркмению отправляется со мной 50 человек здешнего гарнизона, а также прапорщик Кузьмичук, который со мной ходил в 1819 году.

18-го я был посещен всеми властями здешними, которые немало надоедали мне, но которых должно было принять. После обеда я ездил с Базилевичем на огни. Я заходил в кельи к индейцам, у которых горел во всякой комнате огонь. Пламя, поднесенное к отверстиям труб, проведенных в комнаты, зажигало испарение водотворного газа, из оных исходящее³⁶. Я видел нынешний раз их образа. Мнение, что они поклоняются идолам, совершенно ложно: они к ним имеют то же уважение, как и мы к образам, и видят в них только изображение божества. Бог изображается у них куклой, наряженной в парчовом платье, сидящей на престоле вышиною в полфута. Кукла сия поставлена в углу комнаты на небольшом подножье и завешена занавесью; она окружена разными вещёнками, вышитыми шелком и выкрашенными довольно пестро, которые они называют изображениями святых угодников. Весь сей столик величиною в полтора фута квадратных³⁷ и довольно схож на лавку с детскими игрушками. Перед сим столиком стоят два колокольчика и раковина с двумя отверстиями. Они дуют в нее и, производя звук, подобный мы-

чанию быка, ссылают друг друга на молитву. Огню они не поклоняются, а видят в нем одно из начал всех вещей в природе и считают его за самое лучшее и чистое создание Бога. Они варят на сем огне и осведомляются им, что ясно доказывает, что они не разумеют в нем Создателя. Известие сие я узнал от старосты их, индейца, который, живучи уже несколько лет в Астрахани, выучился порядочно говорить по-русски. Когда индейцы подносят огонь для зажигания одного на жертвеннике, стоящем среди двора керван-сарая³⁸, в котором они живут, то они производят очень скоро и часто: «брам, брам, брам, брам» нараспев.

Я заходил в келью одного индейца, которого я видел в прошлом году голого, сидящего над огнем. Он также был и нынче совершенно голый; детородные части одни только были подвязаны в небольшом кошельке. Изнуренное, высохшее тело его показывало мученика. Он был заперт в келье; я отворил ее, он выбежал и с бешенством начал ругаться за то, что я вошел к нему. Сидя таким образом уже шесть лет взаперти, он помешался. Я удивился, каким образом люди могут жить так долго в нужде и в праздном положении. Он ничего не имеет в своей келье, кроме огня, который вечно горит среди оной на земляном полу. Другого я видел, который готовился в священное звание; у него было продеты в оба уха два больших деревянных блока, имеющих в поперечнике до 3 дюймов и в толщине до полдюйма. Самого первосвященника их в то время тут не было. Волосы на голове имеют четыре аршина длины³⁹.

19-го. Мы все обедали у плац-майора⁴⁰, а после обеда ездили на транспорт, содержащий здесь бренд-вахту⁴¹. Им командует лейтенант Юрьев, Семен

Михайлович, брат того, который был с нами в экспедиции 1819 года. Того же числа поутру я ходил с Базилевичем на Девичью башню⁴², построенную в отдаленных временах на берегу моря. Она имеет до 20 сажен в вышину и до 5 в поперечнике⁴³. Неизвестно, кем она построена; она служит теперь маяком для судов, плывущих в Бакинский залив.

Теперь бывает у меня с утра до вечера Киат, который несказанно обрадован моим прибытием. Он встречал меня и обнял с душевной радостью. Переводчик Петрович еще не прибыл; он просрочил отпуск свой в Дербенте, и я принужден был писать к тамошнему коменданту Бухвостову, чтобы его выслали ко мне.

20-го поутру очень рано Базилевич уехал отсюда на Старую Шемаху. Я обедал у Александровского, таможенного начальника. Я там свиделся и разговаривал с человеком, которого я все эти дни у коменданта встречал — Алексеем Федоровичем Каминским. Он прислан сюда из Оренбурга для следственного дела над таможней бакинской. Он говорил, что у них было известно о моей поездке в Хиву, что в то же самое время был послан от их главнокомандующего Эссена чиновник переодетый в Хиву, которого шесть месяцев держали взаперти, стращали смертью и, наконец, выпустили. Сей чиновник был в Хиве в одно время со мною. Его оттуда вывезли ночью, дабы он не видал города. Сей самый чиновник говорил мне о посольстве в Бухарию, отправившемся под предводительством Негри⁴⁴; отряд, из 400 человек и двух орудий состоящий, провожает их. Негри, говорят, чрезвычайно боится; заготовления же их в дорогу были огромны.

22-го. Я ходил по крепостной стене и заходил в развалины шахского дома и мечети, подле него вы-

строенной. Я дивился красоте и величию сих развалин, служащих памятниками пышного владельца. Нельзя почти поверить, чтобы здания сии были произведения азиатцев. Искусно выведенные своды и подписи, высеченные с отличным радением на камнях, показывают опытных и знающих зодчих.

23-го. День святого Георгия. Здешние майоры придрались к крестику в полукруге⁴⁵, который в календаре был, и все утро надоедали мне. Скучные поздравления сии продолжались до вечера: мне ничего не дали делать, и к вечеру я мог только спастись от них в бане у плац-майора.

24-го придрались к воскресенью и также все утро ничего мне не дали делать. Ввечеру я был на транспорте и смотрел удобства сего судна для вмещения тяжестей и команды, принадлежащих к нашей экспедиции. Вчера Киат меня удивил своею искренностью. Ему хотелось признаться, а, между тем, признание сие ему тяжело было; наконец он решился и сознался мне, что когда я из Красноводска отправлялся в Хиву и сторговался с Сеидом за 40 червонцев, то он пользовался из сего числа шестью и Петрович шестью, что у них дело сие было прежде сговорено. И так в самое время отправления моего я был уже почти продан, и кем же? Теми людьми, на которых я должен был всего больше надеяться. Петрович — сущий армянин. Киат признался мне и просил у меня прощения. Я велел ему раздать сии шесть червонцев бедным, и он с удовольствием принял сие на себя, говоря, что он уже больше шести червонцев раздал, но и еще сии шесть раздаст.

27-го. День рождения великого князя Константина Павловича; здешние герои опять все перебывали у меня и отняли у меня все утро.

Я ходил купаться в море. Ввечеру приехал из Дербента Петрович. Расспросив обстоятельно о его поведении, я узнал, что он делал разные мерзости. Первая была та, что, получив в Тифлисе содержание на десять человек, по приезде сюда содержал их только восемь, требовал от коменданта здешнего содержания на туркменов и выгадал тем за те два дня содержание, т. е. 10 рублей серебром. После того, получив здесь содержание на 12 дней, он только выдал Киату на 10 дней, что ему составило еще 10 рублей серебром. Он просрочил время отпуска своего. Сии мерзости и еще многие другие были причиною, что я его посадил на гауптвахту, где я намерен его порядочно выморить.

30 апреля ввечеру я велел выпустить с гауптвахты Петровича. Он признался в деньгах, которые от Киата взял во время отправления в Хиву; только я узнал от него сие дело иначе: из 40 червонцев, за которые сторговался с Сеидом, Киат ему, Сеиду, дал их только 20, себе же взял 12, а Петровичу восемь. В сей черте обнаруживается нравственность туркменов и армян.

1 мая я пускал пробные ракеты из приготовляемых для моей поездки на туркменские берега; они удались очень хорошо.

2-го я был ввечеру у плац-майора, чтобы не возродилась у этих людей мысль, будто я от гордости с ними не знаюсь. Саранча, которая здесь было завелась на полях и истребляла хлеб, вся погибла на сих днях от холода и дождя. В Эриванской области, недалеко от Эчмиадзинского монастыря, есть один колодец, около которого живут особого рода дрозды; когда саранча истребляет поля, то жители отправляются к сему колодцу, покупают за большие деньги несколько чаш сей воды у персиян и, привезя ее на свои поля, выливают ее; за сей водой прилетают большие стада

сих скворцов, которые истребляют саранчу. Я сам не видал сих птиц, но говорят, что они сероватого цвета и имеют на крыльях перья розового цвета. В Ширване в нынешнем году много сих птиц.

3-го приехал сюда ввечеру из Елисаветполя отец Петр, который пенял мне, что я не дождался в Елисаветполе праздников, говоря, что весело было до крайности: ели и пили славно и наплясались досыта.

5-го я получил при летучей карте⁴⁶ бумаги от И. А. Вельяминова. Он прислал ко мне описания и сметы майора Ладыженского и предписание к коменданту и капитан-лейтенанту Николаеву, дабы они снеслись между собою о продовольствии людей, имеющих быть на судах, и чтобы последний, т. е. Николаев, довольствовал бы всю эскадру своим провиантом из саринского магазина.

Ссора и раздор поселились со вчерашнего дня между моим мирзой и Петровичем. Дабы взбесить мирзу, алчного как всякий азиатец к деньгам и пристающего ко мне нахально, чтобы я ему денег много дал, я поздравил Петровича при мирзе с 20 червонцами в месяц, будто назначенными ему от Вельяминова на столовые издержки. Мирза поверил и с тех пор при мне все ссорится с Петровичем; за моими же глазами подличает перед ним и просит у него покровительства.

8-го я получил по летучей карте предписание от Вельяминова-старика, коим он уведомляет, что предписал согласно требованию моему барону Вреде в Кубу прислать мне из своей бригады восемь палаток для команды, которая отплывает со мной; также он предписал в Дербент инженерной команде о выдаче мне нужного шанцевого инструмента⁴⁷. Вчера внезапно умерла здесь от родов жена почтмейстера Жданова, оставив большое семейство.

9-го. Вчера ввечеру, легши в постель, я услышал на карнизе в своей спальней шорох, продолжавшийся довольно долго; я полагал, что штукатурка сыпалась от потолка на бумагу, тут лежащую. Я встал и, высмотрев все углы, увидел сороконожку, которая по стене вверх ползла и укрылась в щелку. Я в первый раз видел сие противное и опасное насекомое. Его можно причислить к ядовитым змеям; оно длиною в четверть аршина⁴⁸, толщиной с большого червяка и имеет множество коротких ног, проворно ползает, похоже на змею и бросается так же, как змея, дабы ужалить, если ее тронешь. Тело и ноги не имеют пуху, но гладки и такого же рода, как у лягушек. Вчерашнюю убили.

10-го. Я ходил ввечеру прогуливаться в сад одного армянина Григорьева, единственный сад, который в Баку имеется. Он разведен за армянским форштадтом, невелик, но будет довольно хорош. Но издержки, потребные на разведение и содержание сего сада, превосходят выгоды от него получаемые, и хозяин занимается им только для своего удовольствия по охоте своей к садоводству, нажив себе от торговли персидской хорошее состояние. Весь сад наполняется водой из одного колодца, из которого вода добывается посредством кожного мешка, достающего по 25 ведер воды в один раз и выливающего ее в бассейн, к которому проведены водопроводы. Колодец глубок, он имеет до восьми или 10 сажень⁴⁹ глубины. Простая машина, которой достается вода из колодца в большом количестве, скоро движется посредством одной лошади.

13-го. Я получил письмо из России. Меня извещают, между прочим, о выезде Алексея Петровича из Петербурга в Лайбах⁵⁰ к государю около 1-го числа апреля.

Здесь командир гарнизонного батальона майор Кандауров давно уже, с самого прибытия моего, повадился ходить ко мне всякое утро и всякий вечер и, докучая мне глупейшими разговорами, не дает ничего делать. Калитка моя запирается накрепко от всех гостей, и особенно от него, а часовому приказано не пускать его. Невзирая на то, он врывается ко мне, когда отворялась калитка для впуска смен. Часовой не смел не пускать его, боясь наказания. Нынче он нашел новую дорогу: идя по стене городской, он пробирается по крышам ко мне. И тут нашлось средство: я снимал лестницу, приставленную с моего двора, и он оставался на крыше. Вчера особенно, возвращаясь домой ввечеру, мне сказали, что Кандауров стережет меня на крыше соседа. Не могли войти в комнату, я принужден был бежать из дома как от чумы. Он видел сие, но не перестает докучать и по-старому будет продолжать врываться на крыши соседей.

15-го. Я получил из Кубы восемь палаток для своего отряда. Лейтенант Остолопов получил предписание от эскадронного⁵¹ командира удовольствовать отряд морской провизией из бакинского морского магазина. Итак, по прибытии судов кажется, что не должно быть остановки в моем отпращивании. Ввечеру я допустил Кандаурова до меня и удовлетворил его, позволив ему долго и много поговорить; но зато он теперь опять будет долгое время ходить ко мне по крышам без всякого успеха.

16-го я достал себе клавикорды от Квитковского, здесь таможенного чиновника; они все были в несчастном положении. Я исправил их и теперь могу с удовольствием провести вечер, занимаясь музыкой.

17-го. Вчера приплыло сюда из Решта⁵² пятеро индейцев, путешествующих уже год из своего отечества к бакинским огням.

Вечеру я ходил смотреть учение команды, назначенной к отплытию со мной. Кандауров выбрал, кажется, самых плохих, старых и слабых людей в мой отряд; они понятия не имеют о выправке и учении. К сему клонились непрерывные и несносные посещения его и услуги. После того я ходил смотреть борьбу здешних жителей и удивлялся ловкости, силе и искусству некоторых борцов.

20-го я получил письмо от Базилевича из Тифлиса, коим он уведомляет меня о слухах, ходящих про Алексея Петровича, что он будет начальствовать 80-тысячным корпусом в Италии; также, что половина гвардии выступила в поход.

25-го я не мог глаз сомкнуть во всю ночь по причине жару и мошек, которые начинают становиться очень сильными в Баке. Вставши до рассвета, я ходил смотреть учение моего отряда. Люди поправляются и, имея сильную охоту идти со мной, прилежны.

27-го я делал учение артиллеристам, идущим со мной; никто из них своего дела не знает, и всякий боится орудия. Фейерверкер⁵³, командуя орудием, стал перед ним в самое время выстрела и был обожжен порохом порядочным образом. Я вчера делал пробу над верблюдами, применял их к орудию, впряг, и они повезли орудие очень хорошо. В Туркмении мне не будет другого средства возить орудие свое и тяжести, как на верблюдах. В скорых движениях передние верблюды не могут служить; они слишком вялы для сего; но я доказал вчерашним опытом, вопреки обыкновенного мнения, полагающего невозможным все то, что в первый раз делается, что верблюды могут очень хорошо орудия возить.

Вчера я отпустил Петровича в домовый отпуск в Дербент на 17 дней сроку.

28-го был у меня один иностранец, приехавший сюда третьего дня. Имя его Черфало. Он шкипер⁵⁴, родом с острова Занта⁵⁵, семи островов. Он ездил по всему свету и теперь приехал сюда из Индии через Багдад и Персию, едет через Астрахань в отечество — грек, вроде армянина, говорит дурно по-французски и, кажется, неважного происхождения. Он называет себя родственником Каподистрии, и если с ним увидится, то будет, так же, как и его земляки, пользоваться большим жалованьем при хорошем месте от нас, и он приумножит число непотребных иностранцев, преимуществующих при денежных местах в нашем отечестве.

29-го приплыл сюда из Сары транспорт, содержащий здесь брандвахту. На нем прибыл эскадренный командир Семен Александрович Николаев нарочно для отправления и осмотра судов, долженствующих из Астрахани прибыть. С ним прибыл и бывший командир морской артиллерии на корвете⁵⁶ лейтенант Линицкий.

30-го. Был у меня Николаев и сын его, которого он посылает в экспедицию на туркменские берега.

31-го. Я делал учение артиллеристов своих из пушки ядрами в цель. Из восьми пять попало в мишень. Я не надеялся на такое удачное учение от гарнизонных, которые уже давно не приступались к орудиям.

1 июня я выводил дивизион свой к сделанной мишени и приучал людей к стрельбе в цель глиняными пулями; стреляли довольно хорошо и гораздо лучше того, чего можно было ожидать от людей, непривычных к своему делу.

2-го я обедал на транспорте у лейтенанта Юрьева, после чего ездил на гребном судне к затопленному караван-сараю, о котором я упоминал в первом путешествии своем в Баку. Караван-сарай сей ныне всякий год показывается более из воды; море понижается, и в течение восьми лет он уже около аршина показался; жители не знают по преданиям своим, когда строения сии были затоплены.

6-го ввечеру я ходил пешком со своими и морскими офицерами в Шихову деревню, которая лежит на берегу моря в семи верстах отсюда на юг; назад же мы возвратились на катере шкоутном, который нас дожидался в Шиховой деревне. Мы прибыли на транспорт поздно и остались там ночевать. Шихова деревня замечательна по мечети⁵⁷, имеющейся в ней. Мечеть сия выстроена чрезвычайно хорошо и нравилась бы красотой своей, правильностию и вкусом в Европе. Она построена из больших точеных камней. Минарет имеет более десяти сажень в вышину. Резная работа на камнях удивительная; в мечети похоронена дева⁵⁸, коей тело из Гиляна⁵⁹ привезено и которую мусульмане называют святой. Ей приписывают много чудотворных свойств в исцеливании больных; женщины бесплодные тоже отправляются на богомолье в сию мечеть и, переночевав в ней, возвращаются к мужьям своим беременные. Много могильных памятников окружают сию мечеть; между прочими надгробный памятник Фет-Али-хана Дагестанского, которого тело было отрыто до пришествия русских и отвезено в Персию. Деревня состоит из десяти дворов, поселенных в обширных развалинах большой деревни. Вид странен и печален: камни грудями лежат между скалами и морем; никакая зелень не оживляет сего печального зрелища.

Идучи дорогой с Шиховой деревни, я останавливался смотреть нефтяные колодцы, из которых один находится в море около берега. Нефть набирается в деревянный сруб, поставленный в воде.

10-го. В день рождения Н[атальи] Н[иколаевны] М[ордвиновой] я ожидал непременно радостного известия, и в самом деле судно казенное, из Астрахани плывущее, показалось на горизонте моря.

11-го к вечеру прибыли сюда мои суда из Астрахани: транспорт «Кура» и пакетбот⁶⁰. Командира последнего судна, капитан-лейтенанта Ратькова я довольно поздно видел у Вартанга; он был так пьян, что с трудом мог на ногах стоять.

13-го поутру явился ко мне Ратьков. Он был в хорошем положении. Суда, прибывшие сюда, не привезли провианта. Сие несколько затрудняет наше отправление, ибо они запасены только на три месяца на свою команду; посему Николаев вступил в сношение с комендантом, дабы заменить недостаток в морской провизии другими съестными припасами. Морские чиновники довольно медленно готовятся и задерживают тем мое отправление. Лейтенант Ладыженский⁶¹, командир транспорта, сменяется лейтенантом Юрьевым.

Вчера, 20-го, прибежал ко мне один татарин, который в соседстве нашем живет, и бросился к ногам моим просить защиты, дабы я ему возвратил жену его. Он сам без малого полоумный, слепой и в лице имеет нечто зверю подобного, впрочем, здоровый, хотя и отвратительный мужчина лет 33. Жена его ребенок лет 12 или 13. Аббас, муж ее вышеописанный, часто бивал ее; на сих же днях, пришедши домой, спросил плову. Жена его плову не изготовила, он начал ее бить, на крик ее мать прибежала и увела дочь свою. Аббас же огорчен крайне сим случаем, потому

что лишился, может быть, каких-нибудь золотых украшений, бывших на шее у жены его. Он просил меня, чтобы я дал ему солдата, которому он хотел показать жительство своей жены, дабы он ее насильно привел назад. Я посылал его к плац-майору. «Дай мне денег, — говорил он, — к плац-майору без денег ходить нельзя». Наконец я его уговорил идти и не знаю, чем сие дело кончилось. Вот пример здешних браков, обхождения с женами и корыстолюбия.

23-го. Случилось со мною происшествие довольно неприятное. Я был посещен Остолоповым, который начал уверять меня, что бараны, о которых уже несколько раз дело было, были украдены в 1819 году с острова Огурчинского⁶² не его людьми. Остолопов ссылаясь на Кузмичука, который тогда находился на его судне. Так как и прежде сего Остолопов на него ссылаясь, я спрашивал Кузмичука, который сказал мне, что пять баранов точно было привезено с Огурчинского; но на Огурчинском бараны пасутся всегда одни без пастухов, и потому бараны сии, выходит, краденые. Когда я сказал Остолопову, что Кузмичук видел привезенных с Огурчинского баранов, он стал выражаться сильными бранными словами на его счет.

К тому времени пришел ко мне Иван Степанович Линицкий пьяный и стал жаловаться на дурное мнение, которое начальство имеет о морских офицерах, полагая их торгашами (что совершенно справедливо). Он очень огорчился выговором, который получил Басаргин за многие поступки его, описанные в моем журнале 1819 года, и, ссылаясь на меня, вышел из должного уважения. Я сперва принял его слова в шутку, так как и всегда принимал; но, видя, что он не перестает, я просил его молчать. Он замолчал и ушел.

Мне слова Остолоповы были очень неприятны. Не желая увеличить шуму, я смолчал; после обеда же написал к Остолопову записку, в которой, напоминая ему его изречения, я просил его быть осторожнее вперед. Записка моя была довольно колкая; я полагал, что после сего не остается больше ничего, как вызвать на поединок. Остолопов пришел ко мне ввечеру и извинился, говоря, что никогда у него не было намерения огорчить меня. Я забыл прошедшее, взяв себе за правило то, что уже давно и несколько раз повторял себе, не называть гордостью со своей стороны сухое обращение с людьми, принадлежащими к обществу, мне неприличествующему.

24-го я служил молебен на берегу моря с командой, отплывающей со мною, после чего мы все были у коменданта на завтраке, а потом перебрались на транспорт. Ввечеру я занимался отправлением бумаг и писем, писал между тем и к Алексею Петровичу. После того я послал предписание Ратькову на пакетбот при первом попутном ветре сняться с якоря, плыть к Нефтяному острову⁶³ и остановиться в бухте, находящейся в южной стороне сего острова. Первое намерение мое было пристать к этому острову с западной стороны, дабы быть ближе к Красноводску; но после, посоветовавшись с Ратьковым, я решился пристать с южной стороны, хотя и путь далее, потому что с западной стороны пристанище наше не было бы ничем прикрыто и сообщение с берегом затруднительно. Командир транспорта «Кура» (на котором уместилась вся команда и Киат) лейтенант Юрьев; мичмана у него Николаев и Макаров; сверх того есть еще один артиллерийский офицер и штурман. Юрьев сам, кажется, благородный человек. Командир пакетбота и нашей эскадры лейтенант Ратьков человек не-

трезвый, но хороший и исполнительный офицер; при нем тоже три офицера; судно его по малости своей не могло принять ни одного человека. Священник нашей эскадры у него находится. По-видимому, должна наша экспедиция хорошо кончиться: усердие и единодушие у всех равные.

Транспорт «Кура», 26 июня 1821 года

25 июня в 9-м часу утра мы снялись с якоря с S.W. [юго-западным] ветром и шли тихо так, что сегодня поутру мы находились в двенадцати милях от Наргена, который мы вчера обошли с левой стороны, между сим островом и Вульфом⁶⁴, оставя в левой стороне подводные камни, по которым сей пролив считается опасным; пакетбот обошел Нарген с правой стороны. Пройдя остров, суда шли рядом в близком расстоянии одно от другого. Проходя мимо Наргена, мы видели осыпь обожженных камней на нем и ямы, происшедшие, вероятно, от извержения огненного, виденного из Баку на сем острове за несколько дней перед моим отплытием.

26-го мы шли довольно хорошо попутным ветром и были бы ввечеру на восточном берегу моря, если б пакетбот, который от нас во весь день отставал (с намерением или без намерения), не понудил бы нас сблизиться; мы поворотили к нему и до вечера шли назад; в полдень же мы была под широтой 40°25'10"92 .

Челекенская южная бухта

27-го мы увидели Челекенъ, или Нефтяной остров, который по счислению курса мы уже давно прошли (так неверны карты). Мы видели на западном берегу острова две кибитки в одном месте и множество дру-

гих чрез косу Дервишскую, на южной стороне Челекенского острова. Нам следовало обойти длинную косу, идущую от Челекена на юг, коей продолжение называется Дервишем, потом пройти между Дервишем и Огурчинским: место неизвестное, в котором мы ударились о мель, идучи с корветом⁶⁵, и которой мы пройти не могли. Юрьев не решился, боясь на мель наткнуться; я уговорил его пуститься, и мы прошли с большой опасностью по двум сажням глубины. Пакетбот прошел за нами, придерживаясь ближе к Дервишу, где, по словам жителей, больше глубины. В сем проливе, на середине, есть подводный остров, по обеим сторонам которого купеческие суда проходят с грузом. Пройдя пролив, мы повернули на север и ввечеру легли на якорь на глубине трех сажен, верстах в четырех от берега. Мы были посещены в тот вечер вторым сыном Киата Хидыром и другими туркменами, которых, накормив, я отправил назад, кроме Хидыра и Хевеса. Известия, доставленные нам ими, были следующие: туркмены хорасанские выгнали шах-заде⁶⁶ из Мешед — слух, который всякий год повторяется у туркмен. Некоторые из старшин иомудских⁶⁷ были побиты текеями в набегах, которые первые делали на последних по приказанию шах-заде Астрабадского. Другие из старшин иомудских были разграблены туркменами, поколение кёклен, нападавшими на них. В Красноводске нет никого жителей, кроме рыбаков. Старший сын Киата Якши-Магмед, отправленный из Баку до моего прибытия на купеческом судне к Серебряному бугру за рыбным промыслом, приезжал в Челекень, окончивши свои дела, и уехал на том же судне в Баку. На Челекене не имеет-ся ныне более 80 или 100 дворов; водой они нуждаются и то пьют дурную, горькую и соленую из колодцев.

Лень их причиной сему: они не хотели построить плотину против дождевой воды, которая могла бы, как обыкновенно, доставить им пресную воду из копаней.

28-го мы снялись с якоря, обойдя косу, тянущуюся с запада к востоку в близком расстоянии от берега, остановились на якоре в одной версте от кочевья. Пакетбот же наткнулся на косу и принужден был заводить якорь на гребном судне, дабы сняться с оной. Я ездил на берег и был принят со всевозможным приветствием Киатом; для меня была очищена прекрасная кибитка, которую убрали богатыми коврами; народ был собран около нее. Оказывая Киату особенное уважение, сказав туркменам приветствие и объявив им о почтении и послушании, которое они должны ему оказывать, я нашел во всех готовность к исполнению выгод наших. У кибитки моей был поставлен караул, на берегу же артиллеристы учились ружьем и были готовы в случае тревоги вступить в кочевье. Пробыв несколько времени в кибитке, я послал созвать к себе всех старшин и стариков, поговорил с ними и, найдя их всех готовых к исполнению видов наших, простился и ушел, объявив им о хлебе, который со мной находился, и о других вещах. Цену сему хлебу я принужден был положить очень дешевую, потому что незадолго до приезда нашего персидские суда привозили в Челекенъ хлеб из Мазендерана⁶⁸ и продали его по дешевой цене. Желая, чтобы мой хлеб хоть несколько дешевле был, я положил цену по три реала за восемь пуд⁶⁹, или по шесть рублей ассигнациями за восемь пудов. Киат обещался мне купить весь хлеб в случае, если жители не возьмут его. Из старшин, собравшихся ко мне, главнейшие были мулла Каиб и мулла Мириш, у которого пропали бараны на Огурчинском острове. В третьем часу, распорядивши все, что нужно мне бу-

дет в Красноводске, я поехал назад на судно. Ввечеру же дал предписание Ратькову, чтобы он послал гребные суда для промера глубины в проливе между Дервишем и подводным островом, находящимся между Дервишем и Огурчинским. Ратьков сам приезжал к ним и распорядился для исполнения сего, назначив два гребных судна и четырех офицеров.

29-го я поехал с Катани на верблюдах на средину острова. Первое мое направление было несколько отклоняясь к западу от севера. Проехав семь верст голый равниной, я выехал в горы, которые тянутся с восточной оконечности острова на западную. Горы сии заключают необыкновенное количество нефти; во многих местах нефть с давних времен, вытекая из колодцев, окаменела и образовала целые бугры и большие нефтяные камни. Из ущелий вытекает речка с соленой водой, которая, спустившись на степь, теряется в земле. Воды сии вытекают из родников и влекут с собою нефть, которая останавливается в больших вырытых для сего ямах, выпуская снизу воду. С вершины горы я поворотил налево и ехал по хребту еще верст восемь. Мне открылось море и северный залив Челекени; я не мог видеть северной косы и Красноводска, потому что погода была не ясная, но я был не более как в пяти верстах от северного берега, покрытого высокими песчаными буграми. Весь хребет, склоняющийся к западному берегу, усеян нефтяными колодцами, принадлежащими разным хозяевам. Сверх того собрал я несколько камней, весьма похожих на антимоний⁷⁰; по всем признакам их можно там найти в большом количестве. Сверх сего еще имеется там земля, которая, будучи разведена на воде, дает краску рыжего цвета. В двух местах я видел тоже ручьи горячей воды, вытекающей из

нефти, которые должны заключать серу; жители говорят, что воды сии целительные.

В том месте, где сия цепь кончается, остров выдается мысом. На сем мысу особенные горы, которые отделены от цепи и другого цвета и свойств; в них есть обрывы и значительные крутизны, в которых солевые и горячие воды в смеси с нефтью падают каскадами, что составляет довольно приятный вид. От сих гор я поехал к двум кибиткам, находящимся южнее при колодце Лачин, верстах в двух от моря, а оттуда возвратился к кочевью Ах-Акен. Я имел с собою компас, посредством которого я сделал глазомерную съемку тем местам.

30 июня в полдень я начал съемку южного берега Челекена, от места стоянки нашей влево до косы Дервишской, и ночевал на вершине залива, называющегося Карагёл.

1 июля я пошел на юг по косе. Сильнейший жар и глубокие пески меня совершенно изнурили; вода наша приходила к концу, и мы находились в нужде; жар и пески утомили меня до того, что я два раза, выбившись из сил, принужден был лечь, не могши ни шагу вперед подвинуться. Того же числа, ввечеру еще несколько, я расположился лагерем на западном берегу косы; видел гребные суда, отправленные с мичманом Николаевым для промеривания пролива между Дервишем и Огурчинским; я делал ему залпы из ружей, дабы он пристал к берегу, но он продолжал путь свой и отозвался тем, что не видал моего сигнала. Туркмены, коих при мне было 9 человек для услуги, были мне только в тягость: хотя я им раза четыре до отправления моего приказывал взять с собою воды, отвечая с своей стороны за продовольствие их, но они взяли воды только на полсутки, в

море выпили ее и стали приставать ко мне за оной. Пятерых отослал я назад, а четверо со мной остались; продовольствие, которое я им давал, они отправили в кочевье свое, а у меня еще просили. С отправленными туркменами я послал записку к Ратькову, прося его о присылке ко мне воды и лодок для отплытия назад.

2-го поутру я продолжал съемку с окончности косы и увидел плывущие ко мне два гребных судна; они привезли ко мне воды. Окончивши съемку, я отправился назад и после полудня прибыл на суда. Солнце обожгло плечи мои и спину до такой степени, что я с трудом мог поворачиваться.

Дервиш соединен с Челекенью, но на перешейке, соединяющим их, видны следы моря. Рыбы, оставшиеся на сем перешейке, доказывают сие. Коса имеет около 15 верст в длину и двух в ширину; пески покрывают почти всю косу, на коей копанцы оказываются все с соленой водой. Между тем как я занимался съемкой косы, Рюмин ездил во внутренность Челекени и снял вид с каскада горячей минеральной воды, находящегося в западной стороне оногo; а мичман Николаев нашел фарватер в три сажени между Дервишем и Огурчинскими островами.

3-го числа я не съезжал с судна; хотел отдохнуть от трудов, понесенных мною, но не удалось. Я наносил съемку свою и изговлялся к другой. Лейтенант Ратьков между тем занемог очень крепко: с ним сделался припадок сумасшествия, как и прежде с ним бывало, от неумеренности в питье.

4-го около полудня я съехал на берег и пошел направо южным берегом Нефтяного. До вечера я прошел около десяти верст и остановился ночевать на берегу; со мной ночевали и два гребных суда, которые

были посланы под начальством Николаева для измерения глубин. На сем переходе я шел мимо древнего кладбища, называющегося Огумене; оно расположено на бугре, около могилы Огумене (название женщины, которой туркмены приписывают святость); могила сия обложена черепицами и рогами от горных баранов; сии рога тоже воткнуты в землю над всеми другими могилами. Остовы похороненных людей все снаружи, потому что ветер смел песок, в котором они были зарыты.

5-го числа я пошел далее на восток и дошел к вечеру до оконечности острова по глубоким пескам, имея на юге залив, окруженный песчаными островами. Острова сии, в числе 62, имеют все особенные названия и тянутся по восточной стороне Челекения к северу, составляя между собою и Нефтяным пролив, соединяющий южную Челекенскую бухту с Красноводским заливом.

6-го я отправил гребные суда назад, приказав сделать промеры по заливу, а Катани оставил с инструментами и людьми, чтобы снять песчаную высокую косу Гюн-Черюншер, идущую на юг; и сам, взявши четверых человек с ружьями, поехал на верблюде по середине острова горами и к вечеру после без малого 30-верстного перехода прибыл к судам, утомленный жаром и песками, которые на сем острове несносны. Верстах в четырех от восточной оконечности острова я видел солончак, из которого туркмены прежде добывали соль и продавали ее русским промышленникам, приезжавшим к ним за солью, но со времени соляных откупов в Баку сей промысел запрещен. Персияне не покупают соли у туркмен, имея в Астрабаде свои собственные соляные озера, и потому челекенская соль остается теперь без всякого употребления.

Старшина Таган-Нияс, бывший в 1820 году с Киатом в Тифлисе, ныне ездил со мной; я получил от него следующие сведения о количестве нефти, вывозимой ежегодно с сего острова в Персию. Одни обывательские лодки вывозят оной 40 000 пудов, которую в Астрабаде продают. Промысел сей мог без меры увеличиться, если б лень и малые средства жителей не препятствовали им в том. Кроме сего количества персидские солдаты приходят ежегодно из Мазандрана и вывозят до 20 000 пудов нефти, которую они выменивают на хлеб. Соль их прежде продавалась 23 пуда за 1 рубль серебром. Соль сия каменная и в большом количестве. Нефть и соль, богатейшие произведения, одни могут только нас привлечь к сему острову, на котором едва могут люди жить.

По возвращении моем я заходил к Киату и узнал от него, что астрабадский хан посылает людей, чтобы его захватить. Должно взять самые сильные меры осторожности и для меня, ибо я имею со всех сторон неприятелей и вероломных обывателей, которые за один реал готовы продать своих ближних родственников. В путешествии моем на Балкан я должен тоже остерегаться хивинского хана, который, верно, будет посылать людей, дабы меня схватить. Туркмены, по крайней мере, боятся сего и путешествия моего на Балкан.

7-го я делал празднество для туркмен в кочевье их, искормил им семь пудов пшена; после чего делал игрища в борьбе, в бегании, в скачке, в стрельбе из пищалей и из луков. Я давал по реалу победителям, причем было видно их малое искусство, алчность к деньгам и все подобные плутовские замашки для получения денег. После сего я пустил несколько ракет и шверманов⁷¹, что крайне удивило туркмен. После

того я раздал подарки старшинам, сказав всякому какое-нибудь приветствие, сказочку или притчу. Я удовольствовался малым количеством многих.

8-го числа я занялся сборами в дорогу, ибо намеревался предпринять сухопутное путешествие с инструментом по западному берегу острова. Я велел изготовить 14 верблюдов для подъема воды и тяжестей и несколько туркмен для провождения нас и ввечеру отправил обоз с командой, из 23 человек состоящей, к Карагёлу на западный берег острова, где начинается Дервишская коса, на ночлег.

9-го числа я вручил Юрьеву предписание на имя Ратькова, который еще не совершенно выздоровел от своего припадка сумасшествия, дабы суда плыли с первым попутным ветром к оконечности косы Копалча, находящейся на северной стороне острова, где, взявши меня, пойдут к Балкуинскому колодцу; а сам поплыл на лодке к Карагёлу, где нашел команду и начал работу. К вечеру мы зашли в глубочайшие пески, изнурились и остановились ночевать на берегу моря. Бурдюки наши с водой начали течь, и я, боясь, чтобы не остаться без оной, послал в ту же ночь четырех солдат к двум кибиткам, недалеко отстоящим, для добывания оной; они пришли поздно и привезли только два бурдюка.

10-го я пустился вперед с инструментом и около полудня пришел к началу косы, где стал лагерем и, ожидая судов, дабы идти на конец косы, где бы я был в противном случае удален от воды, которой теперь сделал запас на неделю, из кочевья, отлежащего отсюда верст на шесть, к северному берегу острова, и состоящего из десяти семейств, которые запаслись на несколько времени дождевой водой. Сильный северный ветер, продолжавшийся два дня сряду, заносил

нас песком и препятствовал, вероятно, судам выйти из бухты. Положение мое будет очень тесное, если они чрез семь дней не покажутся; я взял здесь все предосторожности в случае нападения туркмен; по ночам обвожусь цепью часовых.

11-го числа я стоял без действия; сильный ветер не утихал, судов не было видно, и я боялся идти на конец косы, дабы не отдалиться от воды, которую я мог добывать из кочевья ближайшего.

12-го поутру показались суда, они стали на якорь против моего лагеря. Юрьев съехал ко мне и по-прежнему находил затруднение в измерении глубины около косы Копалчи; но я, несмотря на него, дал предписание Ратькову спустить гребные суда и приказал двум офицерам измерить глубины по обеим сторонам косы Копалчи, на оконечности оной и в заливе, по правой стороне находящемся; между тем плыть с судами на восточную сторону косы и равняться на ночлегах с моим лагерем, а сам после полдня снялся и пошел с инструментом к северной оконечности. Я в тот день прошел только семь верст; верблюдов я отпустил назад и нанял туркестанскую лодку в кочевье для доставления вещей моих около восточного берега косы. Туркмен, который нанялся, все время спал; люди мои, не умея обращаться с киржимом⁷², тащили его на себе и пришли часу в 1-м или 2-м ночи к ночлегу; но я удивился, что суда, не следуя моему предписанию при способном для них ветре, легли на якорь, не обойдя косы и не дойдя оконечности оной еще шестью верстами.

13-го числа в полдень я пошел далее и к вечеру дошел до конца косы, где расположился лагерем, и увидел гребные суда, делающие промеры на оконечности косы. Я тут же нашел бударку⁷³ с пакетбота и,

сев на нее, в ту же ночь прибыл на пакетбот. Ратьков оправлялся от своей болезни. Я спросил, не ветер ли был причиною тому, что он остановился на якоре, не обойдя косы 12-го числа. 13-го был ветер, способный для плытия в култук, и если б он тогда обошел косу, то легко бы мог прибыть в култук. Он сказал мне, что ветер был сему причиной. От него я прибыл на транспорт и спросил Юрьева о причине, по которой они легли на якорь, не исполнив моего требования, Юрьев сказал мне, что ветер был спокойный, но что, верно, Ратьков не счел за нужное заходить за косу. Я полагал, что Юрьев был причиною сего послушания, ибо он с неудовольствием поплыл от меня 12-го числа, не желая спускать гребных судов, к Ратькову и, зная его слабости, отсоветовал ему следовать моему предписанию; вид же, с которым он мне дал сей ответ, удостоверял меня в истине моего предположения, а потому 14-го числа, вчера, сев с командой на суда, я предписал Ратькову плыть к Балкуинским, или Медовым, колодцам, взяв все возможные осторожности против нападения от туркмен, которые, по словам Киата, подстрекаемые ханами хивинским и астрабадским, намереваются нападать на нас. Я, между тем, спросил его, почему он не исполнил моего повеления, представя ему, что если он имел на сие законные причины, то должен был объяснить их мне. Бумага моя была написана довольно строго и с выговором.

14-го перед полднем мы снялись с якоря и, за неимением ветра, остановились в виду Балкуинских гор. Они казались нам очень близки, и перед вечером я, взяв два взвода солдат, отправился к берегу с Юрьевым и Рюминым для отыскания колодцев Балкуинских. Горы, казавшиеся нам близкими, были еще отдалены, и мы приплыли к берегу после захождения

солнца, пройдя около 15 верст. Я нашел колодцы Балкуи, в коих вода была очень хороша, но не успел сходить к Моисееву роднику и возвратился в 10 часов вечера на транспорт. Ратьков отвечал мне, что он против Копалчи остановился на якорь за противным ветром, что совершенно ложно, и я должен представить буду об ослушании его (коему причиною, кажется, Юрьев) начальству. Киат вчера был со мною; он надоел мне своими прихотями и капризами, причиною которых то, что и прочих туркмен, бывших со мною на Копалче, отправил в Красноводск на их же ладье, не дав им с собою продовольствия, коим их насытить нельзя. Службы от них никакой нет, и они с 1819 года привыкли считать нас своими данниками; я принужден буду силою вывести их из сего заблуждения,

15-го мы подвинулись ближе к берегу и бросили якорь в одной или полуторе версте от берега, на 2¹/₂ саженьях глубины. Я съехал на берег с прикрытием двух взводов солдат и с несколькими рабочими для отыскания родника, называющегося Моисеевым. В 1819 году, когда я был в Хиве, матросы отыскивали его и, как туркмены рассказывали, что какой-то пророк, нуждаясь в воде, ударил жезлом скалу, из которой побежала вода, то по сходству сего происшествия с приключением Моисея и израильтян в пустыне матросы назвали сей родник Моисеевым. Вероятно, что жители от сего происшествия взяли свой рассказ.

Отправляясь на берег, Киат говорил мне, что должно заплатить два реала хозяину сего родника, живущего на Красноводской косе, что хозяин сей есть потомок того пророка и издавна пользуется сими правами. Я ему отвечал наотрез, что я напрасно денег раздавать не намерен, поехал, отыскал воду и велел расчищать родник.

Вода сия хранится в каменном ущелье, кажется, в небольшом количестве и, по-видимому, должна быть дождевая. Малое отверстие, ведущее в пещеру, в которой сия вода хранится, препятствует перемене воздуха, и оттого вода сгнила и испускает тяжелый, противный запах. При том же дикие голуби, имеющие при сем месте свое жилище, засорили совершенно воду. Я начал обрывать яму, выламывая большие камни, после стал вычерпывать воду; к вечеру работа наша еще не кончилась, и я возвратился на суда. Сильный ветер, продолжавшийся целый день, не позволил морским* наливаться водой. Идя назад от Моисеева родника, я шел мимо кладбища туркменского; у некоторых могил были поставлены памятники из белого камня с высеченными названиями похороненных; среди них груда камней, обложенная туровыми рогами, означала могилу какого-то важного и боголюбивого старшины, умершего в старые годы. Из середины сих рогов возвышался шест, на котором было навешано множество тряпок (жертвоприношения туркмен). Моисеев родник лежит в скалах, составляющих второй ряд гор, окружающих колодец Балкуи. Дабы их найти, должно от Балкуи идти близ полверсты направо берегом и, дойдя до оконечности первого ряда каменных гор, до другого колодца. Тут должно поворотить налево в ущелье, тянущееся между обоими рядами скал, дойти до вышеупомянутого кладбища, а там, поворотясь несколько направо, находится родник между скалами, во второй цепи гор.

* Так в тексте. Здесь и далее под «морскими» Муравьев имеет в виду моряков. (*Примеч. ред.*)

16-го целый день занимались на берегу очищением родника, и всю воду вылили из оногo; на судах же морские занимались налитием своих бочек водой.

17-го я ходил на берег отыскивать родник, который я видел в ущелье в левой стороне от гор, искал его и не нашел; он, кажется, исчез. В Моисеевом же роднике дух от воды стал не так тяжел, и кажется, что вода должна быть из родника. Между тем, киржим, полный туркменов, приехал из Красноводска; в том числе были Таган-Нияс и Хидыр. Я их взял на судно, а прочих отпустил и даже не накормил их, как они сего ожидали. В числе отпущенных был Алеке, приехавший из Челекени с киржимом, и некто Кувет, который в 1819 году из Хивы со мной приехал. Он ныне ехал в Хиву, и я ему дал письмо к юз-баше Еш-Незеру.

18-го я хотел с судами подвинуться к Красноводской косе, дабы, съехав на берег и обзрев ее, выбрать место выгодное для укрепления, где бы я мог держаться по отплытии транспорта; но ветер был неспособный, и мы простояли целый день на якоре без всякого дела.

19-го поутру ветер был неспособный. В ожидании хорошего я высадил пехоту на берег к Балкуинскому колодцу, приказав ей идти берегом до верху Красноводского култука; вскоре после сего ветер переменился, мы поплыли и остановились на якоре в одной версте от берега. Я съехал в намерении перейти через косу и увидеть колодцы Сегрешем, лежащие по западному берегу косы; но команды моей еще не было, и я не хотел пуститься туда без прикрытия. Я беспокоился о том, что люди долго шли, боясь, чтобы на них не было нападения, и потому послал к ним остальных четырех навстречу. Их нашли на вершине култука, как им приказано было; мы же пристали

верстами десятью южнее. После полудня только команда пришла и заняла лагерь, приготовленный на берегу. До следующего утра я ничего не предпринимал.

20-го поутру я ходил к Сегрешему; до него было верст до десяти. Назад досталось мне идти в сильный жар. Воду из сих колодцев можно пить. Таган-Нияс говорил мне, что верст пять еще далее, если вырыть колодезь, то вода покажется очень хорошая; но, изнурившись и мало надеясь на слова туркмен, я не ходил далее. По возвращении моем в лагерь я выбрал место для своего укрепления, несколько на север от своего лагеря, на вдающемся в море небольшом мысу, и отправил одно гребное судно с Таган-Ниясом на оконечность косы Красноводской, для привезения ко мне киржима, барачков и кибитки для туркмен. Ходя по косе, я видел больших ящерниц с красными ушами; они похожи на маленьких собачек, бросаются на людей и зубами ухватываются очень крепко.

21-го я заложил крепость, или укрепление, подле своего лагеря, о четырех бастионах. Вчера работа была довольно успешна; к вечеру кончили больше двух бастионов. Туркменов стало много набираться в лагерь; вчера их до 15-ти уже было. Вчера возвратилось судно, посланное в Красноводск; оно привезло мне на образец воды красноводской, которая довольно хороша.

24-го я созвал всех морских офицеров к себе на завтрак, служил молебствие в крепости, освятил ее и назвал Вознесенской⁷⁴; но она еще не была кончена, и потому работа продолжалась до полдня 27-го числа. Укрепление мое примкнуто к крутому берегу моря, отстоящего от берега саженьях в восьми; крутизна сия песчаная, имеет около двух сажень в вышину и впада-

ет маленьким мыском в море. На сем мысу сложена у меня небольшая батарея из мешков, набитых песком, к которой приставлено мое орудие и караульная. От сего мыса вправо и влево на 12 сажен построены два бастиона, соединяющиеся с двумя другими бастионами, отнесенными в степь, тоже соединенные куртиной⁷⁵, так что все укрепление мое, имеющее 40 сажен в окружности, состоит из четырех бастионов вышиною в два аршина, соединенных тремя куртинами. На всяком бастионе стоит по орудию с пакетбота. К морю же с обеих сторон укрепления от крайних бастионов будут еще проведены стены. Пороховой погреб, выстроенный из камня, покрыт железом, юфтями⁷⁶ и песком, и печка сделана в крутом берегу.

25-го и 26-го я занимался бумагами для отправления транспорта, который 26-го ушел к Балкуинским колодцам для запасения себя водой.

27-го после обеда я перешел в крепость и устроил все в порядке. Глядя на нее, кажется невероятным, чтобы 40 человек могли в пять дней кончить такое строение.

28-го транспорт «Кура» отправился от колодцев Балкуи обратно в Баку. Вечеру Ратьков съезжал на берег, был долго и рассказывал мне свои походы в Америке, в Индии и проч. Он воздерживается от пьянства и начинает поправляться здоровьем.

30-го с рассветом я начал съемку, взявши с собою артиллерийских офицеров, 21 человека пехоты и шестерку⁷⁷, которую я нагрузил водою и провиантом. Я начал съемку треугольниками на юг и, прошедши пять верст, остановился на ночлег на восточном берегу косы против берега, называющегося Кара-баба.

31-го я подвинулся со съемкой версты на четыре вперед и остановился лагерем на узком месте косы.

Она здесь не имеет более 70 сажен ширины; вода на ней оказывается пресная, если разгрести песок не глубже аршина или полтора; если же глубже сего рыть, то вода оказывается горькой и соленой. Несчетное множество всякого рода змей населяют здешние места. Нельзя тоже жаловаться на недостаток всякого рода ядовитых насекомых, как то: скорпионов, тарантул и прочих. В Вознесенском укреплении всякой день бивали по нескольку змей и много скорпионов и тарантул в наших палатках; вчера же ввечеру скорпион ужалил Рюмина в палец. Боль была очень сильная, по словам его, и не дала ему всю ночь спать, но дурных последствий не имела. Жители говорят, что здешние скорпионы бессмертельны, но что, напротив того, тарантулы и горные змеи причиняют смерть своим ужаливанием.

2 августа. Я поехал поутру в Вознесенское укрепление, чтобы видеть успех работ. Я нашел стены от крайних бастионов к морю довольно подвинутыми и трех легкобольных в лагере, в том числе одного уязвленного скорпионом. Число ядовитых насекомых на сей косе необыкновенно велико: мы здесь убили раз на двух верстах 34 змеи. Я обедал на пакетботе у Ратькова и отправил туркменский киржим на Дарджу⁷⁸ к мулле Каибу за баранами и дровами. Мы уже несколько дней не имеем мяса.

После полдня я возвратился к палаткам, продолжал съемку и нынешнюю ночь ночевал верстах в 14-ти от крепости Вознесенской, при урочище, называемом Ала-дёпе. Вознесенское укрепление названо мною по-здешнему Мурадабад, что значит «Мурадом построенная». Мурад есть имя, данное мне туркменами, когда я в Хиву отправлялся; оно значит «решительное намерение».

3-го. Я подвинулся до урочища Гельче, где остался ночевать верстах в четырех от кочевья Красноводского, находящегося на конце косы. Я взял все осторожности ночью, на случай нападения. Вечеру перехватили мы лодку, идущую от Балкуинских гор к Красноводску; на ней было четыре человека, в том числе и тот туркмен, который незадолго до приезда нашего убил своего родного брата ножом, бежал и скрывался в горах. Услышав, что сын убитого им брата, мальчик 15-ти лет, ищущий дядю своего, чтобы его убить, уехал в кочевье к Гаджи-Ишану, что близ Карабугаза⁷⁹, он возвращался к своей кибитке. Племянник его мирится с ним, как говорят, за двух дев, которые должны заменить сыну потерю отца. Один из товарищей сего убийцы сказал одному из солдат моих, татарину, что в кочевье у Ишана есть русский невольник-музур⁸⁰, взятый уже шесть лет в плен; не могли порядочно узнать имени его хозяина.

4-го. Я продолжал поутру съемку и остановился к полдню верстах в двух или трех от конца косы. После обеда навели меня все старшины здешнего кочевья; в том числе был и тот, который сказывал вам прежде о музурском невольнике. Я привел его к себе в палатку тайком и расспросил. Хозяин сего невольника иомуд, поколения ак, живет в кочевье у Ишана близ Карабагаза; имя его Ораз-Магмед, сын его зовется Курбан. Невольник Алексей; его хотели принудить к принятию магометанской веры, но он устоял в христианстве. Доносчик сам называется Балта; он поколения ших и обещался мне выпросить несчастного. По прибытии в крепость я возьму все меры, дабы выручить его.

5-го. Я начал съемку конца косы в масштабе пяти дюймов в версте; я не успел окончить всех засечек на

правом берегу косы и пробыл целый день на солнце. Жар был очень сильный. Кочевье, здесь находящееся, состоит из 46 кибиток бедных туркмен, коих большая часть состоит из туркмен мангышлакских и других воровских поколений. Вчера приехали ко мне из Атрека⁸¹ Сеид и Кульчи, ездившие со мной в Хиву; я их отдал до возвращения моего в крепость в гости к одному иомуду здешнего кочевья.

6-го и 7-го чисел. Я все продолжал съемку косы. На месте нашего лагеря вырыли колодцы, в коих вода показалась пресная; но, роя яму глубже, вода становилась горькая; вообще по всей косе Красноводской, начиная от возвышения Кара-Баба, отстоящего на пять верст от Вознесенского на юг, показывается пресная вода в каналах, но разных свойств: иную можно только в самой крайней нужде пить, лучшая же из сих вод имеет вкус солоноватый и неприятный; она большею частью находится на западном берегу косы и на южной оконечности оной.

8-го. Я кончил до полудня съемку Красноводской косы. Перед отплытием своим я сходил на остатки укрепления Петра Великого, находящегося на конце косы⁸², при самом раздвоении оной. Вал, ров и бастионы довольно еще приметны, хотя море залило сии места. По отбытии русских они заросли местами камышом, в котором водится бесчисленное множество змей. Укрепление было довольно обширно и могло содержать до тысячи человек. Впереди оного сделана была пристройка, род кронверка; места для трех орудий очень приметны в бастионах. Вал, ныне смытый морем, сравнялся с платформами; все укрепление построено без камня, но внутри его видны обломки жженных кирпичей и черного камня, привезенного из Балкуи. Я рыл местах в 20-ти по всему

укреплению и, кроме горько-соленой воды, ничего не нашел; но когда стал рыть в передовом кронверке, то нашел кладбище. Мертвых зарывали без гробов, но яму обставляли высокими кольями, которые с боков забирали досками; колья все еще целы, однако же сгнили. В одной могиле я нашел медную пуговицу и грош, или денежку. Я также нашел железную окись, слепившую ракушу с песком; разломав оную, видны следы четвероугольных гвоздей, но гвоздя самого нет. Сверх того еще нашлись в могилах сосновые шишки, кости, подметки с каблуками и тряпки, коих часть была слеплена как будто кровью. По всему же укреплению видны были местами уголья, кирпичи и деревянные вещи, как то: снасти к неводу и несколько кожаных каблуков. Перед полднем, окончив поиски, я отплыл и ввечеру прибыл в Вознесенское, где я нашел работу почти конченную и крепость, обнесенную рвом, в кибитке же у Киата множество голодных туркмен, которые пришли его объедать, ибо я уже давно ничего не даю сим гостям. Ораз-Магмед, хозяин русского невольника, уехал недавно в Мангышлак за 400 баранов, которых у него угнали. Дабы его заманить к нам в крепость, я сказал Киату, что буде ему краденых баранов не возвратят, то я напишу письмо к туркменам Мангышлака, в котором я им буду грозить нападением, если они не возвратят баранов. Другую меру я взял следующую: я обещался менять хлеб на баранов, для привлечения туркмен к себе; если сии средства мне не удадутся, тогда я буду действовать явно силою. У иомудов, наших друзей, имеется несколько русских невольников. Я сие узнал по русским надписям, сделанным на арбузах, нынче из Атрека привезенных. В залог сих последних имею сына Киата Якши-Магмеда зало-

гом, и потому мне должно теперь только выручить того, который у Ораз-Магмеда находится, в чем я надеюсь успеть.

12-го. Я ездил смотреть соленое озеро, которое верстах в двух от укрепления находится; оно имеет около версты в поперечнике и содержит наилучшую каменную соль розоватого цвета во множестве. Я выломал несколько плит сей соли и привез их сюда. Место, из которого выламывается плита, скоро опять наполняется составом соленым, который в непродолжительном времени крепнет и становится таким же, как и вырубленный кусок.

13-го. Я делал испытание каменно-броса, или баллисты, которую я уже два дня работал. Десять человек посредством веревок с трудом могли натянуть закрученную лопатку, которая тяжести бросает, отпустивши ее. Удар был очень силен, но размеры орудия, верно, не были хороши, потому что передовой камень перебросило только на две или три сажени. Притом, если бы и лучше устроить сие орудие, то бы после двух выстрелов надлежало вновь закручивать веревки, которые очень вытягивались. Намерение мое было поставить несколько таких орудий за стенами моего укрепления; но, увидя все сии неудачи, я оставил намерение сие. Сегодня перед рассветом сделалась у нас тревога. Часовой, стоявший на батарее, слышал крик за стеной и, полагая неприятеля уже под укреплением, закричал *к ружью!* Мы все выскочили, и вышел на место неприятеля верблюд, который ревел; за ним, вероятно, волк гнался, ибо туркмены наши не нашли другого верблюда, который с сим всегда вместе ходил. Испуганный верблюд забежал к нам в крепость со стороны моря и о сю пору все еще не отходит от нас.

15-го поутру я вышел из крепости и начал съемку северной оконечности Красноводской косы. Я работал до вечера без остановки, прошел на север семь верст до култука Ахтиарского и за оный до конца каменных гор, тянувшихся от Балкана по северному берегу залива; последняя гора называется Кайпата. Красноводская коса, соединяясь с твердой землей, составляет залив, при котором было бы гораздо выгоднее для меня построить свое Вознесенское укрепление, по местоположению, укрепленному самой природой, и по близости камня и глины, находящихся на берегу моря. Я так, было, и располагал сначала, но имел слабость послушаться Юрьева, который, находя все невозможным, отсоветовал мне сие место, не видав его. За последней скалой Кайпаты есть туркменское кладбище, заслуживающее, по словам Таган-Ниаса и Катани (ходившего туда), внимания; пещеры, разваленные могилы и валяющиеся книги, курганы, надгробные камни с надписями достойны примечания, и я в свободное время непременно поеду посмотреть сии места. С восточного берега, отпустив шестерку назад, я перешел на западный берег косы и расположился лагерем у колодцев Сегрешем. Коса в сем месте имеет четыре версты поперечника. Здесь прежде были огороды с арбузами и дынями; но кочевья, прежде находившиеся в сих местах в большом количестве, все разошлись, опасаясь нападений тѣке⁸³. Несколько лет тому назад как кочевья сии были разбиты и ограблены, людей увели в плен, и они после того были выкупаемы родными за большие деньги. Могилы же убитых разбросаны по нескольким кладбищам, имеющимся около здешних мест.

Вчера поутру выехал из Вознесенского Сеид в кочевье Хаджи-Ишана. Я его отправил в Хиву, приказав

ему выведать тамошние слухи о сражениях, которые недавно будто там случились, о нашем посольстве в Бухарию и привезти одного русского невольника из Хивы. Он отправился тайком и должен через 40 дней возвратиться.

14-го, выходя из крепости, я поручил Кузмичуку схватить Ораз-Магмеда или сына его Курбана, хозяев русского невольника, буде они приедут к нам за покупкой хлеба, который я для сего именно обещался им несколько четвертей продать.

16-го. Я продолжал съемку по западному берегу косы, подвигаясь на юг, и остановился ночевать против своего укрепления. Поутру, прежде чем еще подниматься с лагеря, я посылал Катани по берегу на север верст за шесть, к косе Дарджа, на коей имеется прекрасная пресная вода. В тех местах земля производит всякого рода плоды, но отдаленность сего места от пристани не позволяет нам избрать его для предполагаемого заведения.

17-го перед полднем я возвратился сюда и застал всех оставшихся в крепости людей больными поносом, который продолжался два дни, а на третий стал легче. Я полагал сперва, что туркмены отравили колодец Балкуинский, из которого мы берем воду; но туркмены пьют воду оттуда же, и потому подозрение мое было ложное; а настоящая причина сего должна быть в пище и холодной воде, которую они пили после работы. При том же на сих днях были сильные северные ветры. Прибывши сюда, я узнал о драке, которая случилась около Балкуинского колодца между матросами и дарджинскими туркменами, ездившими за водой. Туркмен вынул нож, его отняли и после отдали ему. Призвав урядника, я приказал ему привести ко мне сего туркмена, в первый раз как с ним встре-

тится у колодцев. Сегодня ночью два волка съели верблюда, не более как в 25 саженьях от крепости и в пяти саженьях от шалаша одного больного туркмена, который живет за крепостью со старухой, своей матерью, на берегу моря.

18-го. Я посылал Рюмина с инструментом к заливу Ахтиарскому, серединою косы, дабы снять цепи покатых возвышений, тянувшихся на юг по Красноводской косе. После полдня он возвратился, окончив свое дело. Холод начинает быть ощутительным, и погода сделалась совершенно осенняя. Вода в море стала очень холодная.

Вчера ввечеру четвертка⁸⁴, отъезжая отсюда к пакетботу, опрокинулась на повороте от сильного волнения. Люди, на ней сидевшие, все спаслись, но ружья и сумы, в ней бывшие, потонули. Ратьков посылал меня просить об водолазе, буде у меня таковой найдется; их сыскалось двое, которые будут вытаскивать потонувшие ружья и сумы, как скоро погода затихнет. Нынешнюю ночь я посылал трех солдат сидеть на убитом волками верблюде, дабы их застрелить; но ни один из них не появился. По следу сих зверей кажется, что это должны быть не волки, а гиены, ибо лапы их, а особливо когти, необыкновенной величины, притом же след их не волчий, и дерзость их в 15 шагах от людей съесть верблюда доказывает, что звери сии должны быть не волки, а гиены.

19-го. Киат просился ехать на днях в Челекень для свершения празднества жертвоприношения, которое у них будет около 10-го числа сего лунного месяца, или нынешний год около 25 августа. Я согласился. Он сверх того просил у меня позволения послать шайку туркмен для разграбления прибрежных деревень вновь прибывшего на воеводство в Астрабад хана,

личного неприятеля Киату. Я отвечал ему, что он может сие сделать, но без моего ведома. Но все их решения и намерения бывают только на одних словах, а дела никогда не бывает. Так точно мне каждый день привозят известия о шатающихся вблизи Балкана больших шайках туркмен, поколения тѣке и кѣклен, о грабежах их и о драках, между ними случающихся; но слухи сии все пустые. Однако известие о том, что персияне повесили одного важного старшину туркменского, Вел-Кафьер-хана, кажется справедливо, и казнь его должна быть сделана по справедливости, ибо подобных туркменам, мошенникам и воришкам, свет людей не производил. Я всякий день имею случай видеть бесчестность сих диких людей, более зверям подобных. Я молчу, но настанет время, и кажется, перед отъездом моим, что они получат за свою бесчестность и плутовство должное наказание. Надобно будет порядком отодрать несколько старшин их.

Из кочевья Генчли прибыли сюда туркмены с баранами. Дабы разведать порядочно о русском невольнике, у них имеющемся, я приказал одному надежному и расторопному солдату познакомиться с одним из прибывших туркмен и объявить ему намерение свое бежать, а между тем узнать о русском. Дело удалось: туркмен обрадовался предложению солдата, обещался его увести и рассказал о несчастном невольнике все, что мы прежде о нем слышали. Теперь я буду брать меры, чтобы достать сюда хозяина нашего соотечественника.

24-го. К удивлению моему, я увидел поутру Сеида, возвращающегося на верблюде. Он отъехал третью часть дороги до Хивы и виделся там в кочевье с туркменами, которые ему сказали, что ему невозможно показаться в Хиве, потому что его давно уже хан ищет

убить. Сеид — разбойник и, сверх того, привозил меня в Хиву: сии две причины весьма достаточны для хана, чтоб его повесить. Хан, как кажется, не может равнодушно вспомнить, что он имел глупость меня выпустить из Хивы. Я, со своей стороны, не понимаю, какая бешеная дерзость овладела мною, когда я решился ехать к нему. Бог милостивый спас меня, и ничто не может меня более понудить идти на явную, мучительную и срамную смерть. Если бы судьба велела мне попасться к тем бесчеловечным туркменам, я бы лишил себя жизни. Сеид, возвратившись, доставил мне обратно все деньги и вещи, коими я его на дорогу снабдил, кроме 61 реала, за которые он верблюда купил, которого он сюда привел.

— Что вам за польза была бы, — сказал он, — если б я до Хивы доехал? Я бы, верно, не возвратился, погиб бы, и вы бы также никаких известий не получили.

На сих днях я был занят поверкой съемки нашей, в которой ошибка в одном направлении все покривила. Ошибка нашлась, и, кажется, сегодня все должно кончиться.

26 августа. Вчера возвратился Кульчи из кочевья Гаджи-Ишана, сказав мне, что Ораз-Магмед перекочевал в другое место. Известие сие пустое, и, верно, Ораз догадался о моем намерении. Надобно приняться за другие меры. Сегодня, on the namsday of N. N. M.*, я ожидал прибытия транспорта, так как я к 10-му числу июня ожидал судов в Баку, что тогда и случилось; ныне же до сих пор еще ничего не видать с моря.

Вчера, 30 августа, пришло ко мне 50 человек званных гостей туркмен из кочевья Красноводского. Их

* То есть в день именин Н. Н. Мордвиновой (впоследствии Львовой). (Примеч. П. И. Бартенева — далее П. Б.)

накормили пловом, после сего я приказал рассыпать им четыре четверти пшеницы и отдал им ее на грабеж; они метались, как звери, рассыпали много, отнимали друг у дружки и, наконец, разобрали пшеницу по полам своих кафтанов. В девять часов утра священник служил в крепости молебствие, после которого команда производила беглый огонь из ружей, а из орудий был пущен 21 выстрел. Пакетбот, убраный разноцветными флагами, сделал столько же выстрелов. После сего туркмены, собранные посредине лагеря, прочли молитву по своему обычаю за государя нашего. Потом я угостил морских офицеров завтраком. Ратьков в сей день палил из орудий и ружей до вечера; ввечеру же я осветил свое укрепление 500 плошек, налитыми нефтью и натраном⁸⁵, пушал ракеты и швермера, стрелял из орудий. Пакетбот также пушал ракеты и производил огонь из орудий и пушек. Вид был прекрасный, и такого празднества нельзя бы ожидать на здешних берегах; туркменов, накормив еще раз, я отпустил. Они прошлую ночь всю пешком протащились из своего аула, дабы поесть плову; их накормили, и они также отправились назад, и старики, и дети. Они просили у меня позволения в цель стрелять, полагая, что им будут по реалу за выстрел бросать, как то в Челекене было сделано; но они ошиблись и, узнавши, что им ни гроша не будет, опустили головы и отправились. Иллюминация наша была хороша; но она бы еще лучше была, если б не загашал плошки северный ветер, такой сильный, какого я еще не знал в здешних местах. Поутру порядочный дождь смочил наш лагерь.

Транспорта еще нет, но уже давно пора ему быть. Ветры были ему большею частью попутные. Пора нам на Балкан в Кендерли и обратно в свои дома; но всего

нужнее вам в теперешнее время известия от своих. Мы отделены от обитаемого света уже третий месяц.

1 сентября была у нас тревога. Конный туркмен на прекрасной лошади приехал к нам около 9 часов утра; вид его, сбруя и одежда подали мне подозрение, что он должен быть разбойник. Я расспрашивал его, узнал, что он из кочевья Хаджи-Ишана, родом барамша, поколения салан. Он был в гостях у Ораз-Магмеда (хозяина русского невольника) и ездил с ним за украденными баранами в Мангышлак. Он говорил мне, что он теперь будет в Красноводске или в Челекене, куда он поехал для продажи масла. Поговорив с ним не более пяти минут, я его отпустил. Вслед за сим прибежали ко мне мои туркмены и сказали, что приехавший туркмен Колидж объявил им, что он ночью, ехавши мимо одного колодца, видел следы четырнадцати лошадей, и потому он полагал, что в соседстве нашем находятся разбойники.

Едва он успел сие сказать, как со всех сторон показались конные люди; двое из них гнались за нашими баранами, которые в полуторе версте от крепости паслись; некоторые приближались к берегу Мазарли (на котором Рюмин стоял с утра с четырьмя солдатами и брал направления на горы), другие скакали по буграм. Я послал в ту же минуту шесть человек к Рюмину, приказав ему воротиться; других я послал с Кузмичуком наперерез трем ворам, которые гнали восемь верблюдов, украденных ими за Кара-бабой, следственно, проехав нашу крепость. Как скоро они увидели, что им хотят дорогу перерезать, они погнали верблюдов вскачь и ушли.

Между тем Кульчи вскочил на лошадь Колиджа, поскакал к Рюмину и, взяв его на седло, привез в крепость без моего приказанья и, как кажется, по внуше-

нию Колиджа; ибо все туркмены по словам его пришли ко мне и сказали, что должно собрать всех людей, находившихся за крепостью. Я велел за ним примечать. Другие туркмены беспокоились об увиденных верблюдах, а более о мальчике Шамамете, который у нас в крепости жил и всякий день ходил версты за четыре от крепости поить верблюдов своего отца, уехавшего в Мангышлак; но Колидж был равнодушен, и все смотрели со вниманием на меня, стараясь угадать мои слова.

Между тем баранов пригнали, и остался за крепостью только один отряд, из 30 человек состоящий, с Кузмичуком, который гнался за ворами, но не мог их нагнать. Сеид сменил Кульчи на лошади Колиджа, погнался за хищниками, стрелял по ним и ранил одного верблюда; они по нему стреляли, но не задели его. Он спрашивал их, кто они такие; они отвечали, что теки; но они, может быть, сие сказали для того только, чтобы не подать на себя подозрения, а может быть, были иомуды. Впрочем, Сеид говорил, что одежда их была похожа на хивинскую и что по следам сапог их в том месте, где они захватили Шамамета, видно было, что они должны быть из Хивы. Их всего показалось около 18 человек. Я пустил ядро по одному из них, который версте в полуторе скакал от крепости; его не задело, но ядро ударило в землю подле самой лошади его, которая, испугавшись, бросилась в сторону. Когда я увидел, что их более нагнать нельзя и что солдаты понапрасну будут мучиться, бегая в жаркий день в глубоком песке, я сделал им сигнал воротиться, а пакетбот послал в Ахтиарский залив, дабы перехватить хищников в засаде, если бы то возможно.

Между тем я велел смотреть за Колиджем, дабы отправить его на пакетбот по возвращении его, ибо на

него есть сильное подозрение. 1) Он объявил, что видел следы лошадей у колодца на рассвете, следственно, он оставался позади них; а когда он к нам приезжал, то воры были и позади, и впереди его. 2) Он приехал к баранам и не прямо в крепость, и не по дороге к крепости; следственно, надобно думать, что он намеревался отогнать баранов или увести пастуха; но, увидев двух пастухов с ружьями, не тронул их. 3) Воры вслед за ним показались; если бы он не их шайки был, то бы его захватили. 4) Он говорил, что приказывал пастухам гнать баранов в крепость, но что они, не знаяши по-турецки, не поняли его; из пастухов же один был татарин, и сей татарин говорит, что он их не предупреждал. 5) Татарин-пастух говорит, что он спрашивал их, не убьют ли его в крепости (вопрос виновного), чего на допросе он не сказал. 6) Когда я его призвал, он мне не говорил о хищниках и сказал сие уже после Сеиду, перед самым тем временем, как они показались; надобно думать, что он через сие хотел им время дать ближе подойти. 7) Когда же он говорил о ворах, то тотчас закричал, что надобно воротить всех людей в крепость, вероятно, потому, что воры полагали, что Рюмин, посланный с солдатами на Мазарли, отрежет дорогу тем трем человекам, которые ездили за Кара-бабу верблюдов отгонять; они хотели, чтобы его свели, дабы им дать свободный проезд. 8) Когда Рюмин скакал назад на его лошади, то лошадь его все тянулась влево к вогорам, что доказывает, что она из их шайки. 9) Он был верхом и говорил, что купил сию лошадь недавно, тогда как ему можно было на верблюде ехать до нашей крепости. 10) Он говорил, что отсюда собирался домой на Гюргень через Балкан; ему нельзя бы ехать, а из Красноводского тоже, потому что тут нет боль-

ших киржимов, да и лошадей у них на лодках возят только около берегов. 11) Он поколения барамша, коего большая часть переселилась в Хиву и в связи с тѣке. 12) Когда я его второй раз стал спрашивать, не страшая его и не показывая ни малейшего подозрения, он от страха сначала не мог ничего выговорить. 13) Он был в гостях у Ораз-Магмеда в кочевье Генчли, и Ораз-Магмед, верно догадавшись моего намерения захватить его, когда Кульчи ездил к Гаджи-Ишану, велел сказать тогда с Кульчей, что его дома нет, а он был дома. 14) Из сего кочевья Генчли ни один человек не приехал ко мне на празднество 30 августа, вопреки моего зова. И так все доказывает его вину. Я его еще не уличал, но уличу и отправлю на пакет-бот; при том же вчера ввечеру, когда я сообщил свое сомнение Ашир-Магмеду, то он сказал мне, что сего человека не знает и что мое подозрение может быть справедливое.

Ввечеру пришел ко мне один из рыбаков, находящихся на Дардже; их было девять человек, из них восемь спаслись, но сына пришедшего старика воры увезли; их было 22 человека. По его словам, он сам уплыл на лодке в море и высадился на камне, торчавшем из воды, почти целый день. Положение сего старика жалкое; он беден, у него отняли одного сына, который у него был, и увезли все снасти рыболовные, которыми он кормился.

Вчера поутру мы видели на косе Копалче большой дым. Я полагаю, что это должен быть маяк, поданный нам Киатом, который, верно, узнал о сем нападении и не мог сам сюда приехать за противными ветрами. Если сии хищники хивинцы или туркмены, посланные из Хивы для узнания нас, то их должно быть более 22 человек; отряд их должен состоять, по

крайней мере, из трех или четырех сот человек, которые скрываются за горами и в скором времени должны испытать нападение на нас, и потому я прибавил осторожностей и в ожидании транспорта не буду отлучаться от крепости. Притом же работы наши на съёмках кончены, и нам более нечего делать, как ожидать прибытия транспорта.

Вчера ввечеру, после тревоги, внесли и поставили в крепости большой каменный крест, высеченный в человеческий рост солдатами поблизости отсюда. Здешний камень, состоящий из затверделой ракуши с песком, мягок и очень удобен для строения. Крест сей будет здесь стоять памятником пребывания 60 русских, построивших в несколько дней довольно значительное укрепление.

2-го. Я сделал пакетботу сигнал возвратиться. Он сперва прислал ко мне гребное судно, потом сам тронулся. Я призвал Колиджа, уличал его в знакомстве с хищниками. Все против него доказывало, но он не признавался. Небойкий вид его один за него заступался: нельзя бы подумать, чтобы хищники послали его на такое отважное дело. Однако я его осудил, чтобы его застращать, и отправил на пакетбот, опустив его с четырьмя караульными в ров, а оттуда отвезли его выше крепости с полверсты, там, где его лодка дожидалась. Я с ним послал до берега Петровича и велел еще сказать ему ложно, что один из хищников, пойманный пакетботом на Ахтиаре, объявил, что из товарищей их один попался к нам. Колиджа увещевали признаться и страхом, и добром, но ничего не узнали. Ввечеру я съездил на пакетбот, видел Колиджа, страдал его, но еще более уверился в его невинности и потому решился его сегодня выпустить. Доказательством его невинности служило то, что, по расспросам

моим, он мне рассказал подробно о русском невольнике Алексее, имеющемся у Ораз-Магмеда. Я хотел было ему обещать свободу с тем условием, чтобы он Ораза либо Курбана ко мне доставил, но увидел множество неудобств в сем, и потому решился объявить о сем Киату по прибытии его и от него требовать прямым путем, чтобы он мне возвратил сего несчастного.

3-го. Я взял новые меры для своей безопасности, приказав Ратькову всякий вечер присылать ночевать сюда десять матросов, вооруженных карабинами; они составляют у меня второй резерв. Поутру я возвратил на берег Колиджа, которого содержали на пакетботе; он невинен: ему подобного олуха не пошлют на такое отважное дело.

К колодцам я стал посылать одного туркмена за водой, дабы указать матросам, которые из приезжающих туркмен за водой нам неприятели. Вчера ездил Сеид, и они никого не встретили. Матросам же я дал записку неприятельских нам поколений, по которым велено было стрелять.

Вечеру возвратился Киат. Он был уже семь дней в дороге от Челекени и за противными ветрами не мог добраться до нас. Я ему рассказывал происшествия, у нас случившиеся без него, как вдруг услышали крик за крепостью, на юг по берегу. Я ударил тревогу, спустил мост и послал Кузмичука с десятью человеками узнать, кто кричит. Привели туркмена, который, запыхавшись, прибежал из Красноводского кочевья, за 20 верст песками, с известием, что транспорт идет для получения муштулуга, или награждения за добрую весть.

4-го. Поутру показался транспорт, и к полдню он лег на якорь против моего укрепления. Юрьев привез мне предписание от Ивана Александровича, в ко-

тором он извещает о благодарности, которую он изъяснил морским офицерам вследствие моего донесения. Морские офицеры были сим очень довольны, а я еще более. Вельяминов также прислал мне по требованию моему 10 казаков донских, но молодых, слабых, оборванных и почти без оружия. Я получил тоже из разных мест 17 писем, в коих особенных новостей нет. Базилевич извещает меня, что Алексей Петрович должен вскоре возвратиться на линию, а оттуда в Грузию. Прочие известия касаются до Турции, где греки сделали сильное возмущение и где посланники европейских держав, в том числе и наш, находятся в тесных обстоятельствах. В прочем в сих записках, где помещаются обстоятельства, только лично до меня касающиеся, я скажу вообще, что от родных и ближних не получил неприятных известий, разве только одно письмо от Бурцова, в котором он, как человек тронутый каким-нибудь важным обстоятельством, отрицается от связей, ото всего в мире. Бог знает, что с ним сделалось. Сущность нрава его не может так перемениться, и он неспособен к забвению старых друзей.

Вечеру сделалась у меня почти тревога. Я объявил Киату о намерении моем избавить Алексея из неволи. Он хорошо принял мое предложение и рассказал мне, каким образом сей несчастный попался в руки к туркменам. В 1818 году один астраханский судовщик, армянин или русский, заехал в персидский город Зинзили⁸⁶, что в Гиляне, и, не имев достаточно денег для уплаты за забранные товары, оставил там судно свое с музурами, которые жили на берегу, сказав персиянину, что он их оставляет в залог своего долга на один год. Год прошел, заимодавец принял сей мошеннический поступок за истинный, захватил

музуров и хотел продать их в неволю. Они сие узнали и пустились бежать на захваченной ими лодке, не могли пробраться к северу и поплыли к югу, дабы обойти восточным берегом моря до Астрахани. Приставая на берега Мазандерана и Астрабада, их хотели схватить; они ушли и пристали к Огурчинскому острову. Туркмены, увидя их, погнались за ними; они приплыли к Красноводску, а оттуда в Кендерлин, где ночевали тогда мангышлакские туркмены. Сих матросов было семь человек. Между туркменами же был один беглый солдат, который обманом заманил их в засаду, где их туркмены окружили и взяли, трех из них продали в Хиву. Один из сих несчастных Алексей, который теперь содержится у Ораз-Магмеда.

После сего мы взяли меры к освобождению его и отправили Сеида, Таган-Ниаса и еще пятерых туркмен, приказав им привести его, чего бы то ни стоило; сперва уговорить хозяина и после того, если он не согласится, то взять его насильно. Они обещались исполнить поручение наше. Я надеюсь на Киата; если не честность, то личные его надежды и выгоды понудят его к исполнению моего требования. Туркмены отправились, но вскоре возвратились; они наехали на брошенный огонь и не решились далее ехать. Я послал патруль, из 10 человек состоящий, за крепость: обошли всю равнину и бугры, но никого не нашли; между тем суда были в готовности подать мне скорую помощь.

С транспортом прибыл сюда Якши-Магмед, сын Киата, который в Баку был. Отец на него был очень сердит за то, что он уехал в Баку; но я их помирил.

И так занятия мои на Красноводской все теперь кончены, судно прибыло, осталось обозрение Балкана. Я дождусь возвращения посланных мной туркмен и отправлюсь.

*Укрепление Вознесенское (на восточном берегу
Каспийского моря). Сентябрь 1821 года*

5-го. Поутру я послал патруль осмотреть то место, где накануне виден был огонь; ничего не нашли, и после сего я отправил туркмен опять к Ишану в кочевье. Вечеру пришел сюда караван, из 30 верблюдов и 10 человек состоящий; они едут от кочевья Ишана в Красноводск за покупкой хлеба; хотели тоже у меня хлеба купить, но я не намерен им его отдать по такой дешевой цене, как я в Челекене отдал. Вчера приехала также сюда мать украденного мальчика Шах-Магмета; она жалела, она плакала и рыдала о своей потере. Вечеру я был на транспорте. Ратьков иллюминировал пакетбот и ночью производил пальбу. Вид был прекрасен, только матросы его пустили несколько боевых патронов на место холостых из ружей, и пули перелетали через меня. У них было гулянье, и Ратьков, верно, не упустил случая выпить*.

6-го. Между капитанами судов наших произошло неудовольствие. Юрьев стал стрелять из орудий в цель, невзирая на запрещение Ратькова. Ратьков приехал ко мне жаловаться, говоря, что у него не остается другого средства, как отрешить Юрьева от должности и поручить судно старшему по нему. Я отвечал ему, что начальство мое над судами простирается только на движение их, но что в таких случаях он сам имеет полную власть. Он переписывался с Юрьевым, и не знаю, чем у них кончилось. Вчера ввечеру притащили сюда из-за версты вытесанный белый камень, имеющий аршин вышины и почти два аршина в толщину и ширину. Я его поставил среди укрепления; на него на-

* Это был царский день — именины императрицы Елисаветы Алексеевны. (П. Б.)

ложится другой такой же камень, а на тот поставится крест, коего вершина будет от земли на четыре аршина. Памятник сей, на котором я намереваюсь высечь надпись, простоят несколько столетий. Ввечеру я занялся распоряжениями для похода на Балкан: велел, чтобы на Дардже было заготовлено 40 верблюдов и столько же вооруженных людей, а два человека дожидались моих приказаний на острове Дагаде⁸⁷, против которого, пришедши северным берегом залива, я останавлиюсь и сделаю настоящее распоряжение для похода на Балкан. Я говорил вчера долго с Киатом и нашел в нем совершенную готовность к исполнению видов наших. Я увижу первый опыт его по возвращении Сеида, привезет ли он Алексея или нет.

7-го. Притащили сюда другой камень для подножия воздвигаемого креста; камни должны иметь около 200 пудов тяжести всякий, однако один из них легко подняли на другой посредством блоков, с помощью одного опытного матроса, которого мне для сего прислал Ратьков. Подножие вышло вышиною в два аршина, на него подняли крест, из камня же высеченный, который вдолбили в верхний камень, а на нем высекли надпись: «Сооружено во имя Вознесенья Господня в 1821 году». Весь памятник имеет четыре аршина в вышину. Ввечеру я изготовил инструкцию Ратькову для нашего похода, потом заезжал на суда.

8-го. Ввечеру к большой радости моей возвратились Сеид и Таган-Нияс и привезли с собой невольника Алексея. Бедный был так рад, что он едва мог произнести несколько слов; он долго молился с усердием, благодаря Создателя за освобождение свое. После того я стал его расспрашивать. Он крепостной крестьянин Владимирской губернии, господ Жеребцовых, ездил в Астрахань на рыбный промысел и с

трем товарищами на берег в Мангышлак, для размена хлеба на товар. У мангышлакских туркмен есть один беглый солдат из татар, который заманил их без оружия в кочевье; шесть человек вооруженных напало на них, в том числе были Ораз-Магмед и один мангышлакский туркмен, ездивший в Петербург посланником с просьбой, дабы государь принял их в подданство (он после сего возвратился в свою родину, получал жалованье из Астрахани и грабил приезжих матросов, которые были оплошны). Хозяина сих четырех, некоего Алексея Ивановича Муромского, с тремя другими связали. Этому порубили ногу; но он говорит, что не чувствовал сгоряча раны своей. Защищаясь от другого удара, который ему хотели нанести, он схватил в руку саблю, порезал руку, но сломал саблю; другой туркмен набежал и порубил ему голову; тут он упал. Неистовые разбойники стали делить добычу, одного старика и раненого Сергея Степанова, прозванного Алексеем, взяли двое, в том числе был Ораз-Магмед; четверо же взяли остальных двух здоровых, всех продали в Хиву, а Сергей один остался, потому что не надеялись, чтобы он выздоровел. Другая такая же лодка кусовая⁸⁸ приезжала вместе с сими четырьмя человеками; на ней было три человека, которых также захватили и продали в Хиву. Кусовья сии приезжали на тюлений промысел и привозили для смены хлеб. Сергей лежал три месяца болен, наконец, выздоровел и поехал с хозяином около Карабугаза; тут он его остановил и сказал ему, что он, верно, его боится, будучи наедине. Хозяин его мулла Ораз-Магмед в самом деле боялся и обещался, клялся Сергею, что если Бог его благополучно допустит до своего кочевья, то его ни в Хиву, ни никому, кроме собственных родственников, не продаст. Он сдержал

в сем случае свое слово, но потому единственно, что догадливый невольник сказался сыном богатого купца и обещал ему за выкуп свой казны палату.

Ныне же, когда к Ораз-Магмеду приехали Сеид и Таган-Нияс, он отъехал в степь далее и не хотел сперва отдать Сергея; но после, когда его уверили, что он должен его непременно доброй волею отдать, дабы не лишиться оного насильно (ибо я стращал его своими орудиями, хотя от него во ста почти верстах находился), он призвал Сергея и отпустил его, взяв с него обещание, что он пришлет ему 600 тиллов⁸⁹, т. е. 3000 рублей ассигнациями, сукна на три кафтана, ружье и капкан. Сергей ему все обещал и пришел ко мне с сыном своего хозяина Курбаном и с письмом от своего хозяина, которым он просит меня, чтобы я ему доставил обещанные ему Сергеем деньги и вещи, и объясняет, что он сам не был на разборе, когда захватили Сергея, и что он откупил его у игдыров⁹⁰, захвативших его. Он просил Сергея мне то же самое сказать и, в надежде получить большие деньги, обещал женить своего сына на новой жене; но Сергей мне правду объявил и сказал, что он из страха принужден был им все обещать. Расспросив его несколько о степи, в которой он три года находился, и успокоив его, я его отправил на пакетбот. Причина пребывания Ораз-Магмеда в Мангышлаке была следующая. За разные воровства и бесчинства персияне захватили одного из сыновей его в плен и просили за выкуп его 700 тиллов; он поехал по всему берегу собирать милостыню для выкупа сына и случился на Мангышлаке в то время, как сей разбой сделался; он надеялся воротить потерю свою на русских и вместе с хищниками напал на обезоруженных музур.

Я многое кое-чего узнал от Сергея насчет туркмен моих; между прочим, каким образом Кият не прика-

зывал везти сего невольника ко мне, с начала прибытия моего, когда Ораз-Магмед посылал его спрашивать, куплю ли я Сергея. Киат, видя, что я уже сам узнал и приступил к сему делу, сделался ревностным, ибо другого средства не было. Но теперь он поплатится еще двумя русскими, которые у него находятся. Я дожидаюсь только, чтобы мои туркмены несколько успокоились; ибо они сами не понимают, каким это образом случилось, что они у своего земляка увели человека для меня.

9-го поутру я поставил Курбана с Сергеем на очную ставку. Курбан хотел солгать, но Сергей его уличил в том, что сам отец его был на разбое. Курбан боялся, дрожал; наружность его изображает человека низкого, злого, алчного и труса. Он стал наступать Петровичу на ногу, делая ему через сие знак, чтобы он его защищал; я грозился его повесить, но он не понимал вину свою, что весьма естественно, ибо воровство у них вменяется в достоинство.

— Я никому, как вам, не отдал невольника, — сказал он.

— Я с тебя сорву кафтан, — отвечал я, — и через три года, возвращая его тебе, буду просить 500 червонцев выкупу за него; благодари Бога, что ты благополучно возвратишься отсюда. Я не могу казнить тебя, хотя и чрезвычайно мне сего хочется; но я тебя сам зазвал, и ты потому можешь ехать; уезжай, убирайся скорее и не приезжай в другой раз, потому что ты будешь на виселице. Сергей! Дрогнула ли бы у тебя рука, если бы ему надели петлю на шею и велели бы его на стеньгу вздернуть?

— Не дрогнула бы, сударь.

Курбан едва на ногах держался; я его прогнал, дав ему письмо к отцу его такого содержания: я ему пи-

сал, между прочим, что его бы следовало как мошенника повесить и сына его; но что, боясь изменить своему слову, я его отпускаю, приказывая ему, впрочем, чтобы он никогда не показывался к русским, под опасением смерти. Дабы довершить вражду между выреченным Сергеем и Курбаном, я велел Сергею разругать порядком своего бывшего хозяина, что он с радостью и точностью исполнил. После сего я могу быть уверенным, что Сергей ни под каким видом не уйдет к туркменам.

Я дополнил надпись, которую делал на кресте, поставленном на памятнике, прибавив к первой надписи (Сооружено во имя Вознесения Господня в 1821 году): «в правление Грузиею Алексея Петровича Ермолова, полковником Николаем Муравьевым».

Туркмены мои, привезшие сюда Сергея, рады, что услужили мне, надеясь на большие награждения, но боятся своих алчных единоплеменников, которых они лишили блистательной надежды получить 5000 рублей выкупа. Они сами не постигают, какой случай их подвигнул на сей поступок.

10-го я узнал еще причину огня, виденного мною за крепостью в ночь первого отправления Сеида. Сергей мне сказал, что двое туркмен приезжали к ним в кочевье и сказали, что три солдата наши хотят бежать; эти самые туркмены отправились к нашей крепости и целую ночь шатались около нас, в ожидании, что солдаты, намеревающиеся бежать, придут к ним; они и развели огонь, но увидев, что к ним люди едут конные и на верблюдах, они бежали. Солдаты же, которых они полагали, что хотели бежать, были те, которые, по приказанию моему, прикинулись недовольными, для обстоятельного разведывания о Сергее. Один из сих туркмен теперь в Челеке-

не, и я надеюсь его увидеть около Дарджи, где с ним учиню расправу.

Вчера я получил огорчение от Катани, который отвечал мне, что он сюда не учиться приехал, тогда как я ему показал ошибку, которую он сделал в чертеже. Я остановился наказанием его, потому что личность моя была в сем замешана. Я видел неблагодарность и боялся осудить его пристрастно. Увидел опять, сколько доброе обхождение с большей частью людей вредно. Сколько раз я решался переменить сие обхождение, сколько я неудовольствий за сие получил и всегда изменял своему слову! Надобно мне нрав свой переменить.

Вчера ввечеру пришел сюда Арчех, отец увезенного Шамамета. Он мне жалок; я старался утешить его и обещался подать всякую помощь, которая во власти моей только состоит, для возвращения его сына.

— Сын мой ваш был, — сказал огорченный отец.

— Я испытаю написать письмо к вора́м, если их узнают; буду страшать их разорением орудиями; может быть, страх подействует, и они его возвратят.

Слух о моем укреплении, об орудиях, о солдатах усилился, и между туркменами не иначе говорят, что у меня 5000 солдат и 30 орудий.

11-го, в воскресенье, я ездил на пакетбот слушать обедню и видел там моего Сергея, который поведением своим заслужил всеобщую любовь. Он добронравен, неглуп, усерден, старателен и получил до 60 рублей в подарок от офицеров; матросы его одели тоже, чем могли.

12-го. Вчера Катани, огорченный сам своим поступком, просил у меня извинения. Я согласился замять сие дело, посоветовав ему, как вперед себя вести, но более всего взял сей случай для себя в урок. Я вижу

и сколько раз уже видел, что слишком ласковое обхождение не производит ничего доброго.

14-го я поехал на трех гребных судах к Кайпате и смотрел пещеру, которая высечена в каменной скале. Вход в нее имеет не более аршина в поперечнике и совершенно круглый; войдя в оный, спускаются немного вниз и входят в комнату, которая имеет сажень ширины, сажень вышины и около трех длины. Работа сия не туркменов, они не имеют и орудий для такой работы: непомерная лень не позволяет им никогда приняться за сие. Надобно думать, что сия пещера очень древняя и была высечена какими-нибудь зашельцами, для предохранения себя от нападения разбойников; и в самом деле, два человека с ружьями, которые запасутся продовольствием и водой, отобьются в сем месте от большего числа хищников. Статься может тоже, что пещера сия вырублена русскими во времена Бековича⁹¹; тут, может быть, был передовой караул, ибо пещера сия находится на самой дороге хищников.

От Кайпаты возвращаясь, я отправил Рюмина по северному берегу залива к Балкуи, для съемки сего места, коего главные точки уже были определены треугольником с Красноводской косы. Возвратившись, я послал к нему для прикрытия пакетбот. Вечеру поздно Рюмин возвратился, почти окончив съемку. Он привез с собой белую землю, которую он там нашел в большом количестве; земля сия рассыпается, не имеет никакого вкуса, и я никак не мог узнать, к какому она роду принадлежит.

16-го я отправил гребные суда вперед к Балкуи с Катани и велел ему занять лагерь между горами Балкуинскими и углом Умгали, на равнине у самого берега, на том самом месте, где я пристал к берегу, когда возвращался из Хивы. Я сам остался в Вознесенском

с непоместившимися людьми; убрав все и отплывая, зажег весь хворост, которым были сделаны засеки. В несколько минут все укрепление занялось большим пламенем. Скоро оно опустело, и каменный крест показался из угасающего огня, как сирота, окруженный голыми стенами и бастиянами. Ленивые туркмены, приехавшие к тому времени к нам на лодке для покупки хлеба, ожидали с нетерпением нашего ухода из крепости, дабы взять хворост, изготовленный в больших кучах; как скоро его зажгли, они подбежали и отложили себе особенную кучу. К вечеру я прибыл в лагерь, оставив часть людей на транспорте. Киржим, на котором я надеялся все разместить и за которым уже давно посланы сыновья Киатовы, еще не прибыл за противными ветрами; сие причиною, что первый переезд мой не удался, как мне хотелось. Пакетбот подтянулся к нам на гребных судах; но транспорт еще остался на месте. Я посылал смотреть родник Моисеев, и в нем вода оказалась прекрасная и очень хорошая. Здешнее место почти удобно для строения крепости: камень близок, вода есть; но горы, находящиеся в одной версте кругом от нас, могут служить пристанищем для хищников.

17-го. Поутру транспорт пришел, лег на якорь и сгрузил все, что на нем нашего было. Я ходил на скалу Умгали, которая имеет 150 сажень⁹² вышины. Выход на нее очень труден; я принужден был раз десять отдыхать; в иных местах предстояли совершенно отвесные скалы, по которым взлезать не иначе можно было как с опасностью. С сей высоты открываются Челекень и почти весь Балканский залив, который как в плане виден; я взял направления на главные места сего залива. Со мной ходил Сергей, которого я взял для того, чтобы показать мне некоторые места в степи. Взлезши на

гору, я стал сбрасывать с нее большие камни и смотрел на стремление, с которым сии камни летели вниз. Сергей, повертывая с солдатами одну из сих скал, неосторожно подвернул ногу свою под острие оной, и скала, упавши ему на ногу, оторвала почти совсем большой палец левой его ноги. Он не поморщился и не показал ни малейшего знака боли. Я его отправил назад к лагерю, засыпал ему рану табаком и перевязал ее кое-как. Он сам спустился с горы и дошел до лагеря; смотря на него, нельзя бы никак подумать, чтобы он имел такую сильную рану. Человек, сносящий так хорошо боль, не может быть низких и подлых свойств. Ввечеру я впряг двух верблюдов в орудие и делал разные движения с оным. После нескольких поворотов верблюды приучились и повезли орудие, как лошади, делая довольно скоро все движения с передков; они не боялись и выстрелов. До горы Кубы-Сенгир орудие не может идти берегом, но за Кубой-Сенгиром надобно будет оное на верблюдах везти.

18-го. Неудовольствия между Ратьковым и Юрьевым все еще продолжаются. Причиною сих неудовольствий и тот, и другой: Юрьев ложно стыдится повиноваться Ратькову, Ратьков же подчас подгуляет и, думая мне угодить, посылает ему частые выговоры. Как бы то ни было, Ратьков пьян да умен, два угодыя в нем; он доброго нрава и не трогал бы Юрьева, если б тот не гнушался ему повиноваться.

Рюмин сии дни отличается прилежностью и знаниями своими; ему поручена съемка северного берега залива, он ее отлично делает и неутомим; не знаю, долго ли продлится сие рвение его.

Взамен за сие, я был вчера крепко огорчен Катанием. Заметя его неосторожность, я уже несколько раз запрещал ему удаляться в горы одному и, между

тем, запрещал ему неоднократно уезжать на транспорт без моего позволения. Вчера Катани отпросился с Юрьевым и офицерами транспорта в Балкуинские горы на охоту. Так как Юрьев сказал мне, что он от берега отдаляться не будет и что он взял с собой гребное судно, я не послал с ним прикрытия. Солнце стало садиться, они не возвращались. Полагая, что с ними случилось что-нибудь неприятное, я хотел посылать солдат отыскивать их, но узнал вскоре от прибывшего гребного судна, что они воротились. Я дожидался с час Катани; наконец послал ему сказать, чтобы он воротился. Он приказал мне отвечать, что когда кончит игру свою в бостон, то тогда и воротится; я написал к нему записку, в которой говорил ему, что если сей ответ справедлив, то бы он не возвращался, а прислал бы забрать свои вещи и человека. Он мне во второй раз послал то же самое сказать, и я отправил к нему вещи и человека, приказав остаться на транспорте. Мне очень прискормно было взять такую меру, но делать было нечего: мое доброе и снисходительное обхождение с ним сделало его дерзким.

19-го. Поутру я отправился. Все тяжести и больные были на киржиге. Рюмин с отрядом пошел в Упракские горы, я пешком с остальными людьми обошел их, следовал берегом еще версты три и занял лагерь при вершине большого залива. Рюмин вскоре пришел, гребные суда также прибыли, и, сверх того, еще туркмены притащили другой киржим наш, которого я уже давно ожидал. Туркмен в нашем лагере теперь до 20 человек; они сами напрашиваются, хотя я им ничего не дарю. Я позволяю им оставаться со мной с условием только, чтобы они не ленились, и они хорошо выполняют свою обязанность; повиновение их ко мне и к Киату походит даже на пови-

новение, сродное народу, живущему в обществе под начальством одного владетеля. Туркмены-иомуды очень желают, дабы мы поселились на сих местах; их теперь теснят персияне, хивинцы, тёке и кёклин; первые двое гонят их за воровство, последние же грабят их. Они надеются поселиться около нас и приняться за хлебопашество, если земля к тому удобна будет. Бог знает, сродны ли они к сему. Не дай Бог, мне быть здесь учредителем сего заведения.

Известия, пришедшие из Астрабада, говорят, что шах-заде Шаманский оценил головы Киата и Петровича и что некоторые туркмены взялись ему доставить оные. Осторожность наша должна усугубиться. Вчера суда за противным ветром не могли скоро подойти к нам; они долго лавировали, приближаясь к берегу, и поздно уже легли на якорь довольно далеко от берега, за мелководием. Вчера я слышал через Петровича от приезжих матросов с транспорта, что Катани проигрался там; если сие справедливо, то мне много еще хлопот с ним предстоит.

20-го. Поутру я послал Рюмина в Упракские горы, дабы кончить съёмку оных; он возвратился к полдню, сделав ее отлично хорошо. Я тот же час отправился. Рюмин шел горами и снимал местоположение; с ним был Юрьев, который съехал на берег, дабы следовать со мною. Тяжести были все нагружены на двух киржимах, отряд же шел берегом подле горы. К вечеру всё собралось к косе Кубе-Сенгир, где я расположился лагерем. Куба-Сенгир высокая гора, составляющая второй берег моря; она выдается мысом в залив; за ней же находится большой залив, на котором виден малый остров Даг-аба. Вчерашний переход был около 15 верст. Но дорога была довольно трудна, особливо команде, шедшей по горам, где острые кам-

ни и возвышения измучили народ. Я получил вчера записку от Катани, которой он просил у меня извинения. Я велел ему возвратиться ввечеру.

Ехавши по берегу верхом, я усакал несколько вперед с Сеидом и дорогой разговаривал с ним, приглашая его со мной рядом ехать; но он никак не выезжал, а все ехал позади меня. Я взял подозрение на него и стал примечать тень его ружья, отражающуюся на скалах; я расспросил его о 12 червонцах, которые достались на долю Киата и Петровича, из числа 40, которые ему были даны при отправлении моем в Хиву; он признался мне в сем и, удивляясь, что я сие знал, спросил, каким образом дело сие могло дойти до меня.

— Я вычислениями до сего дошел, — отвечал я.

— Какими?

— Теми самыми, которыми я тебе предсказал лунное затмение, когда мы поехали в Хиву.

— Мудреные у вас вычисления; вычислите же мне и узнайте, что у меня теперь на душе есть? — С сим словом я приметил, что тень его ружья сдвинулась с места.

Я оборотился, ружье у него уже было в руках.

— Сеид, — спросил я, — где кальян?

— Он сзади остался, — отвечал он.

— Надобно его обождать: мне курить хочется.

— Подождем.

Он заметил мою мысль и, дабы не дать мне подозрения, повесил ружье на седло и отошел от лошади. К тому времени показался отряд из-за камня. Подозрение мое могло быть неосновательно, и потому я ничего ему не сказал, но буду вперед осторожнее.

21-го. Около полудня мы выступили из лагеря. Берег, которым я шел от Кубы-Сенгира, низок, к

оному приближаются в иных местах горы из степи, горы сии невысоки и голы, так же как и вся степь. Остров Даг-ада, на котором я нахожусь, отстоит около четырех верст от мыса. Жители же говорили, что остров всего отстоит от берега на четыре выстрела ружейных. Против сего острова на берегу находится колодец Курд, в коем вода так горька, что ее невозможно употреблять. И так мы отошли уже близ половины нашего пути до Балкана; мелководие не позволит судам далее подвигаться, и отсюда надобно будет взять другие меры для продолжения нашего путешествия.

22-го. Вчера поутру я ходил на южный берег острова, дабы выбрать удобное лагерное место, в виду судов; суда стояли верстах в семи от берега. Ратьков посылал делать промеры. Посланный им штурман встретился со мной на берегу; он не нашел достаточной глубины, чтобы подойти гужом близко к берегу, но сказал мне, что они только несколько подвинуться могут. В полдень я перенес лагерь на южный берег. Пакетбот несколько подвинулся и остановился в трех верстах от берега; транспорт же остался на старом месте. Остров Даг-ада имеет около четырех верст с востока на запад и около версты поперечника; к нему примыкает с северо-восточной стороны еще небольшой каменный островок, имеющий вид треугольника. Самый же остров состоит большею частью из камня; на середине оного есть несколько гор, тоже каменных; между ними есть небольшое кочевье, недавно переселившееся сюда из Красноводска. Воды не имеется на всем острове, впрочем, жители никогда и не испытывали отрывать оную. Я вспомнил, что, будучи в Петербурге в прошлом году, мне говорил, кажется, граф Нессельроде, что Надир-шах, намереваясь завести

крепость на сих местах, посылал английских офицеров, при нем находящихся, для осмотра его. Неизвестно, от чего тогда сие дело кончилось; может быть, и рыли здесь колодцы и не нашли воды, может быть, и не принимались за сие. Если б здесь нашлась пресная вода, то, верно, лучше и безопаснее сего места на всем берегу бы не было. Люди, посланные сюда, могли бы без большего отягощения жить здесь, и, может быть, бы я сам согласился провести здесь несколько лет для занятий.

Ссора моя с Киатом кончилась вчера ввечеру. Поутру еще, бывши на старом лагере, я вышел к нему и звал его идти со мной для выбора места. Он с сердцем спросил меня, останутся ли туркмены на берегу или перевезут их на остров. Я удивился, что их до сих пор еще не привезли. Тут Киат сказал мне, что они остались на берегу без воды и что, будто, матросы им воды не давали накануне ночью. Я расспросил матросов, и вышло, что сие несправедливо. Киат же полагал, что я сам приказал матросам не давать на берегу воды. Причиною сего была лень посланного туркмена, как я выше сказал; но Киат разупрямился. Я винил его, для чего он мне о сем поутру не сказал; он был сердит и отвечал мне с жаром, что он не смел мне докладывать о сем. Видя, что с ним говорить нечего, я велел ему послать киржим за оставшимися туркменами и спросить у него: намеревается ли он перейти с нами на ту сторону; он приказал мне отвечать, что придет ко мне просить увольнения. Я ушел и оставил приказание за ним смотреть, дабы, в случае, если б он уйти хотел, послать за ним в погоню и остановить. День весь прошел без дела от сей ссоры. Ввечеру он ко мне пришел, объяснился; я его заставил признаться в своей вине, и мы помирились.

Ввечеру вчера приплыл сюда Арчех, у которого хищники украли сына; он, мне кажется, более горюет о деньгах, которых он лишится для выкупа сына, чем о самом мальчике своем.

23-го. Я перенес лагерь свой с полверсты восточнее, потому что берег у того места, где мы стояли, очень вязок; ил простирался далеко в море, и люди, разгружая лодки, вязли в оном по колено. Ил сей имел едкие свойства, и солдаты, ходившие по нему, чувствовали сильное щипание в ногах. С утра я послал 30 человек рабочих отрывать на острове пресную воду; вырыли несколько колодцев, но вода везде показывалась горькая и соленая; не менее того я велел продолжать поиски. Глина в колодцах оказалась прекрасная и дает надежду, что вода покажется хорошая. Ввечеру я ездил на пакетбот и приказал отправить транспорт к Балкуинским колодцам за водой, дабы не иметь недостатка в оной, отправляясь на Балкан. Между тем, дабы узнать обстоятельно о положении гор и взять настоящие меры для достижения оных, я послал один киржим с письмом к мулле Каибу на Дарджу, для привезения ко мне двух проводников, знающих хорошо места. Киржим вчера же ввечеру достиг берега Дарджинского. И так я останусь здесь несколько дней в ожидании воды. Балкан у нас в виду; тут последние труды наши должны кончиться.

24-го продолжали рытье колодцев; вырыли 15 ям, из коих некоторые были глубиною в пять аршин; но их принуждены были бросить, потому что грунт был каменный; в иных же оказалась вода очень противного вкуса, горького и соленого. Вчера приехал сюда один киржим, на котором было до 20 туркмен челекениских; они приехали из Челекени для следования

со мной на Балкан и привезли известие, что шах-заде Астрабадский посылает 5000 человек конницы на Балкан для поимания нас. Силы сии увеличены; но, вероятно, что люди посланы для нападения на меня. Я расспрашивал вчера туркмен о дороге нашей к Балкану; надобно будет переехать сперва на Дарджу, потому что там заготовлены верблюды, долженствующие везти нашу воду, перевести же их на северный берег залива будет очень трудно, и дорога по сему берегу гораздо далее южной. И потому я решился с возвращением транспорта отправиться на Дарджу. До вершины залива три дня хода, без воды; 50 верблюдов повезут нашу воду, палатки и орудие до колодцев Ах-там, лежащих в полусутках ходу от гор Балканских и отделяемых от Дарджи глубоким проливом, не имеющим более пять сажень ширины. Киржимы и лодки не могут достигнуть оногo, потому что весь залив очень мелок. По сую сторону сего пролива есть развалины больших строений. И в сем проливе был один из рукавов старой Аму-Дарьи; за ним на твердой земле находятся колодцы Ах-там. Там идет и большая дорога из Астрабада у подошвы гор.

Приехавшие к нам гости для услуг мне в тягость: они пьют воду, едят, а пользы никакой не приносят. Притом же я не могу надеяться на них при нападении, и потому я велел Киату их отправить, оставив только тех, которые нам будут нужны.

Так как нельзя основываться на известиях, данных туркменами о Балканских горах, то я и не помещаю здесь сведений, собранных от них; я опишу горы по окончании опасного путешествия, предпринятого мною, если возвращусь из оногo.

Вчера приехал сюда еще туркмен Тохум-Мехтум с жалобой, что у него украли чувал⁹³ с ковром и дру-

гими принадлежностями к кибитке, спрятанный им уже давно за камнем; к сему месту шел след сапог, и некоторые дурные войлока, лежавшие в мешке. Украденные прежде сего мешки с пшеницей дают им повод приставать ко мне с такими просьбами; они мошенники; но жадность Ратькова подает им повод к сим поискам, может быть, и справедливым. Я писал о сем записку к Ратькову, прося его, дабы он приказал обыскать команду; но он отвечал мне, что ничего такого у него на судне не нашлось. Надобно будет принять другие меры для отыскания сего воровства.

25-го. Отправились прибывшие туркмены на Дарджу; им не объявил Киат, что их не нужно, а сказал им, что за ними пошлют. После того я отправил Юрьева с Рюминым в самую глубину Балканского залива для обследования его; они отправились на киржиге, взявши с собой бударку, для следования далее, если за мелководием они принуждены будут оставить киржим. Они ночевали отсюда верстах в восьми.

26-го. Возвратились сюда Юрьев с Рюминым, потому что на киржиге, на котором они ехали, оказалась течь; притом же киржим, по дурному устройению своему, не удобен к движениям тогда, как ветру способного нет, а на веслах он едва подвигается. К вечеру показался транспорт, и в надежде, что он подойдет скоро, я отправил Юрьева с Рюминым на катере и бударке (последние гребные суда, которые у нас оставались) в залив, для узнания обстоятельно мест, в которые мы пускаемся, ибо туркменам ни в чем верить нельзя: перешеек Ах-там, который, они говорили, имеет пять сажень ширины, вышел теперь, по их же словам, 35 сажень.

Вчера я читал путешествие Ладыженского по сему заливу и нашел его описание совершенно спра-

ведливым; он очень хорошо описывает воды и горы. В его время, т. е. лет 60 тому назад, укрепление князя Бековича на Красноводской косе было все затоплено водой, а одна из батарей оного составляла только остров. Сие было в 1764 году. Ладыженский рыл на сем острове и нашел уголь. Туркмены же говорили ему, что на сем месте была прежде деревянная стена и каменная башня. Ладыженский посылал также суда для промера в глубину залива; воды пресной нигде там не нашли и не подходили даже к подошвам гор, которые не близко от берега отстоят.

27-го. Поутру я обошел весь остров и смотрел колдцы, около которых солдаты трудились. Зашедши на восточную оконечность острова, я нашел пять кибиток и заходил в них. Тут было только трое мужчин; остальные все женщины, коих мужья отъехали в Дарджу на время. Женщины, по-видимому, были очень рады моему пришествию, мужчины же приняли меня довольно сухо. Когда я уже отошел от кибиток с полверсты, меня нагнал один из туркмен и просил воротиться, говоря, что им стыдно, что отпустили меня, не потчевав ничем, и просили меня возвратиться; я отвечал им, что без них голоден не буду и ушел. Перед вечером приехал сюда мулла Каиб из своего кочевья, человек неглупый, друг Киата и поневоле преданный нам: ибо ему ни в Астрабаде, ни в Хиве пристанища нет. Он привез мне известие, что один старшина туркменский Надыр-хан, находящийся при шах-заде Астрабадском, объявил ему, что мы собираемся идти на Балкан. Шах-заде послал к Кази-Тагану письмо, чтобы он приказал туркменам разграбить нас. Кази отвечал, что, так как при нас находятся туркмены ему родственники, то он не может решиться приказать побить их с нами. Шах-заде от-

вечал, чтобы, невзирая ни на что, разграбили нас или ожидали бы его у себя, для приведения их в послушание. После сего они стали собираться в числе 500 человек, большей частью пеших, для нападения на нас в Балкане. Кази хотел о сем письменно известить Киата, но побоялся, чтобы персияне не взяли подозрения на него, и послал с сим известием (для передания его изустно Киату) на Челекень одного туркмена; посланный не застал Киата в Челекене, остановился у него в доме и сказал сие жене его. В то самое время киржим отчаливал оттуда и шел на Дарджу. Туркмен Нефес нам знакомый, родственник Таган-Ниясу и приятель Киата, в то время был на нефтяных колодцах; возвратившись в кочевье и узнав сие известие, он тотчас побежал чрез остров на северо-восточную оконечность оного и развел большой огонь для сигнала киржиму. Киржим пришел к огню, и он приказал людям, на оном находящимся, доставить сие известие к нам, люди же сии пристали к Дарджинскому кочевью в то время, как мулла Каиб оттуда отплывал, и передали дошедшую до меня весть. По их расчету, неприятель должен был вчера еще прибыть к колодцам Ах-там, куда пристанут Юрьев с Рюминым. Я тот же час велел переправить одного нашего туркмена на Дарджу и приказал ему ехать всю ночь на восток, достигнувши колодцев, осмотреть следы и отдать записку Юрьеву, в которой я его предостерегал. Туркмену же я дал еще ракету, фальшфейер⁹⁴ и швермер, дабы дать Юрьеву ночью о себе знать. Между тем послал Ратькову сказать, чтобы он командировал одного офицера на двух гребных судах в подкрепление к Юрьеву; я хотел их отправить в ночь же, но сильный остовый ветер и большое волнение не позволили их отправить.

В ожидании ночью судов, я сидел до первого часа у Киата в кибитке и разговаривал с муллой Каибом о разных предметах. Между прочим, говоря о вере, он сказал мне, что из Греции или Турции (Руми⁹⁵) привезли одну книгу, в которой написано, что Бог состоит из трех лиц, что россиян считается 12 колен, что некий старик Павлос (Павел Апостол) учил их и ходил по всем странам России. Наконец, состарившись, он не мог более странствовать и велел себе из каждого колена привести по одному молодому человеку и построить им дом, в котором было 12 келий; в каждой келии он посадил по одному ученику и обучал их всякого порознь, не допуская одного до другого. Когда он умер, ученики сии сошлись и, разговаривая между собою, увидели, что их знания одни другим противоречат и что им всем разные учения толковали. Они разошлись по всем концам России и проповедовали двенадцати коленам свои учения, от сего произошло, что в России двенадцать различных вер. Беспорядочные головы туркмен таким образом постигают вещи, и вместо того, чтобы всякую вещь видеть в простом ее виде, они винтят себе воображение, дабы представить себе ее искаженную тысячью глупыми баснями. Положение Киата здесь после нашего выезда незавидное. Персияне стараются его поймать, и он почти нигде пристанища не имеет; ему остается только одно средство: переехать жить в Россию, если мы здесь не заведем укрепления, и он, кажется по всему, сего крепко желает.

28-го. Поутру я послал два гребных судна с офицером для отыскания Юрьева, дабы его остерегли; но вскоре показались катер и бударка. Юрьев остановился в 30 верстах от верха залива, за недостатком глубины; отойдя от нас 70 верст, ветер остой⁹⁶ при-

нудил их воротиться, согнавши много воды из залива и оставив их почти на мели. Они мало могли рассмотреть берега, но не заметили на горах лесу, как то туркмены говорили; и в самом деле, кажется, что известие об изобилии сих мест водою и лесом кажутся несправедливы. Дикари сии не видали никогда мест похожих на жилье людей и, удивляясь растению или пруту, называют его лесом.

Некоторые колодцы продолжают еще рыть и вырыли их до 11 аршин глубины, но вода все еще не показывается. Вчера я приказал вырыть в одном из брошенных колодцев печь; глина здешняя очень хороша, и печь сделали славную. Во время шествия моего на Балкан суда будут в ней хлебы печь.

29 сентября я написал Ратькову отношение, которым я просил его доставить ко мне, как скоро ветер утихнет, все гребные суда, для переезда на Дарджу, 40 анкороков⁹⁷ воды и 25 матросов, которые должны следовать со мной на Балкан. Ветер продолжался целый день, и потому я не мог перебираться на Дарджу.

1-го. Ветер стал стихать, и я отправился с половиной команды и орудием на Дарджу, к мысу Кара-Сенгир, отстоящему верстах в 15 от Даг-ады, препоручив остальных Юрьеву, которого я вытребовал отношением для следования со мной, и приказал ему на другой день, если ветер позволит, следовать за мной на всех гребных судах, которые я ночью же отослал к нему.

По прибытии моем сюда я видел много джейранов, пошел за ними, но они не допустили меня.

2-го числа прибыл сюда Юрьев с остальным отрядом; ввечеру я послал Киата с муллою Каибом в кочевье, для приведения верблюдов. По отъезде его я призывал Сеида и расспросил его о горах; он при-

знался мне, что все сказания туркмен о горах Балканских ложны. Богатых родников нет, лесу и инжиру нет. Туркмены хвастали, и теперь, как я к Балкану приближаюсь, они все начинают понемногу сознаваться в своей лжи, и Балкан выходит такая же пустая, бесплодная каменная гора, как и те, подле которых мы все сии дни шли.

3-го числа после полдня возвратился Киат и привел с собою 50 верблюдов, четырех лошадей и 46 туркмен, которые, не имея в кочевье воды и съестного от своей собственной лени, привалили ко мне в надежде, что их будут кормить и поить, хотя я Киату уже давно говорил, чтобы он много народа не водил, положил ему ежедневную порцию воды и откупился 56 пудами пшеницы от тех голодных и обжорливых слуг, которые в Даг-аду ко мне приезжали. По прибытии их, ему я опять объявил, что не прибавлю им воды; но он удержал их, в надежде, что я перемену свое обещание.

Вечеру я делал учение с пальбою, приучал людей в цель стрелять, а четырех верблюдов впряг в орудие для приучения их к возке его. Между тем расписал всех туркмен и верблюдов по своим местам и хотел на другой день отправляться; но туркмены объявили мне, что от нашего лагеря должно идти верст до 20 топью и высокими песчаными буграми, где наше орудие не пройдет. Они предлагали отправить орудие на киржихмах с одними туркменами, к другому Кара-Сенгиру (мыс, отстоящий отсюда на 20 с лишком верст), говоря, что от того места орудие может свободно идти. Нельзя верить сказаниям подлого и бестолкового сего народа; но в сем случае неосторожно было б с моей стороны пуститься в безводные песчаные степи, где я мог измучить людей, и потому 4-го,

вчера до рассвета я послал Юрьева на туркменской бударке в залив, по южному берегу онога, к северному берегу Дарджи, для осмотра места и узнания, можно ли киржимам близко у берега остановиться. Юрьев ездил до Кара-Сенгира, возвратился перед вечером и донес мне, что другой Кара-Сенгир, отлежащий более 20 верст от первого, удобен для пристанища. И так я ввечеру после захождения солнца посадил всю команду на три киржима, нагрузив туда же орудие, снаряды, часть провианта и всю воду, разместил своих офицеров по киржимам и велел сниматься с якоря; но перед отъездом моим сделалась у нас остановка с Киатом. Видя, что я больше воды не дам, как сколько я обещал, он надулся и стал говорить мне, что таким образом не принимают людей, пришедших для службы, что туркмены не видали еще ничего от нас, почему бы они были привязаны к нам, и так далее. Я рассердился и с угрозой сказал ему, что против неповиновения я имею много средств; он усмирился, и я уехал по прибытии крейсера, или гребного судна, которое разъезжает для караула в заливе. Ночь была прекрасная, мы подвигались очень скоро на веслах и поутру были уже довольно далеко, за вторым Кара-Сенгиром, почти на половине расстояния от первого до Балкана. Тут я вышел на берег и расположился лагерем сегодняшнего числа.

5-го после полдня приехал Киат с туркменами и верблюдами, а вскоре за ним прибыл и катер, который ходил крейсером в прошлую ночь; мы прошли на киржимах близ 30 верст. Я хотел воспользоваться остатком дня и еще проплыть верст семь, дабы на другой день придти одним переходом к Ахтамскому колодцу; но только лишь я успел нагрузить киржимы, как вдруг поднялся сильный восточный ветер,

нам противный. Я принужден был выгрузить и остаться ночевать на том месте. Вечеру я распорядил все для скорейшего подъема на другой день и нашел в Киае необыкновенную готовность исполнять все, что ему прикажут. Ссора наша, видно, была излишняя. Северный берег Дарджи, на котором мы ночевали, представляет открытую, бесплодную и соленую степь. Берега несколько вязки; кустарника для жжения немного; для нас его было достаточно. По виденным следам должно полагать, что здесь много джейранов, волков, оленей и пр. Ночью шел небольшой дождь; Балкан же был почти целый день закрыт туманом.

6-го мы поднялись в дорогу до свету. 50 верблюдов везли нам воду, провиант, снаряды, орудие и прочие тяжести. Я шел с одним взводом в полуверсте от главного отряда, который я поручил Юрьеву; один взвод шел направо, один налево в стрелках, один в арьергарде и два при орудии. Таким образом мы прошли 30 верст; дождь мочил нас до половины дороги. Вязкий солончак, по которому мы шли, размок, и потому верблюды с большим трудом могли вывезти орудие. Мы шли все около северного берега Дарджи, огибая култуки Балканского залива, который в сем месте едва имеет три вершка воды, но очень топок. В правой руке были у нас песчаные бугры, покрытые кустарником жидовинником⁹⁸. Перед вечером мы стали лагерем при урочище Худай-Кули. Полуостров не имеет ничего занимательного.

7-го мы поднялись очень рано и после 16 верст, оставив в левой стороне вместо залива одни только иловатые топи, мы пришли к руслу древней Аму-Дарьи, имеющему в сем месте крутые, но невысокие берега. Место сие имеет около версты ширины; стоячая

морская вода, которая в нем находится и в нескольких местах прерывается, так солона и горька, что даже верблюды не могут ее пить. Она сжимает все члены того, который в ней купается, и покрывает их солью. Вода имеет близ 30 сажен в поперечнике, и направление сего рукава извилисто так, как обыкновенно реки бывают. Северный берег оного песчаный и имеет воду разных свойств, но вообще по нужде годную к употреблению. Мы прошли около трех или четырех верст вверх по старому течению Аму-Дарьи, левым берегом оной, и остановились на берегу воды имеющей сажен 30 в ширину, три в глубину. Не доходя сего места в правой руке, в полуверсте от нас, есть кладбище туркменское, среди коего построен купол из кирпича; строение сие очень хорошо сложено и внутри выштукатурено. Тут похоронено три человека, коих гробницы наружу сделаны и обложены по обыкновению туркмен туровыми рогами, тряпками и разными безделицами, принесенными покойникам в жертву; на берегу же, против лагеря нашего, выстроена на круге небольшая башня, которая, как говорят туркмены, сделана ими же для содержания караула.

По прибытии сюда я тотчас велел сделать плот из четырех анкороков, накрыть их досками и переправить на ту сторону троих туркмен с ружьями, для содержания караула на песчаном бугре, против нас лежащем. Между тем я послал тоже туркмен за ахтамской водой; привезли воду соленую, но годную по нужде для употребления. Туркмены говорили, что она лучше балкуинской и солгали, по обыкновению своему, смотря на все в увеличительное стекло.

Половина моего запаса воды уже кончилась, провианту оставалось только на шесть дней, а на Балкан идти с левой или с правой стороны взад и вперед на-

добно было пять дней без отдыха от здешнего только места и обратно сюда; при том же должно было переправиться через вязкую и глубокую реку и оставить ее у себя в тылу, переправиться же через нее не более можно, как двум человекам в раз, на маленьком и дурном плоту. И потому я полагал воротиться с остатком воды, как я и сначала располагал сделать, отправляясь сюда в дорогу. Я предложил свое мнение Юрьеву и другим офицерам. Юрьев уже давно о том же мыслил, хотя он и был в совершенной готовности исполнить все, что я прикажу бесприкословно. Рюмин то же говорил. Катани, как горячий ребенок, не рассуждая ни о чем, рвался идти на Балкан. Балкан был у нас в виду довольно близко, и казалось, что не более 15 верст до него; но жители утверждали, что если идти к нему самой прямой дорогой, то до него близ 30 верст, а подъем 15. В трубу ясно видно, что на нем нет строевого леса, а только кусты; от родников уже туркмены отказались, говоря, что они находятся за горой. И так не для чего почти было и идти, особливо рассчитав, что у нас ни воды, ни провианта не будет. Однако, желая достичь вполне своего намерения и цели путешествия, я стал узнавать у жителей о водах, и узнал, что при подошве горы есть колодец с хорошей пресной водой, называющийся Беур-Кусьси. Дабы увериться в истине их сказания, я послал в тот же вечер четырех туркмен за водой туда, решившись, по возвращении их, если вода покажется хорошая, послать в горы офицеров, а самому остаться с оружием и защищать переправу.

Вчера 8-го поутру посланные туркмены возвратились и привезли прекрасную воду; я в тот же час велел переправить на ту сторону 34 верблюда и 12 туркмен, а за ними Юрьева, Катани и Рюмина, которые

выбрали из всего отряда 32 человека. Приехавшие туркмены сказали мне, что у колодцев видели они свежие следы 15 человек конных, проехавших к северному берегу залива от юга. Переправа посланных мною продолжалась без малого до полдня, так что, если б я вздумал со всем отрядом переправляться, то я не прежде двух суток мог бы перебраться на ту сторону. Юрьев, коему поверено было начальство над отрядом, пошел к горам и к вечеру, как мне в трубу было видно, поднялся наверх горы, почему и должно заключать, что она не так далеко отсюда должна отстоять. Между тем я рассчитал остальной отряд свой на три взвода, стал ближе к реке, обвелся рогатками и фашинником и послал шестеро туркмен караулом на ту сторону реки, на песчаный бугор, с которого легко бы можно беспокоить нас; ночью я отменил цепь и секретные посты, потому что народа у меня мало осталось. Я пускал ночью ракеты, швермера, жег фальшфейеры и стрелял из ружей, дабы обратить на себя внимание неприятеля, буде он есть, и отвлечь его от Юрьева.

9-го к вечеру возвратился Юрьев с отрядом. Вот сведения, которые они доставили о Балкане. Колодец Беур-Кусьси, из которого мне привозили воду, лежит у самой подошвы крутизны Балканских гор, поднявшись довольно большое расстояние по отлогой возвышенности, составляющей начало Балканской горы и пересеченной многими оврагами, составленными дождевыми речками, текшими с горы. В сем месте, отстоящем от переправы на 25 верст, гора вдается на восток и составляет глубокое ущелье. Вода в колодце прекрасная. Около него растет несколько инжировых деревьев, винные ягоды. Оттуда идет подъем на самую гору, подъем сей крутой и скалистой, по сим

скалам растут кое-где кипарисные деревья и можжевеловые кусты, очень большие и толстые, но не годные ни к какому строению. Ночь с 8-го на 9-е они ночевали на вершине горы, и хотя они были почти в 30 верстах от меня, я мог видеть людей на вершине в зрительную трубу. Горы сии лежат тремя рядами, в ущельях видно более леса, но все такого же рода; родники, по словам туркмен, очутились далее и, кажется, что их совсем нет. Как бы то ни было, путешествие на Балкан имело бы только одну пользу, ту, что в другой раз русским уже не нужно будет на него ходить. И туркмены оказались лжецами. Горы сии не заслуживают никакого описания.

10-го мы поднялись из Ах-тама и пришли ночевать, прошедши двумя или тремя верстами прежний лагерь наш при Худа-Кули. Дорога ничего не представляла занимательного. Двое туркмен приходили жаловаться на солдат, что будто их дорогой били. Они солгали: их только толкнули. Случилось, что один из жалующихся был тот самый, который обнажал в Балкуи нож на матросов, в то время как мы стояли в Вознесенском. Я знал его и, призвав матросов, с которыми он дрался, спросил, согласен ли он, чтобы я наказал своих, а его втрое. Он отказывался от обвинения и не согласился на мой суд; и так отстал от своего иска.

11-го мы пришли из Худа-Кули в лагерь 5-го числа, где нашли ожидающие нас три киржима и катер, который крейсировал. В тот же вечер я послал катер к пакетботу, приказав судам подвинуться к кочевью Дарджинскому. На нем поехали Юрьев и Катани. Остававшиеся туркмены на киржимах переезжали на другую сторону залива для охоты; четверо из них пошли в горы к роднику и нашли на дороге своей две

переметные сумы с ячменем и одну с мукой; они взяли их и хотели нести добычу назад, как увидели семь конных человек; у конных были пики, но ружей не было, у наших же ружья. Одни других испугались и побежали в разные стороны. Наши не могли неприятелю больше вреда нанести, как рассыпать ячмень, который они второпях не могли унести, и они привезли только одну муку, которой и питались до нашего прибытия. Эти люди, по приметам их, должны быть кёклены, и те самые, коих следы видели два раза у подошвы Балкана; они оставили пожитки свои в сем месте и пошли северным берегом залива, полагая нас застать и уворовать оплошного человека, но, не найдя вас, возвратились и, заставши наших туркмен на своих пожитках, бежали, оставив их им в добычу. Они должны были проезжать мимо Балкана в тот самый день, как наши с горы возвращались, и, верно, видели их и скрылись.

12-го поутру я сел на киржим, отпустив еще накунне Киата с верблюдами к кочевью муллы Каиба. Ветер хотя был противный, но слаб; мы целый день на веслах шли и подвинулись близ 20 верст; ввечеру ветер усилился, и мы легли на якорь, но вскоре опять потянулись. К полночи принуждены были опять лечь на якорь, не дойдя до первого ночлега нашего на Дардже, Кара-Сенгира.

13-го поутру на рассвете поднялся свежий ветер; мы несколько потянулись на веслах, дабы обойти косу Кара-Сенгир; обошедши ее, мы подняли паруса и прибыли около полдня сюда, на западный берег полуострова, пройдя кочевья двумя верстами и став за бугром, называемым Чадыр-Детси. Выйдя на берег, я был встречен старшинами и Киатом, которые уже два дня как приехали. Я поставил палатки свои на берегу,

суда подошли очень близко к берегу и легли на якорь в полверсте от меня. Я обедал на транспорте и отпустил матросов, ходивших со мной на Балкан, на суда. Я здесь располагаю остаться несколько дней для ода-рения туркмен и продажи остального товара.

14-го я раздавал подарки туркменам, которые во все время вели себя хорошо и служили усердно. Что всего удивительнее было то, что все остались довольными против обыкновения; один Кульчи только сделал печальную рожу, невзирая на то, что подарок, ему сделанный, стоил гораздо более заслуг его, около 150 рублей. От него именно я не ожидал сего. Прочие туркмены были скромны и довольны; но смешно было смотреть, каким они образом брали подарки. Они прятали их под кафтаны, боясь показать их своим товарищам и родным, дабы не возродить между собою зависти и ссоры. Они выбегали как воры из моей палатки и, приходя в кибитку к себе, садились в кружок, не смея встать, дабы не выронить вещей из-под полы, все сидели и молчали, смотря друг на друга, подозревая один другого в получении несметных богатств.

Вечеру Киат долго сидел у меня и говорил мне об опасностях, предстоящих ему, по отъезде моем, со стороны персиян; я утешал его и обещался ему распу-стить слух, что я возвращусь с Кендерли и приеду к Серебряному бугру зимовать. Он меня просил о сем, говоря, что сим только одним средством можно удерж-жать персиян от разграбления иомудов. Он обещался дать в Россию любого из сыновей, и обоих, если я вздумаю их взять. Словом, я нашел в нем совершен-ную преданность России и готовность служить нам, чем только можно. Мне жалко его положение: по отъ-езде нашем он не смеет выехать из Челекени, ибо вез-де имеет неприятелей.

15-го. Окончив дела с туркменами, я убрался на суда, дабы уже отсюда пуститься к обозрению Аджайба, или второго рукава Аму-Дарьи; но прежде отплытия моего я хотел еще поблагодарить Сеида за освобождение из неволи Сергея. Я велел Сергею съехать на берег и, отдав ему кусок хорошей золотой парчи, приказал ему отдать его Сеиду. Киата я отпустил в Челекень, приказав ему через четыре дня выехать к кочевью, которое лежит на северо-восточной оконечности острова и дожидаться там меня. Туркмены с горестью расстались со мной, ибо они по-прежнему начнут вести голодную жизнь.

16-го. Я отправился на трех гребных судах для обозрения южного берега Дарджи, где, по словам жителей, видели следы другого рукава Аму-Дарьи, называющиеся Аджаиб, и развалин, приметных на том месте. Путь был дальний, близ 200 верст; но я надеялся через четыре дня возвратиться и отпустил между тем транспорт за водой, а туркмен в Челекень, взяв с собой одного Таган-Ниаса. Кочевье муллы Каиба по отъезде нашем стало съезжать с места; оно идет на Мангышлак, а оттуда в Хиву, опасаясь остаться на Дардже и идти прямой дорогой в Хиву.

16-го. Я доехал до острова Арыг, лежащего против ночлега нашего на косе Ших-Дервише Челекенской, составляющей с Челекенью узкий пролив и очень мелкой, так, что катер, сидящий на три фута⁹⁹ в воде, с трудом мог пройти. Безопасность челекенских жителей есть мнимая: они полагают себя на неприступном острове; но неприятель, который имел бы несколькомышлености и смелости, легко бы перебродил сие место и мог бы разорить челекенских жителей. К вечеру я уже отплыл близ 40 верст и остановился ночевать на острове Арыг. Вечер и ночь были очень холодны, при-

том же дождь шел почти целую ночь. На сем острове есть могила трех туркмен, потонувших в прошлом году на одной лодке, которая ходила за водой в Балкуи. Довольно странно, что утопшие были в ближайших родственных связях между собою: дед, сын и внук.

17-го. Мы пошли далее, въехали в залив Турбаши, находящийся на юге Челекени, с большим трудом могли перебраться через заструги, встречавшиеся нам. Киржимы Киата нагоняли нас; голодные и алчущие туркмены, сидящие в них битком, надеялись быть накормлены нами; но мы перебрались и выехали в открытое море, миновав остров Ешек. Тут противный нам ветер усилился так, что мы едва могли вперед подвигаться: волна стала усиливаться и бить через борт. Нам еще оставалось более 100 верст езды открытым морем, с противным ветром. В три дня бы мы не добились до места; провианта и воды бы у нас не стало, и потому я решился воротиться и приехал ночевать на Ших-Дервиш на прежний ночлег мой.

18-го. Дабы не терять времени, я оставил Катани на берегу, приказав ему снимать берег и присоединиться ко мне ввечеру, а сам поплыл к кочевью, находящемуся на северном берегу острова, где и поставил свою палатку. Пакетбот, вместо того чтобы сюда пристать, пристал к Копалче против нового кочевья, туда переселившегося с Красноводска, и стоял очень далеко от нас. Транспорта еще не было видно. Ночью я пускал сигналы пакетботу; он отвечал мне, но, верно за противным ветром, не мог подвинуться ко мне.

19-го. Я послал катер к пакетботу, приказав ему подвинуться ко мне. Пакетбот к вечеру подвинулся; возвратившийся же катер привез известие, что на пакетботе умер один артиллерист морской от цинготной болезни. Он просил перед смертью, чтобы его

похоронили в Баку, а не здесь. Его похоронили на косе Копалче, и алчные туркмены, там кочующие, требовали с Ратькова деньги за землю. На могиле покойника поставили крест деревянный. Вечеру я ездил на пакетбот и видел карты, по которым наши моряки ходят по здешнему морю. Ничего не может быть грубее их, и туркменец пальцем на песке начертит карту своих берегов и наших гораздо обстоятельнее и вернее. Притом же понятия Ратькова и его офицеров соответствуют совершенно их картам: они принимают острова за горы, так что полуостров Дарджа, который начерчен несколько сходственно на вид с боку Балканской горы, изображает, по мнению Ратькова, самую гору в профиле, а не полуостров. «Только, — говорит, — гора не в ту сторону поворочена; я это поправлю». Все офицеры пакетбота, хотя я их службою и доволен, похожи более на музуров, чем на офицеров. Теперь занятия мои почти совсем кончились, осталось только снять верст 10 северного берега острова, что в несколько часов кончится. По прибытии транспорта я уберусь отсюда и, смотря по времени и по оставшемуся у нас провианту, пушусь в Кендерли или в Баку.

21-го поутру мы увидали транспорт, который стоял за Копалчинской косой. Непонятно, как он туда попался. Ветер был целый день сильный, северный. Под вечер начало стихать; в полдень приехал Киат из своего кочевья и поставил свою кибитку подле моего лагеря.

22-го транспорт лавировал целый день, дабы обогнуть косу Копалчу, за которой он попался, и к вечеру еще ни насколько не придвинулся к нам. Все сии дни погода стоит холодная, ветры сильные. Я посылаю всякий день матросов отыскивать два анкорока, одно

ружье и три сумы, оставшиеся в море по разбитию четверки; но поиски тщетны. Между тем мы живем здесь понапрасну, теряя время, в ожидании транспорта, и терпим нужду.

23-го в полдень транспорт подошел, наконец, к берегу; я в то же время отправился на суда и совсем перебрался на них. Целый день шел сильный дождь. Долгое пребывание мое на берегу в холодное и сырое время с дурной пищей было причиной, что я с особенным удовольствием вошел в теплую и опрятную каюту судна.

24-го погода была прекрасная; а занимался перегрузкой на берег пшеницы, которая Киату продавалась. Между тем Катани оканчивал план Челекенского острова, коего съемка была кончена Рюминым 22-го числа. Против всякого ожидания моего, окружающая астрольбическая съемка острова сошлась с удивительной верностью на здешнем месте. Вчера я написал Киату свидетельство на получение медали от главнокомандующего, а Таган-Ниасу свидетельство в его преданности к российскому правительству. Я написал также воззвание к туркменскому народу, для соединения его под начальство Киата. Бумага сия, которую я перевел на турецкий язык, следующего содержания.

Старшины иомудов!

Просьба ваша дошла до главнокомандующего над землями, лежащими между двух морей. Он милостиво взглянул на ваш народ. Видя преданность вашу и сострадаю о вашем бедном положении, он послал меня к вам для лучшего узнания вас и дабы более увериться в искренности ваших намерений. К сожалению моему, большая часть

народа вашего удалилась от Балкана. Сношения мои были почти с одними челекенскими обывателями, пребывающими постоянно в праотеческом жилище своем. Я знаю бедность и нужды ваши и требую содействия вашего к исполнению видов ваших, клонящихся единственно к вашему благу.

Некий старец, отходя в вечную жизнь, завещал детей своих жить дружно; он приказал принести к себе пучок стрел и, не развязывая их, велел сломать его; никто из них не мог сего сделать; когда же он, развязав пучок, дал каждому по одной стреле врознь, то все стрелы сломали поодиночке.

Так и вы, люди храбрые, презирающие смерть, вместе сильные, но врозь слабые, будете вечно несчастливы и бедны, пока не соберетесь под начальство единого из вас, вами же избранного, коего ум, опытность и честность были бы вам известны. Киат-Ага, пользующийся доверенностью России, назначен для собрания вас. Он жертвовал всем, и спокойствием, и имуществом, и связями для вашего блага. Будьте признательны, жертвуйте всякий десятой долею того, чем он пожертвовал, и скоро земля ваша будет процветать торговлей и пышностью. Дремлющие силы ваши проснутся, и вы будете грозою ныне обижающих вас. Вот мой совет: соберитесь к старшему из вас, рассмотрите мысль мою, основанную на многих опытах. Бude она понравится вам, отдайте Киату должное почтение; бude нет, оставайтесь по-прежнему и не жалуйтесь на судьбу, карающую вас. Всякому из вас предстоят сии две дороги; да изберет себе всякий ту, которая ему понравится. Я вам предсказал будущее ваше и в том, и

в другом случае исполнил долг свой; осталось вам о себе подумать. Думайте и не теряйте времени в исполнении.

25-го я призвал Киата и отдал ему бумагу для туркмен, приказав ему давать всем грамотным людям списки с оной; я подарил ему еще кое-какие безделицы и отпустил его, приказав ему сегодня сюда приехать для окончания дела. Я почти целый день был занят с ним и его бумагами, приказал ему изготовить старшего сына своего для отплытия с нами и пребывания в Баку. Он охотно отдал сына своего, опасаясь, чтобы не прервалась всякая связь с ним. Его положение, в самом деле, незавидное: он много был награжден от нас и не заслуживал того иногда; но за то он лишился всех связей и торговли с Астрабадом и не смеет из Челекени никуда показаться; притом же он видел лучшее житье и, видя бесплодные степи своего отечества, боится терпеть голод и быть докучаем своими единоплеменниками, называющими его своим начальником, когда есть хотят, но мало повинующимися ему, когда сыты. Он желал ехать в Россию; но Вельяминов не позволил сего. В письме, которое я вчера для него писал к Вельяминову, он просил меня написать, что он желал бы ехать к государю. Я утешал его и поместил все требуемое в письме; но вряд ли желания его исполнятся, и, кажется, что мы никогда не покажемся на здешних берегах.

26-го, окончив совершенно дела мои на Челекене, я написал Ратькову отношение, дабы он плыл в Красноводский залив к Бековичевой крепости, где я хочу настоящим образом узнать, сколько людей может довольствоваться тамошней водой; но, между тем, так как у нас недостаток в сухарях, то мы поплывем спер-

ва к Балкуи для печения хлебов; а так как у нас недостаток в дровах, то мы поплыли сперва к Копалче для набрания оных. Боясь, чтобы ветер не попрепятствовал нам плыть к колодцам Балкуи, если мы пройдем на восточную сторону косы, мы обошли ее и легли на якорь по западную сторону, отошедши от конца версты четыре.

27-го мы набрали на косе дров и ввечеру, снявшись с якоря, плыли часть ночи тихим и хорошим ветром в Балкуи, где около 2-го часа пополудни бросили якорь.

28-го высадили на берег команду для построения печей и для печения хлебов. Вчера ввечеру я занялся чтением Эккартсгаузена «Науки о числах»¹⁰⁰; она поразила меня своей новостью и замысловатостью. Я остановился там, где не мог понять, и готов скорее винить себя в недостатке тех способностей, которые потребны для постижения сей книги, чем сочинителя. Если он заблуждается, то самые заблуждения его доказывают в нем самое большое глубокомыслие; цель его книги величественна, дерзка, изложения его смелы и резки; если я не пойму его, я буду полагать, что от меня сокрыта его мудрость. В опровержение его нельзя ничего сказать; но можно легко предположить и понять, что другой человек, с глубоким же умом и с такою же проницательностью, как Эккартсгаузен, и с его старанием изобретать, поведет ту же мысль по другой дороге, совершенно разной от сей, от чего и заключения его будут противны сим. В науках отвлеченных, которые едва можно науками назвать, а только мнением, положения мало доказываются и принимаются слушателями по хорошей раскладке мыслей, а часто и по красноречию. Дорога воображения слишком открыта; оно может ввести в заблужде-

ние и затмить здравый рассудок, долженствующий быть единственным руководителем в таких случаях. Говорят: сие есть, но не говорят: сие не может быть так и так, и потому оно есть сие. Как я выше сказал, множество мнений, похожих на неосязаемую истину, мелькают и принимаются, но, которая из них истина, предстоит ли нам разведать, неизвестно. Впрочем, если он ошибается, книга его вреда не сделает; напротив того, она приучает правильно обсуживать вещи. Но часто попадает она людям слабым и с предубеждениями, которые, не понимая ее, веруют ей, бросают все прочее и не достигают даже до некоторой степени своего поиска или намерения. Мистики нынешнего времени.

29-го. Вчера ввечеру я был в бане, которую устроил Юрьев на берегу из парусов и из весел; баня была очень хорошая.

Вчера я принужден был остановить Катани, который вступил в грубый спор со здешним штурманом. Он несколько дней ездил по вечерам на пакетбот, и я не знал до вчерашнего дня, что он там играет в карты и выиграл несколько денег у штурмана, который ему не хотел заплатить их, отчего у них и вышел спор. Сделав ему выговор, я просил командиров судов запретить играть с ним своим офицерам.

На сих днях стояла всё прекрасная погода; нынешнюю же ночь был порядочный дождь и гроза. Больных у нас немного; но те, которые нездоровы, жалуются все заложением в груди, против чего помогают им кровопускание и шпанские мухи¹⁰¹; причина же сих болезней должна быть в том, что в нынешнее осеннее время люди, выходя на берег, где лодки близко не подходят, и разгружая гребные суда, ходят в воде иногда по пояс.

30-го около полудня пакетботу сделался способный ветер, и он снялся с якоря; я послал на нем Петровича в Челекень для отыскания сына Киата Якши-Магмеда и привезения его сюда. Я боюсь, чтобы Киат нас не задержал здесь тем, что он привезет сюда сына своего, которого я беру в аманаты, тогда только, когда ему привезут из Астрабада ковры, которые я ему заказал уже давно привести для продажи нам. Он имеет должников около Астрабада и велел в счет долга взять ковры, которые, продав нам с барышом, возвратят ему долг его; он не упустит сего случая и не посовестится задержать нас, если может только один реал себе выгоды получить.

31-го погода начинает портиться, ветры делаются сильны, холод увеличивается, и настоящая осень становится довольно ощутительна.

1 ноября ввечеру я выехал было на катере для охоты за утками, коих здесь несчетное множество; но вдруг поднялся ужасно сильный западный ветер, и мы принуждены были возвратиться; дождь шел несколько раз, и ночью выпал небольшой снег.

2-го погода была холодная и дождливая, под вечер поставили в каюте камелек; перед вечером я ездил на катере на охоту за кишкалдаками¹⁰², которых несчетное множество по заливу. Юрьев ездил со мной; в течение менее получаса мы убили их девять.

3-го ввечеру после зари возвратился пакетбот и привез с собой Якши-Магмеда со слугой. Киат, как я предвидел, долго бы задержал нас в ожидании своих ковров; он хотел также сюда ехать; но по приказанию моему его не взяли. Петрович, который туда ездил, утешил его тем, что я заеду взять его с собою в Кендерли. Сильный ветер, третьего дня бывший, порвал

якорный канат пакетбота, у которого некоторые снасти на носу оборвались; волнение было такое сильное, что он погружался совсем в воду носом.

4-го я ездил на охоту красных уток, которых показалось несчетное множество. Стрелял из фалконета¹⁰³ картечью по ним, потому что они близко не подпускали, но ни одной не задел. Перед вечером прибыл к нам Киат. 40 баранов, которые он привез, высажены на берег около Упрана и идут сюда берегом. Я ему отдал Таган-Ниаса, который уже сидел на пакетботе и которого я хотел отправить вперед на Челекень, дабы нам не останавливаться в следовании нашем к Красноводску для высаживания его на берег. Он здесь заболел; болезнь его незначительная была, но он тосковал по жене, которая осталась беременна и издержала в течение лета 40 реалов, оставленные ей на домашние расходы. Желание наказать ее, непомерное сребролюбие, свойственное туркменам, и боязнь, чтобы его не увезли в Грузию, заставили его притворяться. Он стонал, как жестокий страдалец, не ел ничего, плакал, как ребенок. Вчера он несколько утешился, увидев Киата.

5-го, вчера, кончилась последняя продажа казенных товаров, которые я привез из Баку; осталась малость, которую я везу назад. Я простился с Киатом, обнадежив его в покровительстве России, буде мы не зайдем здешних берегов, что, кажется, всего вероятнее случится. Итак, ввечеру мы совершенно были готовы отплыть от Балкуи. Купили баранов, которых пригнали туркмены с Дарджи.

6-го поутру мы снялись с якоря и плыли к Красноводскому заливу. Южный ветер заносил нас близко к отмели, идущей от Красноводской косы; для обойдения ее мы принуждены были лавировать, но

немного, и около полдня легли на якорь, за недостатком ветра. Перед вечером сделался НО [норд-ост]. Мы проплыли несколько и на ночь легли на якорь.

7-го поутру мы поплыли, около полдня остановились за штилем. Пакетбот стоял на мели, наткнувшись на подводную косу, идущую от внутренней оконечности Красноводска, называющейся Алем Сенгри. Подводная коса сия, имея крутые берега, простирается очень далеко по направлению Красноводской косы, ее должно обходить вблизи Копалчи. К вечеру мы сюда прибыли; по берегу видны были киржимы; кочевье же, бывшее здесь, все удалилось отсюда на Копалчу, Даг-Аду и Дарджу. Я послал узнать, какие из туркмен здесь находятся. Привезли сюда одного муллу, от которого я узнал, что они едут в Карабугаз с пшеницей; их 19 человек, из коих только шестеро рыбаков, которые здесь остаются для пропитания себя рыбой.

8-го пакетбот целый день лавировал, ему ветер был противный; к ночи он лег на якорь в некотором расстоянии от нас, не вошедши, однако, в култук.

Поутру я отправил работников на берег для рытья колодцев, чтобы узнать наверное, много ли коса сия содержит воды и какого свойства. Коса Порокли не имеет воды, и так туда и не ездили. В вершине залива, где была крепость Фан-дер-Вейдена¹⁰⁴, я еще рылся при первом пребывании моем сюда и отыскал соленую воду; и так вода заключается только в восточном рукаве косы, который отделен почти совсем от большой косы солевыми озерами и топями, а соединяется с ней только по берегам; на сем месте, подробно снятом мною, было тогда кочевье, которое ныне разбрелось по разным местам. Тут я вырыл вчера около 70 колодцев, глубиной в рост

человеческий; вода показывалась вообще пресная, но разных свойств, однако годная к употреблению. Она имеет вкус несколько сладкий, соленый и жирный. Песок и ракуша, в которой ее отрывают, осыпаются тотчас, как покажется вода, и потому ее трудно добывать, не вставив в яму распиленной бочки (которая бы удерживала обсыпь) или разбитого котла. Вода сия имеет те свойства: первое, что если ее вырыть глубже четверти аршина, то она делается горче, и все хуже, чем глубже роешь; второе то, что если ее держать несколько времени, то она тоже портится и бывает горьковатой, но годной по нужде к употреблению. Но она в большом количестве, после выбрасывания сора, набирается и везде показывается, и потому на сем месте есть возможность жить и завестись, если сие сочтут за нужное; залив же Красноводский очень удобен для якорных стоянок больших судов. Трудно будет придумать, каким образом строиться на сей косе; ибо грунт состоит весь из ракуши, в которой я не вижу возможности укрепить фундамента. Разве строить стены из балкуинского камня, без фундаментов, так, как построено Вознесенское укрепление; сие укрепление, хотя непрочное, но может с починкой стоять очень долго.

9-го поутру я послал рабочих на берег к разоренной крепости Бековича, не желая отъехать отсюда, не удовлетворив страсти отыскивать древности.

Перед полднем я ездил на пакетбот, который поутру прибыл, дабы узнать от Ратькова мысль его о поездке нашей в Кендерли; ибо провианта у нас становится мало, а в нынешнее позднее осеннее время, когда ветры по большей части бывают северные и порывистые, мы можем долго в море пролежать, и, наконец, терпеть нужду в съестных припасах. Желая удосто-

вериться в возможности или невозможности сего пути, я спросил мнение Ратькова, которому лучше должны быть известны ветры здешние. Основываясь на его мнении, которое было не ехать в Кендерли, я предписал ему, дабы он, по окончании промеров в здешнем заливе, известил меня о наличном остатке нашего продовольствия, также о возможности принять путь в Кендерли.

Я ездил в разоренную крепость. Рабочие нашли в земле одно ядро, гнилые рогожи, кости, кремни, стекло, подборы сапожные и много следов железа в ракуше и песке, которые, окиснувши ржавчиной, сломались около железа, на месте которого осталась только одна пустота, изображающая вид его, как то винта, сабли, гвоздя, казенной части ружья и пр. После полдня я оставил поиски, изрыв крепость местам в 50 или больше.

10-го гребные суда ездили для промеров на конец подводной косы, отстоящей отсюда близ 25 верст. К вечеру они возвратились, окончив свой промер.

11-го я получил от Ратькова ответ на мою бумагу, которой он извещает меня, что провианта имеет только по 27-е число сего месяца, и сильные осенние ветры препятствуют нашему плаванью в Кендерли, могут нас долго в море задержать и заставить нас нужду терпеть. Вслед за сим я ему предписал плыть в Баку. И так мы в тот же вечер снялись с якоря и с юго-восточным ветром плыли всю ночь.

12-го мы продолжали плыть тем же ветром, но к вечеру он переменялся и сделался юго-западным. Мы увидели Бакинские горы перед захождением солнца. Ветер очень усилился, и мы мало могли вперед подвигаться, потому что нас несло боком к островам, лежащим против Апшеронского мыса. Мы не

знали своего места; впереди видны были огни индейские, которые приняли за шкоут, держались к ним, но когда глубина стала уменьшаться, мы бросили якорь, опасаясь наткнуться на Шахову косу¹⁰⁵. Качка была чрезвычайно сильная; я целый день не мог ничего съесть, и в сильной степени испытал морскую болезнь. Всю ночь ветер был очень силен; перед рассветом он было утих, но к рассвету опять поднялся.

13-го целый день и ночь был сильный нордовый¹⁰⁶ ветер, волнение очень большое, и качка очень беспокойна. На случай, если б нас с якоря сорвало, Юрьев собирался в Сару идти.

14-го поутру мы снялись с якоря и пошли SW [юго-западным] ветром, дабы обогнуть Шахову косу. Пакетбот, который стоял от нас верстах в 10, сделал на рассвете несколько пушечных выстрелов. Мы полагали, что он терпит бедствие; однако он снялся с якоря и, подходя к нам, сделал опять несколько выстрелов и выставил флаг, которым известил нас о смерти своего капитана. Мы держались к нему и попались опять за косу, где за противным ветром легли на якорь и простояли таким образом целый день. Пакетбот также бросил якорь. Мичман приехал к Юрьеву и донес ему, что Ратьков умер 13-го числа в 9 часов вечера припадком таким же, в которые он часто падал, от невоздержности. Мичман принял командование судна. Целый день качка крепко беспокоила нас. Пакетбот потерял третьего дня один якорь.

15-го поутру мы снялись с якоря и шли хорошим ветром почти до сумерек; Баку уже видели, но не въезжали только в залив за остров Нарген. Вдруг ветер усилился, и мы бросили якорь; ночь была ужасная, ветер был северный и жестокий, волнение ужасное. Я не мог уснуть во всю ночь: судно наше носом

уходило в волны, и корма сильно билась об шумную воду. Хотели рубить канат и пуститься на произвол судьбы в темную ночь; ибо боялись, чтобы не сломало мачт, но раздумали, в надежде отстояться на якоре. Было холодно, волна заливала людей на палубе, в каюте не было места, чтобы укрыться, все перепадало, на ногах нельзя было держаться. Сундуки, стулья, столы, книги, все в ужасном беспорядке ползало по полу вверх ногами и ушибало тех, которые входили; к тому же еще вода заливала каюту, а в судне открылась течь. Мы полагали, что на рассвете 16-го буря утихнет; но ветер сделался еще сильнее; навязали к якорям другие 100 сажен каната, выправили их, полагая, что судну будет легче; но оно не переставало биться и черпать носом воду, и потому решились оставить якорь с обоими канатами и идти в Сару¹⁰⁷. Волны понесли нас, без парусов судно хватало бортами воду, белые волны с ревом ударялись о нас, так что едва слышна была команда. Поставили один передний парус, который зарифовали¹⁰⁸, и таким образом волны пронесли нас мимо островов и каменных плит. Около половины дороги до Сары ветер стал утихать, а с ним и волнение; к вечеру стало почти совсем тихо, осталась только одна зыбь, которая нас довольно еще качала. Обошли Куринский камень¹⁰⁹ и сегодня, во втором часу пополудни, легли на якорь около северной оконечности острова Сары.

Итак, в нынешний поход я видел все ужасы моря. Годится увидеть их один раз, но не два.

17-го мы приплыли к Саре; ввечеру я съехал и был принят Семеном Александровичем Николаевым со всевозможным гостеприимством. Я был очень доволен, что достиг спокойного и безопасного места; но радость Катани была непомерная. Он очень молод,

ребенок во многих случаях, но благороден, как рыцарь, не имеет блистательного ума, и не знающий его назовет даже глупым, но недостаток его состоит в том, что, попавшись в покровительство Базилевича, он никогда не находился в нужде думать о себе и привык не внимать ничему, не дослушивать, и потому суждения его иногда так кривы, что озадачат всякого. Он делал ошибки, я имел слабость не взыскивать довольно строго за оные; но все сие служило ему иногда поводом еще более забываться. Товарищ же его Рюмин мне ужасно противен: скупой, самолюбивый, лгун и хвастун, хотя имеет отличные дарования и редкие способности. Он надменен, когда видит снисхождение, и потому я полагаю, что должен быть низок, когда увидит взыскательность. Скупость его не имеет меры и противна своей низкостью, притом ленив и неблагодарен. Я несколько раз принужден был его побуждать к трудам, и стараюсь теперь всячески его отдалить от себя, дабы не иметь перед глазами отвратительных его поступков. Трусость его явно оказалась при нападении 30 туркмен, когда мы стояли в Вознесенской крепости, и он бежал с бугра, оставив четырех солдат одних, тогда как к нему уже послано было подкрепление. Катани же в то время бросался, как бешеный, и просился вперед, так что я едва мог его удержать в своем месте.

Сегодня послал я в Ленкорань четырех солдат с письмом к подполковнику Василью Алексеевичу Булгакову, прося его выставить лошадей на перевал, для следования в Ленкорань, где я хочу устроить путь свой берегом до Баку; ибо цинготная болезнь показалась у людей моих, а с нынешними осенними ветрами транспорт, который еще имеет нужду здесь остаться несколько дней, может пробывать очень долго

в дороге: тогда количество больных моих усилится, и из них могут даже некоторые умереть дорогой, чего бы мне весьма не хотелось, особливо доведши их всех так благополучно до сего места.

Остров Сара имеет около восьми верст в длину и одной в ширину; свойство земли — ракуша и песок, но в иных местах зеленеется трава, и даже косят сено. Командир эскадры капитан-лейтенант Николаев имеет здесь небольшой домик, и морские завелись здесь разными строениями, камышиными. Каменных только церковь и госпиталь, еще не конченные. Остров сей, до пришествия русских безлюдный, ныне производит различные огородные зелья; на нем видно несколько деревьев ивовых, насаженных нашими. Обстраивание сие всякий год увеличивается. Вода в колодцах прежде была солоноватая, теперь же стала пресная. Мне кажется, что, покорив Красноводские косы, совершенно одинаковых свойств с сим островом, можно точно таким же образом там завестись, как и здесь. Трудami побеждается сама природа, и бесплодные степи принимают вид обработанных стран. Я с любопытством рассматривал здесь колодцы и строения, дабы применить здешние средства к предполагаемому заведению на Красноводской косе.

Пакетбот оставался на якоре, когда нас носило бурей; неизвестно еще, что с ним случилось. Я не полагаю, чтобы он отделался благополучно, и считаю его погибшим, затопленным или разбитым о камни и блуждающим без мачты и без руля среди бурного моря.

18-го поутру был у меня Николаев и звал меня отобедать к себе. Вечеру пришел ответ из Ленкорани от Булгакова, которым он извещает меня о готовности лошадей, повозок и дрожек на перевале.

19-го поутру я готовился к отъезду в Ленкорань, как случилось у нас происшествие весьма неприятное. Рюмин, который давно уже выдает себя за приближенного чиновника Алексея Петровича, с которым в ближайших сношениях и Вельяминов, вывел меня, наконец, из терпения. Когда мы в Туркмении жили на берегу, то он был послушен и учтив; как скоро же приезжали на суда, то присутствие Юрьева и морских офицеров переменяло его совершенно: он показывал вид человека, доверенного от главнокомандующего и знающего все домашние его поступки, не щадил в шутках своих никого из людей, к которым он в Тифлисе подступал с должным почтением, относился несколько раз очень худо об нашей экспедиции, говоря, что он сожалеет, что поехал в нее, и по прибытию в Тифлис оставит ее тотчас и явится в роту. Дерзость его всякий день увеличивалась; я молчал, говорил с ним всегда ласково, но, наоборот, видел, что он ласки мои приписывал к слабости и становился очень груб со мной, Катани ни во что не ставил, делал ему неприятности и выводил его иногда из терпения своим хвастовством, высокомерием и грубостями. Я винил только себя в том, что сначала не остановил его, и надеялся довести Рюмина до Баку без дальнейших неудовольствий, а там, отдалив его от себя, не иметь с ним никаких сношений, кроме как по службе. Так как по Сальянской дороге в Баку имеется очень мало лошадей на постах, я расчел, что нам будет лучше разделиться, дабы проехать сухим путем. Одному из моих офицеров надлежало вперед ехать; я выбрал Рюмина как потому, чтобы не иметь его при себе, так и потому, что ему теперь предстоит работа — черчение плана Балканского залива. Третьего дня ввечеру он просился со мной в Ленкорань

ехать, довольно грубым образом; я отвечал ему ласково, что в Ленкорань не стоит труда ехать и что я его посылаю в Баку только за тем, чтобы не было остановки мне в дороге и чтобы он скорее мог за дело приняться. Впрочем, что я бы и сам не поехал в Ленкорань, если бы не имел нужды свидеться с Булгаковым. Вчера поутру я спросил его, когда он намерен ехать.

— Вы можете еще день пробыть здесь, если вам нужно, — сказал я, — но мне бы хотелось, чтобы вы завтра отправились.

— Я не могу завтра ехать, — сказал он, — у меня белье не вымыто.

— Это не причина, — отвечал я, — да и белье ваше может поспеть завтра.

— Так я не поеду, — сказал он, — я болен.

— Если вы больны, подайте мне рапорт о болезни; я вас здесь оставлю на Саре и донесу о болезни вашей Ивану Александровичу Вельяминову.

— Я сам к нему напишу, — сказал он гордо.

Я видел, что он хотел поддержать в мыслях Николаева и других офицеров ту ложную славу, которую он о себе пустил; он грозился мне жаловаться на меня, я не вытерпел и послал его на бак, но тотчас велел ему идти в кают-компанию. Я был очень рассержен таким дерзким и неблагодарным поступком с его стороны, отдал его отправление Николаеву и просил его отправить Рюмина в Сальян¹¹⁰ водой, как скоро я пришлю ему из Ленкорани записку от купца Углева на его рыбный Кызылагачский промысел¹¹¹, по которой бы дали бударок для переезда через обмелевшее устье Куры.

Около 10 часов утра я поехал с Катани, Юрьевым и транспортским мичманом Макаровым на пе-

ревал (так называется та часть берега твердой земли, которая всех ближе отстоит от юго-западной оконечности острова Сары) — переезд имеет не более пяти верст. Тут я нашел бричку, дрожки и телегу, которые ожидали меня с самого утра с одним офицером Каспийского морского батальона. Мы помчались берегом на юг и после 12 верст езды приехали в Ленкорань, где для меня была заготовлена квартира. Вскоре пришел Булгаков со своими офицерами. Я познакомился с ним. Он должен быть человек умный, хитрый, строгий и исполнительный. Если судить по одному приему, который он мне сделал, то я не могу назвать его иначе, как хорошим и гостеприимным; но, зная, что я служу при главнокомандующем, он мог иметь и, кажется, делал сии виды; так старались меня уверять Юрьев и Катани, которым очень не нравилось повиновение, в котором он содержит своих офицеров. Мне Булгаков понравился, но вообще его не любят офицеры его; они не любят строгости его, без которой, однако ж, батальон его не имел бы того вида, который он теперь имеет. Говорят, что жители его любят, что он некорыстолюбив и справедлив. Алексей Петрович знает его с очень хорошей стороны.

Я обедал у Булгакова и, поговорив с ним о средствах, какие нужны для отправления команды моей сухим путем, увидел, что хотя есть возможность, но затруднений будет очень много, так что люди могут почти скорее на судах в Баку прибыть, чем сухим путем, и потому решился пустить их морем, а самому ехать берегом, оставив одного труднобольного цинготного на Саре. Я написал записку к Николаеву, которой я позволял Рюмину еще день пребыть в Саре, но просил Николаева на другой день его отправить

и уговорить его к повиновению, дабы я не принужден был употребить своей власти. Я писал, что прилагаю при сем записку на Углевскую ватагу, по которой дадут Рюмину бударки для въезда в Куру. Но записку адъютант Булгакова забыл приложить.

Вечеру я ходил смотреть крепость, на которой погибло столько русских на знаменитом штурме генерала Котляревского¹¹²; крепость земляная с восемью бастионами уже почти совсем осыпалась. 12 английских орудий, которые в ней были взяты, были очень ветхи; ныне присланы из Тифлисского арсенала мастеровые, которые делают под них новые лафеты и приводят их в порядок. Мне показывали место, где наши взлезли на стену, место, где Котляревский был ранен; я видел могилы храбрых русских солдат, коих осталось только 300 из 1500, и я со вниманием слушал рассказы о сем штурме солдат и офицеров, показывавших мне места, где они сами находились, с уважением смотрел на небольшое укрепление сие, за десять лет перед сим обагренное кровью 1200 наших соотечественников и 6000 персиян. Я не буду упоминать здесь об обстоятельствах сего ужасного штурма, который довольно известен.

Местоположение Ленкорани очень занимательно. Город состоит из камышиных лачуг, разбросанных в садах. Казенные строения, как то казармы, лазарет и офицерские дома, выстроены очень порядочно и стоят особенно; дом самого Булгакова довольно велик. Везде видны следы деятельности. Речка Ленкоранка украшает город, в устье ее находится много киржимов. Зелень ни в какое время года не скрывается в сих местах, деревья цветут по два раза в год, и луга покрыты яркой зеленью среди зимы. Но места сии и вообще все Талышинское ханство¹¹³ очень

нездорово от болот, которые отделяют, как бы сказать, широкую, длинную и плодоносную косу от высокой цепи снеговых гор, отделяющих нас от Персии. Горы сии покрыты лесами, населенными множеством тигров, барсов, медведей и других диких зверей, так что охотник подвергается немалой опасности в оных. В ущельях же текут быстрые реки, по берегам коих живут талышинцы, нам подвластные и верные.

Булгаков говорил мне, что те 3000 семейств муганских кочевых жителей, подвластных Персии, которые, будучи недовольны своим правительством, в прошлом году или в начале нынешнего перешли к нам и были поселены в Карабаге, нынешним годом опять все бежали в Персию. Приобретение было сделано Булгаковым, а потеря генералом Мадатовым, который в то время был на Кавказских водах. Карабахское, Нухинское и Ширванское ханства вверены в его управление.

20-го был у Булгакова развод; порядок и выправка людей доведены у него до совершенства. Я любовался устройству его батальона; после развода мы ходили опять смотреть крепость и орудия английские. После обеда я отправился назад и к вечеру возвратился в Сару, на транспорт; я нашел Рюмина, еще не уехавшего, потому что казак, возивший записку на Углевскую ватагу, отдал ее встретившемуся ему армянину, и я с собой привез новую, которую вложил в отправление Рюмину. Он поутру поехал, будучи в дурном расположении, и я боюсь, чтобы по прибытии в Баку не нашелся бы вынужденным принять самые строгие меры для приведения его в надлежащее повиновение.

22-го я был целый день занят писанием рапорта к Ивану Александровичу Вельяминову; я кончил заня-

тия свои уже во 2-м часу ночи. Я описывал Вельяминову действия экспедиции, не поясняя ему, какое место я признал за лучшее для устройства заведения.

23-го я отправился на рыбный промысел купца Углева; мне сопутствовал артиллерии морской лейтенант Линицкий. Я ехал на катере корабля «Вулкан», стоящего в Саринском рейде, ехал близ 40 верст в прекрасную погоду, на веслах, оставив в левой руке полуостров Кызыл-агач, на котором татары имеют богатое поселение. Ночь застала меня в пяти верстах, не доезжая ватаги Углева; катер не мог далее идти за мелководием. Тут случилась купеческая лодка, с которой я взял бударку и поплыл к ватаге, куда я через час прибыл и был принят со всевозможной приветливостью племянником Углева, высланным для моей встречи. Я послал тотчас две плоскодонные полубарки за людьми и переночевал покойно в прекрасном деревянном домике. Промысел сей принадлежит ленкоранскому хану; на нем разжился купец Углев, который прежде был довольно беден, а ныне имеет до миллиона денег. Он десять лет платил только по 100 червонцев в год откуп, ныне же будет платить по 1000. Заведение его довольно обширное, и тут живет до 100 человек наемных русских крестьян с приволжских губерний, приходящих в Астрахань для работы; у них выстроены хорошие казармы, и поселение их совершенно похоже на российское, что для меня показалось совершенно новым зрелищем после туркменских степей и вообще азиатских строений в Грузии. Углев отправляет ежегодно два шкоута с рыбой и икрой в Астрахань.

24-го я поплыл к северу на двух полубарках, которые подвигались на шестах очень медленно, потому что залив Кызылагачский очень обмелел. Проехав таким образом около десяти верст, мы пришли к

устью реки Куры, где нам надобно было переташиться более 200 сажень по илу, потому что воды в сем месте почти совсем нет. Музуры все пошли в воду и кое-как перетасили наши полубарки в настоящий фарватер Куры; тут были у меня заготовлены лодки, в которые я пересел и пошел бичевой¹¹⁴ вверх по реке. Было уже поздно. Я надеялся достичь в эту ночь еще до ватаги Иванова, но не мог и принужден был, прошедши 12 верст по реке, остановиться ночевать на небольшом казачьем посту, где стоят два казака с таможенным разъездным.

25-го я продолжал далее путь свой, проехав мимо ватаги Иванова, и к вечеру, пройдя около 35 верст, прибыл в Сальян. Надворный советник Иванов, астраханский армянин, очень богатый человек, но, как все говорят, бесчестный, корыстолюбивый и гордый. Он служил прежде в астраханской таможне, где нажился, и был после того под судом за разные мошенничества.

Он имел на откупе все устья Куры, где промысел очень велик; он принадлежит Мустафе-хану Ширванскому, и за откуп сей Иванов платил ежегодно по 17 000 червонцев. Ныне дела его пришли в расстройство. В 1820 году Иванов приезжал в Тифлис и был принят очень дурно Алексеем Петровичем, потому что перед побегом Мустафы-хана Ширванского он сделал с ним контракт на десять лет вперед, тогда как старый срок его откупа еще не кончился. Через сие плутовство казна должна лишиться сих выгод. Кроме того еще, через сие оказалось, что он был извещен о намерении Мустафы-хана бежать, и дабы не заплатить обыкновенного откупа казне, взял от него свидетельство в получении денег вперед, тогда как ему, может быть, заплатил только самую малую часть откупа, чем хан был,

верно, очень доволен, ибо видел, что всего дохода должен лишиться. По случаю сего мошеннического поступка Алексей Петрович приказал уничтожить сей контракт. Иванов повел сие дело в Сенат и теперь тянется с главнокомандующим, но должен будет уступить и пострадать важной потерей за свое плутовство.

Берега Куры по всему пути нашему были обработаны со тщанием; места сии считаются плодороднейшими во всей Грузии. Не знаю, верить ли слышанному мною от людей, знающих сии места, что с сих полей посев получается в 250 раз. Если сие и увеличено, то причиною сей лжи должны служить необыкновенные урожаи.

В Сальяне я остановился у офицера; там находится команда, из 15 человек состоящая, Каспийского морского батальона.

26-го я переправился через северный рукав Куры на казачий пост, отстоящий от казарм на две версты; я шел через базар и город, которые не представляют ничего занимательного. Строения похожи на лачуги и сделаны из камыша. Базар беден. Ныне управляет Сальяном ширванский Гаджи-бек.

От казачьего поста я отправил вещи на арбах к первому посту по дороге, к Баку лежащей, а сам поехал вперед верхом с Катани и туркменским аманатом Якши-Магмедом, сыном Киат-Аги. Станция была 65 верст, степью безводной и бесплодной. Я приехал на Перисагатский пост ночью, а арбы в полночь.

27-го. Я проехал таким же образом другую станцию до керван-сарая Геш-Куйла; переезд был около 50 верст. Тут я был встречен беком Бакинским, выехавшим с подставными лошадьми для меня.

28-го. В ужасно сильный ветер я прибыл в Баку, совершив самое гадкое путешествие: ни одной дерев-

ни, ни зелени, ничего нет по всей сей стороне. Есть другая дорога из Сальяна в Баку, несколько левее сей; она покружнее этой, и по ней есть одно только селение Наваги, известное тем, что в нем формировал Петр Великий Навагинский пехотный полк.

29-го. Явился ко мне поутру Рюмин. Я нашел его в другом расположении духа: с отсутствием посторонних натянутая бойкость его и хвастовство исчезли; но он не переменялся в чувствах своих неблагоприятных и не приличествующих доброму человеку с честью. Он будет продолжать заниматься, и, если дело пойдет по-старому, я ограничусь наказанием, сделанным ему на транспорте; но никогда сердце мое не будет лежать к сему человеку.

Лейтенант Басаргин, командующий здесь брандвахтой¹¹⁵ на катере, принял команду над пакетботом по предписанию Николаева, который меня о сем не известил. Мичман Стяшкин¹¹⁶, принявший пакетбот по смерти Ратькова, вчера сказал мне, что покража, сделанная на туркменском берегу у Тохум-Мехтума, при Балкуинском колодце, отыскалась у одного матроса.

30-го. Я был посещен некоторыми здешними чиновниками, в том числе и Басаргиным, которого я нашел мягче прежнего. Причиною ли сего чтение Эккертсгаузена, над которым он ежедневно трудится? Все вещи туркмена Тохум-Мехтума украдены матросами пакетбота, которые здесь продали и за которые они поплатятся деньгами. Непонятно только, каким образом случилось, что третьего дня был только один вор, которого уличил матрос же, а прочие были все невинны; сегодня же оказалось, что вся команда и урядники участвовали в сем воровстве. Морские офицеры просили меня не доводить сего проис-

шествия до сведения начальства, обещаясь внести те деньги, которые следует, за ненайденные вещи.

Я целый день был дома; ввечеру написал одно длинное письмо к батюшке, в котором объяснял ему все случаи моего похода в Туркмению, и другое к Старкову, в Нуху, которым я просил его известить меня, есть ли возможность проехать от него до Карагачей и дома ли Якубович?

1 декабря я провел почти целый день дома и занимался. Рюмин и Катани чертили свои планы. Я начал делать описание Туркмении. Ввечеру я был у коменданта Басаргина.

2-го числа ввечеру прибыл сюда транспорт «Кура» из Сары в 24 часа.

3-го. Поутру высадили на берег команду мою, на самом том месте, где я служил молебствие, отправляясь в Туркмению, на пристани, за крепостной стеной. После молебствия я велел команде идти в свои казармы, считаясь, однако, все еще при мне: для возвращения их совершенно в батальон я ожидаю повеления от Вельяминова.

4-го. Я занимался поутру описанием Балканского залива, которое должен представить в Тифлис. Ввечеру писал письма, между прочими одно к Шереметевой, в коем я приложил письмо вырванного мною Сергея к его матери, прося Надежду Николаевну, дабы она исходатайствовала ему волю у госпожи его Ольги Александровны Жеребцовой. Он Владимирской губернии, Гороховского уезда, села Фоминок, деревни Сельцы, с берегов Волги; имя его Сергей Степанов, прозвище же Обоимов. Поутру был у меня один из новых чиновников таможни, присланных на смену старым, которых отдают под суд; он называется Кунт и известен знанием своим в музыке и игрою на скрипке.

6-го. Поутру был у меня целый содом: весь город (который я уверял, что не именинник) приходил с поздравлениями. Между прочими был у меня тоже инженер-капитан Газан или Фазан. Он был при строении крепости Тарку у Алексея Александровича Вельяминова, говорил, что уже все оттуда разъехались, и Алексей Петрович должен быть в Тифлисе. Сей Фазан, с которым я еще в Петербурге познакомился, выдавал себя за знающего 18 языков и имеющего три или четыре ордена и баронство. 17 языков сбавили с него, крестов не носит, а о баронстве ничего не слышно. О сем старался Гозиуш, начальник его, которого взбесило непомерное хвастовство сего иностранца. Мое присутствие не позволяет ему много хвастать; однако он уже пустил про себя славу у плац-майора, что он приближенный Алексея Петровича. Рюмин был рад случаю тоже похвастать и удивлял здешних жителей своим французским языком, на котором он совсем почти ничего не знает. Мне очень противно смотреть на хвастовство сего мальчика, и если б он был квартирмейстерский офицер, то бы я остановил его; но он мне человек посторонний и в Тифлисе переменит свое обращение. Вечеру был у меня Кунт; он играл на скрипке. Искусство сего человека выходит из ряда обыкновенного, и я провел вечер с большим удовольствием.

7-го. Вечеру был у меня Кунт; мы провели время, занимаясь музыкой.

Баку — Тифлис

8 декабря. Поутру я получил, при летучей карте, повеление от И. А. Вельяминова, которым он позволяет мне наградить команды как сухопутные, так и

морские, находившиеся в экспедиции, раздачей всякому рядовому по три рубля серебром, а унтер-офицерам по пяти рублей. Он обещается мне представить об удачном окончании экспедиции государю, также не оставить без награждения и офицеров, при мне находящихся, как сухопутных, так и морских. Между тем, он приложил предписание к Юрьеву, которым он делает ему те же обещания в самых лестных выражениях. Он позволяет Якши-Магмеду следовать в Тифлис или оставаться в Баку, предоставляя сие на его волю и полагая ему в сем последнем случае по три рубля серебром в сутки содержания. Я был очень обрадован тем, что все требуемое мною исполнилось; но не нахожу в офицерах своих, особливо в Рюмине, тех чувств привязанности к должности своей, которых бы можно ожидать от всякого благородного человека. Не буду вперед иметь при себе чужих офицеров, которые, видя, что из уважения и преданности к их начальнику я часто смалчиваю и переношу их поступки, полагают в терпении моем видеть слабость. Но я решился лучше сам переносить, чем нанести Базилевичу неудовольствие наказанием их.

9-го. Я получил от морских офицеров бумагу, которою они благодарят меня за доставленную им благодарность от Ивана Александровича; бумага сия, написанная в самых лестных выражениях, хотя от подчиненных, была мне очень приятна, и я занес в журнал свой только копию с нее, а ее включил в число благодарностей и свидетельств, полученных мною от начальства во все время моей службы.

10-го. Я провел весь день дома в занятиях. Ввечеру навестил меня комендант. Человек сей день ото дня мне более нравится. Он честный и приятный человек, храбрый и благородный офицер.

11-го. Я просидел до первого часа ночи за письмами; занятия и сидячая работа становятся мне тяжелы. Я сижу и занимаюсь с утра до вечера.

12-го*. Поутру был у меня весь город. Я был на завтраке у коменданта. Ввечеру, чувствуя себя нездоровым от чрезмерных занятий, я вышел со двора и провел часа два у Басаргина.

13-го. Я праздновал день освобождения своего из Хивы. В России все родственники мои и приятели должны были собраться и провести время вместе, радуясь моему избавлению. Я созвал на обед к себе Басаргина, Юрьева, Макарова и Кунта. Ввечеру была у меня музыка. Кунт отличался на скрипке, комендант провел у меня вечер.

20-го. Я получил письмо от Старкова, которым он меня зовет к себе, обещаясь доставить меня в Карагач в Кахетии, откуда до Тифлиса есть везде почтовые станции. Он пишет мне, между прочим, что Петрович произведен в чин губернского секретаря, что меня очень порадовало; первое потому, что я увидел, сколько Алексей Петрович уважает мое представление, а второе потому, что я расплатился с сим человеком и довершил свои обещания. Он слишком много награжден от правительства, но с моей стороны ничего лишнего не сделано: я всегда помню, что он сопровождал меня в Хиву. Получено здесь известие о прибытии Алексея Петровича в Тифлис. Он приехал 13-го числа сего месяца.

Сего же числа, после полдня, я отправил лишние вещи свои на двух обывательских наемных подводах в Тифлис, приставив к ним для смотрения рядового Тимофея Никитина и Сергея.

* Царский день: рождение императора Александра Павловича. (П. Б.)

21-го. Я писал ко всем комендантам Тифлисской дороги, чтобы они выставили для меня лошадей и оказали бы отправленным арбам всякое пособие.

22-го. Я сидел целый день дома и поверял свои расходные книги. Ввечеру надеялся быть свободным и ехать на транспорт, чтобы несколько развлечь себя; но не тут-то было — пришел священник здешний, который стал меня пилить. Однако, посидев с ним, я объявил ему, что мне недосуг, и отправился на транспорт. По возвращении я опять стал заниматься и просидел до полночи. Занятия мои в Баку становятся ощутительны для моего здоровья. Они слишком постоянны и продолжительны; в свободное время вместо того, чтобы отдохнуть, одуматься, осмотреться, должно сидеть со здешними болванами и слушать глупые их речи.

23-го. Катани целый день дома не было. Третьего дня он проигрался у Александровского в доме и вчера не показывался ко мне. Он целый день шатается по городу и старается, где бы то ни было, сыскать игру. Вчера ввечеру, уже очень поздно, я искал его по всему городу и нашел у Любимского, здешнего таможенного чиновника. Они играли, и не прежде, как по второму зову, я мог его достать домой. Сделал ему уже неласковый выговор, как то прежде бывало; он не слушается и принимает ласки за слабость.

Декабря 24-го дня, для избежания праздников, я отправился из Баку.

26-го я приехал в Старую Шемаху, где был принят комендантом Ширванской области подполковником Николаем Васильевичем Высоцким. Прежняя столица Мустафы-хана в Фитаксе совершенно истреблена. Все жители оной переведены в Старую Шемаху и начали было строиться; но так как некоторые из них по-

казали желание поселиться в Новой Шемахе, то приказано было остановить строения до разрешения главнокомандующего. Между тем, множество народа, поселившегося в старом городе, живет в шалашах и лачугах. Их обязали теперь подпиской, что если главнокомандующий вздумает переселить город в Новую Шемаху, то они оставят начатые ими строения. Город очень многолюден и со временем будет, по-видимому, самым лучшим во всех странах, подвластных Алексею Петровичу. Народ покорен и терпеливо сносит притеснения, происходящие от нерадения нашего правительства.

27-го я приехал ночевать в Новую Шемаху. Меня провожал Гуссейн-бек, родственник бывшего хана.

29-го. Я встретился с Ахмет-султаном, одним владельцем Ширванским, отпустил Гуссейн-бека домой, а к себе взял в мегмендари¹¹⁷ сына султанского Гаджи-бека. Он принимал меня в своей деревне, потчевал меня и проводил до Гёг-Гойского поста, где я нашел высланного на границу Нухинскую для моей встречи прапорщика Джафар-бека. Старков, комендант нухинский, приказал меня принять со всеми почестями. Из всех деревень выезжали ко мне беки навстречу, и трое из них, Джафар-бек, Агаси-бек и брат его Шкендер-бек, остались провожать меня до Нухи. В ту ночь я ночевал на Турчанском посту, где встретился со мной едущий в Баку инженерный капитан Тегер со своей матерью, немец.

30-го я приехал ночевать на Чемакинский пост. Проводники мои пилили меня целый день различными учтивостями, несносными, скучными; притом же рассказывали мне все, как они мне усердно служат, и надоели мне до крайности. Желая отделаться от них, я их с вечера отпустил ночевать в деревню и велел на

другой день приезжать не рано; а сам 31-го числа отправился до рассвета по дороге к Нухе, приказав сказать им, по прибытии их на станцию, что я поехал в Елисаветполь. Подъезжая к Дегнинскому посту, они все нагнали меня вскачь и снова начали надоедать мне, и я не нашел лучшего средства отделаться от них, как напоить их пьяными. Двое напились; я побранил их за неумеренность, и они во всю дорогу до Нухи оставили меня в покое.

Того же вечера я прибыл в Нуху довольно поздно. Комендант Старков выезжал ко мне навстречу, но попал на другую дорогу, и мы с ним разъехались.

1822 год

1–2 января я пробыл в Нухе; погода была дурная, и я не видел города. Я жил в замке бывшего там хана, который был отравлен самым подлым образом князем Мадатовым. Мрачное и холодное жилище его, построенное в темном ущелье, вечно покрыто туманами, напоминая о несчастной смерти сего владельца; оно приводит также на память те ужасы и жестокости, которыми знаменовалось его правление. Город довольно обширен и состоит весь почти из садов. Ширванское и Нухинское ханства приносят дохода в казну нашу до 140 тысяч червонцев. Старков говорил мне, между прочим, о кончине майора Макаева, бывшего приставом в Ширванском ханстве. Деньги Мустафы-хана, которые были показаны увезенными им за границу, нашлись у Макаева в Тифлисе, и говорят, что князь Мадатов замешан в сем деле. Нет сомнения, что хан был ограблен, деньги утаены, и казна обманута; но правительство здешнее сажает без выбора

людей на такие места. Они, пользуясь беспечностью одного, удовлетворяют своему корыстолюбию, презирая все правила чести. Не сужу о Мадатове, виноват ли он или нет; похоже, что он виноват, ибо он был приятель Макаеву. Но если он был виноват в сем деле, то он его и поправит; ибо он хорошо чувствует, что Алексей Петрович, представив о нем государю с такой выгодной стороны и составив ему такие богатства и награждения, не может вдруг идти вопреки прежнего своего поступка. Трудно разобрать их. Твари презрительные. Иные говорят, что и Макаев тоже умер от яда: здесь болтают ужасы.

3-го числа после обеда я отправился в дорогу через владения Елисуи-султана и чарсков¹¹⁸. Меня провожал Старков до деревни Билиджик, отстоящей на 22 версты от Нухи. Деревня сия есть последняя Шекинского владения в сей стороне.

4-го я проезжал владения Елисуи-султана и чарских лезгин. Места сии, в которых за несколько лет до сего русский не мог показываться, не подвергаясь величайшей опасности, ныне свободны для проезжих, с некоторыми осторожностями. Тут нет казачьих постов, и меня провожали нухинские беки и около 20 человек татар. Места, через которые я ехал, прекрасны: все сады или рощи. В правой руке остаются не в большом расстоянии снеговые Кавказские горы, имеющие величественный вид; все пространство, от дороги до гор заключающееся, покрыто множеством селений лезгинских, коих строения белеются в ущельях и на покатостях Кавказа. У подошвы сих гор простирается на большое расстояние стена. Султанский родня, встречавший меня, говорил, что он видел стену сию на 40 верст длины и что она еще далее простирается. Она обвалилась в некоторых ме-

стах; но следы ее и самая стена еще хорошо видны. Должно быть, та же самая, которая идет от Дербента до Черного моря и которую историки называют стеною Джудж и Маджюдж, или Гог и Магог¹¹⁹; полагают, что она выстроена Нуширханом; другие полагают ее еще гораздо древнее. В левой руке была у меня река Алазань, называемая у лезгин Каных. Проехавши 38 верст или 40, мы остановились ночевать на левом берегу реки, еще не в наших границах, в лезгинской деревне Падар.

5-го я переправился через Алазань в челноке и въехал в Кахетию. После 30-верстного перехода, все равнинами, я прибыл в Карагач, где находятся квартиры Нижегородского драгунского полка. Полка тут не было, шесть эскадронов стояло за Алазанью, потому что неурожаи травы прошлого года были очень ощутительны в Кахетии; в Карагаче же находился только один запасный эскадрон. Полковник князь Чавчавадзе тут же был. Он был очень огорчен тем, что ему не вверили начальствования сим полком; на место его назначили командиром полковника Шабельского, который еще из России не прибыл. Якубовича я не нашел в полку: он на линии и отпущен Алексеем Петровичем, под предлогом будто за ремонтом, в отпуск домой.

6-го я выехал из Карагача и ночевал на Домнолинском посту, где встретился на другой день с князем Эристовым, генерал-майором, возвращающимся из Тифлиса.

7-го я приехал ночевать в немецкую колонию Сартагалы, а 8-го прибыл в Тифлис. Арбы, отправленные мною из Баку, прибыли в тот же самый день. Я приехал поздно и в воскресенье, когда все были в собрании; я прямо поехал в баню. Я ночевал у

Амир-Шакир-баши, который был недавно извещен о смерти сына своего Александра, убитого в сражении против абхазинцев. Сын же моего хозяина Бебутова, служа в Грузинском гренадерском полку подпоручиком, бежал в Персию и теперь находится в Эривани.

9-го числа я являлся к Вельяминову и к Алексею Петровичу и был очень хорошо принят. Старик Иван Александрович приказал мне от имени Алексея Петровича представить к награждениям всех находившихся при мне офицеров; но я намерен повременить и дожидаться окончания работ.

12-го. Вечеру я был у Алексея Петровича и все разу, что его видел, был принят с одинаковой лаской. Я старался узнать, расположен ли Алексей Петрович дать мне полк, и потому просил Петра Николаевича* разведать о сем. Ответ был очень выгодный, и если верить словам Алексея Петровича, то я должен получить полк¹²⁰; но можно полагать, что он хочет только меня задержать, с тем чтобы, с открытием весны, снова послать меня в Туркмению. Однако же мое намерение состоит в том, чтобы не ехать: пора одуматься и, бросив путешествия, избрать род службы покойнее, выгоднее и под глазами главнокомандующего.

16-го. Я провел часть вечера у Базилевича и у Попова, но скоро возвратился домой, потому что меня известили о приезде Старкова, который остановился у меня.

17-го. Я провел вечер у Алексея Петровича. Бог знает, какие у него планы; мне кажется, что основательно никаких нет: говорит о завоевании Хивы, о торговле с северной Индией, об Аму-Дарье, о нерасположении государя к завоеваниям, об удобной тор-

* Ермолова. (П. Б.)

говой дороге к Хиве и проч. Сюда привезли на днях из Оренбурга двух хивинцев, задержанных генералом Эссеном. Они содержатся у коменданта; не знаю, для какой цели сюда присланы и что с ними делать намерены.

Вечер провел у меня новый знакомый, Николай Александрович Павлов, брат мужа сестры Алексея Петровича; он служил во флоте лейтенантом, имеет лет под 40, был несколько лет в отставке, теперь в службе капитаном армии и старший адъютант при корпусе, человек простой, но честный и хороший; он мне очень понравился.

19-го. Перебывало у меня более 40 человек, и комната моя изображает площадь на рынке, на которую являются всякого звания люди для того, чтобы повидаться с моим гостем Старковым, и я не могу ничего делать: разговор и крик с утра до самого вечера не прекращаются; комната уже не убирается, и я счастлив тогда, когда в кучу сих людей придет один из тех, коих присутствие мне приятно в свободное время. Старков добрый малый, храбрый и, говорят, бескорыстный человек, но несносный говорун, и когда никто с ним не говорит, то он читает вслух для себя. Вчера ввечеру я был на балу у Мадатова и ушел довольно рано оттуда, чтобы заняться несколько ввечеру, ибо целый день мне не дали ничего делать.

20-го. Я целый день занимался, как должно. Ввечеру, только что я отделался и собирался отдохнуть, как появились ко мне пропасть татар и армян, знакомых и незнакомых. Они все пришли к Старкову. Комната моя была набита битком; я пробрался сквозь толпу, бежал из дому и провел вечер, скитаясь по разным домам; когда же мне пришли сказать, что орда разошлась, что уже было в десятом часу вечера, я возвратился.

21-го. Вчерашний день пропал у меня почти по-пустому: гости ничего делать не давали, и мне ни за что нельзя будет порядочно приняться до отъезда Старкова, который, может быть, еще долго у меня проживет. Вечер я провел у Попова, где был квартет. Боборыкин отличался в первой скрипке.

22-го. Мне навязали билет в собрание, и ввечеру я посетил оное на короткое время. Возвратясь домой довольно рано, я лег спать, и ночью был встревожен одним длинным сном, который продолжался и не терял связи, невзирая на то, что я несколько раз просыпался.

23-го. Я был на званом обеде у Алексея Петровича, по случаю прибытия сюда Гурияльского владельца, которого угощали. Он генерал-лейтенант нашей службы, имеет Аннинскую и Владимирскую звезды и носит генеральское шитье, эполеты и ленту на парадном одеянии своем. Он высокого роста, молод и хорош собой.

24-го я был на таком же званом обеде у старика Вельяминова, где находился тоже Гуриял. Ввечеру меня пилили разные скучни и очень долго. Я молчал, а гости все спорили между собой о преимуществе христианской веры над магометанской. Не зная последней, ввали жестоким образом и приходили ко мне судиться. Напоследок кончилось тем, что армянин утверждал, что армянское Евангелие ближе всех переведено к еврейскому; а Старков, не понимая, о чем тот говорил, вступился, как патриот отечества, и уверял, что славянский язык имеет красоты, преимущественные красотам всех прочих языков. Беда моя прекратилась приездом Воейкова; я оставил их спорить и провел вечер с ним в приятельском разговоре до полуночи.

25-го. Провел вечер у Грибоедова. Нашел его переменившимся против прежнего. Человек сей очень умен и имеет большие познания.

26-го у Мадатова был бал, который давал Алексей Петрович для Гурияла. Я также должен был на оном находиться против воли своей. Всякий день отрывают меня от занятий и заставляют участвовать в собраниях, на которых другие веселятся.

22-го или 23-го числа выехал отсюда Петрович в Дербент, получив от главнокомандующего 100 червонцев в подарок.

27-го. Был у меня поутру губернатор и приглашал меня к сегодняшнему дню на обед. У меня обедал Базилевич. Вечеру я бежал из дому и был, между прочим, у губернатора.

28-го я обедал у губернатора. Гуриял наш много хлопот наделал; его все кормят в ожидании войны с турками, и мы должны быть выставлены ему на всех сих обедах.

29-го. День мой пропал даром. Вечеру был маскарад в собрании, но я постыдился там быть.

30-го я сидел поутру и занимался, как вдруг раздался ужасный треск, который, увеличиваясь, кончился сильным ударом в стену, от которого все окна и шкафы в моей комнате загремели. Я выбежал посмотреть и нашел большой камень, который спущен был с самой высоты горы, находящейся за моим домом, рабочими солдатами, которые ломают, как говорят, крепостную стену. Камень, ударившись об стену, разбился пополам и на лету своем едва не задел хозяйского сына, игравшего в то время на дворе. Я тотчас написал коменданту, прося его, чтобы он приказал рабочим бросать камни по ту сторону горы, если они в том находят удовольствие. Вечеру я был отозван

на свадьбу одного гражданина тифлисского, но, не дождавшись прибытия невесты, возвратился домой.

31-го января ввечеру Старков уехал от меня.

1 февраля. Бумаги мои и описания окончены, только еще не совсем набело; чертежи более всего требуют просмотра.

2-го. Пришел ко мне обедать Грибоедов; после обеда мы сели заниматься и просидели до половины 11 часа: я учил его по-турецки, а он меня по-персидски. Успехи, которые он сделал в персидском языке, учась один, без помощи книг, которых у него тогда не было. Он в точности знает язык персидский и занимается теперь арабским. Я нашел его очень переменившимся, и он очень понравился вчера. Он мне рассказывал, между прочим, обращение Мазаровича* в Персии и каким он образом роняет честь своего звания, а следственно, и государя, своим поведением в Персии. Когда получены были бумаги из Петербурга, которыми извещали персидский двор, что турки своим поведением навлекают на себя гнев государя и сами задирают нас к войне, надобно было объяснить Аббас-мирзе, что государь желает дать знать всем народам, что не страсть к завоеваниям его к сему понуждает, но единственно неправильные поступки турок против него. Грибоедов ходил к Аббас-мирзе и объяснил ему сие, говоря, что государь не требует союзников, но дает только ему знать о сем. Аббас-мирза, обрадованный сим случаем, обещался выставить 50 тысяч воинов и идти на турок, что он и сделал. На другой день Мазарович, увидевшись с ним в саду, стал ему о том же гово-

* Деятельность Мазаровича мало нам известна. Вышел в люди, вероятно, в управление Министерством иностранных дел князя Чарторыжского. (П. Б.)

рить; но вместо того, чтобы соблюсти благопристойность, он просил Аббас-мирзу быть союзником нашим, и в знак благодарности, когда тот объявил свое согласие, схватил у него руку и поцеловал ее. Вот поступок, достойный иностранца, наемщика в нашей службе!

3-го. Грибоедов приходил ко мне поутру, и мы занимались с ним до пяти часов вечера! Вчера я получил письмо от Н. Н. Шереметевой, которым она извещает меня о новорожденном сыне Леониде у брата моего Михайлы. Она также обещается ходатайствовать о Сергее, чтобы его на волю выпустили*.

5-го. Я провел часть дня у Грибоедова, занимаясь восточными языками. Вечеру явились ко мне два денщика, которых Верховский для меня вытребовал из приходящих сюда рекрутских партий.

6-го. Был день происшествий. Я узнал поутру, что Рюмин приехал, ждал его к себе; но он не приходил. Воейков был у меня и, заставши у меня Грибоедова, сказал мне в другой комнате, что если б я одну вещь знал, то бы она меня очень рассердила. Я просил у него объяснения; он не хотел объясниться, наконец, он ушел. В обед пришел ко мне Катани и сказал, что Рюмин еще поутру пошел из артиллерийского дома ко мне, взяв с собой чертежи свои; между тем Катани сказал, что он слышал, будто Рюмин был у главнокомандующего и у начальника штаба. Я применил слова Воейкова к сему случаю и, крепко рассердясь, готовился Рюмина арестовать при первой встрече, ибо поступок сей служил продолжением прежних и означал прежнюю его склонность к хвастовству и неповиновению. Проступок его по службе был доволь-

* Т. е. из крепостной зависимости. (П. Б.)

но важен. Я послал за Воейковым, чтобы переговорить с ним о сем случае; между тем пошел после обеда к Верховскому для сего самого. Верховский начал речь тем, что рассказал мне свое происшествие с Гиртой, который таскал из чертежной карандаши и тушь и стал отвечать ему дурно, когда он просил его не трогать сих вещей. Верховский принужден был его остановить угрозой, что он ему покажет свои права. Случай сей расстроил Верховского. За сим я ему рассказал Рюмина дело, и в то самое время пришел ко мне человек с известием, что Рюмин явился ко мне и дожидается с чертежами. Я просил Верховского быть свидетелем моего поступка с Рюминым, и он пришел ко мне. Рюмина работа была очень хороша. Я поблагодарил его; а между тем, узнавши, что он был у главнокомандующего и у начальника штаба и показывал им свою работу, я побранил его, как должно, и отпустил. Пришел Боборыкин, а за ним Воейков; я просил их изъяснить мне, в чем состояли слова, сказанные Воейковым поутру, полагая, что тут касается нечто до Грибоедова. После долгих отговорок Боборыкин сказал мне, что накануне Грибоедов изъяснялся у Алексея Петровича Петру Николаевичу насмешливо насчет наших занятий в восточных языках, понося мои способности и возвышая свои самыми невыгодными выражениями на мой счет. Меня сие крепко огорчило. Необходимо должно было иметь поединок, чтобы остановить Грибоедова, что было весьма неприятно. Я пошел к Воейкову, где нашел Боборыкина, объяснил им, сколько происшествие сие было неприятно для меня, послав вслед за сим к Грибоедову книгу его и велев потребовать мои назад; и то было вмиг исполнено. Вскоре за сим явился ко мне Грибоедов, дабы я ему объяснил причины,

понудившие меня к сему поступку. Я ему объяснил их и назвал свидетелей. Мы напали все на него и представляли ему его неосторожность. Он извинился передо мною и просил, чтобы я забыл сие; но Боборыкин, имея старые причины на него сетовать, продолжал спорить с ним. Сие подало повод к колкостям с обеих сторон. Боборыкин сознавался, что он не должен был мне передавать этих слов, не объяснившись сперва с Грибоедовым, но сказал, что уважение его и преданность ко мне понудили к сему. В самое это время Грибоедов вскочил и ушел.

Мое дело было поправлено, но Боборыкин и Воейков оставались на дурном счету в глазах Грибоедова. Я намеревался и теперь намереваюсь пресечь понемногу знакомство с ним; но тут я должен был примириться с ним и принять его извинения, и потому я отправился с Боборыкиным к нему и примирился с тем условием, однако ж, чтобы: 1) Грибоедов не смел после разносить сего и 2) чтобы он вперед был осторожнее в своих речах. Он охотно согласился на сие и дал честное слово, что вперед будет осторожнее и нигде не разгласит сего дела. Я отдал ему книги и обещался заниматься по-прежнему с ним. Боборыкин извинился в том, что он мне сказал сие, а Грибоедов в том, что прежде подал ему повод неудовольствия на себя своими неосторожными шутками. И мы так расстались. Перед отходом Грибоедов дал мне письмо, которое он хотел послать к Петру Николаевичу, которым он просил его помирить его со мною. Я сжег сие письмо и пошел к Воейкову, куда вскоре и Грибоедов пришел и просидел с нами до 11 часов вечера. Я возвращался с Боборыкиным домой с двумя фонарями, как встретился нам Газан с третьим фонарем. Мы зашли к нему, и он рассказал нам следующее происшествие, случившееся с ним.

Здесь есть гражданский чиновник Похвиснев, привезенный недавно Алексеем Петровичем. Он брал книги у Газана. Газану они были нужны, и он отправился за ними к Похвисневу, не нашел его дома и стал рыться в книгах его, чтобы свои отыскать. Человек Похвиснева не давал ему сего делать; но как скоро он увидел, что Газан насильно хотел сие делать, он вышел и запер его в комнате. Сколько Газан ни просил его отпереть двери и выпустить его, человек не делал сего. Газан выломал пинком дверь и вышел.

За сим я пошел домой и лег спать, вспомнив, что несколько раз в жизни мне случалось иметь дни, преисполненные происшествиями, неприятностями, и был рад, что те, которые до меня касались, так хорошо кончились.

7-го. Поутру был у меня Миллер; ввечеру я к нему зашел, и он толковал мне новую систему Ганемана¹²¹, по которой лечат болезни самой меньшей долею капли лекарства, и лекарства не должны быть противодействующие болезни, но которые бы могли произвести ее, как человек находится в здоровом состоянии. Ввечеру был у Алексея Петровича; он поговорил со мною несколько о делах туркменских и хивинских и, сколько я мог заметить, видно, что настоящей цели никакой не имеется, а кажется, что обещал государю много выгод от предполагаемого заведения.

10-го. Я был почти целый день дома и занимался. Я писал к Грибоедову записку, в которой я объяснял ему, что занятия мои по службе не позволяют мне больше продолжать занятия наши в восточных языках и что в субботу должен у нас последний урок быть. Ввечеру поздно он ко мне пришел и просидел до полночи. Образование и ум его необыкновенны.

Третьего дня выступил отсюда батальон Грузинского гренадерского полка. Весь полк идет в поход в Чары и Белоканы¹²² к лезгинам для собрания подати, которую они не выплачивают. Отряд сей идет по тому случаю, что князь Эрстов посылал недавно к ним людей для востребования сей подати; над ними ругались и их прибили. С отрядом из наших офицеров идут оба Коцебу и Князев.

14-го. Я пробыл весь день дома. Ввечеру навестил меня Розалион-Сашальский; он служил прежде в Петербурге в статистическом отделении у министра полиции и занимал меня разговором о статистическом положении России, которую совершенно знает.

15-го. Ввечеру Алексей Петрович потребовал меня в восемь часов. Я немного опоздал, потому что меня поздно оповестили; но он не был в расположении слушать чтения моих бумаг: посмотрев чертежи мои, судил о странах, им не виденных неосновательно, и заключил тем, что приказал мне на другой день опять придти. Кажется, что он многое обещал государю и хочет доказать истину сказанного им, и для того силится открыть сношения с Хивою по непроходимой дороге, тогда как сношения сии издревле существуют по весьма хорошей дороге в Оренбург. Он приказал призвать к себе и поговорить с двумя хивинцами, захваченными киргизами и представленными Эссену, оренбургскому губернатору, которых он к себе выпросил, дабы отослать их с письмом к Магмед-Рагим-хану Хивинскому и уверить его в дружелюбных расположениях своих. Дружба сия была недавно расстроена убиением его племянника на Сыр-Дарье одним киргизским владельцем, провожавшим посольство Негри в Бухарию, и разграблением нескольких кочевий его. Сверх того еще один хивинский караван был истреблен киргизами в

глазах коменданта в одной из пограничных крепостей наших на Оренбургской линии, который не пустил их укрыться в наше укрепление. Кажется, что намерение Алексея Петровича состоит в том, чтобы иметь укрепление при впадении Аму-Дарьи в Аральское море.

16-го. Поутру были у меня хивинцы. Один из них называется Аман-бай, а другой Дайлан. Один из них видел меня в Хиве. Я расспрашивал их об Аму-Дарье; они говорили мне, что река сия переменяла свое течение 300 лет тому назад, во время Араб-хана-Гаджи-Магомед-Санджара. Они ошибаются во времени. Они говорят, что прежнее течение было занесено песками, которые простираются на несколько дней езды, что Аральское море было прежде очень мало и что оно увеличилось со времени впадения в оное Аму-Дарьи; что море сие при устье реки пресное, но что далее оно соленое; что берега его очень вязки, имеют большие отмели и почти неприступны по сей причине.

Ввечеру в семь часов я пошел к генералу и читал ему свои бумаги. Он, кажется, был ими доволен. Когда все разошлись, я пришел к нему опять, пробыл у него довольно долго и успел во всем, что желал. Он согласился на все награждения, которых я у него просил для подчиненных своих. Для Киата обещался отвести место в Грузии, где он может покойно провести остаток жизни. Туркменские берега остаются без внимания и признаются неудобными для устройства на них заведения, а нынешний год пошлетсся один морской офицер для обследования Карабагзского залива. Касательно себя я просил его, дабы он дал мне полк. Он охотно на сие согласился и велел мне подать ему письмо к князю Волконскому, в котором бы я просился из свиты. Он хотел вместе с сим написать к князю и просить его о том же.

После обеда был у меня Базилевич; он звал меня в бригадные командиры в артиллерию. Я не решился на сие, и казалось мне, что командование полком должно быть гораздо лестнее.

18-го. Я получил письмо от брата Михайлы, которым он извещает меня о скором окончании печатания моего путешествия и что издание прекрасное¹²³. Он предлагает мне послать один экземпляр к Волконскому, один государю и один к графу Аракчееву. О сем я посоветуюсь с Алексеем Петровичем. Я целый день был занят заготовлением представления о своих офицерах и о морских, а после того написал письмо к князю Волконскому, которым просил его о переводе меня в строевую службу и ввечеру повез бумаги свои к Алексею Петровичу. Он показал мне письмо его к князю, которым он убедительно просит его о переводе меня в строевую службу, говоря, что я ему необходим для командования полком.

Прилагаю копию с письма моего к князю Волконскому.

Обстоятельства заставляют меня беспокоить ваше сиятельство своею покорнейшею просьбою. Полагая, что она вам будет неприятна, я долго не решался на сие; но теперь нахожусь вынужденным просить вас, чтобы вы оказали мне в сем случае милость вашу. Я прошу вас о переводе меня в строевую службу. Причиною сего есть зрение мое, которое пострадало в нынешнюю поездку мою на восточные берега Каспийского моря. Проведши целое лето на открытом воздухе, в знойном климате, среди глубоких песков, в трудах и занятиях, я почувствовал недуг сей, коего причину полагаю в песчаных туманах, нередко случающихся в тех местах

при малейшем ветре. Мелкая проникающая пыль засыпает глаза до такой степени, что несколько времени нельзя ничего видеть. Зрение мое ослабло от сего, и я с трудом привожу к концу чертежи съёмов своих, которые надеюсь отделать через месяц. Я не стараюсь избежать трудов, сопряженных со службою по квартирмейстерской части, тем более что они всегда были вознаграждены столь лестным для меня вниманием начальства; но вышеозначенная причина заставляет меня признаться, что я более неспособен к продолжению сего рода занятий. Не желая, однако, оставить службы, я приискивал средства продолжать ее в другом звании. Мне казалось, что всякий военный человек должен непременно пройти через состояние строевого офицера, и потому, избрав сей род службы, я решился беспокоить ваше сиятельство своею просьбою.

Я имел счастье служить одиннадцать лет в квартирмейстерской части под начальством вашим. Пользуясь вашим благорасположением, не искал до сих пор другого рода службы и никогда бы не стал искать его, если б не понуждало меня ныне к сему слабое зрение мое, не позволяющее мне более исполнять обязанности своей с надлежащею точностью. Смею надеяться, что ваше сиятельство уважите просьбу мою и не лишите меня ваших милостей.

19-го. Поутру Алексей Петрович потребовал меня, для того чтобы предложить мне перейти в артиллерию бригадным командиром. Я отвечал ему, что предоставляю судьбу свою на его волю и что не считаюсь слишком счастливым тем одним, что выйду из его свиты. Он сказал мне, что намерен исполнить желание мое, и как мое желание было получить полк, то

он обещался мне полк дать, но велел мне подумать и дать ему ответ ввечеру в семь часов. После обеда я ездил смотреть пробу, которую Алексей Петрович делал из трехфунтовых орудий, которые он хочет с собою взять в горы при отыскании новой дороги нынешнего лета. Вельяминов 2-й советовал мне также перейти в артиллерию. Базилевич уговаривал меня весь вечер избрать артиллерию, представляя мне преимущество сей службы над прочими; но я не решился на его предложение, а чрезвычайно совестно было отказать такому человеку, когда он мне такую честь делал. Я лег спать и думал долго, каким образом мне надобно будет поступить на другой день, чтобы не обидеть Базилевича и соблюсти свои выгоды по службе.

20-го. Поутру я поехал к Алексею Петровичу. Он меня снова спросил, где мне хотелось служить, в полку или в артиллерии. Я ему сказал, что мое желание есть полк иметь, но что, если он желает, чтобы я был в артиллерии, то я прошу его располагать мною, как ему угодно; что мне будет сие приятно, что я слишком счастлив выйти из квартирмейстерской части, чтобы выбирать из таких двух лестных мест, что я его прошу представить меня к чему ему угодно, и что, по отправлению курьера, я спрошу его, к чему он меня представил.

— Сие дело надобно сейчас решить, — сказал он.

— Решайте, — отвечал я.

— Итак, решено, — продолжал он.

— Решено, если вам угодно.

— Ты будешь иметь полк. Хотелось бы мне тебе дать седьмой карабинерный; но Ладинский не хочет понять (что я ему всякий день даю чувствовать), что ему пора убираться отсюда, потому что сей человек

наделал преглупых проступков; я не могу его тотчас выгнать, и ты будешь иметь 41-й егерский полк.

21-го. Я пробыл дома, занимаясь; начал, между прочим, сочинять для Алексея Петровича татарскую грамматику, о которой он просил меня.

24-го. Вечеру я ходил смотреть Катани, который очень заболел и лежит в госпитале в сильной горячке.

26-го. Я писал письма к князю Волконскому и к князю Голицыну, при которых брат Михайло должен приложить по экземпляру моего путешествия и послать к ним. Содержание моего письма к князю Волконскому следующее:

Прошу покорнейше ваше сиятельство принять приложенный при сем экземпляр книги под названием «Путешествие мое в Хиву и Туркмению». Простите ошибки, которые в нем находятся. Никакая книга не бывает без них; в путешествиях они чаще встречаются, а особливо в описаниях стран, в первый раз виденных. Новость предмета, описанного в сей книге, закрывает отчасти погрешности ее, и другой путешественник, который дерзнул бы в Хиву ехать, прочитав мою книгу, без сомнения, приобрел бы сведения о сем крае, обширнее тех, которые я мог представить; если б он оттуда возвратился, записки его были бы гораздо занимательнее моих, потому что книги усвершенствуются повторенными наблюдениями над одним предметом. Последняя поездка моя в Туркмению доставила мне случай заметить, что карта Балканского залива неверно означена в атласе, приложенном к моей книге. Я тогда не снимал сего залива, а только пополнял старинные карты, которые были несправедливы. Ныне же, обозрев весь залив, я представил

начальству верные съемки оного. Ваше сиятельство изволите увидеть их и разницу, которая существует между новыми и старыми. Я бы желал издать новую карту свою при кратком описании виденных мною мест, но не имею права на сие, потому что оно было сделано по приказанию начальства. Что же касается до прочих карт и описаний, помещенных в моем путешествии, я не имел случая увериться, чтобы в них были важные погрешности. Намерение мое было просить ваше сиятельство, дабы вы исходатайствовали у государя императора позволения мне представить один экземпляр сей книги его величеству; но вышеупомянутая причина остановила меня, и я приступлю к сему в таком только случае, если удастся мне издать дополнение. Ваше сиятельство удостоили вашим вниманием труды мои 1819 года. Сие самое подает мне надежду, что вы не откажетесь сделать мне честь принять сию книгу как слабый знак особенного почтения и совершенной преданности, с которыми имею честь быть и пр.

Содержание письма моего к князю Дмитрию Владимировичу Голицыну, главнокомандующему в Москве, такого же содержания, с тою разностью, что оно гораздо сокращеннее.

27-го. Я ходил к Алексею Петровичу и носил к нему турецкую грамматику, которую я для него сочинил. После полдня я ходил к Грибоедову, который был болен сии дни. Он получил при мне записку от одного англичанина Мартина, который просил его прислать к нему лекаря, потому что был болен, но он никакого языка, кроме английского, не знал. Мы искали средства, чтобы доставить ему переводчика, и как другого не было, как мне самому идти, то я написал записку

к Миллеру, которой я просил его придти к нему, а сам отправился. Сей несчастный приехал из Калькутты в Тавриз для лечения, полагая, что холодный климат будет ему полезен. Из Тавриза он сюда прибыл из любопытства и еще более занемог; он принимал множество ртути¹²⁴ и хины, которые расстроили его здоровье. Положение его заслуживает сострадания.

1-го. Поутру умер Катани после девятидневной сильной горячки. Всем было прискорбно слышать о его смерти. Перед вечером ходил я прогуливаться и зашел из любопытства на кожевенный завод купца Тамаджева, что на левом берегу Куры, пониже Авлабара¹²⁵. Я застал самого хозяина, который показывал мне все свое заведение; оно довольно хорошо устроено. Мастер у него немец, но работников у него почти никого нет. Он ставит кожи в здешний комиссариат. Завод сей еще есть первый в Грузии.

2-го. Я пошел после обеда прогуливаться и встретил Ховена; с ним мы зашли посмотреть католическую церковь, а оттуда к патерам, у которых я еще в первый раз был. Патер Филип, старший в сем монастыре, мне очень понравился; он имеет здесь доброе имя, как между русскими, так и между жителями. Оттуда Ховен пришел ко мне; собралось человек с десять, и мы пили чай в саду. Когда смерклось, я велел пускать ракеты и швермеры, которые остались у меня еще от туркменской экспедиции.

3-го. Я был занят целый день разборкой промеров, представленных мне морскими офицерами, в которых ужасная бестолковщина; наконец я разобрал их с большим трудом, к вечеру.

Я получил вчера письмо от батюшки и два из Парижа, одно от Маритона, а другое из дома торгового Маритона и братьев, которым предлагают мне свои

услуги, для доставления каких угодно мне будет вещей из Парижа. Ночью я имел сон из числа тех, которые, напоминая потерянное мое счастье, оставляют во мне впечатление печали.

5-го. Я был ввечеру у Алексея Петровича и представлял Якши-Магмеда, которого он принял ласково, сказав, что он бы желал, чтобы у него бороды не было, а волосы отпущены. Он обещался вызвать отца его и поселить в Ширване и вчера повторял сие же самое. Оттуда я ходил навестить англичанина Мартина.

9-го. Я провел вечер у Алексея Петровича, где всякий раз становится скучнее.

10-го. Я целый день ничего не делал. Собрался было с Верховским идти обедать к Ивану Александровичу Вельяминову. Мы пришли немного рано и застали Гиерту, рисовавшего портрет Мазаровича; он уже сделал здесь несколько портретов масляными красками и довольно схоже, между прочими портреты Алексея Петровича и Ивана Александровича. Старик Вельяминов спал, когда мы пришли. Гиерта спросил у человека, скоро ли он его будить будет, и тот нагрубил ему жестоким образом. Сие нас так озадачило, что мы ушли и не приходили к нему обедать, и я остался у Верховского. После обеда приходил ко мне Похвиснев, молодой человек, привезенный сюда Алексеем Петровичем и, кажется мне, весьма порядочный; он показывает большую охоту к занятиям и просит меня неотступно, чтобы я ему показал дорогу для приобретения сведений о здешнем крае и изучения восточных языков.

11-го. Я ходил после обеда прогуливаться и видел батальон Тифлисского полка, который вступил сюда для следования на Военно-Грузинскую дорогу, где он сменит батальон 7-го карабинерного полка, идущий на линию.

12-го. Поутру я был у Алексея Петровича и у обедни. Со мною были два случая, довольно неприятных. Авенариус, командир 41-го егерского полка, приобрел уже давно в Тифлисе дурное расположение своих знакомых через грубое обращение. Он имел неприятное происшествие в полку, был разруган одним офицером и уличен всем обществом офицеров в дурном обращении. Сие самое понудило его проситься из Грузии; его здесь никто не терпит, но покровительствует ему И. А. Вельяминов. Авенариуса хвалят в том, что он умел содержать полк в порядке. Верховский знаком с ним и любит его. Мне он никогда ни малейшего неудовольствия не делал, а только казался странным. Боясь напрасно осудить человека и видя привязанность Верховского к нему, я вчера подошел к нему, говорил ему разные лестные вещи для него, стараясь сим показать ему, что я не в числе тех, которые его обвиняют без причины. После нескольких учтивых приветствий с обеих сторон, он обратился на мое служение и сказал мне, что я добрею. Слово сие было сказано без намерения огорчить меня; но он не менее того знал выражение учтивее для объяснения сего, а сказал сие оттого, что привык всех считать своими близкими и равными и никогда не обращался в хорошем обществе. Слово сие задело меня; но, сомневаясь в истине своего предположения, я сказал ему несколько колкостей околичностями, которых он не понял, и дабы уверить его в грубости сего слова, я сыскал Жихарева и сказал ему, что он добреет и толстеет, чтобы примечать, как он сие первое слово примет. Жихарев слышал мой разговор с Авенариусом, догадался и засмеялся. Я ему объявил свое намерение и сказал, что слово сие, казалось мне, употребляется только, гово-

ря о лошадях. Жихарев старался уверить меня, что хотя оно неучтивое, но говорится также и о людях. Я его послал справляться; он поговорил с Чубаровым и воротился ко мне с тем же, сказав, что выражение сие очень грубое. Я сыскал Авенариуса и сказал ему, что он позволяет себе речи грубые, приличные только мужикам, и что если он в лучшем кругу никогда не бывал, то бы лучше и не говорил; что такие выражения могут ему навлечь большие неприятности и что я потому советовал бы ему быть осторожным. Он не умел отвечать мне, замешался и ушел со стыдом.

Вслед за сим Суханов, человек, которого я люблю и уважаю, узнав, что я постился на первых неделях поста, назвал меня святошей: выражение также неприличное, хотя он сие сделал без всякого дурного намерения. После обедни я его сыскал, отвел его в сторону и сказал, что знакомство наше не так коротко, чтобы мы могли давать друг другу наименования, и что если он не находит мои речи справедливыми и хочет продолжать такое обращение со мною, то он подвергается получить гораздо худшие названия. Суханов сделал сие от неосторожности и не догадывался, что сие могло огорчить меня; он просил у меня извинения и уверял, что не помышлял никогда нанести мне малейшего неудовольствия.

Сии два случая заставили меня вчера много думать. Какие средства предстоят для того, чтобы избежать такого рода неудовольствия? И как должно себя вести, чтобы другие были осторожнее? Мое поведение давно уже такого рода, что я не подавал никому повода к сему, и, следственно, причина сего заключается единственно в свойствах других, на которые

влияние другого иметь не могу, как то, которое я произведу, озадачив их каким-нибудь смелым поступком, и потому я не вижу настоящего средства для избежания сих неудовольствий. Я давно собираюсь изложить такие происшествия на бумаге и сделать общее заключение, из которого я бы мог себе извлечь правила для поведения и обращения с людьми. Недавно мне Верховский одно сказал, что меня крепко поразило; я записал его и буду твердо помнить: «Прощать нанесенные обиды есть дело человеческое, но забывать их есть дело скотское»*.

Вчера после обеда я дал первый урок Похвисневу татарского языка; молодой человек сей мне очень нравится.

13-го. Я был ввечеру у Алексея Петровича и выпросил у него должное награждение моему мирзе Магмед-Гуссейну, возвращение унтер-офицерского чина Никитину, разжалованному рядовому Бакинского гарнизона, и сукна на платье туркмену Якши-Магмеду, сыну Киата.

15-го. Поутру заходил ко мне Грибоедов с англичанином Мартином, который оправился от своей болезни и собирается на днях отсюда ехать. После обеда я ходил с Верховским в сады, которые на острове на Куре, ниже города, версты за три или за четыре отсюда. Я нашел прекрасный сад, в коем бесчисленное множество аллей виноградных; он очень обширен, и можно его назвать лабиринтом; ибо множество крытых дорожек и стен, разделяющих владельцев сего сада, делают его очень сложным, и кто в первый раз в нем, не скоро найдет в нем дорогу.

* Чужой рукой приписано в подлинной рукописи: «Забывать — дело человеческое, прощать — дело божественное». (П. Б.)

Зелень мало-помалу начинает показываться. Летом же на сем острове вечная прохлада от тени старых каштановых деревьев и бесчисленного множества водопроводов, орошающих сие место. Если мне доведется здесь лето прожить, то я намереваюсь избрать в сем саду хорошее место под тенью старого каштанового дерева, разбить там свою палатку и укрываться от несносной жары, удушающей городских жителей.

16-го. Я был позван Алексеем Петровичем на обед, для того чтобы говорить с англичанином Мартином, который, кроме своего и персидского языка, никакого не знает.

17-го. Я получил по российской почте посылку: напечатанную вторую часть моего «Путешествия в Хиву». Где ни раскрывал я книгу, находил я множество ошибок, как опечаток, так и в слоге, а что всего обиднее, много ошибок в описании края. Я огорчился, пошел к Верховскому и отдал ему книгу, прося его прочесть ее и сказать мне свое суждение. Он обещался сделать сие, но посоветовал мне отнести к И. А. Вельяминову, который лучше всех в состоянии сказать о ней основательное суждение. Во всяком случае, я намерен написать о ней критику и послать ее для напечатания в журнал. Со времени сочинения сей книги я во многом усовершенствовал свои сведения о Востоке и вижу большие ошибки; но какая книга бывает совершенна, особливо та, которая касается столь нового и никому не известного предмета?

19-го. Я провел часть дня у Грибоедова и обедал у него, занимаясь с ним турецким языком. Вечеру я был у Алексея Петровича, а оттуда зашел к Верховскому, который прочитывал вторую часть моей книги «Путешествие в Хиву и Туркмению», и нашел ее

очень хорошей. Он уверял меня, что я из личного предубеждения против себя находил ее дурною.

20-го. После полдня я пошел к Верховскому, и вместе пошли в сады, расположились в уединенном месте и принялись за чтение моей книги. Я не нашел ее такою дурною, как она мне сначала показалась. Вечеру я был у Боборыкина, где играли квартет.

21-го. После обеда я пошел с Верховским на гору, что за моей квартирой, и перелезли через стену разваленной крепости, спустились в ущелье, где расположились читать мою книгу. Оттуда я прошел к Якши-Магмеду. Он вчера взял первый урок арифметики от одного здешнего князя Аргутинского, молодого человека, который учителем географии в училище. Вечер я провел у Дубкевича, где был квартет.

22-го. Я обедал у губернатора, оттуда пошел с Верховским прогуливаться. Пришедши на реку Куру, мы начали подниматься по ней вверх и остановились в одном прекрасном саду, где расположились и начали чтение моей книги. При захождении солнца возвращаясь, мы зашли к Базилевичу, который оправляется от посетившей его жестокой и опасной болезни. После пошли мы в баню, откуда воротились домой в 11-м часу вечера, будучи очень довольны своим днем.

23-го. Я кончил с Верховским чтение своей книги и нашел большие недостатки и ошибки в ней, особливо в последней главе. Дабы узнать, какое впечатление книга моя может сделать на других, я объявил ввечеру И. А. Вельяминову о ней и просил его, не угодно ли будет ему ее просмотреть. Он сказал, что очень желает сего, и потому я сегодня отнесу к нему книгу и буду просить его, чтобы он отметил в ней карандашом то, что ему нехорошо покажется. Вечеру я был у Алексея Петровича, где узнал, что поступило вчера

донесение от бакинского коменданта, которым извещают, что одно казенное судно разбито около Белого бугра и что туркмены захватили 1400 четвертей хлеба, которые на нем были, матросов и одного штурмана офицерского чина.

24-го. Брат Михайло зовет меня в Россию, дабы приняться за издание прочих записок моих, обещаюсь мне, что через сие я могу себе сделать состояние. Он хочет дать перевести книгу мою на французский, немецкий и английский языки. Если таким образом, то дело другого рода; но не полагаю, чтобы он мог воспользоваться выгодами от русского издания, которые обещаны бедным.

25-го. Я писал поутру к брату Михайле о своем намерении сделать дополнения к моей книге и просил, чтоб он уведомил меня, в состоянии ли он приняться за нее.

26-го. Приехал сюда Самойлов. Он тот же отличный человек, каков прежде был, и соединяет в себе все качества нравственные и чувственные. Вечеру я был у Алексея Петровича, который объявил мне сам о сожженном туркменами судне и захваченных в плен штурмане 12-го класса и девяти матросах. Он приказал мне написать письмо к Киату, дабы он выручил сих людей, и сам хочет писать к нему и послать казенное судно к восточным берегам моря. Я не сомневаюсь почти в том, что Киат уже людей сих у себя держит и ожидает только случая для доставления их к нам, и может быть обстоятельство сие доставит ему счастье.

28-го. Я отдал письмо свое к Киату Алексею Петровичу, приложив при нем письмо от Якши-Магмеда и письмо от отца моего, который перед вторым отъездом моим в Туркмению писал к Киату, прося его быть мне помощником и ревностным содействовате-

лем в трудах. Я же получил сие письмо уже по возвращении моем с восточных берегов моря.

31-го марта провели у меня вечер Грибоедов и Кюхельбекер; первый был так любезен вчера, что можно бы почти забыть его свойства. Поздно ввечеру я был у Алексея Петровича. Приехал фельдъегерь, который привез известие о разных производствах в корпусе, между прочим, и коменданта Грабарича в подполковники.

1 апреля поехал поутру Алексей Петрович с начальником штаба и Мадатовым в Мухровани¹²⁶ к П. Н. Ермолову в полк. Ввечеру и я поехал. Дождь мочил меня до самой ночи, и я остановился ночевать на Марковском казачьем посту. Все бумаги и чертежи мои по делам туркменским были совершенно кончены перед отъездом моим из Тифлиса.

2 апреля, в самый день Воскресения Христова, я приехал на Мухровани и остановился в доме графа Симонича. До вчерашнего дня я провел время свое на Мухровани в совершенной беспечности и в отдыхе: ели, пили, спали, веселились, всякий как знал, не думая ни о службе, ни о занятии, и я был очень рад отдохнуть таким образом от трудов и забот, занимавших меня так долго. Но бездействие сие начало мне надоедать, и вчера я выехал оттуда и приехал перед вечером в Тифлис.

Я ходил к И. А. Вельяминову и показывал ему рисунки к моей книге, присланные при одном экземпляре. Он возвратил мне вторую часть, которую он прочел, хвалил ее очень и отметил в ней все ошибки карандашом, но нашел только опечатки.

7-го. Обедал у меня Верховский. Я целый день пробыл дома, не делая ничего, а только принимая множество гостей, которые попеременно целый день меня

сдавали на руки друг другу. Кажется, что свобода, которую я приобрел трудами и терпением своим, окончив предстоявшие мне работы, обратилась в пользу других, а не мою; или они полагают меня счастливым принимать и слушать всякого из них со вниманием?

9-го вечер провел у меня Устимович, вновь приехавший с Алексеем Петровичем, чиновник и родственник Якубовича; я с ним недавно познакомился, и он мне начинает нравиться.

12-го я ходил поутру к Алексею Петровичу и носил ему свои описания и чертежи. Он занялся с полчаса со мною, взял бумаги и хотел еще поговорить, но когда, Бог знает. Он так занят сонмищем людей, наполняющих почти с утра до вечера комнату его, без всякого дела, единственно с целью играть в карты и соваться ему на глаза, что мало занимается делом. Я ему опять напоминал о представленных мною разжалованных унтер-офицерах и других мелочных награждениях, которые он обещался сделать.

Вечеру был у меня Высоцкий, пристав Ширванский; он теперь в опале. Вина его, кажется, в том состоит, что он по приказанию Вельяминова исследовал дело о выводе Мадатовым 300 семейств из Карабага в Ширван, которые он назвал своими. Высоцкий всячески старался отделаться от сего поручения, видя, что он должен быть от того пострадавшим. Он писал к Вельяминову еще летом в ответ на предписание его письмом, прося его уволить от сего дела; ныне же очернен в глазах начальства Мадатовым, лишается места и потерял всю доверенность Алексея Петровича. Человек сей, известный своим бескорыстием, скромностью и честностью, уже более месяца здесь живет. Алексей Петрович хотел говорить с ним и до сих пор не принялся еще за сие дело. Я советовал ему

сходить к Ивану Александровичу, любящему правду, и объясняться с ним, по крайней мере, узнать, в чем его винят, и представить ему предписание его, напомнить о письме своем, каким он образом старался избежать сего поручения, предвидя неудовольствия, которых он миновать не мог.

15-го поутру Алексей Петрович послал за мною и велел мне быть готовым к отъезду. Он меня назначил в Тарки начальствовать над двумя батальонами, окончить строение крепости и наблюдать за жителями. Он хотел мне объяснить, в чем состоит моя порученность через несколько дней. Ввечеру я начал укладываться к отъезду.

16-го я ходил ввечеру в собрание и узнал там от Грибоедова происшествие, недавно случившееся между Кюхельбекером и Похвисневым. На днях они поссорились у Алексея Петровича, и как Похвиснев не соглашался выйти с ним на поединок, то он ему дал две пощечины. Алексей Петрович, узнавши о сем, очень сердился, сказав, что Кюхельбекера непременно отправит отсюда в Россию, а между тем велел, чтобы они подрались. У Похвиснева назначен секундантом Павлов, а Кюхельбекер послал на Гомборы¹²⁷ по сему предмету за артиллерийским штабс-капитаном Листом, с которым он очень дружен.

17-го я обедал у Ивана Александровича и ввел его в разговор о разных злоупотреблениях, здесь делающихся. Он бесщадно истреблял Ладинского, называя его почти преступником и удивляясь, что до сих пор еще Алексей Петрович, зная его поступки, терпит его в службе. Я перевел разговор на счет Высоцкого, которого он тоже крепко обвиняет в грабежах. Зная правдивость старого Вельяминова, я начал переме-

нять мысли свои насчет сего человека; но меня еще более уверил в сем следующий случай. Я пошел после обеда к Базилевичу и по дороге зашел к Мадатову, который с большим беспокойством начал говорить о Высоцком, рассказывал его поступки, оправдывая свои, что мне показалось очень удивительно. Видно, что и он замешан в сем деле. Поговорив таким образом с час, он вдруг объявил мне, что Высоцкий рассказывал, что я ему советовал написать письмо к Алексею Петровичу. Меня очень удивил сей поступок со стороны Высоцкого: он был у меня наедине и, жалуясь на свое положение, просил совета, говоря, что он намерен писать к Алексею Петровичу; я сказал ему, что он, Ермолов, не любит писем, и что если он решился сие сделать, то должен прежде разведать, в чем его обвиняют, а потом писать, если он невинен, и потому если, как он говорил, Иван Александрович к нему хорошо расположен, то он должен сперва у него спросить, в чем его обвиняют. Сие сказать ему был долг мой, а он разгласил сие, сказав, что я ему советовал писать письмо. Я объяснил Мадатову дело и сказал, наконец, что если он не намерен был сему верить, то мне никакого дела до сего не было; потому что я не менее того прав останусь, и ушел к Базилевичу, где провел с большим удовольствием время до вечера. Оттуда я ходил к Алексею Вельяминову, у которого Алексей Петрович приказал мне получить изустное наставление для руководства моего в командовании в Тарках. Главнокомандующий, как я догадывался из слов его, старался уверить меня, что поручение сие гораздо лестнее того, что оно в самом деле есть. Я, кажется, буду просто наблюдать за строениями. Я узнал от него также, что представления мои еще не пошли, а пойдут теперь вскоре, с первым фельдъеге-

рем; что меня еще не представили к званию полкового командира, потому что вакантных полков еще нет и, кажется мне, что сие случится не прежде осени. Впрочем, я буду доволен провести лето в Тарках и начальствовать двумя батальонами, которые там будут находиться.

19-го я обедал у губернатора, где слышал от него самые неприличные отзывы об Вельяминове. Ермолов после обеда приехал ко мне и рассказал мне дело Похвиснева с Кюхельбекером. Грибоедов причиною всего, и Кюхельбекер действовал по его советам. Мне сказал Ермолов, что Алексей Петрович имеет тайное приказание известить Кюхельбекера; невзирая на то, кажется, что слабость его допустит последнего до того же состояния, в котором он прежде был принят у него в доме.

Я получил вчера письмо от Юрьева, которым он извещает меня, что два судна были разбиты около Карабугазского залива и были сожжены туркменами, что из захваченных людей Киат выручил трех. Ввечеру вчера приехал сюда брат Ермолова, служащий прапорщиком в Гвардейском генеральном штабе.

20-го. Кюхельбекер стрелялся с Похвисневым; один дал промах, у другого пистолет осекся, и тем дело кончилось.

29-го ввечеру я был у Алексея Петровича, который объявил нерадостную весть. Он показал мне письмо от князя Волконского, который ему пишет, что он уже не смел докладывать государю о дании мне полка после того ответа, который он получил от государя на счет Верховского, что его должно сперва перевести к старшему в полк, дабы он обучился фронтовой службе, а после того уже поручить ему полк.

30 апреля поутру рано я был у Алексея Петровича и просил его перевести меня в какой-нибудь полк до времени, пока я буду в Тарках, дабы к возвращению моему оттуда получить полк. Он с удовольствием обещался сделать сие.

2-го Ермолов собирался выехать, но отложил отъезд свой до третьго числа. Я ходил к нему спрашивать, в какой он меня полк представил, и он сказал мне, что в Грузинский, откуда я уже буду переведен командиром 7-го карабинерного полка.

3-го. Я получил неудовольствие от Воейкова, которое меня сильно огорчило. Накануне я сторговал за 15 червонцев саблю; на другой день, когда я послал за нее деньги, я узнал, что она уже была продана Воейкову за 16 червонцев. Я увидался с Воейковым. Он купил ее, не зная, что она уже моя была, и я просил его уступить ее мне, тем более что у него их две было, а у меня ни одной не было. Он мне отвечал довольно грубо, что сабля эта его, что он ее купил и что он знать не хочет о том, что я ее сторговал.

4-го в девять часов утра Ермолов уехал. Грибоедов, проводив его, приехал ко мне обедать.

5-го, ко мне явился один артиллерийский подпоручик Влахопулов, который назначен со мною в Тарки для надзора за строениями.

10-го я выехал и ночевал в Душете у майора Дехтерева, Тифлисского пехотного полка.

14-го. Во Владикавказе. Со мною были артиллерии подпоручик Влахопулов; подпоручик Трубников оставался в Тифлисе и должен был меня на дороге нагнать. Инженер-капитан Данилов отправился до меня вперед и дожидался меня в Моздоке.

В Ларсе я познакомился, наконец, с капитаном пионерным¹²⁸ Огаревым, которого не могут миновать

проезжие; человек сей старается сделать всякому приятное и угодить.

16-го. В Елисаветинском редуте я встретился с полковником Фридриксом, Московского гвардейского полка, который едет путешественником в Грузию.

17-го. Подъезжая к Александровскому редуту, лежащему по правому берегу реки Терека, мы видели в левой стороне, в версте расстояния от нас, восемь человек конных хищников, которые скакали рядом с нами, а иногда и к нам поворачивали, но не смели близко подойти; они версты четыре с нами ехали. Подъезжая же к редуту, оставили нас.

19-го. Ввечеру я прибыл в Кизляр, где был в ту же минуту посещен начальником таможни Кузьмой Алексеевичем Исуповым — человек известный своим гостеприимством, честностью и охотою одождать других. Я остановился у Унгерн-Штернберга и нашел в нем того же отличного человека, качествами души и ума, которого все товарищи по сему уважали. Я познакомился в доме его, где был принят с особенной лаской.

22-го. Ввечеру нагнал меня Трубников. Я еще взял с собою Мещерякова, Кизлярского казачьего войска, в переводчики и отправился в путь, переправился через Терек и прибыл ночевать в Лощуринский карантин, где был принят тамошним смотрителем Иваном Даниловичем Бабеновым, человеком добрым, старого века и получившим некоторое образование.

23-го числа я продолжал путь свой обширной равниною до селения Кази-юрта, принадлежащего к владениям Андреевской деревни; владетельный князь ее, Шефи, недавно умер. Я остановился ночевать у него в доме. В Кази-юрте находится, на правом берегу реки Сулака, пост, который содержит одна рота 43-го егерского полка.

24-го. Я переправился через Сулак и прибыл ночевать в Енги-юрт, селение, принадлежащее к владениям шамхала¹²⁹.

25-го. Я продолжал путь свой все тою же равниной и прибыл на ночлег в Тарки.

Перед въездом в Тарки я был встречен мирзой Исмаилом и одним из сыновей шамхала, Али-Бури. Шамхала в Тарках не было; он выехал в Буйнаки под предлогом встретить Вельяминова, но, вероятно, для того, чтобы избежать хлопот, предстоящих ему при построении крепости.

Тарковская крепость, названная Бурной, строилась с весьма малыми средствами от казны, почти на счет обывателей, которых все прошлое лето Вельяминов без пощады понуждал в возке материалов. Она вся каменная и построена на отвесном обрыве скалы, под которой и по покатости гор расположен город Тарки. Шамхал, по свойственной азиатцам лени и беспечности, медленно способствовал к производству, но не мог и отказаться от сего, боясь, с одной стороны, главнокомандующего, а с другой — неприятелей своих: Ахмет-султана Аварского (которого лишили два года тому назад ханства и отдали владение шамхалу) и Ших-Али-хана, который за два дня до моего приезда умер. Мирза-Исмаил, умный и расторопный персиянин, въехавший некогда из Казбека в Астрахань для взыскания долгов своих, поместился у шамхала на службу и управляет всем владением. Человек сей храбр, деятелен и смышлен. Он предан нам, трудится в доставлении материалов и наряде жителей на работу и через то нажил себе неприятеля в шамхале. По прибытии моем в Тарки явились ко мне батальонные командиры: майор Мурзанов Апшеронского 2-го и майор Износков Куринского 3-го,

штабс-капитан Мейендорф пионерной роты 8-го полубатальона, поручик Суворов 21-й артиллерийской бригады № 3 легкой роты и Георгиевской гарнизонной артиллерии прапорщик Кочерухин.

26 мая я ездил смотреть лагерь и крепость. В лагере я нашел большое неустройство, в крепости же строение в очень хорошем состоянии, чего нельзя было ожидать, потому что работы производились в прошлом году очень поздно осенью.

27-го я отдал в приказ, чтобы майор Мурзанов был начальником в лагере и чтобы к нему относились прочие частные начальники, между тем приказал приступить к починке и приемке инструментов.

30-го начались каменные работы закладной стены, служащей перилами на краю скалы. Офицерские строения и прочие дома внутри крепости начнутся только по прибытии Алексея Александровича*, который сам хотел их назначить. Вчера явился ко мне пристав Мехтулинских владений Батырев, прапорщик Кизлярского войска, у которого я расспросил о расположении жителей нам неприятных деревень.

31 мая я командировал в Кубу имеющиеся здесь шесть орудий, которые сменились прибывшими сюда три дня тому назад четырьмя орудиями Кавказской гренадерской артиллерийской бригады № 3 легкой роты с прапорщиком Куколь-Яснопольским.

Третьего дня я был у жены шамхала Джегал-Пери-ханум, сестры Ших-Али-хана, недавно умершего. Я доставил ей письмо и шкатулку в подарок от Алексея Петровича.

* Вельяминова, который был тогда начальником штаба у А. П. Ермолова. (П. Б.)

1 июня я ездил ввечеру на гору смотреть работы, как и всякий день сие делаю. Каменная стена, которую я заложил на краю скалы, приметно подвигается.

3-го приходило ко мне посольство от шамхала. Посольством правил Али-Бури, побочный сын его, которому я запретил вмешиваться в дела по нарядам жителей, потому что он мешал только Мирзе-Исмаилу в его распоряжениях. С ним пришли все почетные старшины с жалобою на Исмаила за то, что он бил рабочих и что я потакал ему в сем. Али-Бури я прогнал, с другими поговорил и велел объявить шамхалу, что я более обещаниям его исполнить возложенные на него поручения Алексея Александровича Вельяминова не верю, что он может сам ко мне писать, если дело имеет, а не сноситься через Али-Бури, а что я между тем буду продолжать с ленивых требовать.

4-го ввечеру приехал гонец от шамхала с письмом, которым он упрекает меня в упреке, сделанном ему за неизготовление материалов, о которых ему было приказано в прошлом году. Он обещается все доставить, но обещания его считать нечего.

5-го приехал сюда начальник штаба с генералом Базилевичем. Они прибыли ввечеру и остановились в доме шамхала, который сам еще остался в Буйнаках, где он будет праздновать байрам¹³⁰. Майор Износков, несмотря на приказание, отданное мною не являться к генералу, пришел к нему и отдал рапорт. Я просил генерала устроить должный порядок в отряде или позволить мне распорядиться для заведения должного повиновения; он обещался сие сделать.

6-го генерал поехал в лагерь и смотрел крепость. Я стал выговаривать Износкову его неповиновение; он имел дерзость отвечать мне, что он имеет всегда право видеть начальника своего, несмотря на мое за-

прещение. Я просил генерала арестовать его; но генерал не согласился на сие, говоря, что он имеет порученность при провианте и что он его уймет.

7-го генерал призывал майоров и отделал их, как должно; они стали смирны. Вчера я был три раза на горе.

9-го я получил на днях следующую жалобу. Один армянин взял прошлого года откуп для продажи водки у шамхала; другой, товарищ его, приехал вскоре, и шамхал отдал ему откуп, а первого заставил взять деньги свои назад. За ним приехал третий, который еще больше денег дал, и шамхал у второго отнял откуп и отдал ему. Износков был тогда здесь старшим; он запретил сему армянину продавать русским водку, потому что он подрывал сим прежнего товарища своего; но, желая воспользоваться сим случаем, запечатал его лавку и поставил часового. Он 22 дня его держал таким образом и просил с него подарка. Армянин поднес ему три пуда сахару, подарил его наложнице водки, чаю и получил позволение продавать солдатам водку. Я увиделся с Износковым и сказал ему о жалобе, на него поданной. Он признался и хотел заплатить все армянину. Когда же дело дошло до расплаты, то стал показывать, что армянин с него лишнее требовал. Я ему два раза приказывал удовлетворить маркитанта¹³¹, стращая его тем, что донесу о сем по начальству. Армянина удовлетворили. После того я послал его к Износкову же для получения 200 ударов за то, что он давал подарки, что, пользуясь несколько месяцев исключительною продажей водки, он желал воротить убытки свои, которые уже давно были вознаграждены на счет солдат.

Вчера уехал отсюда Базилевич на линию. После обеда было в лагере наказание 10 здешних деревень

обывателей, которые бежали с наряженными на работу подводами; некоторых сквозь строй прогнали, а других наказали просто. Все сии дни я был очень занят службой и работами в крепости, так что едва имел время для отдыха. И кажется, что все лето мне не удастся приняться за чтение привезенных мною книг или за собственные занятия свои. Третьего дня был у мусульман праздник их разговения и новый месяц.

11-го кончилось наказание маркитанта, которого Износков жестоко бил. Я боялся, чтобы он не умер от побоев; но к вечеру ему было лучше.

12-го приехал сюда шамхал. Вечеру я ходил к нему с Алексеем Александровичем. Человек немолодой, тучный без меры, обрюзглый и ленивый, впрочем, говорят, добрый, но беспечный и неспособный к какому бы то ни было делу.

13-го уехал отсюда Вельяминов поутру.

14-го ввечеру прибыл бригадный командир генерал-майор барон Вреде, а с ним и Петрович.

15-го барон Вреде делал смотр войскам, почему работы были прекращены. Он обедал у меня.

16-го я обедал у шамхала с бароном, который попеременно с шамхалом меня пилили. Барон, умный, воспитанный и любезный человек, не щадит разговором своего соседа.

17-го барон уехал поутру рано, и я стал несколько спокойнее. Занятия мои очень обширны; но я могу поспеть с ними, распределив порядочно свое время.

18-го и 19-го я был очень занят бумагами и разборами, розысками виновных в батальонах в невысылке на работу людей. Татар я стал за наказание сажать под караул и отдавать в крепостную работу.

20-го ввечеру я отправился в табун для осмотра его. Прибыв ночью к табуну тайком, я приказал ото-

гнать его, буде его плотно караулят; но нашел его в должном порядке и приказал бить тревогу, дабы увидеть, скоро ли из лагеря казачьего поспеет помощь. Едва прошло полминуты, как пехота и конница из казачьего лагеря прибыли; едва по мне не выстрелили. Я ночевал в шалаше у есаула Серякова, а на другой день, 21-го, возвратился в Тарки, где нашел новые беспорядки, происшедшие от слабости майора Мурзанова, которого я принужден был посадить на гауптвахту и написать о сем Вельяминову не рапортом, а письмом.

22-го приехал сюда ввечеру донской подполковник Кузнецов, который ведет табун ширванских бывших Мустафы-хана кобылиц на казенные заводы в Воронежскую губернию.

23-го я узнал о случившемся новом происшествии. Износков, оставаясь [старшим] после ареста Мурзанова, отдал приказание наряженным на работу офицерам не приниматься за дело до прибытия артиллерийских офицеров. Сие сделано назло им, потому что они опаздывали. Между тем, работа два часа не продолжалась; я спрашивал его о причине такого поступка бумагой, он отвечал мне бестолковым рапортом; невнятное оправдание его будет представлено Алексею Петровичу.

24-го прибыл сюда табун Кузнецова. Я послал донесение Алексею Петровичу, в коем представил ему гнусное и своевольное поведение Износкова, прося удалить его отсюда на все время командования моего отрядом.

26-го Износков сделал новую дерзость: он подписал проезжему билет для следования в Дербент. Я уличил его в вине, билет представил к главнокомандующему. Ввечеру я купался в бассейне, выстроенном мною на горе в скалах, висящих почти над

моею квартирой и осененных тенью больших деревьев. Поутру ушел отсюда с казенным табуном Кузнецов в Енги-юрт.

27-го происходил суд двух персиян, из коих один отказывался за бедностью заплатить другому 1000 рублей серебром, которые он ему должен был. Я посылал осмотреть его лавку, и в ней нашлось 600 рублей серебром, которыми удовлетворен был ссудитель, давши ему еще четыре месяца для уплаты остальных.

30 июня. К шамхалу приехало несколько дней тому назад два человека умершего Ших-Али-хана с просьбой, чтобы позволили семейству и служителям его переехать в Кубу или Дербент для свободного житья, а тело похоронить на кладбище его праотцев, тоже в Кубе. Шамхал мне сам объявил сие и сказал, что он без моего позволения людей сих не отпустит, а между тем просил меня, дабы я доложил о сем Алексею Петровичу. Третьего дня он прислал мне сказать, что не может более держать их, ибо он обещался отправить их через три дня и просил моего согласия на их отправление. Я отвечал ему, что надеюсь на данное им слово не отправлять их без меня, что, впрочем, он волен у себя в доме делать, что хочет. Шамхал вчера поутру рано отправил их. Я послал сделать им засаду; их захватили вне города и посадили в крепость, после чего я послал сказать шамхалу, что поймано два человека Ших-Али-хана и чтобы он своих двух не выпускал, согласно данному мне обещанию; в противном же случае я и их поймаю. В письмах их ничего не было заметно дурного, но я не могу отпустить их без воли Алексея Петровича, невзирая на то, что шамхал за сие на меня очень сердится.

2 июля. Акушинцы привели ко мне двух русских, которых они уже десять лет содержали, и просили,

чтоб я возвратил им захваченных их людей, которых я заставлял в крепости работать. Я им отдал 24 человека, а оставшихся 20 обещался тогда возвратить, когда приведут имеющихся у них еще двух человек русских.

4-го. Ввечеру обрывали порохом верхний край скалы против середины крепости для устройства веревочной машины к подъему воды. Большие камни, падая с 30-саженной вышины, ударялись с большой силой о землю и скалу и, отпрыгивая, катились далеко по покатосям.

5-го. Акушинцы привели мне еще одного пленного, который у них уже 27 лет содержался. Он притворился, что уже не знал по-русски; но когда его пристрастили, то он стал говорить. Я его отдал под караул, велел с него снять показание и отдал приведшим его 28 человек кутенгелинцев или жителей той деревни, где находился сей пленный (которому хотелось возвратиться к ним).

7-го. Вчера получил я письмо из Туркмении от Киата, который извещает меня, что разбитое прошлой зимою судно в Туркмении попало к Карабугазу, откуда приплыло к нему в Челекень три человека на бударе, в числе коих был штурман 12-го класса Баранов с погибшего судна, который и просил вспомоществования для выгрузки казенного провианта, там оставшегося, и спасения остальных людей. Киат отправился с ними к Карабугазу, взяв с собою 58 человек вооруженных челекенцев; по прибытии туда они увидели, что остальные семь музуров были уже взяты в плен и что набежало 200 человек вооруженных туркмен мангышлакского поколения игдырь. Киат увещевал их, по крайней мере, людей отдать, но они не соглашались на то и едва не отняли у него одного из трех им привезенных. Угды-

ри вынули сабли, и Киат принужден был уступить; и так он отправил сих трех человек на шкоуте «Вартанга», ходившем в нынешнем году туда на промысел. Киат еще извещает меня, что шах-заде посылал 350 человек конницы в оставленную мною Вознесенскую крепость и велел разорить ее, и что всякий из сих людей взял по одному мешку камней из крепости и привез их к шах-заде Астрабадскому. Он также извещает меня о дурных расположениях хивинского хана к нам, который отказался возвратить украденного в прошлом году, в бытность мою, мальчика Шах-Мамета, за то, что служил русским, говоря, что он еще в передпрошлом году показал свою вражду к русским, желал похоронить живого их посланника (т. е. меня), но что он уступил тогда просьбе Нияс-Батыря, а что ныне туркмены, русским преданные, могут сами выкупить мальчика. Наконец, он пишет ко мне, что просит главнокомандующего об исполнении прежних желаний его и возвратить ему сына Якши-Мегмеда, если он здесь более не нужен, и прилагает письмо, которое просит меня доставить к Алексею Петровичу. Человек сей, преданный России и служивший нам, теперь оставлен и не имеет в родине своей почти убежища от окружающих его неприятелей.

15-го. Имея более свободы от письменных дел, я стал опять заниматься арабским языком и персидским, чтением и музыкой, как в Тифлисе.

20-го. Все сии дни проходили как по-обыкновенному, кроме вчерашнего, в который я получил бумаги от Алексея Петровича. Разрешая мне некоторые случаи, он велел мне выпустить Зейкен-бега, и если отпуск его ободрит других товарищей его (которых он называет) сюда приехать, то их захватить и содержать,

как преступников; между тем он запрещает шамхалу женить сына своего на дочери убившего князя Цицианова бакинского хана¹³². Он пишет мне, чтобы я вручал русских из Акуши, что Износкова он приказал сменить и что я скоро получу другое поручение. Между тем, он пишет ко мне своеручное письмо, которым извещает меня о том, что уже в приказах есть о моем назначении в командиры 7-го карабинерного полка. Известие сие меня чрезвычайно порадовало.

26–28-го провел я в сильных занятиях; бумаг было множество. Я отправлял две летучие карты к старому Вельяминову и к Алексею Петровичу; словом, я целый день сидел за бумагами и вчера еще должен был отправить отсюда Трубникова в отряд к Алексею Петровичу, по предписанию начальника штаба. Вчера ушибло на известковой работе двух татар, из коих один под вечер стал опаматываться, а другой был без надежды и без памяти и, вероятно, в сию ночь умер.

29-го числа. Был наряжен в караул один офицер Куринского батальона, прапорщик Ктитарев, которого я не велел наряжать в должность, потому что он приставлен к приемке леса. Когда я спросил причину сего бумагой у Износкова, то он свалил вину сего на самого Ктитарева, стараясь оправдаться неведением сего. Я не принял сего пустого оправдания и, причитая поступок сей к неповиновению, предписал Мурзанову арестовать его в крепости. Износков прислал ко мне шпагу свою, объявив, что болезнь препятствует ему идти на гауптвахту. Вчера я предписал Мурзанову сходить к нему с лекарем, и буде он в состоянии идти, то употребить силу для отведения его, на что он грозился Мурзанову, показывая ему руки свои, которые, говорил он ему, еще здоровы. Мурзанов оставил его и донес мне о происшедшем. Участь Износкова

после сего поступка быть солдатом. Не желая сделать его несчастным, я послал вчера ввечеру за Куколь-Яснопольским, к которому он имеет доверенность, и просил его уговорить Износкова идти на гауптвахту, что за старые проступки ему позволено будет выйти в отставку без всякого посрамления, но что за сие он будет неминуемо солдатом; итак, что я ему позволяю одуматься и идти самовольно в крепость на гауптвахту.

31-го. Пришел ответ от Износкова, коим он соглашался идти в крепость, но с тем условием, чтобы ему не на гауптвахте сидеть, а чтобы ему палатку разбили среди крепости. Видя, что с безумцем никакого толка не будет, я представил Алексею Петровичу о сем рапортом.

6-го [августа]. Получил я предписание от И. А. Вельяминова, коим он предписывает мне сменить Износкова кем-либо другим из офицеров батальона его до назначения бригадным командиром другого штаб-офицера на его место.

8-го. Приехал ко мне бакинский мирза мой Магмед-Гуссейн, а Петрович уехал назад в Дербент. Первый приехал за получением 500 рублей ассигнациями, подаренных ему Алексеем Петровичем в награждение за службу его в Туркмении.

15 августа. Вчера ввечеру прибыла летучая [карта] от начальника штаба от 9 августа, в коей он, разрешая мне почти все вопросы, ничего не пишет насчет Износкова. Кажется, что он еще не получил рапорта моего, написанного, однако же, от 1 августа.

Давно уже не писал я сего журнала. Обыкновенный ход моих занятий прервался, время мое пропадало. Я дожидался ответа насчет Износкова дела, а не знал еще, как Алексей Петрович примет сие дело, но

знал, что часто строгим взысканием он пренебрегает и балует через сие своих подчиненных. Он часто бывает слишком ласков и слишком милостив с людьми, не заслуживающими сего. Боялся узнать, что он недоволен моим поступком, тогда как мне более ничего не оставалось делать, как или арестовать Износкова, или позволить совершенное возмущение в батальоне его.

На днях я получил предписание начальника штаба, в коем он пишет мне, что я не должен был подвергать аресту офицера, имеющего Георгиевский крест, и что Алексей Петрович приказал мне заметить сие. Я не отдал затем шпаги Износкову, ибо сие произвело бы весьма дурные последствия; не писал к Алексею Петровичу, ибо, стараясь оправдываться, я бы более обвинил себя, и потому решился дожждаться: может быть, время приведет новые обстоятельства, которые дадут мне случай поправить сие дело, в коем я должен был избрать из двух ответственностей меньшую; может быть, сам Алексей Петрович, сожалея о замечании, мне данном, одумается и поправит сие письмом; может быть, Верховский приедет и скажет мне подробнее, как главнокомандующий сие дело понимает, и даст мне хороший совет. Я решился дожждаться 15-го числа сего месяца, в которое время я должен доносить Алексею Петровичу об успехе работ. Если время не приведет никакого полезного обстоятельства для сего дела, я еще обдумаю порядочно и, может быть, решусь написать к Алексею Петровичу. На днях приехал сюда из Тифлиса урядник казачий, привезший мне сумму от И. А. Вельяминова для уплаты рабочим. Сей урядник объявил мне вчера, перед обратным отъездом своим, когда я ему отдавал бурку, обещанную мною князю Бебутову, для доставления ему, что старик сей перед выездом его из Тиф-

лиса умер. Меня поразило сие известие, ибо я уважал его и люблю дружески сына его и все семейство.

10-го [сентября]. Обстоятельства переменились; но я все еще не покоен, и время мое пропадает всякий день. В течение сего времени прибыл сюда майор Асеев для командования батальоном Износкова. Он принял батальон, а Износкову я возвратил шпагу. Недавно приезжал сюда Карчевский, командир Апшеронского полка. В бытность его здесь Износков, уже прежде сего намеревавшийся просить у меня прощения, пришел ко мне и, повинясь совершенно, просил меня быть ходатаем о его прощении у Алексея Петровича.

4 октября Карчевский уехал отсюда, а Износков написал письмо к Ермолову, которое он мне вручил, а я отправил при своем письме, прося, чтобы по отбытии моем отсюда ему возвратили батальон, коего он лишился. Я ожидаю решения, которое выйдет сему делу, дабы взять меры, чтобы замечание, посланное мне Алексеем Петровичем, загладилось. Между тем Износков, просившийся у меня на 12 дней в Кубу, отпущен мною*.

Уже несколько раз прерывались записки сии, но ни однажды не прерывались они еще на столь долгое время, как ныне: вот уже более года, как я не принимался за них. Не в лености заключается причина сего: я был крайне занят делами по службе, и теперь принимаюсь за них. Не полагаю, чтобы возраст мой или лета были сему причиной. Почему не писать и в 40 лет журнала, а мне еще 30 лет. Положим, что когда за 40 лет, то занятие сие может показаться скучным, а

* Дальнейшее писано с лишком через год, в Башкечете, где Н. Н. Муравьев командовал полком, именно 17 декабря 1823 г. (П. Б.)

всего более бесполезным: мало останется в предположении лет для того, чтобы, перечитывая прошедшее, воспользоваться ошибками своими и вперед их не делать; да и самая опытность, созревши, не будет иметь такой нужды в сих справках; и так останется в виду уже не та цель, с которой записки сии писались в молодые лета. Тогда уже я всякий день должен приводить себе на память, что я пишу для своего потомства. Что же я передам потомству? Скучное описание поступков своих, изложенное во многих книгах, дурным слогом, не переправленным, записки, писанные второпях, которые, попавши в руки посторонних людей, будут служить более посмеялищем, чем для пользы! Мысль сия, несколько прискорбная, должна бы заблаговременно остановить меня в сем деле; но, рассмотрев с другой стороны, что я могу поручить их человеку, который не обратит во зло моей доверенности, и главное, что злословье, не имея уже предмета, могущего оспаривать или огорчаться действиями оного, умолкнет в тесном кругу своего действия и в скором времени пресечется, ибо станет говорить о вещах и человеке, мало кого занимающих; притом же, вспомнив, что мертвых ничто не беспокоит, я решаюсь продолжать записки сии для того единственно, что вел их до сего времени и не находил в сем обыкновении ни зла, ни большой траты времени. Тебе же, кому они поверятся, если возьмешь терпение прочесть их и хранить, поручаю прибавить к ним обстоятельства моей смерти, дабы сделать их совершенно полными. Ты будешь вправе истребить их или держать у себя в порядке; но предваряю тебя, что в первом случае ты должен бы выписать из них все, касающееся до описания виденных мною мест. Статей таковых много здесь найдется, и они не должны

пропадать, а служить для распространения сведений, особливо о крае, еще столь мало известном. Цель сия меня более побуждает вести сии записки. Я бы сам сделал сии выписки, если бы имел на то время; теперь же буду продолжать их прежним порядком, смешивая сведения сии с описанием происшествий моей жизни.

Я видел ошибку, сделанную мною в Тарках, когда обращался справедливо и строго с подчиненными своими. Признавая только одно строгое исполнение своих обязанностей, я начальствовал до того времени армейским отрядом, не имел понятия о людях, составляющих общество офицеров в полках, и не полагал, чтобы можно было пропускать важные упущения по службе, что даже должно было сие делать, особливо под начальством Алексея Петровича, для того чтобы самому не навязаться на неудовольствие. Я не имел еще в виду того важного правила нашей военной службы, ныне узнанного мною: делать только то, что необходимо для того, чтобы не подвергнуть себя ответственности, не помышляя много об успехе дела и искоренении зла. Я должен был скрывать неисправности подчиненных, когда они меня не вводили в ответственность и, судя по малому вниманию моего начальства к поступкам частных начальников, не заботиться обо всех упущениях и мерзостях людей, мне подчиненных на самое короткое время, за коих дурную нравственность я ни пред кем не отвечал. Правила сии казались бы мне странными и бесчестными тогда; теперь, видя необходимость их, порицаю поступки свои, называя их безрассудными, но отнюдь не противными справедливости и чести.

Меня очень беспокоило замечание, полученное от Алексея Петровича через начальника штаба. Мни-

тельность и одиночество, в которых я находился, меня тревожили без меры. Я чрезвычайно желал видаться с кем-нибудь из находившихся при главнокомандующем во время получения моих донесений, дабы узнать, какое впечатление они сделали, полагая, что сие обстоятельство могло занять его столько, сколько и меня, и, не подумав, что главнокомандующий, не имевший причины сомневаться в моей справедливости, мог в сем случае, при многих занятиях своих, видеть только неопытность мою, но все-таки заключить должен весьма дурно о моих подчиненных, известных и доселе своей неисправностью и упущениями. Не менее того, обстоятельство сие меня столько беспокоило, что я готов был бы в отставку подать, если б домашние обстоятельства меня не понуждали в службе оставаться. Тут я в первый раз узнал настоящим образом, что значит служить из необходимости, и сожалел, что не мог оставить сего скользкого поприща, чтобы удалиться и жить в независимости.

Я узнал, что Верховский, возвратившийся из отряда Алексея Петровича, должен был на днях приехать к командованию Куринским полком в Дербент. Я послал Мещерякова с письмом к нему, в коем убедительно просил его прибыть в Буйнаки, что в 45 или 50 верстах от Тарков по дороге к Дербенту, для свидания со мною. Богатая деревня сия принадлежит к владениям шамхала и есть удел одного из законных сыновей его Зобаира, мальчика 10 или 11 лет, который там живет. Он принял меня, как владелец того места, с особенною ловкостью, несвойственной его летам.

Верховский прибыл в назначенный день. Я крайне обрадовался ему, тем более что много уважал сего человека и старался перенять от него благоразумную осторожность его в обращении с людьми, и хотя она

была основана на сильной мнительности, но я видел, что без сего нельзя было обойтись в службе, в кругу людей, совершенно посторонних один другому и не связанных ни дружбой, ни одними правилами. Мы провели ночь вместе, всю почти в разговорах, и он меня успокоил насчет дела Износкова, уверив, что точно главнокомандующий никогда не сомневался в справедливости моих поступков и не показал даже большего неудовольствия, узнав об арестовании майоров, не обратил даже большого внимания на сей случай, не переставал знать меня таковым, как и всегда полагал меня, и что я нисколько не лишился его доверенности. И я должен был от души радоваться сему, видя необходимость оставаться в службе, внутренне стыдился сему, но не открывал Верховскому чувств своих, зная, что он тут ничем не мог утешить меня.

Это было в ноябре. Мы расстались, и я дал ему обещание в путь свой ехать через Дербент, дабы еще с ним увидеться, невзирая на просьбы Унгерна, уговаривавшего меня ехать через Кизляр.

Холод усиливался, бури становились несносны на горе Тарковской, снега покрывали ее, и морозы начинали препятствовать работам; между тем, по беспечности начальства отряд не распускался, и строение продолжалось. Я несколько раз уже писал о сем к начальнику штаба и не получал ответа. Жители приходили в изнурение, лишались скота своего и не переставали из страха к наказаниям повиноваться; но справедливая злоба не прекращалась против нас, и я очень опасался, чтобы не произошло от сего возмущения, но не прекращал работ без приказа, ожидаемого мною от начальника штаба.

Я перевел около 10-го числа ноября месяца отряд из лагеря в город, и люди ежедневно ходили на гору

на работу, пока я 23-го или 24-го числа не получил по летучей карте предписания, дабы прекратить работы и распустить отряд. Я немедленно сделал сие, и к 1-му числу декабря месяца оставался уже в Тарках один Куринский батальон на зимовке; в крепость же ходила одна рота для занятия караула. Казармы хотя и были выстроены в крепости, но по выдумке инженер-капитана Газана (француза, вкравшегося в доверенность к начальнику штаба) они покрывались уже два года сряду цементом, с тем намерением, чтобы дождевая вода, стекающая с них, собиралась в бассейны, которые должны были напоить весь гарнизон; но цемент сей, стоящий весьма дорого, солдатами, деньгами и обывателями, не удавался и, пропуская и вбирая в себя воду дождевую, сгноил потолки. Пример 1821 года был недостаточен для начальника штаба, который и в 1822-м велел то же сделать, отчего лишились мы успеха деревянных работ, многих денег, нескольких солдат и до 30 обывателей: ибо он заготовлялся в весьма нездоровом месте, откуда вывезено было до 300 больных обывателей с работ. Вся крепость Тарковская была бы отпечатком глупости, если бы не знали, что она предположена начальником штаба, коего ум и познания известны; но вместе с тем известно также упрямство и непомерный эгоизм, которые заставят его всем на свете, что только не его собственное, пренебречь, лишь бы настоять на своем, хотя бы он и видел ошибку свою. От того самого и выстроилась Тарковская крепость на высокой скале, куда забраться весьма трудно, где нет ни капли воды и, что всего страннее, на сей высоте командуют ею на ружейный выстрел окрестные возвышения. Она выстроена по правилам фортификации и ничего не защищает, ибо все дороги идут мимо, и если бы когда-

нибудь принуждены мы были Дагестан оставить, то оставили бы вместе и крепость сию, в коей нельзя держаться за неимением воды. Для правильной защиты ее потребно до 3000 человек. Казарм в ней делается на две роты, которые уже всегда должны оставаться в ней в случае военных действий, для охранения укрепления, которого никто не придет брать, ибо оно никому не мешает и не вредит; и потому роты сии должны быть исключены из числа действующих войск в Грузии.

Успехи, сделанные в строении в 1822 году, были велики. Я сам держал неослабный присмотр за оным и, имея в отряде только половину того количества людей, которое находилось при сем деле в 1821 году, я сделал более чем вдвое работы против того, что тогда было сделано, оставив то, что работа моя была вся из тесаного белого камня, высеченного и обточенного правильно, а работа прошлого года была из простого камня, кладенного на известке. Сию похвалу отдам себе: она справедлива и приобретена трудами.

Инженер-капитан Газан, который имел надзор за работами, был человек умный и со сведениями, но совершенно без правил и чрезвычайно тяжелого характера. Он делал многие поступки, которые заслуживали, чтобы его выгнать из службы нашей: воровал у жителей кур, телят, нарушал права свои с рабочими. Я иногда останавливал его ласковыми словами, и если бы не происшествие Износкова, то принял бы за него; но двух дел разом делать нельзя. Он и в 1821 году был уже замечен с весьма дурной стороны артиллерийским подполковником Кацаревым, который заведовал работами, и который, выведенный из терпения, отказал ему от оных; в нынешнем же 1823 году пионерный подполковник Евреинов,

который управлял работами, ему также отказал от работ, и ссора их была доведена обоими до сведения начальника штаба, через что Евреинов получил большие неудовольствия.

30 ноября Апшеронский батальон с артиллерией выступил из Тарков в Кубу; пионерная рота на линию с казаками, а я, отпустив к своим местам артиллерийских офицеров, надзиравших за работами, отправился сам 1 декабря в Тифлис через Дербент, весьма довольный тем, что в бытность мою не случилось возмущения, чего легко можно было ожидать от насильственных работ, к коим я по приказанию начальника штаба побуждал жителей. Одна строгость могла их содержать в порядке при таких трудах и повинностях; они сознавались, что строение сей крепости было для них с неба сосланное наказание за то, что они в 1820 году взбунтовались против доброго владельца своего шамхала. Жители мехтулинских деревень¹³³, недавно покоренные Алексеем Петровичем, до того времени были народ вольный, управлявшийся всегда своими древними обычаями, а ныне под надзором одного русского пристава прапорщика Батырева повиновались с покорностью и терпеливо переносили строгие взыскания за то, что они иногда избегали разорительных требований, подводами и людьми на них налагаемых. Шамхал не знал, что делать: весь народ его был на построении; он боялся нас, боялся своих подданных и соседей акушинцев, которые также были озлоблены тем, что я выручил от них 46 человек русских, из коих иные уже по 20 и 30 лет у них в неволе были. Выручал же я их, забирая в плен жителей их, приезжавших за солью в шамхальство, заставляя их работать в крепости и возвращая по пяти человек за одного русского, что также

было сделано с воли начальника штаба; но акушинцы помнили зимний поход к ним Алексея Петровича и сражение под Лаватой¹³⁴ и не смели тронуться. Они посылали ко мне несколько посольств; но я высылал их из Тарков, не допуская до себя, и содержал их в страхе бумагами, которые к ним писал; забратых же в плен заставлял работать в крепости, преимущественно при добывании воды посредством машины и ворота, которые я устроил в крепости, на берегу скалы, и которыми добывалось ежедневно одной бочкой воды на две роты, из родника, находящегося в городе у подошвы скалы. Бдением и строгостию мне удалось содержать в порядке лезгин, привыкших до того времени к свободе и самоуправству.

Но порядок сей не мог долго существовать. В нынешнем году все взбунтовалось. Мехтулинцы убили пристава своего Батырева, шамхальцы не стали повиноваться владельцу своему, и Алексей Петрович принужден был идти туда с отрядом, где и остался зимовать. Но он не имел никаких дел, и возмущение было прекращено действиями бригадного генерала фон Краббе, который ходил к ним с отрядом из Кубы. Не менее того кажется, что дела были порядочные; но присутствие главнокомандующего привело все в порядок.

Выезжая из Тарков, я должен был поручить край остававшемуся старшим и передал начальство новому командиру Куринского батальона майору Асееву, человеку необразованному, развратного поведения и, вероятно, корыстолюбивому, притом же слабому и весьма ограниченных способностей ума. Шамхал, слабый, старый, боящийся своего народа и нашего правительства, не мог управляться как настоящий владелец в земле своей. Если бы он мог сие делать, то

был бы опасен для нас, потому что он не мог переносить равнодушно тяжелые и многочисленные повинности, которыми мы разоряли народ его; но, помня пример 1819 года, когда все почти его деревни взбунтовались, он оставался довольным теми почестями, которые ему русские оказывали, и доходами с жителей, в надежде, что он остаток старости своей проведет в покое и мало заботясь о том, что после него будет с шамхальством.

Подполковник Евреинов, отправленный в Тарки нынешней весною для командования отрядом и строения крепости Бурной, имел те же неопределенные права на жителей, как и я. Не знаю поступков его; но человек сей, совершенный европеец, со всеми предубеждениями нашими, новый в Азии и чуждый обхождению со здешними народами, вероятно, не мог и управлять ими ни строгостью, ни ласками, тем более что он и о языках здешних понятия не имеет.

Мирза-Исмаил, хитрый персиянин, который находился при шамхале, был человек умный и деятельности необыкновенной, но вместе с тем и жестокий и злой: он не разбирал почетных людей между лезгинами, не уважал старости и за неисполнение приказанного взыскивал с непомерной строгостью, через что мог способствовать к озлоблению народа против нас, если бы его не воздерживать. При всем том он был необходим для нас, и можно сказать, что во всем шамхальстве единый был человек, которому бы можно поручить непосредственное управление деревень. Он был честен, если не от природы, то из благоразумия, когда служил под моим начальством. Сие самое оправдывало его часто в излишней взыскательности и не позволяло жителям на него жаловаться; но преданностью своею к нам он сделал себе из шамхала

естественного врага, который не мог его с рук сбить, и давно бы истребил, если б не опасался через то оскорбить нас.

Полковник Верховский, коему поручено было иметь наблюдение за краем, переносил в нынешнем году штаб-квартиру полка своего из Дербента; говорят, что большое число подвод и повинности, наложенные им по сему случаю на каракайдакские деревни, весьма ожесточили народ против него. Алексею Петровичу местное начальство доносило о готовящемся возмущении в сих деревнях; он предписал Верховскому следовать туда с батальоном, что он и исполнил и, не заметя никакого движения, донес, что все находится в совершенном повиновении и что никто и не думал о возмущении. Вместе с сим написал он письмо к губернатору, в коем извещал его, что вслед за сим приедет в Тифлис для женитьбы; ибо невеста его, Пузыревского вдова, уехавшая самым оскорбительным для него образом из Тифлиса, когда они уже были помолвлены, раскаявшись в своем поступке, возвращалась. Верховский посылал офицера за нею в Митаву, и она прибыла в Тифлис в один день почти со смертью жениха своего.

Верховский, следуя обратно с батальоном из деревень каракайдакских, был уже в недалеком расстоянии от Дербента, как, разговаривая со своим полковым лекарем, он отъехал неприметным образом на расстояние одной версты от следующего за ним батальона. За ним ехал Амулат с тремя слугами своими, все вооруженные. Спускаясь с небольшого пригорка, все четверо выстрелили в него и, попав четырьмя пулями в спину несчастному благодетелю своему, убили. Лекарь Амарантов, испугавшийся при виде полковника своего, упавшего в крови с лошади, по-

скакал к батальону с сим известием. Вмиг все рассыпались нагонять Амулата, но уже поздно было: Амулат, имевший сообщников в сем злодействе в соседственных деревнях, переменял лошадей и ускакал в Аварию, где, по случаю смерти тамошнего хана Султан-Ахмета, его провозгласили ханом.

Султан-Ахмет, бывший генерал-лейтенант или генерал-майор и получавший от двора нашего значительное жалованье, был естественный враг шамхалу и, имея владения свои в горах, в надежде на неприступность их, не хотел покориться Алексею Петровичу, когда он с войском вступил в Дагестан. Он сделался нам непримиримым врагом. Амулат заступил его место. Но дабы видеть всю гнусность злодейства, сделанного Амулатом, надобно знать, что Амулат сей, женатый на дочери шамхала, был изгнанник из его владений. Фамилия его, оспаривавшаяся владение сие нынешнему Мехти-шамхалу, была в гонении, может быть, несправедливым образом; но правительство наше предпочитало нынешнего слабого старика сему молодому, храброму и пылкому человеку. Он не переставал во все время кампании 1819 года в Дагестане действовать против нас, возмущал горцев, был в делах против наших войск, разбойничал. Верховский оставался зимою в 1820 году командиром отряда во вновь завоеванных деревнях мехтулинских, принадлежавших Гассан-хану, и ему поручено было изловить Амулата и представить его, как преступника, для получения казни. Смелый Амулат, терпя нужду в горах и видя бесполезность своего сопротивления, решился сам явиться к Верховскому и просить великодушной пощады. Он ее получил, и Алексей Петрович, уважив представления Верховского, с удовольствием даровал ему жизнь. Амулат, лишенный

всего большого родового имущества в шамхальстве, жил при Верховском до сентября или августа месяца сего года, в который он умертвил изменническим образом своего благодетеля.

В Тифлисе, в походах, Верховский его всегда при себе имел, помогал ему деньгами, содержал его и слуг его с лошадьми, ласкал, обучил несколько русской грамоте и берег его, как сына, полюбив в нем казавшееся благородство души. Он примирил Алексея Петровича с ним, доставил ему чин прапорщика и жалованье, наконец, перед отъездом в Дербент, выпросил позволение взять его и держать при себе, защищая его от обид шамхала. И кто бы мог подумать, чтобы сей изверг, облагодетельствованный Верховским, мог быть его убийцей, по научению горцев, обещавших принять его к себе в ханы? Непростительно и Верховскому, позволившему Амулату столь ослепить себя, что он уверил его совершенно в спокойствии жителей и скрыл всеобщий заговор, о коем узнал командовавший Чеченской линией генерал-майор Греков и уведомил главнокомандующего о том и о намерении убить Верховского, за два дня до его смерти!

Вот начало и причины возмущения, случившегося в нынешнем году в Дагестане. Амулат, прибывши в Аварию, немедленно собрал войско и напал на транспорт, следующий к отряду. Поспевшие на помощь батальоны Апшеронского полка дрались целые сутки. Неприятель, бывший в весьма больших силах, нападал храбро, и сражение происходило целые сутки на холодном оружии. Ночью неприятель исчез, разбежавшись. Были еще другие дела, в коих генерал-майор фон Краббе, тамошний бригадный командир, остался победоносным тем, что сжег несколько деревень. Подполковник Евреинов также

ходил с отрядом в мехтулинские деревни, которые отказались высылать рабочих и захватили в плен, изранивши сперва, своего пристава и переводчика при Евреинове Мещерякова, который находился в прошлом году при мне. Амулат, спешивший с войском, дабы захватить их, опоздал: они уже были освобождены самими мехтулинцами, опасавшимися мщения нашего; но вслед за сим пристав их Батырев и переводчик его Митрофанов были убиты из 30 ружей скрывавшимися в засаде мехтулинцами. Я слышал, что большие злоупотребления и корыстолюбие озлобили народ против него; в мою бытность он себя честно вел. Алексей Петрович, взявший для усиления своего отряда 1-й батальон Херсонского гренадерского полка из Тифлиса, застал уже все усмирённым и покорным и по известиям, мною полученным, остается нынешнюю зиму в Дагестане на квартирах с отрядом.

Прежде чем приступить к дальнейшему описанию моих происшествий, я упомяну о нравах и обычаях лезгин, с коими провел целое лето. Дагестан занимает всю восточную часть Кавказских гор, которая населена множеством народов разных племен, одной веры, различных обычаев, с различными языками и управлением. Я не в состоянии войти в подробное исчисление их, по малому своему знанию их; но что знаю, изложу здесь.

Восточная часть Кавказских гор может разделиться по местному положению своему на две части: низменную, прилегающую к берегу Каспийского моря, к коей принадлежит также и часть покатоности гор, и горную, до самой вершины снеговой цепи. Начиная описание сие от правого берега реки Сулака и простирая оное на юг до Дербента, северную часть

низменного Дагестана составит шамхальское владение, а за ним к югу до Дербента Каракайдакское уцмейство¹³⁵. Нынешний шамхал Мехти-хан ведет свой род от пророков. Правление всегда было более патриархальное, чем самовластное, и он сам всегда находился под влиянием обычаев, которых боялся преступить. Во владениях его имеется до 30 деревень, из коих главные суть: Тарки, Буйнаки, Губден и Каза-лиши. Законная жена его — умная персиянка, Пери-Джегал-ханум, от которой он имеет пять или шесть сыновей, из коих старший Солейман-паша, наследник, 18-ти лет, избалованный мальчик, так, как и все наследники у восточных владельцев. Отец даже не заставляет его грамоте учиться, говоря, что он сам обошелся без сего в своей жизни, не забывал Бога и дожил благополучно до старости. Мальчик сей, пользующийся разными правами, но окруженный молодыми людьми развратными, проводит время на охоте и в волокитстве. Меньшие братья его имеют свои уделы; они еще все в ребячестве, но обещают более старшего. Уделы их состоят в деревнях, в коих они и живут, под присмотром дядек своих; ибо обычай у шамхалов такой, что ни одного из сыновей своих не воспитывают дома, а отдают их богатому человеку, который содержит их на свой счет, воспитывает, как хочет, имея в виду управление удела за малолетнего, и потому воспитание их бывает совершенно пренебреженно, и шамхальский сын наравне с другими мальчиками бегаёт и играет на улице, усвершенствуя дурные или хорошие качества, данные ему от природы.

Кроме сих сыновей шамхал имеет еще других, рожденных от наложниц, которые воспитываются таким же образом, называются ченке и пользуются не-

которым уважением в народе, но оказывают всегда, хотя они уже и во взрослых летах, почтение к законным детям шамхала. Они не пользуются удельными деревнями, но жалуются землями, от коих получают доходы. Вообще все потомство нынешнего шамхала отличается красотой своей.

Тарки может быть названо столицей шамхальства. Обширная деревня сия лежит в четырех верстах от моря, на покатости гор; тут имеется и замок шамхала — простое каменное строение, расположенное по азиатскому обычаю, в коем шамхал большей частью имеет свое пребывание; но иногда живет он в Казалишах и Буйнаках. Последняя деревня расположением своим весьма похожа на Тарки.

Шамхал ведет жизнь умеренную и не пышную; он часто показывается народу, который к нему подходит без всякого подобострастия, не так как в Персии, где народ убегает [от] владетельных ханов. Шамхал был прежде предан пьянству и с окружающими его проводил по несколько дней без просыпа, в какое время и пользовались, дабы заставить его раздавать деньги и земли и делать приговоры жестоких наказаний, как отрезание рук, выкалывание глаз, тем из подданных, которые противны были окружавшим его. Палач, собеседник шамхала, с ним вместе напивался и исполнял веление его со зверским удовольствием; но с тех пор как он дал обещание Алексею Петровичу перестать пить, он сдержал свое слово, ведет жизнь умеренную и трезвую, и добрый от души старик сей занимается разбором судебных дел, когда просители к нему приходят.

Владетели в Дагестане совершенно не то, что в Персии и в других восточных странах. Они могут более называться старшими из старших, чем государя-

ми. Правление их патриархальное, и нарушение сих прав может только терпеться в необыкновенных случаях, когда владетель покорил умы народа особенной бойкостью, смелостью или богатством и пышностью, и в особенности когда, имея владения свои ближе к морю, он находится под влиянием могущественных соседей, которые находят выгоду свою в утверждении власти его, для лучшего содержания в покорности народа, под предлогом уважения к древним обычаям их и законному правлению. Последний случай сей видим мы в шамхальстве.

Шамхал часто бывает сам судья, но никогда он не посягает на разбор дел, решенных уже духовным судом, и сам в распри с соседями прибегает к оному.

Я был любопытен узнать, каким образом мог водвориться владетель в землях вольных, сохранивших еще и до сих пор все древние права, нравы и обычаи свои и не гнушающихся владыкою своим. Я узнал, что соблюдение прав их соделывает для них шамхала совершенно сносным. Водворению же его начало было положено завоеваниями аравитян, покоривших земли сии, введших в оную закон мусульманский и оставивших, для поддержания оного, своих военачальников из числа родственников Пророка. И так шамхал и прочее владельцы Дагестана не ведут рода своего из числа природных лезгин; древнее же родство их доставляет им уважение в народе.

Весь народ Дагестана исповедует веру мусульманскую, суннитского толка и имеет посему непримиримую вражду к персиянам, принадлежащим к расколу Али¹³⁶.

Окружающие шамхала в весьма малом количестве; их почти никого и нет. Некоторые старики, с которыми он любит проводить время, приходят с ним

совещаться и молиться. Законные сыновья его живут в своих уделах или в домах дядек своих; незаконные же дети служат вроде поверенных и употребляются в рассылки с различными поручениями, а также и на войне, они в виде военачальников находятся при небольших толпах дурно вооруженных поселян, несмелых в бою и не схватывающихся никогда с неприятелем, как следует. Беспорядки — главное свойство сего войска, не способного ни к какому делу.

Доходы шамхала могли бы быть значительнее, судя по числу деревень, в его владениях находящемуся; но жители не обременены налогами. Как он расходов совершенно почти никаких не имеет, то и владеет довольно великими сокровищами. Он одевается просто, ест пищу обыкновенную в земле его, наложниц берет без платы, и таким образом, довольствуясь произведениями земли, не издерживает ничего на роскошь и живет, как простой лезгин. Главные его доходы состоят в жалованье, получаемом от нашего двора, что составляет 6000 рублей серебром ежегодно. Откуп рыбной ловли, на устьях реки Сулака, доставляет ему от астраханских промышленников до 17 000 рублей в год, и таможенные сборы с товаров, следующих по дороге из Кизляра в Баку и обратно. Несправедливый налог сей на товары и до сих пор еще при российском правлении позволяется ему; но сборщики при сем обогащаются больше шамхала, ибо не дают никаких отчетов во взимаемых ими деньгах и представляют ему, что хотят. К сему присоединить штрафные деньги, им получаемые с провиняющихся, и сокровища, оставленные ему предками. Он сливает серебро, им получаемое, в слитки по свойственному азиатцам корыстолюбию, хранит слитки у себя в комнатах в сундуках и считает себя совершен-

но счастливым, презирая все суеты и будучи доволен своим состоянием. Шамхал не умеет даже пользоваться доходами, которые бы могло ему доставлять в большом количестве озеро с солью, находящееся близ Тарков, южнее, в 8 или 10 верстах к берегу моря, из коего все жители Кавказских гор приходят брать соль. Она расходится из рук в руки до Черного моря, и без нее не могут существовать зимою многочисленные стада их овец. Он ничего не берет за сие.

На юг от шамхальства находится уцмейство, или владение Каракайдакское, также прилежащее к морю, коего владетель уцмий, такой же как шамхал, не желая совершенно покориться русским и принять войска наши, бежал в 1819 году из своих владений, скрылся в горах и воевал против нас. В прошлом году он был убит изменническим образом¹³⁷, кажется, племянником своим, оставшимся под нашим покровительством. Богатыми владениями уцмия управляет русский начальник Куринского полка, расположенный ротой в селении Берскиеях¹³⁸, в 25 или 30 верстах на север от Дербента, по дороге, в Тарки ведущей.

За сим владением следует Дербент, бывшее достояние Ших-Али-хана, бежавшего от нас во время похода Зубова в Персию¹³⁹. Он обладал почти всем Дагестаном, как законный правитель или влиянием на других владельцев и вольные общества. С тех пор он не переставал вредить нам, где только мог, и начальствовал в 1819 году собравшимся со всего Дагестана войском под Акушей, где и был разбит Алексеем Петровичем Ермоловым.

На запад от шамхальства находятся мехтулинские деревни, лежащие в горах, коих владелец был также изгнан главнокомандующим, и над оными поставлен был пристав из Кизлярского войска, кото-

рый был убит в возмущении нынешнего года. Жители сих деревень говорят особым языком.

За ними к западу находится Авария, коей хан Султан-Ахмет также не покорился нам. Неприступная земля его служила предлогом распространению нетвердых границ наших. Он умер в прошлом или нынешнем году, и место его заступил убийца Верховского Амулат-бек.

К западу находятся также деревни чиркейские и андийские¹⁴⁰, лежащие уже почти на северных покостях гор Кавказских и граничащие с Чечней. Они нам никогда не покорялись. Последняя деревня славится лучшими бурками в горах, и, следовательно, во всем свете. Деревни сии не имеют владельцев, управляются миром, составляя подобие республики.

Но где более заметно сего рода правление, то в союзных деревнях гергебильских и унцукульских¹⁴¹. Там 32 деревни, лежащие на юго-запад от Мехтулей, составили между собою оборонительный союз. Всякая из них управляется особенно своими правами; на совещания же для сношений с соседями, миролюбивых или военных, собираются со всех старшины и на общем совете решают дела сии, к коим не может приступить одна из сих деревень в особенности.

За ними к западу в горах лежат пять уездов, составляющих вместе общество акушинское. Акуша¹⁴², один из сих пяти уездов, пользуется преимуществом старшинства между ними, и там находятся главные кази¹⁴³ и старшины, решающие дела, которые не могли решиться в каждом из сих уездов, имеющимися в оных второстепенными казиями и старшинами. Всякий из сих уездов имеет свои деревни, и каждая деревня опять те же права поодиночке и тех же судей. Деревни акушинские богаты, многочисленны и силь-

ны в Дагестане. Общество сие, отличающееся от прочих образованием своим, мудрым правлением и силою, всегда имело большое влияние на все другие общества и владения Дагестана, так что оно даже имело у себя в залоге сыновей владельческих (шамхалов сын находился там в залоге до 1819 года). Многочисленные войска акушинские считались непобедимыми до вторжения к ним Алексея Петровича, после чего и доверенность к ним других народов уменьшилась, и гордость их понизилась. Дабы сделать их подданными нашими, не обременяя налогами, главнокомандующий возложил на акушинцев до 2000 баранов ежегодной дани, которую они и доставляют, хотя теперь и с меньшей исправностью, в Дербент. Они видели, в чем состояла цель нашего правительства, налагавшего сию подать, для них ничего не значащую, просили отмены оной, но не получили на то согласия главнокомандующего, и старшины их принесли присягу верности государю в самой Акуше. Прежний же кази их, человек, вероятно, бойкий и умный, возмущавший народ против нас, был сменен другим, нынешним Зугум-кадием: человек слабый, коему народ не повинуетя и который равно боится и нас, и своих. В бытность свою в Акуше Алексей Петрович пленил жителей оной своим великодушием; но впечатление сие, поддержанное страхом, скоро исчезло, и они к нам питают сильную вражду.

Язык акушинцев¹⁴⁴ совершенно разный от других, кои в употреблении в Дагестане; но письменный язык есть арабский, который весьма хорошо известен всякому казию или мулле.

В сих землях находятся во множестве окаменелости необыкновенной величины; окаменелые улитки, имеющие в поперечнике до пол-аршина и больше,

довольно часто встречаются на скалах; нередко находят и в больших камнях совершенно круглых, по разбитию их, такие улитки¹⁴⁵. Целые змеи огромной величины находились также на сих скалах окаменелыми. Не должно ли заключать по сим редкостям природы о потопе, покрывавшем некогда Кавказские горы? Я получил после Акушинского похода одну такую улитку от начальника штаба, которая и хранится с прочими, имеющимися у меня камнями в минералогическом собрании.

Южнее Акуши находится Казыкумукское владение, коего прежний хан Сурхай, бывший родственник Ших-Али-хана, бежав от нас, скитался в горах и наносил нам всевозможный вред. Он, кажется, теперь умер; место же его занимает Аслан-хан, человек пьяный, имеющий чин генерал-майора и преданный нам, вероятно, только до первого случая. Владения его, довольно обширные, были посещены в 1820 году генералом Мадатовым, который разбил толпу возмущавшегося народа.

Занимательнее прочих находится одно небольшое общество на запад от Казыкайдакского владения, называющееся, по имени своей столичной деревни, Кубечи¹⁴⁶. В нынешние времена люди сего общества заслуживают внимания тем, что у них находятся самые лучшие оружейные фабрики. Ремесло сие общее занятие почти всех жителей, и они снабжают все горы оружием. Кубечинцы богаты, образованы по-азиатскому, трудолюбивы, не занимаются разбоями, живут в согласии с соседями, любят мир, тишину, опрятность и порядок. Они также магометанского исповедания, но имеют совершенно особый свой язык, ни в чем не схожий с языками окружающих их соседей. Они полагаются выходцами европейскими, из обще-

ства моравской братии, оставившими свою родину по причине гонения и поселившимися в горах Кавказских. Имев случай, в бытность мою в Тарках, находиться с ними в некоторых сношениях, я видел старшин их, приезжавших ко мне, и расспрашивал их о происхождении их. Они мне сказали то же самое, что они происходят от франков. Они во всем отличны от прочих горцев: чертами лица, обхождением, нравом и языком. Желая сравнить его с европейскими, я спрашивал их об оном и собрал до 300 слов самых простых и обыкновенных, из коих я нашел сходство только в одном слове, помнится мне «окс», значащем «бык», но сие похоже больше на случайное сходство. Они сказывали мне также, что вблизи Кубечей находится старинное одно здание, коего строение не помнят и старики их и о коем даже предания ничего не говорят, и что на сем здании есть надпись, которая по описаниям их должна быть писана латинскими буквами. Сколько мне ни желательно было увидеть сие строение в обратный проезд к Дербенту, но мне не удалось сделать сие за краткостью времени. Собрание же слов я отдал, по возвращении своем в Тифлис, Грибоедову, который меня просил о сем.

На самой цепи Кавказских гор живет народ, называемый карак, менее образованный прочих, принадлежащий также к роду лезгин и имеющий с ними общее сходство в одежде и обычаях. Каракцы находятся в сношениях с жителями, лежащими по обе стороны Кавказских гор, и нанимаются в войска для нападений на Грузию или в войнах против соседей у лезгин чарских и белоканских, имеющих жилища свои на границах Кахетии и Кизика.

Севернее от шамхальства находятся кумыкские деревни, в коих Яндрева деревня¹⁴⁷, по многим обсто-

ятельствам весьма занимательная, есть главная. Она теперь во владении нашем. Кумыкский народ по обычаям своим может назваться ступенью перехода народов, обитающих по восточной стороне Кавказских гор и называемых лезгинами, в народы, занимающие северную покатость сих гор, под названием чеченцев; они схожи и на тех, и на других. Так как я их хорошо не знаю, то и не помещу здесь описания их.

Но прежде чем далее следовать в описании своих происшествий, нахожу еще нужным обратить общий взгляд на лезгин, коих племена и названия отчасти мною здесь описаны. Те из них, которые живут в горах, не могут существовать без помощи прибрежных к морю лезгин. Имея большие стада овец, они принуждены сгонять их на зимнее время к морю, в шамхальские и каракайдакские земли, где климат несравненно теплее, и потому они платят шамхальцам дань за луга их овцами, из числа пригоняемых ими, и занимают хутора или зимовки, однажды ими выстроенные. Сие самое содержит их в некоторой зависимости от шамхальцев, а в теперешнем времени от нас; хотя и запрещено главнокомандующим шамхалу пускать к себе на зимовку баранов враждебных нам народов, но сие мало соблюдается шамхалом, который, опасаясь лишиться нескольких податных баранов, принимает к себе баранов неприятельских нам лезгин, переданных на имя мирных племен. Известно наверное, по крайней мере, то, что люди акушинской земли, скрывающие у себя пленных или беглых солдат, пригоняли в шамхальские владения баранов своих на зимовку; но не велено было трогать их, из опасения, чтобы не восстановить через сие горцев и не быть принужденными предпринять к ним новый поход, который мог быть не столь удачен,

как первый, совершенный Алексеем Петровичем в 1819 году.

Лезгины вообще просты и честны, придерживаются более обычаев своих, чем веры; гостеприимство считается у них первой добродетелью, и нарушивший оное теряет все уважение между ними. Трудно согласовать качества сии со столь многими примерами убийств, между ними случающимися, и со мщением крови, у них введенным. Но первое случается большей частию, когда они пьяны, ибо они очень привержены к крепким напиткам, невзирая на закон, им запрещающий сие; второе же есть обыкновение, в справедливости коего они совершенно уверены и которое исполняется ими без всякой злобы убийцы против убиенного. Лезгины рослы, сильны, здоровы; лица их значительны, и чем далее они простираются в горы, тем черты лица становятся выразительнее, изображая некоторое зверство. Женщины их вообще прекрасны и умны. Жены их не находятся в таком рабстве, как в прочих частях Азии, и хотя они несут все трудные работы домашние, но зато открыты и не заперты в гаремах. Однако права супружества строго наблюдаются, и нарушительница оного с прельстителем неминуемо лишается жизни от руки мужа, если он их вместе застанет. За незамужними присмотр у них не так строг бывает, и хотя и сии также строги в сохранении своего целомудрия, но бывают случаи, что они нарушают оное, соглашаясь жить с полюбившими их, которые могут купить право сие деньгами, отданными родителями, и после молитвы, которую им дает мулла или кази на совокупное житье. Обряд сего, так сказать, полубрака считается у них законным.

Просвещение народное весьма ограничено в Дагестане. Сведущими можно назвать только одних

духовных; прочие все почти безграмотны, как и сам шамхал и прочие владельцы. Но и самые сведения духовные не простираются далее словесности в арабском языке и знания законов своей веры. Арабский язык между ними очень обыкновенен; они его с малолетства знают и так же с ним знакомы, как со своим природным языком, и потому все письменные дела, даже частные письма, свидетельства, памятные записки, все делается на арабском языке во всем Дагестане. Языку сему обучаются по всем правилам, изучая вместе с оным грамматику, синтаксис, риторику и поэзию.

Российское правительство, водворившееся ныне в сих землях, истребит, без сомнения, многие вредные обычаи в сей стране, но вместе с сим поселит и разврат в нравах лезгин, не говоря о всеобщей ненависти, которое оно уже успело приобрести здесь нам. Сему причиною бывают распутство и корыстолюбие чиновников и неуважение к тем, в которых народ привык видеть судей и посредников своих. Необразованный чиновник наш, зараженный всеми пороками и всего более предубеждением европейским, что все, несхожее с нашими обычаями, есть отпечаток невежества, полагает порядочными людьми только тех, которые имеют классные чины; почтенного же старика, пользующегося доверенностью в народе, считает он уже за совершенно ничтожного человека, потому что он бороды не бреет или одевается не в тонкое сукно. Несправедливое презрение сие и вышеозначенные пороки суть, конечно, причины всеобщей ненависти, которую правительство наше успевает приобрести в самое короткое время посредством своих чиновников.

Я выехал 1 декабря [1822 года] из Тарков в сопровождении туркменского аманата, сына Киат-Аги, Як-

ши-Магмеда, который находился при мне во все время, как я в Тарках начальствовал работами. Отъехав верст 10 или 15, я встретился с отставным полковником Левенцовым, бывшим командиром Апшеронского (прежде Троицкого) пехотного полка (его сменил Карчевский). Хитрый старик Левенцов уже более неспособен был командовать полком; он был слаб, и многие странности делали его смешным и даже неносным для подчиненных и начальников. Впрочем, говорят, что он был исполнителен и честен, но груб, своеобычлив и необыкновенный чудака, из рода тех, которые мало к чему способны в нашем веке. Говорят, что Алексей Петрович предлагал ему место главного смотрителя надо всеми госпиталями в Грузии (самое приличное для него), но он не пожелал его иметь. Карчевский принимал от него полк более года, и приемка сия наполнена любопытными и смешными происшествиями; наконец, он после многих затруднений и жалоб поплатился за полк дорогой ценой и уехал, как говорят, с большими деньгами, но не переставал представлять себя бедным и неимущим человеком, дабы вселить в других сострадание к себе. Он ехал с большим обозом, женой, детьми, взрослыми сыновьями, которые по дурным правилам их и дурным примерам родителей не годились к службе и иногда били отца своего или вступали с ним в драку. Мне жаль было сего старика, и я желал бы видеть таких людей (кои прежде, может быть, и, вероятно, приносили пользу), оставляющими службу довольными. Он был весьма огорчен своим положением и заслуживал сострадания по летам своим. Начальство само было виновато, поручая ему место свыше сил его и способностей.

В тот же день я прибыл ночевать в Буйнаки, где застал на ночлеге Апшеронский батальон, следовав-

ший из Тарков в Кубу. На другой день я приехал ночевать в деревню Берекей, столицу Каракайдакского уцмейства, в коем начальствовал капитан Якубовский, расположенный там с ротой Куринского полка.

3-го числа я приехал в Дербент, где и остановился у Верховского. Тут я получил орден Владимира 3-й степени¹⁴⁸, к коему я был представлен Алексеем Петровичем Ермоловым в награждение за последнюю экспедицию в Туркмению. Он желал сим вознаградить то, что я потерял в первую экспедицию в Хиву, за которую я получил полковничий чин, достававшийся мне на вакансию. Тут в течение четырех или пяти дней я успел переговорить с Верховским о всем предовольно и простился с ним, не полагая, чтобы сие было навсегда. Мы надеялись увидеться на свадьбе его в Тифлисе, куда ожидали невесту его, вдову Аделаиду Пузыревскую. Но смерть для него была, может быть, счастье; ибо невероятно, чтобы чета сия могла ужиться, будучи совершенно различных свойств, и после поступка невесты его, оскорбившей его столь сильно.

7-го или 8-го числа я выехал из Дербента к Кубе. Вечер провел я у барона Вреде, а на другой день пустился далее в путь, в сопровождении Петровича, который провожал меня до первого ночлега. Я не хотел пропустить сего случая, чтобы не видать прямой верховой дороги, ведущей из Кубы в Старую Шемаху; по ней считается только до 100 верст, тогда как по большой дороге, идущей мимо Баку, считается их до 300. Я поехал прямо через горы и ночевал первую ночь в деревне Рустове¹⁴⁹, в 25 или 30 верстах от Кубы. Деревня сия лежит в лесу и знаменита победою¹⁵⁰, одержанной здесь при Тормасове, помнится мне, над лезгинами, собравшимися под начальством Ших-Али-хана.

Тут я встретился с кубинским ханом, ныне пользующимся небольшим уездом, ибо все ханство управляется комендантом.

На другой день проехал я через деревню Конак-Кент¹⁵¹, коей название свидетельствует о прославленном гостеприимстве жителей оной. Я остановился у тамошнего бека, который был предупрежден насчет моего приезда. Он меня отвел в холодный сарай, и пока готовили кушанье, вся деревня собралась ко мне смотреть на меня, и сам бек глупыми вопросами своими, для узнания новостей, так надоел мне, что я притворился незнающим турецкого языка, сколь ни был голоден, ничего не ел и, переменив лошадей, уехал сердитый. Бек послал сына своего провожать меня, которого я отпустил вскоре, велев ему сказать отцу, что напрасно он носит с деревней своею название гостеприимных людей, что настоящее гостеприимство состоит в угождении гостю, а не в том, чтобы поставить перед ним чашку с вареным пшеном, собрать всю деревню для любопытства и мучить глупыми вопросами; что он видел меня усталым от дороги и должен был мне дать покой, а не хвалиться неопрятной, неуместной и не заслуживающей внимания пышностью; чтобы вперед он лучше умел принимать гостей, дабы заслуживать имя гостеприимного, ему данное.

Я скоро переехал хребет отрога гор, идущего от главной цепи Кавказских. До сих мест видел я прекрасную природу, быстрые потоки речек, шумящих в тесных и утесистых ущельях, по коим ехал, в иных местах равнины, леса. Приятное разнообразие сие занимало меня всю дорогу, до вышеупомянутого хребта, за которым южная покатость гор не везде уже представляла те красоты. Стояла зима, и хотя снега

не было на горах, но погода была холодная. Я приехал очень поздно ночевать в небольшую деревушку, составленную, так сказать, на границах Ширвани и Кубы, татарами, бежавшими в разные времена из Ширвани и принадлежащими уже ныне, кажется, к Кубинскому округу. Толпа любопытных также сбегалась смотреть меня, оставив дома свои, в коих они давно уже покоились; но так как деревня сия не пользовалась пышным названием Конак-Кента, как предыдущая, то я без всяких околичностей прогнал докучливых и на другой день не успел прибыть в Шемаху, а спустившись в обширную долину реки Перисагата¹⁵², остановился ночевать в маленькой и бедной деревушке татарской, носящей также имя Конак-Кента, но где и тени гостеприимства не было заметно. На следующий день я приехал к обеду в Шемаху и застал все окрестности города покрытыми снегом. Хотя расстояние по сей дороге от Кубы до Шемахи и считается только 100 верст, но я полагаю их до 140. Дорога сия занимательна дикостью ущелий, по коим она проведена; по многим местам она даже опасна, будучи весьма узка и идя по крутым скалистым покатосям гор. Я доволен, что проехал ею и в другой раз не иначе бы решился без надобности ехать по ней, как летом.

В Старой Шемахе был комендантом приятель мой подполковник Старков, который принял меня с удовольствием и был очень рад моему приезду. В то время находился там и прежний комендант подполковник Высоцкий, над коим приехавший генерал-майор Мерлини производил следствие по многим злоупотреблениям, им сделанным, за что он был отрешен от должности. Высоцкий был один из приверженцев Ладинского (моего предместника по полку) и поддер-

жан покойным дежурным штаб-офицером полковником Наумовым, который умер в течение прошлого лета. Ладинский, видя, что он не мог устоять без сильной помощи при главнокомандующем, завладел совершенно Наумовым, который в нем души не знал; он имел своих приверженцев, посредством которых действовал по всей Грузии, и по его назначениям сменялись приставы, коменданты и сажались на их места люди, нужные ему для совершения мошеннических дел. Наумов, однако, кажется, был честным человеком, и вины его должны быть более последствия слепой доверенности его к Ладинскому, чем намеренные. Пользуясь доверенностью Алексея Петровича, он успевал все делать в пользу Ладинского, которого главнокомандующий знал за мошенника и не велел даже пускать к себе. Впрочем, я сам слышал от Алексея Петровича, что он обвинял Наумова в важных ошибках и грехах.

Ладинскому надобно было овладеть Наумовым со слабой его стороны; так как явно деньгами ему не удалось бы склонить его, он проведal в нем пристрастие к женщинам и подвел к нему прокуроршу Мелину, платя ей за то в виде вспомошествования большие деньги. Развратная жена и нужда были причиною тому, что прокурор решился украсть мешок с червонцами из казначейства казенной экспедиции. Она и дети ее умерли в дороге на обратном пути в Россию, а прокурор сам был сослан в Сибирь на поселение. Женщина сия, кроме собственного явного разврата, развратила также многих других и поселила раздор во многих семействах. После сего Ладинский обратился к другой женщине. В Тифлисе была некая княгиня Сумбатова, недурная собой и коей муж, человек глупый, бестолковый, снисходительный и добрый,

согласился уступить, по исканиям Ладинского, жену свою Наумову; но для сего надобно было наградить значительно и мужа, и жену.

Вот как сие сделалось. В Борчалинской дистанции находился приставом отставной майор Харьковского драгунского полка Брежинский, человек простой и неспособный к сему делу; но он правил гораздо честнее Ладинского. Так как 7-й карабинерный полк, коего Ладинский был командир, расположен в сей дистанции, то ему весьма выгодно было бы иметь ее под своим управлением. Он сделал донос на Брежинского в злоупотреблениях, им производимых по дистанции, и устроил дело таким образом, что его же назначили для произведения следствия над обвиненным им. Он уговорил многих жителей принести присягу в утверждение его показаний, и после того пристав был предан суду в исполнительной экспедиции по воле главнокомандующего. Как ни разыскивали дело, но его совершенно обвинить не могли; открыли небольшие злоупотребления, весьма простительные, именно, что жители сами делали ему бездельные подарки, как то: одну или двух лошадей, несколько незначащих ковров, иногда барана и прочее. Пристав оправдался; но, дабы отмстить Ладинскому, он открыл разные поступки его, которые, как я слышал от Ивана Александровича, делали его преступником.

Ладинский не мог оправдаться. Говорят, что он участвовал в побеге Александра-царевича¹⁵³, которого он также назвался было ловить; что он передавал за большие деньги письма в Персию и сообщал туда важные бумаги, содержание коих он узнавал посредством своих приверженцев. Я бы не решился по одним слухам воспринять о нем такого дурного мнения (хотя все поступки его явно отвращали от него всяко-

го порядочного человека), но меня в сем уверил сам Алексей Петрович, который о нем относился самым презрительным образом. Не менее того он умел снять себе защитников в князе Горчакове, которому помог в звании посредника в сдаче 41-го егерского полка подполковнику Авенариусу, и в П. Н. Ермолове, который по добродушию своему не знал дурного человека в свете. Пристав был уволен от должности и уехал в Россию; но с сего времени и Ладинский совершенно потерялся во мнении Алексея Петровича, который помнил еще, что если бы не уехал отсюда вскоре маркиз Паулуччи (бывший главнокомандующий в Грузии), то бы Ладинский был солдатом за воровство, коим он занимался во время Персидской войны и голода, когда он сам был приставом Борчалинской дистанции и оставлял войска без провианта. Он тогда был отрешен от должности и скитался по деревням без места; но отъезд маркиза спас его, и Ртищев, сменивший Паулуччи, помог ему подняться и даже дал ему полк. Старик сей был завлечен окружавшими его, которых Ладинский всех успел подкупить.

Не менее того, после сего происшествия Ладинский еще держался и успел доставить, посредством Наумова же, место борчалинского пристава князю Сумбатову, коего жену доставил Наумову и сам был ее любовником. Чета, а более муж и Наумов, остались довольными; но надобно было и жену наградить. Он заставил Наумова выстроить ей каменный дом в Тифлисе, на что и дал ему своих нижних чинов, и сам пользовался тем, что в приезды свои в Тифлис останавливался и жил в сем доме, сборище развратных женщин и единомышленных заговорщиков его. Распоряжения сии доказывали хитрый и изобретательный ум его; все остались довольными, и он получил желаемое.

Бегство Мустафы-хана Ширванского оставляло место комендантское вакантным в Ширване; туда был назначен приятель же Ладинского подполковник Высоцкий. Генерал Мадатов, начальник трех ханств, был в явной ссоре с Ладинским; но тайные сношения их были непонятны. Он был дружен с Наумовым, и они иногда видались друг у друга и не делали себе взаимно никакого зла. Сокровища ханские, на получение коих лестились казна, исчезли, тогда как всем известно было, что хан не мог увезти их и бежал безо всего, с одной женой своею и несколькими только слугами. Макаев, грубый грузин и, вероятно, корыстолюбивый, был тогда приставом в Ширване; по прибытии своем в Тифлис он был посажен под арест, хотел что-то объявить начальству, послана была к нему комиссия, и он внезапно умер.

Высоцкий, прибыв в Ширван, захотел поживиться в сей богатой земле. Он много на себя взял, выдал себя за родственника Алексея Петровича, получал большие подарки от жителей, кроме того, получал большие выгоды от различных употреблений, и, как после говорили, отправил однажды целый обоз к Ладинскому. Но куда делись вещи сии, неизвестно; знают только, что Ладинский, уже сбиравшийся выехать из Грузии и ожидавший меня для сдачи полка, отправил в Россию также большой обоз и так скоро, что начальство не успело и освидетельствовать прибывших верблюдов из Ширвана; а потому и полагают, что он был участником в утаении ханских сокровищ, что весьма легко может статься. Говорят, что и сам Мадатов был в сем деле участником. Он был некоторое время в немилости у Алексея Петровича, что было весьма заметно; но дело сие, развертывающееся в отсутствии

главнокомандующего исследованиями И. А. Вельяминова, вдруг замялось по прибытии главнокомандующего, неизвестно почему; но если справедливы слухи о сем, то, вероятно, потому, чтобы не запутать Мадатова, столь выхваленного им пред государем и беспримерно щедро награжденного богатейшим имением в Карабахе.

Ширванские беки и народ не могли долее терпеть притеснений, делаемых им Высоцким, и по наущению генерала Мадатова первые приехали в Тифлис жаловаться Алексею Петровичу на своего начальника. Его вызвали из Ширвана, и он долго находился в Тифлисе, между тем как дело его рассматривали. Поводом к сему обстоятельству был случай, который я узнал следующим образом. Будучи еще в начале 1822 года в Тифлисе, я часто видел Высоцкого, с которым прежде едва был знаком, и не знал настоящей причины, по которой он так долго жил в Тифлисе. Однажды приходит он ко мне, и когда все посторонние вышли, он показал мне секретное предписание к нему И. А. Вельяминова, в коем было сказано, что, невзирая ни на какие обстоятельства, он должен был приступить к розыску дела, в коем нечего ему опасаться мщения от своего непосредственного начальника Мадатова, ибо он исполнял сим свою обязанность. Когда он был в Ширване, он доискался, что Мадатов переселил оттуда до 300 дворов в Карабах на те земли, об утверждении коих за ним старался Алексей Петрович у государя, и написал сие в письме к Наумову, который показал письмо И. А. Вельяминову, а сей последний дал предписание разыскать дело, на что Высоцкий отвечал, что не мог приступить к розыску дела, обвиняющего его начальника. В ответ на сие получил он от него секретное предписание, которое показал мне.

— Вот за что меня гонят, — сказал он мне, — вот как я невинно попался. Теперь меня здесь держат без всякого дела и даже не объявляют причины, за которую меня держат; хотя бы нарядили следствие или суд, то бы я доволен был. Узнайте вину мою, окажите мне сию милость, я более ничего не прошу; или помогите мне советом, как узнать ее. Я хочу писать письмо Алексею Петровичу; советуete ли мне сделать сие?

Я отвечал ему, что для узнания вины его самое лучше средство сходить к Алексею Петровичу или Ивану Александровичу и спросить о ней, если он полагал себя невинным; письмо же писать я не советовал ему, потому что средство сие не понравится Алексею Петровичу. Он благодарил меня и вышел. Я в тот же день, сострадая о нем, был у Вельяминова и, заведши разговор, старался узнать мнение, которое он о нем имел, и получил самый неблагоприятный отзыв: его называли преступником, мошенником и всеми именами уличенного в больших злоупотреблениях. Я догадался из сего, что дело его, верно, уже разобрано и что он обманул, представил себя не знающим вины своей, для того единственно, чтобы вывести от меня что-нибудь или найти во мне человека, который бы по незнанию дела стал бы просить о нем. Но я более еще в сем уверился, когда в тот же или на другой день, зашедши к Мадатову, застал его в сильном беспокойстве. Первое слово его было о Высоцком.

— Вы нехорошо сделали, — сказал он мне, — что советовали Высоцкому писать к Алексею Петровичу; он написал, и главнокомандующий был очень недоволен сим.

— Я ему не советовал, — отвечал я, — а, напротив того, отговаривал его от сего, сказав, что к сему средству, которое неприлично, должно бы только присту-

пить уже в самой крайности, когда бы он не в состоянии был сам спросить начальство о вине своей.

— Зачем же он у вас был? — спросил Мадатов.

— Он приходил за советом.

— Были ли при том посторонние?

— Никого не было.

— И вы никому о сем не говорили?

— Никому.

— Через кого же могло бы сие выйти?

— Вероятно, через Высоцкого.

— Итак, вы видите, с каким человеком вы дело имели. Теперь же я скажу вам, что он давно уже как был разруган главнокомандующим за его вины, и не велено ему туда и ходить. Он весьма хорошо знает свои грехи и был подослан к вам от шайки своих покровителей, Ладинского и Наумова, которые не могут дело его поправить.

Я удивился и рад был, что не вмешался в сие дело, особливо услышав имена людей, из коих первого гнушался, а другого убегал, как глупого и грубого человека, с которым уже несколько лет я в ссоре был, и о связи коих с Высоцким я ничего не знал. Я оправдался у Мадатова, хотя и его считал не лучше сих двух, и более не видел у себя Высоцкого, который, вероятно, от него же узнал, что я уже известен о его дурных намерениях. Дело Высоцкого продолжалось, и он теперь сменен Старковым, бывшим кубинским комендантом.

В течение лета Наумов ездил на воды Кавказские и, обручившись там с девицею Бахметьевой, в которую он был влюблен и которая его терпеть не могла, возвратился в Тифлис женихом и ожидал невесты своей, как вдруг смерть скоропостижно застала его и открыла все дела. Ладинский в то время был в Тиф-

лисе. Он много плакал, называя Наумова своим единственным другом; но слезы его были, вероятно, притворные: он мыслил только о том, чтобы достать все бумаги и письма покойного и истребить все те из оных, которые могли бы обнаружить его собственные поступки. Ему удалось сделать сие: объявив, что Наумов ему перед смертью поручил их, он их взял, большею частью, и многое скрыл через сие. Но другая часть попалась Ивану Александровичу, который по ним стал открывать все связи и действия сего общества. Алексей Петрович не хотел терпеть сего, объявив, что мертвых судить не будет, сам прочел некоторые бумаги и все сжег, желая через то спасти от поношения память человека, к которому он имел слишком большую доверенность и вместе с сим спас и Ладинского, коего дела он узнал, но не преследовал его, потому что тот уже оставлял Кавказский корпус. Может быть, причиною сему служило и то, что в сих делах был замешан Мадатов, которого он не мог преследовать за злоупотребления, представив его столь отличным образом государю. С тех пор Ладинский совершенно потерялся в мыслях начальства и не поправил мнения о себе; дела же сии остались скрыты. Увидясь в Ширване с Высоцким, я не мог не вспомнить поступка его против меня. Я не напоминал ему об оном, но видно было, что и он помнил его. Я не более двух раз виделся у Старкова с ним и принял его холодно.

Я уже несколько раз упоминал о Старой Шемахе в сих записках, имея несколько раз случай видеть ее; но теперь она заслуживает более внимания, чем прежде. По изгнанию или побеге Ширванского Мустафы-хана, новая столица Фитаг, находящаяся на высоких горах в 40 верстах почти от большой дороги,

была истреблена по приказанию нашего правительства, и все жители переведены в развалины Старой Шемахи. Сие случилось в 1821 году. Жителям сим, проводшим с трудом зиму в шалашах и кибитках, не позволяли строиться, потому что город сей хотели выстроить по плану, который еще не был утвержден главнокомандующим. Лето 1822 года и часть прошедшей зимы прошли также в ожидании сего разрешения. Беспокоиваемые непогодой, стужей и зноем, многие просили позволения строиться, и им позволили, наконец, сделать сие, взяв подписку с них, что по первому требованию правительства они беспрекословно сломают сии дома и выстроят новые на тех местах и по тем планам, которые им укажут. Они принуждены были согласиться на сие из нужды, выстроили базар и некоторые дома; но главнокомандующий в проезд свой зимою в сем году в Шемаху, кажется, разрешил им строиться по новому плану, который утвердил. Не менее того, я уже застал в проезд свой множество нового строения в городе, обширный базар и многие домики среди обширных и величественных развалин. Правда, что новые строения сии были самые пустые, так что и оставить не могло быть жаль. Новый город сей должен быть один из многолюднейших и богатейших в Грузии, ибо жители ханства сего богаты и ведут значительную торговлю. Медленность правительства нашего в позволении строиться внушила недоверчивость в жителях к нам; если же заставят их еще строиться по европейским фасадам, сие будет самое верное средство совершенно расположить народ против нас и довершить к нам ненависть и неуважение, вселенные до сего также злоупотреблениями чиновников наших.

Я узнал в Шемахе, что Алексей Петрович, выехав из Тифлиса, намеревался проехать в Карабах, откуда хотел прибыть в Шемаху. Имея надобность видетсья с ним и опасаясь разъехаться с ним в Елисаветполе, я ожидал известия о выезде его из сего города, чтобы самому немедленно отправиться в Шушу по прямой дороге, переправляясь через Куру в Зардабе¹⁵⁴. Сие самое понудило меня провести около пяти или шести дней в Старой Шемахе. Наконец, не дождавшись настоящего ответа, я пустился в путь, ночевал первую ночь в Новой Шемахе, вторую, после 35-ти или 50-верстного перехода влево от большой дороги, в деревне, называющейся, помнится мне, Гардемур¹⁵⁵, а на третью прибыл в Зардабу, после 40 с лишком верст езды, где ночевал на левом берегу у Куры у тамошнего бека Рагима, который надоел мне хвастовством своим и несносным гостеприимством, подобным Конах-Кентскому. Со мною был туркмен Якши-Магмед и слуга его, прочих же людей своих с лошадьми и выюками я отправил по прямой дороге в Елисаветполь, где они должны были дожидаться меня.

На другой день, переправясь через Куру и проехав около 40 верст, я прибыл ночевать в деревню Карабахского ханства, начинающегося уже у самой Куры. Там я застал на ночлеге всю ширванскую конницу, составленную из лучших и богатейших беков, которые ездили встречать Алексея Петровича, проводили его до Шушинской горы в Карабахе и на обратном пути своем расположились в сей деревне ночевать. Встреча сия главнокомандующему, приготовленная Мадатовым, была довольно пышная: все беки, всадники и наездники трех ханств, Ширванского, Нухинского и Карабахского, были собраны в самых богатых сбруях

и одеждах своих на первом посту от Елисаветполя к Карабаху и встретили Алексея Петровича с пальбою и ристанием.

С сего ночлега переехал я еще около 40 верст, в сопровождении посланного со мною Рагим-беком племянника его, и прибыл ночевать в небольшую деревню, лежащую у подошвы Карабахских гор, а на другой, выехав в горы, прибыл в Шушу, где и явился в тот же день к главнокомандующему, который меня принял ласково, нисколько не думая о происшествии Износкова, столько меня занимавшем. Я прибыл в Шушу, помнится, 24-го числа и застал там также генерала Мадатова и подполковника Реута, командира 42-го егерского полка, расположенного при Чанахчае, в 15 верстах от Шуши.

Я хотел, однако же, поговорить с Алексеем Петровичем насчет дела Износкова и поручил Воейкову намекнуть ему, что меня очень беспокоило замечание, мною полученное, по сему предмету. На другой день ввечеру, за ужином, разговорились о Тарках, и я не упустил случая напомнить ему, что я освободил 46 русских из Акуши, в бытность мою там. Он, верно, был дурно расположен в то время, ибо вместо похвалы я заслужил от него замечание, что мы, частные начальники, расстраиваем мир и дружбу, которую он приобретает с не повиновавшимися нам доселе народами. Я сказал ему, что делал сие по приказанию его, объявленному мне начальником штаба его письменно, и замолчал. Разговор сей еще более дал повод мнительности моей думать о своей службе, и 28-го числа, поутру, я пришел к нему проститься, не зная еще, что предприму по прибытии в Тифлис, и полагая, что самое лучшее будет отказаться от полка; но он почувствовал обиду, мне нанесенную. Прежде всего

начал он разговор о строениях Тарковской крепости. Я обязан был ему правду сказать и, вопреки неудовольствий, которым подвергался через сие со стороны начальника штаба, объявил ему, сколь несообразно со здравым распоряжением построение сей крепости, сколь дорого стоили, и людьми, и деньгами, плохие известковые крыши, тогда как опыт прошлого года удостоверял в непрочности их; что от сего средства погнили потолки казарм и, показав ему, что на сей счет можно бы уже давно покрыть все казармы железом, не изнуряя людей и не озлобляя жителей на нас безмерными требованиями, говорил о несообразности архитектуры сей крепости и дурном выборе места, а также и о дурном расположении жителей. Ему было неприятно слушать сие, и я, может быть, неосторожно сделал; ибо ошибки сии, слишком явные, относились на счет начальника штаба; но я не расположен был никого щадить, видя, что все труды мои ни во что ставились.

— Я слышал, — продолжал он, — что ты полагаешь меня недовольным тобою за арестование Износкова? Пустое! Я знаю тебя и имею полную уверенность к тебе, знаю труды твои; но не должно было арестовать георгиевского кавалера: это противно устава.

— Я прошу вас об его прощении, — сказал я. — Извините меня, если я вас так беспокоил своею жалобой; но я не видел других средств к укрощению его; впрочем, я просил об удалении его только на время командования моего; ему послужит уроком сие наказание; теперь же прошу вас возвратить ему батальон.

— Нет, — сказал он, обняв меня, — не дам ему батальона; я сам мерзавцев не терплю, и он не будет служить у меня в корпусе; но я доставлю ему отставку.

И в самом деле Износков получил ее с повышением чина и, кажется, с пенсионом половинного жалованья.

— Не полагай, чтобы я сомневался в справедливости твоей, — сказал мне Алексей Петрович. — Поезжай теперь в Тифлис. Пора полк принимать. Предупреждаю тебя, что будешь иметь дело с Ладинским, первым и естественным мошенником; не верь ему, будь крайне осторожен и не торопись, чтобы он тебя не обманул.

Я простился с ним. Разговор сей вознаграждал все беспокойства, перенесенные мною в течение четырех или пяти месяцев, и я вышел от него довольным. Он принял ласково Якши-Магмеда и приказал, по просьбе моей, продолжать ему дачу столовых денег, которые он прежде получал.

Перед выездом своим из Шуши я в тот же день, после прощания с Алексеем Петровичем, пошел к подполковнику Реуту. Дом его был обставлен пехотой; я вошел и увидал у него на постели сидящего Джафар-Кули-агу Карабахского, прощающегося с детьми и матерью.

Побег или изгнание Карабахского Мехти-Кули-хана случились летом 1822 года, по стараниям правительства, желавшего овладеть сим ханством. Мехти-Кули был человек боязливый, развратного поведения, пьяный и проматывал ужасные доходы свои на людей, кои удовлетворяли неукротимую страсть его к...* Ему стоили напитки до 80 000 червонцев в год, и он никогда ничего не имел. Желая удержаться в своем ханстве, он не замедлил утвердить за Мадатовым земли и деревни, принадлежащие Шах-Назаро-

* Так в оригинале. (Примеч. ред.)

вым, в надежде на его покровительство; но Мадатов, получив их, не замедлил взять на себя поручение склонить его к побегу, так как и ширванского хана. Мехти-Кули-хан бежал, опасаясь, по разным подложным наговорам, чтобы его в Россию не увезли, и благодетельствованный им Мадатов был орудием правительства в сем случае, так как и в изгнании ширванского хана и в отравлении нухинского.

Джафар-Кули-ага, который имел права на ханство, был любим народом в Карабахе и враг хану. Когда хан бежал; полагая, что он заступит его место, он прострелил себе руку в двух местах пулями самым осторожным образом, и распустил слух в народе, что хан при выезде своем хотел его убить и ранил его; я же полагаю, что он был научен к сему Мадатовым для того, чтобы иметь достаточный предлог выслать его за сей поступок в Россию и завладеть совершенно ханством. Но как его заставили молчать о данном ему совете Мадатовым, того не понимаю; вероятно, страхом, ибо он меня всегда уверял, что его ранили ханские слуги при побеге его.

Джафар-Кули-ага, молодой человек, молодец собой, бойкий и довольно образованный, был нам всегда естественный враг. Он приводил Аббас-мирзу в 1811 году с войском, когда он разбил и взял в плен остатки Троицкого батальона в Карабахе. Он после того получил прощение и позволение возвратиться, но был замечен с дурной стороны правительством, был захвачен и везом в Россию за конвоем, но в четырех переходах от Шуши бежал от провожавших его казаков; вторично был прощен, возвратился из Персии и ныне захвачен в квартире Реута, куда он был зазван будто за другим делом. Ему дали только два часа времени собраться в дорогу и проститься с родными.

Храм огнепоклонников Атешгях в Сураханах близ Баку

Сураханы, Апшеронский полуостров.
Храм огнепоклонников. Литография, XIX в.

Баку. Атешгях. Индеец выполняет ритуал огня.
Худ. Г. Г. Гагарин

Фетх-Али-шах, правитель Персии. 1816 г.
Худ. Михр Али

Аббас-Мирза, наследник персидского престола.
Портрет, 1833 г.

Виды Кавказа. Рисунки князя Г. Г. Гагарина
из издания «Le Caucase pittoresque»
(«Живописный Кавказ»), 1840-е гг.

Кахетия. Праздник в Алаверди

Грузия. Террасы в Тифлисе

Центральный Дагестан. Акуша

Карталина

Сурамская крепость

Абшерон. Ханский дворец в Баку

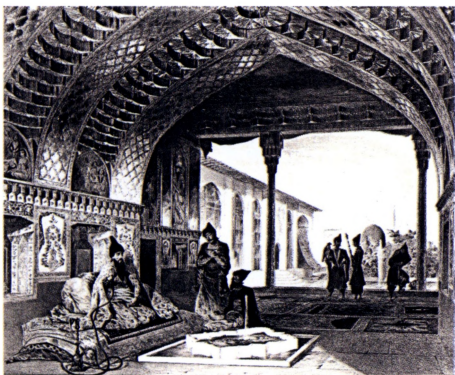
Северный Дагестан. Люди шамхала

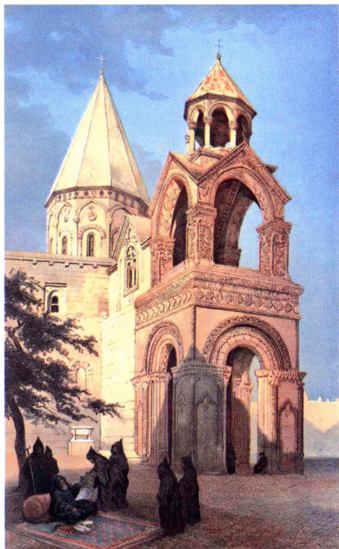
Дагестан. Гергебиль

Северный Дагестан. Унцукуль

Армения. Зеркальный зал во Дворце сардара Эривани

Эчмиадзинский монастырь

Оставление горцами аула при приближении русских. 1872 г.
Худ. П. Н. Грузинский

Рисунки князя Г. Г. Гагарина
из издания «Костюмы Кавказа» (сер. XIX в.)

Черкес

Житель села Чиркей (Дагестан)
в районе хребта Салатау

Жительница Шемахи
в национальной ширванской одежде

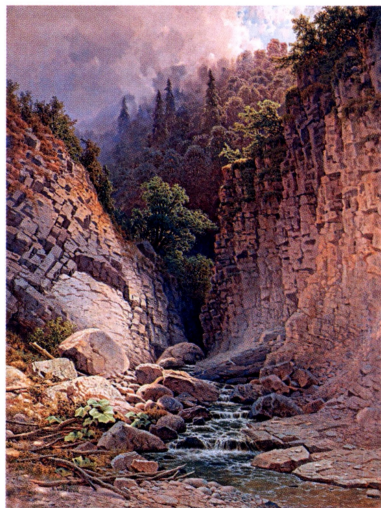
Баядерка и юноша из Шемахи

Дагестанская женщина
из Тарковского шамхальства.
Худ. князь Г. Г. Гагарин,
из издания «Костюмы Кавказа»
(сер. XIX в.)

Мулла шиит из Гянджи
в Азербайджане
Худ. князь Г. Г. Гагарин,
из издания «Костюмы Кавказа»
(сер. XIX в.)

Ущелье. Худ. И. Н. Занковский

Кавказский воин. Худ. Ф. А. Рубо

Всадник. Худ. Ф. А. Рубо

Горный пейзаж. Худ. И. Н. Занковский

Вид Тифлиса. 1832 г. Худ. Н. Г. Черенцов

Тифлис. 1839 г. Худ. Н. Г. Черенцов

Вид Тифлиса. 1837 г. Худ. М. Ю. Лермонтов

Вид Тифлиса. 1830 г. Худ. Н. Г. Черенцов

Улица в Тифлисе. Худ. П. П. Верещагин

Вид Тифлиса. 1874 г. Худ. П. П. Верещагин

Бакинская губерния. Баку. Улица в полдень. 1861 г.
Худ. А. П. Боголюбов

Гавань в Баку. Худ. А. П. Боголюбов

Мечеть в Шихове, Баку. 1911 г. Худ. В. П. О. Лангер

В горах Кавказа. 1879 г. Худ. Л. Ф. Лагорио

Кавказское ущелье. 1893 г. Худ. Л. Ф. Лагорио

Я его застал в сем положении. Он был крайне изумлен. С ним находился сын его Керим, 15-летний мальчик, который обучался в Тифлисском училище и вместе с ним ехал. Народ, любящий его, собирался толпами на площадях и улицах и рядил об участии его.

Я в тот же день выехал из Шуши и ночевал на Поджалинском посту, где застал д[ействительного] с[татского] с[оветника] Могилевского и П. Н. Ермолова, едущих в Шушу для описи ханства, открытия доходов и введения нашего правительства. В ту же ночь прибыл туда и Джафар-Кули-ага с сыном своим Керимом, в сопровождении казачьей и пешей команды, под надзором войскового старшины Грекова.

Петр Николаевич, ослепленный Ладинским, превозносил мне его отличные качества и хорошее состояние полка; но я уже был предупрежден Алексеем Петровичем, который сам говорил: «Брат мой Петр в нем души не знает и не видит его мошенничеств; его никак не разуверишь на счет Ладинского». И в самом деле, сколько я ни уверял Петра Николаевича в противном, все было тщетно: он прямо за него заступался, уверив, что Алексей Петрович обманут. Наконец, я перестал говорить, видя, что мои слова напрасны, и взял даже от доброго Петра Николаевича (уверившегося молчанием моим, что я переменял свое мнение) письмо от него к Ладинскому, где он меня описывал преданным человеком ему, с коим нетрудно будет кончить дело о сдаче полка.

Вторая ночь меня застала на Тертере¹⁵⁶, где ночевал и Джафар-Кули-ага в сопровождении одной казачьей команды. Всю дорогу до Тифлиса я с ним вместе ехал и играл по вечерам в шахматы. Он очень беспокоился насчет своей участи и все спрашивал меня, куда его везут, отпустят ли его в Петербург, позволят

ли ему в службу вступить и не лишится ли он носимого им чина полковника. По незнанию моему, я не мог ему отвечать на сии вопросы и старался его всячески утешать в его несчастии, проводя с ним довольно приятно вечера на станциях.

На третий день я прибыл в Елисаветполь, где пробыл два дня и проводил время свое с Пономаревым, принимавшим меня с известным его гостеприимством. Кажется, что я 31-го числа выехал оттуда и встретился на Шамхоре¹⁵⁷ опять с Джафар-Кули-агой, которого провожал уже казачий подполковник Долотин до Демургасава, где выехал к нему навстречу переводчик майор Назаров, который уже повез его в Россию и, привезши в Симбирск, возвратил ему жалованную от государя саблю, оставил его, а сам возвратился в Тифлис^{*158}.

1823 год

(Начато в Башкечете 31 декабря 1823)

Командование карабинерным полком

Я прибыл в Тифлис уже после Нового года и вскоре по приезде принял явившихся ко мне офицеров вверенного мне полка**, а на другой день, явившись к начальству, поехал к Ладинскому***, ожидавшему меня с

* Писано 31 декабря 1823 года в Башкечете.

** 7-го карабинерного, которым Н. Н. Муравьев назначен был командовать, оставив службу по Генеральному штабу. (П. Б.)

*** Своему предместнику по командованию полком. Прием полка Муравьевым и сдача его Ладинским представляют собою крайне любопытные и знаменательные черты. Вероятно, так было не только у Ермолова на Кавказе, но и в остальных войсках. К сожалению, не знаем наверное, поляк ли был Ладинский. (П. Б.)

нетерпением¹⁵⁹. Письмо к нему П. Н. Ермолова, мною врученное, заставило его подумать, что и я в числе тех, коих могло ослепить хитрое лицемерство его. «Я вам сдам полк по-братски», — сказал он, прочел мне какое-то ужасно длинное дело о шинелях, в котором я ничего не понял, и стал уверять меня, что в три дня можно кончить всю приемку полка, советуя мне на другой же день опросить две роты, в Тифлисе находящиеся, о претензиях, и тем кончить смотр оных.

Весь приступ сей с его стороны был столь неосторожен, что он еще более побудил меня к осмотрительности. Я сказал ему, что раньше десяти дней не вижу, каким бы образом можно кончить приемку полка, что я, прежде всего, приму полковую часть, между тем роты представят бумаги свои, которые я еще должен был требовать приказом по полку. Я имел уже в готовности приказ сей, в самой подробности данный мне Карчевским; имел также многие другие бумаги, необходимые для приема полка, которыми я уже целый год запасался. Братская сдача его полка предупредила меня еще более быть осторожным с ним; ибо он понимал, что я далек был от братства с ним, и из прежнего моего всегдашнего удаления от него мог видеть, что я его презирал. По сим предварительным поступкам его нельзя было заключать о великом уме, который ему приписывали. Он также спрашивал меня, видел ли я Высоцкого в Ширване. Я отвечал, что видел, но, не любя его за мерзкий поступок против меня, удалялся от всякого сношения с ним. Ладинский пожелал знать сей поступок, и когда я начал его рассказывать, то из глаз, из взгляда его и внимания можно было увериться, что он о нем был известен, притворялся слушающим, и сам, может быть, научил его оному. Дело о шинелях

я также взял на замечание, не зная еще, в чем оно состояло.

Итак, мы положили, что начнем приемку и сдачу полка в Башкечете. Потому он вскоре и уехал, а я 19-го числа также выехал из Тифлиса в Башкечет, и 20-го числа прибыл в штаб-квартиру своего полка, где немедленно отдал приказ о вступлении в командование, а на другой день потребовал от рот смотровых бумаг. Подробность, с коею был написан сей приказ, озадачила Ладинского, и он увидел, что имел дело не с обвороченным его мошенничествами человеком.

Мне отведен был домик, принадлежащий Ляшевским, двум подпоручикам, родственникам Ладинского. Я заехал прежде всего к Ладинскому, который принял меня с притворным удовольствием, и 22 января мы приступили к делу, начав с лазарета, который мы скоро окончили, т. е. через неделю или дней десять. Но тут же начались мошенничества его тем, что он прислал ко мне неверные штаты. К счастью, я имел свои из других полков; он не хотел принять их, говоря, что они никем не засвидетельствованы, и я принужден был отыскивать в журналах положения сии, на что и употребил около трех дней, ибо много бумаг было из них вырвано, и я едва доказал справедливость моих бумаг посредством нескольких уцелевших, уличил его и принял лазарет, после многих споров, делая ему уступки для того, чтобы скорее развязаться с ним.

Между тем он доставил ко мне бумаги, требуемые мною для приема полка, в коих находилась и ведомость полковым зачетным суммам, но вся большей частию почти в долгах на офицерах. Я не соглашался принять их, зная, что тут скрывалось какое-нибудь

плутовство; и в самом деле узнал я после, что он, торгуя с маркитантом, позволял офицерам делать долги и перевел их на полковую сумму, уплатив отчасти оные. Оборот сей производил он довольно скрытно, и без сомнения нельзя было явных доказательств оному найти; но не менее того можно было узнать об оном. Он уверял меня, что я обязан принять долги сии на место денег; я не соглашался. Он по сему поводу собрал офицеров и сказал им, что в свое командование делал им всякое угодение и давал им денег взаймы, но что новый их полковник не хочет внимать нуждам их, а потому требовал денег своих назад или советовал идти всем ко мне и просить принять расписки вместо денег. Я узнал о сем намерении через казначея поручика Калогераса, грека, видевшего недоверчивость мою ко всем офицерам, которых Ладинский старался мне противопоставить, и на коих нельзя было мне положиться, особливо на полкового адъютанта прапорщика Артемовского-Гулака, молодого человека весьма умного и знающего свое дело, но приверженного душевно к Ладинскому. Сей изменил Ладинскому и скоро открыл мне множество мошенничеств его; но поступок сей должен был и его впоследствии времени лишитъ всякой доверенности и уважения с моей стороны, что и случилось.

(Нижеследующее начато в Башкечете, 7 января 1824, т. е. почти через год после того, как происходило излагаемое.)

Шесть дней уже как прервались записки сии. Несносные праздники помешали мне оные продолжать: нельзя было отступить от принятых обычаев. В полку у меня в особенности были им рады по вве-

денным предместником моим привычкам и не дали мне ничем порядочно заняться; но теперь уже праздники кончены, и я снова принимаюсь за обыкновенные занятия свои.

Казначей Калогерас, оправдывая себя еще в самом начале своей измены, говорил мне, что он не намерен был скрывать поступков Ладинского, первое, потому что обязанность его заставляла мне открыть их (тут я мало верил искренности его, но пользовался изменой), второе, потому что Ладинский удержал у него однажды 20 червонцев, отпущенных в полк ему на экстраординарные расходы, когда он в прошлом году был послан с письмом к Ахалцихскому паше. Последнее обстоятельство, кажется, справедливо было показано им, потому что, когда я о сем впоследствии времени говорил Ладинскому, то он отвечал мне, что Калогерас неблагодарный, потому что в сию поездку он без того получил много подарков от паши, а, между тем, червонцы уже были уплачены или отчасти зачтены за какой-то долг Калогераса. Не менее того, Калогерас открыл мне множество злоупотреблений Ладинского по полку. Я все записывал, и после оказалось, что половина его показаний была несправедлива; другая же была справедлива и мне много послужила.

Узнав о намерении офицеров ко мне идти, я им велел сказать через Калогераса, что они напрасно и меня, и себя беспокоят, что я ни под каким видом не соглашусь взять от Ладинского расписок вместо денег, потому единственно, что он ко мне их препроводил при отношении, уверяя, что я обязан их принять, и не просил меня на словах о сем; но что им до сего никакого дела нет, что я имею свой счет с Ладинским, который мне уплатит сии деньги, с них же по третям

только будут вычитать законное число денег, и что обстоятельство сие нисколько до них не касалось. Тем остановил я сие дело.

Преданность некоторых офицеров, и особливо полкового адъютанта, была столь неограниченна к Ладинскому, что он, даже вопреки моим приказаниям, относил к нему почту на распечатание. Я выговаривал ему строго сии поступки и, наконец, прекратил их; но могло ли наружное повиновение сие оградить меня от всяких злоупотреблений, которые могли всегда втайне делаться? Например, я уже несколько раз писал в почтовую контору, чтобы адресованные на имя командира полка полковника Ладинского бумаги пересылались ко мне; вместо того многие из них переходили уже ко мне из рук Ладинского распечатанные. Преданность к нему Артемовского была противна порядку службы; но он мне был необходим, как деятельный и знающий офицер, и потому я воздерживался от взыскания, заключал о нем, как о человеке, благодарном своему благодетелю, и надеялся со временем обратить преданность сию ко мне, нисколько не побуждая его к измене, к которой он не был склонен и посредством коей он бы совершенно потерял в мыслях моих доброе о себе мнение.

За лазаретом следовали подъемные лошади и обоз. Осмотрев их, я сделал им подробную опись, со своими отметками, положил то число денег, которое мне следовало, по мнению моему, получить в накладку за неисправности от Ладинского и показал ему свою ведомость. Он чрезвычайно огорчился сим, полагая, что все у него в совершенной исправности или что я неисправностей не увижу; но я остановил его, сказав ему, что он напрасно горячился и что я не отступлю от своего требования; что он мог просить у

начальства посредников, которые разберут наше дело, и на мнение коих я соглашусь. И так мы согласились оба на сию меру и положили, что он должен написать рапорт к И. А. Вельяминову с испрошением сих посредников, и он сам предложил показать мне сей рапорт.

На другой день рапорт был написан и прислан ко мне на прочтение, но он был так двоясмыслен, что его можно было принять за жалобу на меня, будто я не принял полка еще, а уже вмешиваюсь в хозяйственные распоряжения. Например, там было сказано, что удалять его от управления хозяйственной частию, не принявши оной, нет закона; между тем, как он не упоминал о том явно, чтобы я его удалял от оной. И в самом деле, я нисколько не касался оной, так что он пользовался от нее всеми выгодами до самого отъезда своего в Тифлис, что ему доставило до 400 или 500 рублей серебром. К тому же под рапортом сим подпись его была так низко поставлена, что нельзя было не догадаться, зная Ладинского, что он сие сделал с намерением, чтобы поместить после прочтения мною рапорта и перед отправлением одного еще от пяти до шести строк, что он в самом деле и сделал, и после сознался мне в том, говоря, что строки сии ничего не заключали важного; но я ему сказал, что его намерение замечал еще при прочтении рапорта.

Причина сего подлого поступка заключалась в том, что с прибытия моего в Башкечет, когда я потребовал от него описи полку, он препроводил ко мне, при отношении своем, без всякого моего требования, 625 рублей серебром фуражной суммы, полагая сим польстить меня к скорейшему окончанию без всякого разбора приемки. Он мне предлагал еще в Тифлисе деньги сии; но я отказался, сказав ему, что я их в свое

время получу, если они мне будут следовать. В сей раз я не выдал их и не извещал его даже о получении, ибо они хранились в полковом денежном ящике. Видя, что дела его со мною приняли не тот оборот, которого он желал, он стал сожалеть о сих деньгах, составляющих главную отрасль хозяйственного дохода полковых командиров, и не знал, как их назад получить до сдачи хозяйственной части, которую он протягивал, рассчитав, что ему выгоднее попользоваться сими деньгами, коих выведение в расход на покупку ячменя должно было кончиться к 15-му числу апреля месяца, до чего уже недалеко оставалось. Он не мог их у меня просить обратно, потому что препроводил их ко мне без всякого требования с моей стороны и не имел даже извещения от меня о получении сих денег. Потому-то он и упоминал о хозяйственной части, тогда как я столь мало вмешивался в оную, что даже часто оставался без дров и терпел холод, за неимением оных, а все мастеровые, лошади и пр., всё совершенно было в его распоряжении. Я оставил сей его рапорт без внимания, уверен будучи, что его сочтут за то, что он был, за ябеду, и стали мы оба ожидать посредников, которые должны были решить наше дело.

Между тем Ладинский не переставал распускать чрез своих сообщников в Тифлисе разные нелепые слухи, например, что я у него принимал сено с весу фунтами и что делал ему различные притеснения. Тифлис, наполненный праздным народом, принимал слухи сии и увеличивал, в чем, кажется, содействовал Ладинскому, в числе прочих, исправлявший должность дежурного штаб-офицера моего полка майор Клименко, которого Ладинский, будучи уже в изгнании и немилости, умел посадить на сие место, дабы

знать обо всем, что делается в корпусном штабе. О слухах сих известил меня письмом Коцебу, которому я в ответе назвал часть мошенничеств Ладинского.

Вскоре получили мы оба предписания от И. А. Вельяминова, в ответ на кляузный рапорт Ладинского. Не знаю содержания предписания к нему; но в моем было написано то, чего можно было ожидать по рапорту его, и именно, что корпусный командир мнением своим не полагает, чтобы я должен вмешиваться в распоряжения по хозяйственной части, не приняв еще оной. Извещали меня также о назначении посредниками артиллерии полковника Копылова и 41-го егерского полка подполковника Понаровского. Я отвечал на сие предписание рапортом, в коем доносил, что никогда не вмешивался в хозяйственную часть и что полагал причиною донесения Ладинского фуражную сумму, которая его неосторожностью лежала в ящике и препровождена при его отношении, без всякого моего требования, ко мне, и что для избежания вперед подобных от него жалоб, я ему оную возвратил для хранения у себя в доме. Я в самом деле и сделал сие, и сказал, что я догадывался о причинах его донесения и также, почему подпись его так низко была выставлена. Он был столь доволен присылкою сих денег, что забыл в ту минуту сродное ему лицемерство и сознался мне, что точно прибавил несколько, но уверял, что строки ничего в себе такого не заключали. Был ли получен мой рапорт или нет, мне неизвестно; знаю только, что, по прибытии моем в Тифлис, я спрашивал о нем Вельяминова, который сказал мне, что не видал его. Немудрено, что он был распечатан еще в Башкечете и оставлен или задержан в Тифлисе у майора Клименки. Между тем, начальник штаба сказал мне тогда, что Ладинский много на

меня подавал рапортов, но что их оставляли как кляузы и ябеды без всякого внимания.

Посредники приехали, кажется, уже в марте месяце. Гермоген Иванович Копылов, молодой человек из гвардии, с образованием и, по-видимому, честными правилами, был заражен мнениями прежнего общества, в коем он находился и откуда был выписан по неудовольствиям. Все ему казалось не так, все действия правительства и начальника несовместными, себя он полагал самым несчастливym человеком и, кажется, страдал несколько ипохондрией. Он был, впрочем, умен, любезен и, кажется, бескорыстен, но мало вникал в дело свое, желал поскорее кончить его и, видя во мне снисходительность, был весьма доволен и обратил оную в пользу Ладинского, однако же без всякого дурного намерения. Он был назначен Алексеем Петровичем командовать Грузинским гренадерским полком на смену П. Н. Ермолова, который был представлен в генерал-майоры, и оба ожидали своих новых назначений. Василий Яковлевич Понаровский служил в 1-й армии, принимал полк и был отрешен от оного по тому случаю, что сдатчик застрелился, не в состоянии будучи удовлетворить требованиям его. Он был переведен в гарнизон, вероятно, за другие грехи и недавно, с год, как приехал служить в наш корпус, надеясь на ходатайство Алексея Петровича. Ему запрещено было вверять командование полком; но Ермолов хотел ему доставить 41-й егерский полк, из коего командиру подполковнику Авенариусу велено было удалиться, по истории, с ним случившейся в полку. Авенариус, человек честный и полезный для службы, но не знающий светского обращения, имел против себя все общество тифлисское, и особенное покровительство старшего Вельяминова

не могло защитить его от наговоров и неудовольствия корпусного командира, который в нем полагал человека пустого и вздорного. Понаровский, уже немолодой человек, искушенный опытом, был крайне осторожен в сем новом звании своем посредника, ничего не решал, не держался ничьей стороны и шел по стопам Копылова, которого тронули слезы и речи Ладинского. Он просил меня пощадить его и нашел во мне готовность отступить даже от самых умеренных требований моих. Понаровскому не дали 41-го егерского полка, а перевели по армии и назначили комендантом в Баку. Я был прежде знаком с Копыловым, знал его честность и благородство, и первый шаг мой был предварить его, что он со стороны моей не найдет никакого сопротивления мнениям его и на всем полагаемое справедливым найдет меня согласным без прекословия.

На другой день прибытия своего в Башкечет посредники приступили к своему делу: осмотрели обоз и лошадей, убавили требования мои несколько и кончили дело сие, а также и другие части. Расписки, представляемые Ладинским вместо денег, они не могли согласиться принять и помирили нас на том, что Ладинский возвратит мне часть оных деньгами, а часть уговорили меня принять. В палатках было более затруднений. Я требовал их в том положении, в коем они должны были находиться, старыми и изношенными, не ища никакой выгоды; но Ладинский с прискорбием видел, что в сем году выслуживали срок 256 палаток. Он до времени взял еще на смотру в 1822 году свидетельство от бригадного командира на 56 (что было неправильно сделано), переменил их своим экономическим холстом, а деньги за оные получил из комиссариата, а также и около 1500 рублей

на постройку их, которые следовало мне получить в 1823 году (по дружбе своей с управляющим комиссионерством Виноградовым), принял заранее и вывел в расход, уверяя, что через сие доставляет мне большую выгоду, потому что отдает мне новые палатки вместо держанных. Сколько я ни представлял Копылову, что я не хотел сей выгоды, а старых палаток, и, предоставляя все выгоды Ладинскому, требовал того, что должно; но Копылов, тронутый жалостливыми уверениями Ладинского, просил меня согласиться, и я исполнил данное слово и согласился. Ошибку сию никто бы не сделал, но Копылову трудно было вникнуть порядочно в разбор сего дела: с одной стороны, он видел уступчивость, с другой же, упорство, слезы, клятвы, и он расчел, что лучше дело поскорее кончить, каким бы то ни было порядком; притом же его уверяли, что мне через сие доставляют большую выгоду.

Оставалось еще несколько предметов неразобранных, а именно претензии нижних чинов и казенные вещи, в ротах находящиеся, неисправностям коих должно было сочинить ведомости, на основании ожидаемых мною от ротных командиров. Я, между тем, занимался смотром рот. В претензиях нижних чинов значились 251 человек, не получавших за переноску¹⁶⁰ шинелей за 1819 год, тогда как переносочные деньги были отпущены комиссариатом на весь полк, для уравниения сроков шинелям; но Ладинский их не уплатил этим солдатам. Кроме выгоды, которую он имел от убитых людей в течение двух лет, он хотел на сих еще вдвойне получить и требовал на них деньги сии, представив, что они прибыли после уравниения. Комиссариат, усмотрев из посылаемых полком месячных отчетов, что люди сии уже прежде прибыли и

на них были отпущены деньги переносочные, оставил рапорт сей без внимания. Ладинский повторил его; комиссариат, верно, наскучил его ложными представлениями, придрался к его собственным словам, приложил ему расчет, в коем показал, что деньги на все комплектное количество шинелей были отпущены, а что так как поступила по рапорту его еще 251 шинель, то они должны быть сверхкомплектные и, следственно, без всякого употребления, а потому предписывал ему показать их к зачету к следующей приемке. Сверх того, заметили, что люди убывали в разные времена, и шинели, с ними убывавшие, не показывались под табелями, что составляло еще 421 шинель, которые ему также велено было показать к зачету, всего 672 шинели. Ответ Ладинского был написан в исходе 1822 года. Он был длинен и так запутан, что разобрать его вряд ли кто возмог бы; его-то он читал мне при первом свидании нашем в Тифлисе, ибо дело сие его весьма много занимало. 672 шинели могли стоить до 15 000 рублей ассигнациями, и хотя он, может быть, больше сего получил от одних шинелей, но ему не хотелось уплатить сего, а потому перед моим прибытием он запретил ротным командирам приказом по полку допускать сию претензию, говоря, что о сем деле идет переписка с департаментом, и надеясь мне передать свою переписку. Но, видя явную несправедливость оной, я ее не принимал, а требовал, чтобы он исполнил предписание департамента и отдал бы сии 672 шинели, об удержании коих уже было предписано Ставропольской комиссией. Ладинский не соглашался на сие и дал мне только обязательство, что если комиссариатский департамент вторично потребует сии шинели, то он обязывается их уплатить. Обязательство я взял, но с тем намерением, чтобы его

представить по начальству и прежде не выдавать Ладинскому квитанции, пока он дела сего не кончит. Сие было и мнение Копылова, который не мог даже предложить мне, чтобы я на себя взял сей значительный недостаток; между тем, претензию нижних чинов Ладинский уплатил.

И так посредники, пробыв несколько дней в Башкечете, решили сдачу хозяйственной части полка, по которой доводилось мне получить около 1000 рублей ассигнациями, взамен коих я взял кое-какие безделицы и дом, сделав сим некоторый род подарка Ладинскому. Насчет остальных предметов положили, что, по собранию сведений, я опять вступлю в сношения с Ладинским, который поедет в Тифлис, и что если бы в чем-нибудь у нас не согласовалось, то мы должны были призвать снова Копылова, уехавшего на Гамбо-ры, где находилась его бригадная штаб-квартира и артиллерийская рота.

Я продолжал смотр рот. Прежде всех смотрел я 7-ю егерскую, которая по старанию своего ротного командира была лучшая во всем полку во всех отношениях; за нею следовала 3-я карабинерная, коей настоящий ротный командир капитан Астраков, прежде сего исправный офицер, связавшись с одной женщиной, промотался на нее, стал пить, издержал артельные деньги¹⁶¹ и вооружил всю роту против себя, по притеснениям, которые делал нижним чином, по разным наговорам и кляузам. Сие дело причиной, что еще в январе месяце нижние чины не могли долее терпеть, собрали своих унтер-офицеров и послали их к батальонному командиру жаловаться. Подполковник Кулябка не умел прекратить сего возмущения. Вскоре прибыл Ладинский из Тифлиса, немедленно лишил капитана Астракова роты и поручил

ее, перед самым почти приездом моим, подпоручику Куликовскому, офицеру хорошему, но еще неопытному в сем деле; семь же человек рядовых, более других говоривших, велел перевести приказом по полку в другие роты, но не отправил их до моего прибытия.

Рота сия была большею частию наполнена людьми из 42-го егерского полка, состоявшего в корпусе графа Воронцова и находившегося четыре года во Франции¹⁶². Она была заражена духом своевольтства. Несколько дней после приезда моего в Башкечет, когда я занимался ввечеру один в своей комнате, явилось ко мне три человека из сей роты, которые были посланы от имени всех нижних чинов, собравшихся в одну казарму, с тем, чтобы довести до сведения моего, что, переводя от них людей, разоряли артель их. Выслушав их, я велел их посадить на гауптвахту, где они сидели до смотра роты. Между тем, нижние чины в роте, узнавши о сем решении моем, говорили, что затем и они все на гауптвахту пойдут, если не удовлетворят просьбе их. Видя такое дурное расположение умов и опасаясь дурных последствий, я должен был взять в начале командования моего самые решительные меры для прекращения сего и предупреждения могущих случиться подобных происшествий и в других ротах. Батальонному командиру Кулябке, виновному в сем отчасти, я велел развести роту по казармам и подослать лазутчиков, чтобы подслушать речи нижних чинов ночью. Они были беспокойны. Командирам же 7-й и 3-й егерских рот, на коих я мог более положиться, я приказал быть в готовности со своими ротами в случае тревоги. Когда настало время смотра, я кончил поутру все, кроме претензий, а ввечеру после обеда велел вывести роту в шинелях для опроса претензий.

На спрос мой, какие они имеют претензии, они отвечали, что артель их была разорена капитаном.

— Но деньги пополнены?

— Пополнены.

— Следственно, просить более не о чем.

Я спросил, что побудило их сделать столь законопротивный поступок, что они осмелились послать ко мне трех человек с жалобой, и рота сбиралась для со вещания по сему предмету.

— Артель наша разорялась уменьшением людей.

— Но вы не вправе были за сие претендовать; если б и половину роты разбили по другим, люди были переведены приказом по полку, но не были еще рассчитаны в артели и оставались в роте. Сверх того, почему вы знали о мерах, которые взяты были начальством? Такое же число людей переведено к вам.

Я велел подать приказную тетрадь и прочесть имена людей, которых в тот же день на смену выключенным из сей роты перевел из других по выбору подполковника. Нижние чины, чувствуя себя виновными, молчали.

— За чем смотрели все унтер-офицеры и капральные¹⁶³, в особенности как рота сбиралась? Как они допустили сие?

Молчание. Видя, что они уже не умели более оправдываться и что все признавали вину свою, я вызвал четырех капральных унтер-офицеров на середину и тех из рядовых, которых во время сего разговора заметил вольнее в разговорах и которым и прежде был уже у меня список, составленный подполковником. Две роты были в готовности вооружиться, если б 3-я карабинерная вздумала противиться моему суду. Кликнули барабанщиков, и вмиг вызванные рядовые были наказаны строжайшим образом, а с ка-

пральных унтер-офицеров сорваны галуны. По мере окончания наказания одного, рядовые и разжалованные унтер-офицеры отправлялись во вновь назначенные им роты, и их места заступали в роте рядовые и унтер-офицеры, переведенные из других рот, так что зрители не успели одуматься, как все уже было кончено, и в рядах своих увидели они новых людей. Дабы сделать сие еще действительнее, я отправил на гауптвахту подпоручика, командовавшего ротой, перевел его в другую и на место его тут же назначил капитана Хомутского, которому передал роту, очищенную и приведенную в порядок. Происшествие сие сделало такое влияние на нижних чинов, что они с огорчения целый день ничего не ели и плакали, стыдясь показаться на улице товарищам своим других рот, называвших их семеновцами¹⁶⁴, и с тех пор рота сия сделалась одною из лучших в полку. Разжалованных унтер-офицеров я через месяц простил и таким образом кончил дело, обещавшее дурные последствия; но при начале вступления моего в командование полком удачное наказание сие усмирило все беспокойства в других ротах, коим сия могла служить примером.

Все общество офицеров вознегодовало на Калогераса за измену его против Ладинского, которого любили и который имел дар, не теряя своих выгод, поддерживать сию привязанность самым вредным для службы средством, делая в ней разные послабления для офицеров. Он часто давал у себя балы, созывая для сего жен штаб-офицеров женатых. Он был весьма сластолюбив; с него пример снимали все офицеры, а потому разврат был в сильной степени поселен в полку, и все проматывались на женатых рекрут¹⁶⁵. С трудом мог я укротить сие, по крайней мере, дове-

сти до того, чтобы сие не делалось явно. Но балы, им даваемые, заслуживают примечания. Танцевали до упаду по музыке, в которой нельзя было и разобрать, какой танец играли. В 1-м часу ночи садились за стол, который продолжался не менее двух часов, в каковое время музыка продолжала играть штучки из опер, которые слушать можно было вменить в наказание, имеющему хороший слух. Попеременно пели певчие на церковный напев надгробными голосами различные арии и песни, так что шум сей, пение и музыка вселяли и смех, и содрогание. Песенники не терпелись на сих вечеринках; ибо полагали, что простонародная музыка сия неблагопристойна в доме и не могла сравниться с образованным пением когда-то учившихся певчих. За ужином подавали до пяти кушаний, с расстоянием получаса между каждым, дабы он длиннее казался. Иные дремали за ужином; дети женатых плакали, просясь домой спать, но были удерживаемы матерями, которые им через стол грозили. Одна бутылка шипящего вина, смешанного с поташом, дабы оно давало пену, достаточно была всем на здоровье пить. Ее подавали первым особам только, всем из одной длинной рюмки, которую он где-то достал, и то, спросивши сперва: не прикажете ли шампанского? Вино сие пить нельзя было, и бережливое и неопрятное средство сие, коим его разносили, не позволяло мне никогда, после первого раза, вкусить оно. После ужина все опять пускалось кричать до самой утренней зари, в которое время все расходились довольными. И такой бал Ладинскому едва стоил 10 рублей серебром! Балы сии часто давались у Ладинского, особливо по прибытии моем в полк; ибо он старался сим приманить к себе офицеров. Я принужден был также на оных быть. В течение нынешне-

го года*, видя, что балы сии точно иногда нужны для увеселения офицеров, я их сделал несколько, но с некоторыми изменениями и уничтожил совсем почти игру в бостон, которая была в большом употреблении в полку, заменив ее шахматной игрой.

На одном из сих балов была поднесена Ладинскому от общества офицеров серебряная кружка. Ничего не было занимательнее, как видеть сие поднесение. Подполковник, хохол, едва умеющий выразиться, принес ее к Ладинскому и малороссийским наречием сказал ему, что это от всего общества. Ладинский ожидал ее. Выслушав слова сии, должествовавшие невольным образом извлечь смех, он вынимает платок, прикладывает к глазам и представляет себя плачущим. Я подле него сидел и видел, как он совсем не плакал, а взглядывал на кружку сбоку, коей умственно измерял вес. Приподняв несколько платок, он посмотрел сбоку на меня, чтобы видеть, не замечаю ли я его лицемерства. Он не ошибся, ибо я сие движение его весьма хорошо заметил и видел явно, сколько он дорожил одним только весом серебря. Мысль сия поднести ему кружку была, я полагаю, его собственная, для того чтобы показать всем, сколько он успел заслужить любовь подчиненных. Никому из офицеров не было противно поднесение сие, но чтобы все пожелали сего, тому не верю; ибо никому не хотелось платить, все были в долгу, и до сих пор еще делают с них из жалованья вычеты за сию кружку, за которую, кроме тех двух или трех, которых Ладинский дарил деньгами, никто по своей охоте не заплатил. Кружка же имела вид лазаретной посуды. Неправильная надпись, на ней положенная,

* Т. е. уже 1824 года, в январе которого это писано. (П. Б.)

и вообще весь подарок знаменовали подражание слышанному. Офицеры большей частию в сем полку добрые ребята, но, как и во всех армейских полках, без всякого образования. Прибавить к тому, что все почти, за исключением нескольких человек, грузины, армяне, поляки и большей частию малороссияне. Подобная же суповая чашка была поднесена Ладинскому в Тифлисе от общества грузин, служивших под его начальством, участвовавших не менее того и в первом поднесении.

Надлежало нам скоро расстаться с Ладинским. Ему уже более ничего не оставалось делать в полку; он мне совершенно ничего не заплатил и был сим весьма доволен, ибо в замену неисправных вещей отдал мне другие разного рода, ему принадлежавшие.

Ладинский полагал, что он теперь в состоянии будет кончить сдачу, как ему будет угодно, и что я видел в нем доброго и честного, угнетенного человека. Он обедал у меня в день прощания, и я помирился с ним; но оба мы лицемерили: ибо я в душе презирал его. Но дабы сделать примирение сие более гласным в глазах всего общества, я подарил ему прекрасную белую бурку, привезенную мною из Тарков, которую он принял с большим удовольствием, как и всякую даровую вещь, никогда и никому не отказывая. Я был у него после того в доме при прощании. Он представлял себя рыдающим и положил несколько поклонов в землю перед образом, поручив мне прослезившихся от чистого сердца офицеров, и поехал в Тифлис. Он знал, что Алексей Петрович не велел его к себе пускать. Дабы скрыть сие, он распустил слух перед выездом своим из Башкечета, что вывихнул себе ногу, стал хромать, и так поехал. После приезда же его в Тифлис скоро пронесся в полку слух, что он посылал к Алексею

Петровичу извиняться, что не может к нему явиться: слух, распущенный им, и совершенно ложный.

Между тем, я получил предписание выслать в Тифлис батальон для занятия караулов и две роты рабочих к имеющейся там 3-й моего же полка. Я торопился окончанием смотра рот, которые должны были выступить. На другой день выезда Ладинского я отправился в Домалисы смотреть 1-ю карабинерную и 2-ю егерскую роты, там расположенные, приказав перенести все вещи мои в дом, бывший Ладинского, а ныне мой, и возвратился в тот же вечер очень поздно в Башкечет.

На другой же день едва встал, как получил отношение из штаба по летучей, коим извещали меня о воле Алексея Петровича, чтобы я с получения сего прибыл, как можно поспешнее в Тифлис. Я немедленно сел верхом, поскакал и явился на другой день к корпусному командиру. То было в четверг ввечеру, когда у него было собрание. Первые слова, при всех сказанные, были следующие: «Как ты с мошенником Ладинским управляешься? Ты кончил уже прием полка; смотри, чтобы он тебя не обманул! Это естественная каналья и плут». На другой день я был у Ладинского, которому весьма желательно было узнать, зачем меня требовали. Многие старались выведать сие от меня. Я сам не знал, для чего, но причиною сего были слова Копылова, который, возвратившись из Башкечета, очень скоро явился к Алексею Петровичу; тот спросил его, скоро ли он поедет к нам мирить нас, и удивился, когда узнал, что уже все кончено, как ему сказал Копылов, прибавив, что у нас встретилось дело одно, довольно важное, о шинелях, которое решилось обязательством, данным мне Ладинским. Сие-то и беспокоило Алексея Петровича, боявшегося-

ся, чтобы я не взял на себя сих шинелей. Он призвал меня на другой день к себе и спросил, дал ли я квитанцию? На ответ мой, что нет, он приказал мне отнюдь не довольствоваться получаемым обязательством и чтобы, если дело еще не кончено, то не иначе бы выдавал квитанцию, как когда Ладинский положит под залог какого-нибудь присутственного места деньги, которые сии шинели стоят или материалы. Я ему сказал, что я сам не мог довольствоваться пустым обязательством, на которое полагаться было нечего. Он отпустил меня, приказав быть крайне осторожным, и в свободное время поручил мне осмотреть места, на западе от Тифлиса к Цалке¹⁶⁶, через Белый Ключ¹⁶⁷. За сим позвал меня начальник штаба, который, показав мне письмо мое к Коцебу, о котором я упоминал, спросил, не открыл ли я каких важных преступлений со стороны Ладинского; но я отвечал, что плутни, мною открытые, касались только поведения его в полку и обращения со мною, что, впрочем, я ничего более не знал.

Главнокомандующий поручал мне также достать письмо руки Ладинского на грузинском языке по одному делу, недавно открывшемуся, в котором, кажется, он уличен был в какой-то важной и преступной переписке с заграничным начальством; почерк же его нужен был для сличения его с письмом. Я мог легко достать сие у маркитанта; но как сие было уже не мое дело, то предпочел удалиться, отозвавшись тем, что не имею случая достать сего, и что найдутся люди, которые, верно, лучше меня исполнят сие поручение.

Я торопился возвратиться, пробыл всего только два или три дня в Тифлисе и уехал в полк, где продолжал смотр рот и сочинение ведомостей о неис-

правностях оружейных и прочих вещей, дабы скорее кончить приемку полка.

По окончании сего дела, коим я очень прилежно занимался, тем более что я был крайне зол на Ладинского за то, что, в бытность мою в Тифлисе, узнал от достоверных двух особ (между собою незнакомых), что, прибывши в Тифлис, Ладинский вместо того, чтобы чувствовать мою снисходительность, хвалился в нескольких местах исправностью полка, им сданного, за который он ничего не придал, говоря, что если б я согласился сначала на его предложение принять полк по-братски, не входя в рассмотрение, то он бы отдал мне 5 тысяч рублей, которые у него на случай были изготовлены, но что я через свою недоверчивость к нему лишился сего. Меня сердил сей отзыв бесчестного человека, и я торопился уличить его во лжи, имея еще несколько предметов в виду, до которых посредники не касались и на которые одни только я мог еще считать.

Прежде выезда моего из Башкечета я отправил требуемые начальством батальон и роты около половины апреля месяца, после чего оставалось в штаб-квартире только четыре роты, из коих одна почти совсем была раскомандирована на укомплектование прочих; одна рота еще была на Цалке, остальные же все находились в Тифлисе.

В исходе апреля я прибыл в Тифлис и прежде всего старался об отправлении туркмена Якши-Мегмеда, который по-пустому жил у нас и тосковал по своей родине. Мне едва удалось сие, не потому, чтобы его задержать хотели, но потому единственно, что все откладывали без всякой причины отправление его. По прибытии в Тифлис я показал ведомости свои начальнику штаба; они простирались на 12 тысяч рублей. Вельяминов убавил кое-какие безделицы из

них, а остальное велел настоятельно требовать от Ладинского. После сего я поехал к Ладинскому и показал ему сперва счет одним ружьям. Он согласился и в тот же день хотел уплатить деньги, ибо сумма весьма незначительна; но вопреки своему обещанию он два дня не платил и все требовал дальнейших расчетов, если бы они были. Наконец, видя, что с ним нет способа что-нибудь сделать, когда дело шло о получении с него денег, я ему показал общий итог, в коем заключались и претензии нижних чинов. Он ужаснулся.

— За что, за что, — сказал он с жаром, — я буду вам платить? Мы уже все кончили.

— Конченного я не трогаю, — отвечал я, — из сих статей еще ни одна не была рассмотрена.

— Не заплачу, ни за что не заплачу, — сказал он, — буду просить начальника штаба.

— Заплатите, — отвечал я, — и не будете утруждать начальника штаба. Я сейчас от него: он уже рассмотрел сии ведомости, убавил из них, что следовало, и остальное приказал непременно от вас истребовать.

При сих словах он замолчал, бросая на меня подлобные взгляды, в коих изображались злость и желание мстить; но чувства были одолены робостью, ему свойственной.

— Так как вы не намерены платить, — сказал я, — то приемка полка еще долго продлится, ибо мы теперь вступим в переписку о каждом предмете особенно. Шинели же, коих недостает шестьсот семьдесят две, вы также обязаны по воле начальства или отдать в полк, или положить в залог в какое-либо присутственное казначейство деньгами или материалами. Обязательство же, мне данное, на которое ни я, ни посредники не могли никогда согласиться, возвратится вам, как совершенно ненужное мне.

Уже три месяца я щадил человека сего, во уважение слабости его и угнетенного состояния, в коем он находился, перенося с терпением все мерзости, которые он мне наделал. Мы вступили в переписку по шинелям. Так как он удостоверился в том, что я действовал по воле начальства, то согласился отдать материалы сии в залог в комиссионерство¹⁶⁸; но Алексей Петрович приказал, чтобы на концах сукна положены были печати полковые и чтобы комиссия, мною наряженная, освидетельствовала доброту сих вещей; комиссионерство же, коего управляющий Виноградский был большой приятель Ладинскому, по наущению его, не согласилось на сие.

Другое дело также тянулось уже долго. Так как, по мнению посредников, оставалась часть зачетной суммы в расписках, а часть была им уплачена, то он хотел воротить деньги сии и, при требовании моем в мае месяце жалованья, комиссионерство показало уплаченные долги офицеров, взятыми из оногo и удержало их, отдав деньги Ладинскому. Незаконный поступок сей доставил мне новые хлопоты. Долги иных превосходили их третное жалованье, следственно, оно удерживалось со всего полка и с других офицеров. Давать денег взаймы офицерам комиссионерство не было вправе, потому что имелось отношение бригадного командира не верить офицерам в долг; да еще, сверх того, я знал, что деньги сии были у Ладинского взяты. И потому я приказал приемщику не принимать жалованье, вступил в переписку с комиссионерством и получил отпор. Я принужден был донести о сем корпусному командиру, который предписал комиссионерству выдать жалованье офицеров сполна и не мешаться в мои расчеты с Ладинским. Виноградский, вместо того чтобы исполнить приказание кор-

пусного командира, медлил и, наконец, послал ему рапорт, в коем он подводил разные законы для утверждения права его сделать сей вычет, тогда как он его нисколько не имел. Алексей Петрович, рассердясь, изорвал рапорт сей и, призвав секретаря, разбранил его и приказал немедленно отпустить мне полное жалованье, что и было на другой же день исполнено, и по получении жалованья я немедленно возвратил Ладинскому долги офицеров и сказал ему, что напрасно только заводил он разные вздоры, заставляя за себя ссориться со мною коммиссионерство, и что он всегда мог сии деньги от меня получить, не вмешивая в дело сие посторонних людей самым незаконным и неправильным образом. Сие обстоятельство, однако же, поссорило меня с Виноградским, который не упускает до сих пор случая делать мне всякие прижимки.

Дело мое с Ладинским принимало весьма продолжительный вид. Так как он уже обещался по некоторым статьям уплатить, но не исполнял своего слова, то я принужден был взять другие меры, тем более что до оных он не соглашался и на залог, который должен был оставить за шинели. Он продавал дом свой, выстроенный в Тифлисе солдатами моего полка, за 7000 рублей серебром, и уже совершил купчую. Я по приказанию начальника штаба подал ему рапорт о сем, прося остановить продажу сию до окончания сдачи. На дом наложили запрещение, и на другой же день он начал сдавать полк. Мере сию не назыву похвальной; она меня долго мучила, и тотчас после подания сего рапорта я в оной раскаялся; но, с другой стороны, я оправдывал себя тем, что имею дело с человеком богатым, запрещение на продажу дома коего для него ничего не значит, ибо он легко мог удовлет-

ворить моим требованиям, делаемым по справедливом исследовании начальства. К тому же я помнил все мерзости, им мне делаемые, и ложные слухи, распущенные им, так же как и о 5000 рублей, неуплатой коих он хвалился, вместо того чтобы мне быть благодарным за мое снисхождение. Ладинский не был из числа тех людей, с коими бы можно было разделаться оружием: приказная душа его знала одни только ябеды, и потому я утешал себя в сей мере, мною взятой по необходимости и противной моим правилам; но не менее того меня сие мучило, пока я деньгами не отплатился за сие.

В самое то время явился защитник Ладинскому. Генерал-майор князь Горчаков, некогда командир 41-го егерского полка, имел при сдаче сего полка подполковнику Авенариусу посредником Ладинского, и сей последний облегал ему сдачу сию, как говорят, обманув Авенариуса. За сие ли Горчаков ему был благодарен или за другое что, мне неизвестно; но он взялся быть ходатаем за Ладинского и приехал однажды ко мне.

— Хотите ли, — сказал он мне, — чтобы я был посредником между вами и Ладинским? Я пользовался некогда вашей доверенностью и надеюсь, что и теперь не откажете мне в оной. Каков бы ни был Ладинский, я имею свои причины любить его как брата и считаю уже себя вправе заступиться за него потому единственно, что за него никто не заступается.

Я знал Горчакова за благородного человека; но знал также, что он был в числе ослепленных Ладинским людей. Видя, однако же, его открытый приступ, я согласился на его посредничество, и в тот же день мы кончили в течение двух часов все почти статьи, которые я убавил по просьбе Горчакова, уговаривав-

шего меня снисходить угнетенному человеку. Сколько я ни старался уверить Горчакова, что сей человек уже раз представлялся таким же униженным передо мною после наделанных мерзостей, что я ему простил и уважил его положение, кончив с ним безденежно там, где мне следовало бы с него получить; что за сим он оказался неблагодарным и хвалился сдачей полка, распуская разные нелепые слухи на мой счет, что он не заслуживал никакого снисхождения: но Горчаков просил меня уважить, если не Ладинскому, то, по крайней мере, ему, и мы спустили все статьи до 6500 рублей ассигнациями, в том числе и на 1500 рублей ассигнациями претензий нижних чинов на Ладинского по не выданным от него деньгам за переноску шинелей. Оставалась одна статья о киверах, на которую мы не соглашались: я придерживался мнения начальника штаба требовать, чтобы все кивера, хотя они и выслужили срок, были в каком бы то ни было виде налицо (а их не доставало более 500); Горчаков уверял меня, что требование сие несправедливо и что начальник штаба не знал сего рода дел. Мы решились на сей случай избрать Базилевича посредником между нами; Горчаков в ту же минуту к нему поехал и возвратился с ответом, что Базилевич на его мнение согласен; я тотчас изъявил и свое согласие уступить Ладинскому сию недостачу.

Окончив таким образом, Горчаков просил меня тут же выдать квитанцию в приеме полка; но я на сие не согласился, не получив денег от Ладинского, потому что знал его бесчестность, и он легко мог от сего отказаться по получении квитанции. Горчаков ручался за него; но я знал Горчакова несколько ветреным и потому сказал ему, что, имея дело с Ладинским, я не хотел иметь ни с кем более расчета. Горчаков торо-

пился для того, чтобы сняли запрещение с дома Ладинского и, видя мою настойчивость, на другой день привез мне деньги 6500 рублей ассигнациями.

— Кончено ли теперь? — спросил он у меня.

— Нет, — отвечал я, — прежде всего вот вам тысячу рублей из привезенных вами, которые отдайте обратно Ладинскому; он хвалился, что обманул меня на пять тысяч; вот они, я их у себя оставляю. Скажите ему, что со мною не годятся такие поступки; без возвращаемой ему тысячи я обойдусь, и сии остальные да послужат ему наказанием. Вы сами видите, впрочем, умеренность мою: из сих денег полторы тысячи следуют нижним чинам, а затем остается у меня только четыре тысячи рублей, и это все, что я взял за полк.

Горчаков отвез деньги Ладинскому, который их принял с благодарностью и слезами, а я считал себя сим поступком очищенным от поданного мною рапорта о наложении запрещения на продажу дома Ладинского.

Горчаков не переставал просить у меня квитанции, но я еще не мог выдать ему оной: в полковой канцелярии недоставало многих бумаг, особливо по части комиссариатской. Бумаги сии были увезены Ладинским, может быть, для сокрытия неправильных требований и отпусков, которые делались. Я не мог верить справедливости табели, им мне переданной, после всех обманов его. Третье же дело, препятствовавшее выдаче квитанции, было дело о шинелях, еще не конченное. Сукно было им занято у П. Н. Ермолова в Грузинском полку; но Алексей Петрович не велел принимать, не освидетельствовавши доброты оного и не положивши печатей. Горчаков, дабы скорее кончить посредничество свое, просил меня зайти с ним к

корпусному командиру, который решил, что бумаги должны быть отданы мне, для поверки табели выписать из Ставропольской комиссии отосланную Ладинским в начале года туда табель, а по делу о сукне велел продолжать по прежнему приказанию его.

За сим я получил некоторые бумаги, но не все. О табели начальник штаба послал предписание по летучей в Ставрополь, а по третьему делу комиссионерство Тифлисское не допускало к наложению печатей наряженную мною комиссию.

Горчаков снова просил меня сходить с ним к корпусному командиру, который спросил, в чем дело стало. Я ему сказал, в чем была остановка. Горчаков, недовольный моим отзывом, с жаром отвечал мне в присутствии главнокомандующего, что я не хочу сим дело кончить и тем только задерживаю его отъезд в Имеретию (куда он был назначен управляющим и бригадным командиром).

— Поезжайте, — отвечал я ему рассердясь, — кто вас держит? Мне в вас никакой надобности не предстоит; я обойдусь без вас весьма хорошо.

Горчаков готовился мне возразить, как Алексей Петрович, видя, что дело может далее идти, остановил нас и, обратясь к Горчакову, сказал ему, что он заступает за бездельника, а потом ко мне, сказал:

— А вы, сударь, поступаете как крючок; вы не отвечаете за пропавшие бумаги, которые можно поместить недостающими в квитанции; за доброту сукна вы также не отвечаете, если комиссионерство приняло оное, и не для чего вам своих печатей класть на половинки.

Меня взорвало сие выражение, и я готов был отказаться от полка и службы после сего несправедливого упрека, но вспомнил, что полк уже принят и в

угождение ему же так дурно принят, что я не в состоянии был его сдать; вспомнил также, что домашние обстоятельства не позволяют мне оставить службы. Я почувствовал оковы, которые носил, и довольствовался ответом ему, что я поступал по его приказаниям и ни в чем от них не отступал.

— В чем у вас дело стало? — продолжал он другим голосом.

— Оно стало только в тех предметах, до исполнения коих вы не велели выдавать квитанцию; а вы, князь (обращаясь к Горчакову), не знаю, зачем вы попустому утруждаете его высокопревосходительство по предметам, уже им решенным.

Алексей Петрович снова приказал, чтобы не выдавать квитанции до получения и поверки табели; но я, пришедши домой, призвал отставного поручика Кащеева (жившего с Ладинским и бывшего у него прежде полковым адъютантом) и просил его написать квитанцию. На другой день поутру я подписал ее, не дождавшись присылки табели и не налагая уже печатей на сукно, о получении коего в залог я известился отношением из комиссионерства.

Сие было 24-го числа мая. Я поехал с рапортом о совершенном принятии полка к Алексею Петровичу, заехав по дороге к дому Ладинского и, вызвав человека, отдал ему квитанцию для вручения Ладинскому; а сам подал рапорт главнокомандующему. Он не ожидал сего, был чрезвычайно доволен мною, обнимал меня, называл поступок мой благороднейшим, изливался в самых жестоких выражениях на счет Ладинского, говоря, что он предупредит министра, чтобы этому мошеннику не давать никакого места. Но всего сего было недостаточно для меня: я помнил и помню до сих пор первое выражение его и как скоро

буду обеспечен со стороны сдачи полка, приведу ему слова сии и получу или явное сознание в его вине, или оставлю службу под его начальством.

До выезда моего из Тифлиса я довольно часто виделся с корпусным командиром, и он везде и при всяком свидании со мною обнимал меня и старался ласками загладить свой поступок; но я все еще не мог забыть его и сказал о сем Базилевичу и Тимковскому. Первый советовал мне дело сие так оставить, разве только при удобном случае напомнить ему о сем; но сего случая еще не представлялось. Главнокомандующий был у меня в гостях в течение лета, случай был очень удобен; но я совестился его огорчать, тогда, как он у меня гостил.

Василий Федорович Тимковский, старый знакомый мой, той весной прибыл в Тифлис для служения под начальством Алексея Петровича. Он имел чин статского советника и был вызван главнокомандующим, дабы находиться при нем по особым поручениям, но жил без всякого дела. Человек сей, весьма умный, честный и исполнявший по Министерству иностранных дел весьма важные поручения в России, склонился на повторенные просьбы Алексея Петровича и приехал, был им обласкан, но не получал никакого почти дела для обрабатывания. Я, пользуясь его приятию и доверенностью, сообщил ему полученное мною неудовольствие; он брал живое участие во всем, до меня касающемся. Полагаясь совершенно на правоту его чувств, я утешался тем, что он одобрял и хвалил поступки мои.

По выходе от Алексея Петровича я прямо поехал к Ладинскому и застал его притворяющимся несчастнейшим и испускающим на днях дух человеком: он говорил, что болезнь на днях прекратит дни его и сни-

мал образ со стены, уверяя, что у него денег нет. Я выслушал его. Он благодарил меня за квитанцию. В заключение нашего дела он просил меня принять жеребца, но я не принял сего подарка и сказал ему, что возьму несколько улей пчел его, коих он до 700 имел на Башкечете и, продавая по дорогой цене воск в полковую церковь, а мед в Тифлисе, получал от сего до 2000 рублей серебром доходу в год. Я не для того желал их иметь и просил их только семь. Он мне их отдал и когда к осени они размножились до 21 улья, то я подарил их в женатую роту, для поддержания несчастных жен рекрутских, не имеющих, чем содержать себя.

Перед отъездом моим обратно в Башкечет Алексей Петрович спрашивал меня о Белом Ключе. Не успев за приемом полка и множеством дел осмотреть сие место, я не мог доставить ему удовлетворительных сведений. Он был несколько недоволен сим, но мне невозможно было двумя делами в одно время заняться.

Выехав из Тифлиса в последних числах мая или в первых июня я поворотил из Код направо, проехав через немецкую колонию Екатеринфельд¹⁶⁹ и, прибыв в казачий полк генерал-майора Власова, расположенный на Алгетке¹⁷⁰, где взял обывательских проводников и урядника Власова (брата двоюродного генерала), знавшего хорошо места, следовал через Цымскую на Белый Ключ и там остановился ночевать и смотрел местоположение, которое я нашел весьма удобным для поселения полка. На другой день я переправился через Алгетку и, осмотрев разоренный монастырь Манглис¹⁷¹, Кульгутинский казачий летний пост и все окрестности того места, нашел их также удобными для поселения полка.

Подробное описание, которое я им сделал, хранится в записках моих по описанию Грузии. Упомяну только о разоренном монастыре. Огромное здание выстроено из большого тесаного камня, на котором высечены самые мелкие украшения в большом количестве; свод купола высок и весьма искусно сделан; живопись еще сохранялась весьма хорошо на внутренних стенах здания, состоящего, кроме главной церкви, из нескольких малых приделов, отработанных с одинаковым тщанием мелкой резьбою на разноцветных камнях. Все здание еще довольно крепко, хотя одна стена несколько и подалась наружу. Недавно еще на церкви сей был железный крест, который неизвестно кем снят. В стороне от церкви видны развалины келий монашских и каменный желоб, по которому была проведена из-за ограды монастыря из родников вода. Ограда каменная с бойницами, с четырьмя башнями по углам и одной с южной стороны над выездом. Она несколько уже развалилась; в одной из угловых башен видны жернова, принадлежавшие к маслобойне, а поблизости ограды следы жилья. По стенам здания и над воротами высечены надписи на грузинском языке, которые мне некому было поручить разобрать. В окрестностях Манглиса, покрытых прекрасными сосновыми рощами, находилось несколько деревень, коих церкви и теперь еще целы. Места сии не более 60 или 70 лет как оставлены жителями по причине частых набегов ахалцыхских лезгин, во времена царей грузинских. Они были после того весьма небезопасны от скрывающихся всегда там хищников, приезжавших даже на разбой в самые сады Тифлиса; но ныне все сие прекратилось, и недостает только рук, дабы прекрасные места, одаренные всеми богатствами природы, снова процветали.

В тот же день я прибыл на Беденский пост¹⁷² (в проливной дождь и бурю), где остановился ночевать, выехал опять на дорогу, ведущую к Цалке, а на другой день прибыл в крепость Цалку, лежащую близ границ турецких. Там расположена была 6-я егерская рота моего полка, коей командовал, а также наблюдал за границами штабс-капитан Григорович. Там я составил вчерне описание обозренных мною мест и следовал обратно в Башкечет, но прежде заехал в Шиндляры¹⁷³, в полк казачьего полковника Григория Алексеевича Сергеева, где и оставался ночевать, а на другой день объездил все урочище, называющееся Гумборетши, где также находится много развалин селений и городов. На Гумборетшах селилось в прошлом году пять деревень, и места сии, богато одаренные природой, обещают также изобильные плоды трудам жителей.

По приезде на другой день в Башкечет, я составил подробное описание виденных мною мест и послал оное к Алексею Петровичу, который в то время находился на Мухравани, в Грузинском полку, на празднике у П. Н. Ермолова. Он был столь доволен, что написал ко мне письмо, коим благодарил меня в самых лестных выражениях за мой труд, говоря, что если б он более имел мне подобных помощников, то ему бы во многом облегчились его занятия. Я полагаю, что причиною сей благосклонности было отчасти намерение загладить вину свою против меня. Между тем он вызывал меня в Тифлис, дабы сделать ему маршрут к личному обозрению сих мест, намереваясь посетить и Башкечет и желая получить от меня различные изустные сведения о дорогах. По прибытии моем в Башкечет, я застал шесть орудий роты подполковника Флиге, которые еще 25 мая пришли

сюда из Зиякур, из Дагестана. На место их шла туда из Караклиса¹⁷⁴ рота бывшая Вахрущева, ныне капитана Берга, которая пришла также на лето для продовольствия своих лошадей в Башкечет.

В начале июня я уехал в Тифлис; но, желая открыть еще новые места, я поехал верхом по новым дорогам. По получении письма Алексея Петровича я отправился немедленно в ночь в Шиндляры к Сергееву в полк и пригласил его на другой день со мною вместе ехать. Мы выехали вместе на другой день, в намерении отыскать прямую дорогу на Белый Ключ, а оттуда уже прибыть к ночлегу на зимовник Власова полка. Спустившись в глубокое ущелье, по которому течет река Храм¹⁷⁵, и переправившись через оное, мы поднимались часа два в гору, дабы выйти на противолежащий берег сего ущелья, лесом без дороги, да и в дождь, и прибыли к разоренной церкви, в которой жило или кочевало одно армянское семейство в лесу. Мы взяли проводника, который не знал дороги, и заехали в густой лес, в коем заблудились, и перед вечером уже, утомивши лошадей, едучи по крутым горам без дороги, попали на дорогу, ведущую от Белого Ключа к Беденям. Отдохнувши с полчаса, мы спустились с гор в ущелье, в коем течет речка, на которой находится зимовник, и темная ночь застала нас в пути.

Сергеев, который впереди был, уехал и сыскал зимовник; но я заблудился, ибо настоящей дороги не было, а только тропинки, едва заметные днем, а ночью совсем не видные. Я с трудом попал на зимовник, где нашел Сергеева, ожидающего меня у огня. Путешествие другого дня было еще неудачнее для нас. Мы хотели открыть прямую дорогу от Манглиса или Кульгутинского поста к Тифлису. Лошади наши были

изнурены от прошлого дня, в который мы проехали близ 80 верст. Приехавши на Кульгутинский пост, отсюда следовали мы вершиною горы к Тифлису по бывшей старой повозочной дороге; но расстояние было велико, и после 35 верст езды мы прибыли перед вечером на Каджоры¹⁷⁶, к находящейся там казачьей резервной команде, где отдохнули около получаса и перед сумерками поехали к Тифлису, спускаясь с гор. Сергеев уверял меня, что знал твердо остаток сей дороги, и потому он ехал впереди, указывая оную. Когда уже было совершенно темно, так что дороги нисколько не было приметно, мы вдруг увидели под ногами своими множество огней и узнали Тифлис. Предполагая, что мы должны находиться на краю скалы или пропасти около города, но на какой именно не догадываясь, мы несколько спустились по каменному утесу, ведя в поводу лошадей своих, и прибыли к каменному мосту через быструю речку, текущую водопадом по ущелью, в коем мы находились; и тут узнали, что мы, сбившись с дороги, подъезжали к городу со стороны дома главнокомандующего, оставляя его несколько левее, около загородного дома Авессалома Бебутова.

Никто из нас не бывал в сем месте, хотя оно и хорошо видно из города. Мы видели прежде сей каменный мост, ведущий с одного утеса на другой; знали, что он давно уже почти совсем разрушался и не знали, ходят ли по нему еще. Не желая, однако, воротиться, мы решились перейти его. Под ногами у нас была ужасная пропасть. Мост, коего многие камни отвалились, едва имел аршин в ширину, был без перил и в одном месте совсем почти перервался. Мы перешли его благополучно с большой опасностью, и тут застал нас проливной дождь. Мы находились на

каменной площадке, на которой едва умещались с лошадьми, имея с правой стороны утес, а с левой пропасть без всякой почти возможности поворотиться, и стали спускаться. В нескольких местах лошади наши и мы сами спускались скользком в сторону по каменным плитам, останавливаясь только у камней, которые встречались, и наконец прибыли к такому месту, от которого не находили более средства далее идти. Мы решились оставить лошадей одних искать дороги, испытывали спускаться во все стороны и были влекомы сыпущимся под ногами хрящом вниз, так что с трудом могли опять возвращаться к прежнему месту. Стали кричать и просить помощи, но никто не отзывался. В одном из сих путешествий под гору, где мы катились по хрящам, Сергеев полетел было совсем с обрыва, но, задевши крючком портупей своей за камень, остановился и сим только спасся. Я был счастливее и попал на текущую в небольшой канаве воду. Вспомнив, что жители тифлисские по сей горе проводят воду в сады свои, я пошел по воде, следуя всем извилинам канавы и боясь выступать на сушь, дабы не потерять пути сего. И мы прибыли таким образом к дому Авессалома Бебутова, где остались отдыхать и просили его послать людей с фонарями за лошадьми нашими. Когда лошадей наших привели, мы въехали в город и прибыли на квартиру уже часу в 1-м или 2-м ночи, все вымоченные и усталые. Спуск сей с горы, сопряженный с большой опасностью, продолжался около трех часов, на расстоянии какой-нибудь полуверсты.

На другой день, явившись к Алексею Петровичу, я рассказал ему о виденных мною местах и, назначив ему маршрут, оставил в Тифлисе Сергеева для провожания главнокомандующего, а сам дня через два

поехал на Белый ключ для встречи его. Путешествие его имело целью осмотр мест к избранию нового места для перенесения из Башкечета штаб-квартиры моего полка, а из Квеши 41-го егерского, и первую встречу ему я должен был сделать на Белом Ключе.

Для сего, перед выездом моим из Башкечета, я дал предписание штабс-капитану Золотареву выступить вслед за моим выездом с 7-й егерской ротой и идти прямою дорогой на Белый Ключ, расставив оттуда по дороге к Цалке и в Тифлис для конвоирования Алексея Петровича команды с офицерами. Подпоручика Куликовского послал я с обозом через Квеши на Белый Ключ; с ним были посланы почти все полковые подъемные лошади и запасы вин и всяких вещей. На Белом Ключе к приезду моему был уже устроен лагерь. За первым рядом одного, устроенным для команды, были поставлены большие балаганы, накрытые травой и цветами, для корпусного командира и его окружающих; первый ряд палаток для службы, а четвертый, примыкающий к лесу, заключал обоз, походную кузницу, лазарет, маркитанта и склад для 16-дневного продовольствия войск. Место было прелестное, погода ясная, и лагерь сей представлял вид прекрасный. Тут я ожидал Алексея Петровича, который через три дня прибыл.

Его встретил первый, за шесть верст от Белого Ключа, у начала леса, подпоручик Клименко с 30 человеками, которые по приезде его присоединились к роте. Он был очень доволен сими приготовлениями. Для обеда был сделан особый балаган. Вино донское лилось там без остановки; окружающие его едва ли где воду пили во все время: ибо на всяком месте, где главнокомандующий ни слезал с лошади, был подан завтрак. Посуду и все принадлежности к сему я имел

только в самом малом количестве, не заведясь еще ничем по новости. Я должен был везде поспеть, дабы принять его хорошо, в ущельях и лесах, далеко отстоящих от моей штаб-квартиры. Свита с ним была многочисленна и любила повеселиться. Я старался всем угодить, и, казалось бы, что недовольных между ними не должно было быть. Для подъема с одной станции на другую выходило до 75 лошадей. С Алексеем Петровичем приезжали: генерал Трузсон, инженерный, два адъютанта его Воейков и Талызин, свитский капитан Жихарев, переводчики, многие другие чиновники и прислуга.

В тот же вечер Алексей Петрович осмотрел окрестности Белого Ключа, которые ему очень понравились, и по возвращении он стал говорить мне о перенесении штаб-квартиры моего полка. Я всячески старался доказать ему неудобства сего, но он все оспаривал; остановился, однако, когда я ему сказал, что перенесение сие может произвести значительный побег между нижними чинами, но не отступил от своего намерения. Вечеру весь лагерь и окрестности были иллюминированы. Я просил его остаться еще на другой день для отдыха; он согласился, но после просил меня возвратить ему данное обещание, потому что ему было много дела.

На другой день он собрался ехать к Манглису. Спустившись с горы, он поднялся на возвышение, с которого виден был монастырь и все окрестности. День был жаркий, он утомился и не поехал через Алгетку, а, осмотрев место в зрительную трубку, приехал на зимовник, куда уже выставлена была команда с офицером для встречи его. К ней вскоре присоединилась пришедшая из Манглиса, и тут расположились ночевать в выстроенном так же лагере.

На третий день поехали к Цалке, обоз же прошел прямо через Бедени к Цалке. День был жаркий, места открытые и единообразные, переход большой, и он сердился во всю дорогу. На другой день он, кажется, дневал на Цалке и в сей день поехал осматривать границы. Голые места и безлесье его сердили; ничем ему нельзя было угодить; он не хотел ехать по дорогам, которые ему указывали, выбирая самые дурные, или, лучше сказать, попадал на них по незнанию места и выезжал на возвышения, с коих не открывались ему те горы, которые он видеть хотел. Сердце его не прежде прошло, как по возвращении в крепость, и тут он становился опять любезен и весел по-прежнему.

Переночевав другой раз в Цалке, он отправился до света к Гуссейн-ханскому посту. Дорогою он был столько сердит на пашни, в нескольких местах находящиеся, и на мух, беспокоивших его, что остановился на половине дороги и решил назад в Тифлис ехать. Едва я его уговорил не отменять посещения Башкечета. Он поехал к Гуссейн-хану; но, видя, что он не переставал сердиться, все отстали от него и предали его мухам, которые его беспокоили не более прочих. Заметя сие, он позвал меня, и вскоре открывшаяся прекрасная равнина моих сенокосов развеселила его.

Гуссейн-ханский пост, на коем полковник Сергеев изготовил ему завтрак, все поправил. Он отдыхал тут около часа и, отпустив меня в Башкечет, сам поехал к Сергееву в Шиндляры, где и заночевал, а на другой день приехал поутру в Башкечет. Подполковник Авенариус, вытребованный им через меня, еще когда мы были на Цалке, и полковник князь Севарземидзев, командир Тифлисского пехотного полка, приехали также встречать его в Башкечете. Он пробыл в Баш-

кечете около трех дней и 29-го числа, в полковой праздник Петра и Павла, был довольно весел. Одно слово только им сказанное все испортило для меня. Принимаясь несколько раз разговаривать о Манглисе, который он назначил для моего полка, он старался уверить меня в пользе сего переселения. Видя, что представления мои мало действовали, я решился уже более не противиться его мнению и, желая уверить его, сколь все будут стараться об исполнении воли его, сказал ему, что я, все офицеры и нижние чины в возложенной на наш полк работе увидят обязанность свою, которую потщатся исполнить с усердием, и что сверх того все, и я в особенности, с большим удовольствием приступим ко всякому делу, ему угодному.

— Я полагаю, — отвечал он мне, — что и обязанности вашей достаточно бы для сего было.

Я замолк, не зная, чему приписать такое изречение, к коему я повода не дал; но он, почувствовав ошибку свою, старался ее загладить ласками и не показывал мне ни малейшего неудовольствия. Трудно было угодить сему гостю, который, под названием простого солдата, в обращении имеет множество прихотей особенного рода, которые не всегда удается угадать и выполнить.

Я не пропустил спросить его о деле, о коем ложные слухи, распушенные Ладинским, касались меня. Корпусный командир давно уже предупредил меня, что Ладинский услал в прошлом году, под предлогом отпуска, нижних чинов со своим обозом в Россию. Опасаясь, чтобы он еще не взял людей с собою (так как уже при мне несколько примеров было, что ротные командиры давали ему оных), я просил коменданта взять меры, чтобы ни выпускали с ним при отъ-

езде его за город солдат. Не знаю, что комендант приказывал по сему и что случилось; знаю только, что в полку распущен был слух, будто Ладинского самого не пускали за город и что он просил дежурного штаб-офицера, полковника Нагаткина, доложить о сем Алексею Петровичу; что сей последний извинился перед ним в том, говоря, что он никогда такого приказания не отдавал; что, при прощании их, корпусный командир сказал ему, что узнал ошибку свою, но поздно, что ему ныне известны стали правота и все способности Ладинского, что он искренно сожалел, что отпускал такого человека, которого более не сыщет в корпусе, что он был мною весьма недоволен и, расставаясь с Ладинским самым дружеским образом, далеко провожал его.

Я спросил Алексея Петровича, справедливо ли сие. Он мне отвечал:

— Если ты мне бы не стал верить, любезный Муравьев, то вот адъютант мой Талызин, которого я поставил за ширмы в то время, как я принимал Ладинского, для того чтобы он знал, и был бы известен прием, который я ему сделал. Я ему, — продолжал он, — показал-то всего две бумаги, по которым ему надобно было солдатом быть, и показал ему, сколько я его пощадил. Вот весь прием мой, после которого он ушел и выехал из Тифлиса.

Я не хотел также пропустить случая наградить адъютанта своего Артемовского за все труды его, кои были велики во все время принятия мною полка и во время частых отсутствий моих, в кои я поручал ему все управление хозяйственной части, что он выполнял с деятельностью и старанием. Преданность его к прежнему его начальнику, предместнику моему, нравилась мне, и если он сделал некоторые ошибки про-

тив меня, то я приписывал их к молодости его, не переставая видеть в нем хорошего офицера и честного сослуживца. Я просил Алексея Петровича наградить его чином, но в сем мне было отказано; я просил перстня, но не получил никакого решительного ответа, и потому отложил настаивать на сем до другого времени. Между тем Алексей Петрович спросил меня о поведении одного офицера, прапорщика Рузе, который, не будучи уже однажды аттестован Ладинским, был обойден в производстве и теперь, так же не быв аттестован, мог быть выключен из службы. Поступок Ладинского в сем случае был справедлив, ибо Рузе точно наделал мерзостей и при мне также ознаменовал дурное свое поведение. Но, видя желание Алексея Петровича, который спросил меня, стоит ли он того, чтобы его обстоятельства поправить, я подал рапорт, в коем доносил об исправлении его. Он был представлен и получил недавно чин подпоручика, но не перестал себя дурно вести и мало подает надежды к исправлению себя.

На другой день после полкового праздника Алексей Петрович хотел выехать до света и приказал накануне, чтобы в 3-м часу утра все было готово. Я с вечера взял для сего все меры и, мало будучи знаком еще с деятельностью подчиненных своих, избалованных негою предместника моего, тем только умевшего показать звание свое (ибо он был из самого низкого состояния), не полагал, чтобы не исполнились в точности мои приказания. 30-го числа я встал вскоре после полуночи, мало отдыхая во время следования Алексея Петровича, ложащегося очень поздно и встающего чрезвычайно рано; ибо я должен был в сие короткое время отдыха его сделать все нужные распоряжения для другого дня и встать ранее его. Но все

спало, некого даже было послать, чтобы разбудить людей на конюшне; дежурный спал, все молчало, все было тихо. Раздавался только голос Алексея Петровича, который требовал лошадей, и никто ему не отвечал. Он сел раскладывать гранпасьянс, скрыв неудовольствие свое, и через час или полтора, когда собрались уже окружающие его, видя, что еще ничего не готово к отъезду его, он вышел, разбранил адъютантов своих, велел подать себе верховую лошадь свою и поехал один. Казаки, обоз его, дрожки, все оставалось. Досадуя на всех, я переловил нескольких суесящихся и перепорол их. За сим все тронулось; вмиг обоз, дрожки, все было заложено; но, к несчастью, лошади в дрожках главнокомандующего стали бить; надобно было их снова переменить, и все понеслось во весь дух за ним. Он был уже далеко; однако едва успел он подняться на Мокрую гору, следуя к переправе Джелал-Оглу через Каменную речку, как все нагнало его. Севарсемидзев, дожидавшийся его с 30 курдами за мельницами, встретил его и провожал.

Отправивши всех, я сам последний выехал из Башкечета и за мельницами встретил штаб-офицеров своего полка, которым с вечера еще приказал пораньше встать, вывести роты и проводить Алексея Петровича. Роты не были выведены, они поехали поздно и, не нагнав его, остановились дожидаться меня. Встретив меня, подполковник Кулябка просил позволения воротиться, говоря, что главнокомандующий уже очень далеко и что его нагнать нельзя. Видя лень их и беззаботливость, я их отпустил, а сам поскакал на Мокрую гору, где и нагнал Алексея Петровича. Подъехав к нему, я просил его не сердиться на своих адъютантов, которые нисколько не были виновны в сем, взял всю вину на себя и сказал, что если

мне бы хотя две недели удалось пожить в полку, то истребил бы сию беспечность и не подвергся бы вперед такой неудаче через упущения своих подчиненных, но что, будучи нов в полку, я еще не успел ввести должного порядка, тем более что все находился в откомандировках. Он смеялся, шутил и говорил мне, чтобы я не беспокоился о таких безделицах. На завтраке же, приготовленном мною верстах в 20 от Башкечета, в горах, в расставленных палатках, он совсем развеселился и совершенно забыл неудачный выезд свой из Башкечета. На бывшем Джалкинском казачьем посту он переменял лошадей и далее следовал к Каменной речке, будучи встречен казачьим подполковником Афанасием Алексеевичем Сысоевым, который командовал полком, расположенным при Каменной речке. На Джалке же была выставлена конвойная команда с офицером из моего полка, которая по проезде его воротилась. Лошади мои довели его в сей день до изготовленного ему лагеря подполковником Авенариусом. Авенариуса не было при нашем прибытии, но он вскоре приехал из Лорийского лагеря, где находился с полком для избежания летом жары квешинской. Алексей Петрович был очень весел. Я ночевал с ним в палатках и на другой день, июля 1-го числа, простившись с ним, поехал обратно в Башкечет, а он продолжал путь свой через Лори в Караклис.

В тот же день утром я приехал домой, будучи, признаться, весьма доволен, что сбыл такого гостя, не столько его, как всю свиту его и прислугу. Путешествие сие стоило мне близ 2000 рублей ассигнациями, что было для меня весьма накладно в начале командования полком. По возвращении в Башкечет собрались ко мне все господа. Я был очень недоволен

нерасторопностью многих при отъезде Алексея Петровича, сказал им, как он был снисходителен за сие упущение, некоторых, более виновных, побранил; а так как подполковник из первых показал весьма мало охоты нагнать главнокомандующего и проводить его и через то остановил других штаб-офицеров, то я ему заметил, сколько неприлично было с его стороны не хотеть сколько-нибудь побеспокоиться, дабы проводить начальника, столько о нас заботящегося и заслуживающего нашу любовь и уважение, и что притом я от него, как от старшего по себе, ожидал более помощи. Кулябка принял сие с неудовольствием, и, как простой хохол без всякого образования, отвечал мне, что не гнаться же за ним. Я ему заметил несовместность его выражения, и мы расстались с неудовольствием. То была первая ссора с Кулябкой, человеком грубым, беззаботливым о службе, женатым, корыстолюбивым и обременяющим только полк своим хозяйством, заведшим хлебопашество в Башкечете, злым, надоевшим всем офицерам своими грубостями. И по правилам Алексея Петровича я должен был держать сего человека, терпеть его и все неисправности и упущения его, для того, чтобы не нанести главнокомандующему неудовольствия, сделав справедливое представление об отрешении от командования батальоном человека, бесполезного для службы и несносного для всех. Сие была первая ссора наша. За сим последовали другие, на которые, кажется, подстрекал его артиллерийский капитан Берг, из того единственно, чтобы осмеять его, ибо он ко всем сим качествам не имеет довольно ума, чтобы поставить себя на степень почтения. Вскоре я получил из Караклиса письмо от Воейкова, коим он извещал меня о скором выезде Алексея Петровича обратно в

Тифлис. Я немедленно поехал встречать его в Шулаверы¹⁷⁷, следуя через селение Больнисы¹⁷⁸.

В Шулаверах я опять просил его настоятельным образом не забыть адъютанта моего Артемовского, и он обещался наградить его перстнем. Тут узнал я о весьма неприятном происшествии для Алексея Петровича, случившемся в Грузинском полку, коим командовал двоюродный брат его. П. Н. Ермолов был произведен в генерал-майоры и собирался ехать с действительным статским советником Могилевским, по препоручении начальства, на персидскую границу для размежевания оной; но прежде выезда своего, он должен был сдать полк свой новому командиру полковнику Копылову, который был у меня посредником. Копылов, прибывши в штаб-квартиру полка и увидев несколько рот, вдруг самым неожиданным образом уехал, отпрапортовался больным, объявил, что он полка принимать не будет, и подал прошение в отпуск...

Многие осуждали поступок Копылова, иные оправдывали его. Он дурно поступил против Алексея Петровича. Хотя полк был в самом жалком положении, но он не должен был отказываться от него, раз просивши главнокомандующего о переводе его из артиллерии. К оправданию его, хотя слабому, служило то, что он надеялся получить (как он говорил) Херсонский, а не Грузинский полк; что, будучи уже несколько лет полковником, он не надеялся в короткое время предстоящего его командования поставить полк на такую ногу, чтобы ему можно было сдать его; третье то, что в полку сем был подполковником граф Симонич, иностранец, жаждавший сего командования, вероятно, из корыстолюбивых видов женившийся на грузинке, заведший большое хозяйство и управ-

лявший полком совершенно по своему произволу в командование Петра Николаевича. Копылов должен был опасаться его козней. Весь полк был разбит в прислугах и по разным должностям, и служба, и повинование совсем почти затеряны. При сем невинная уверенность Петра Николаевича в исправности своего полка усугубляла всю опасность сей приемки. Вот причины, побудившие Копылова к такому поступку. Многие полагали, что он был помешан, и Алексей Петрович первый, если и не был сего мнения, то утверждал сие. Я после видел Копылова. Он, в самом деле, имел нечто странное в обращении, но судил здраво и говорил хорошо, так что поступок сей несколько нельзя приписать к сумасшествию; а могла в том быть причиною сколько-нибудь ипохондрия его, которая была отчасти в нем заметна. Месяца с два тому, как он уехал в Россию; командиром же Грузинского полка назначили и утвердили графа Симонича, который, желая оправдать сделанную ему доверенность, принял полк без всякой придачи от Петра Николаевича.

По выезде Алексея Петровича из Шулавер я остался один с Авенариусом, и мы расположились ночевать вместе. Мы с ним имели прежде ссору. Человек сей не имеет никакого обращения и был без воспитания, но притом отличной честности, деятельности и хороших правил. Он имеет притом предубеждение, что очень умен и что все другие ничего не значат перед ним. Приехавши в Грузию с такими правилами, он полагал найти в сем отдаленном краю людей еще менее способных, по мнению его, нежели те, которых он видел в России, и, наделав некоторым невежливости, не из намерения огорчить их, но именно только от незнания жить в свете. Некоторые сердились на

него, но, наконец, обратили сие в смех; и слова, и поступки его долгое время служили посмеялищем молодых людей, не искавших в нем хороших качеств. Но совсем тем обращение его сделало ему много неприятелей. Одна фамилия его уже приготовляла ему насмешки: из Авенариуса сделали нотариуса, гротариуса, архивариуса, семинариуса, хапунариуса и пр. Начав под сими знаменованиями службу свою в Грузии, он не мог ожидать благоприятных обстоятельств; но поддержанный И. А. Вельяминовым, который его прежде знал и вызвал его из России, он получил после князя Горчакова 41-й егерский полк, на что Алексей Петрович согласился единственно из уважения к наместнику своему, будучи сам предубежден против него и имевши, вероятно, более одного раза случая смеяться над ним.

Начало командования его полком было неблагополучное. Вскоре офицеры, избалованные предместником его, негодуя на него за то, что он требовал с них должное, и более, может быть, потому, что он, по привычке своей, обращался с ними грубо, стали заводить разные крамолы против него. Из числа их переведенный из гвардии и произведенный в майоры капитан Марков однажды сделал ему явную грубость и разругал его при всем собрании офицеров за обедом. Авенариус донес о сем начальству. Алексея Петровича не было в Тифлисе. Марков был посажен в крепость Иваном Александровичем. Начато было уже следствие по сему делу, по коему Марков неминуемо попался бы в солдаты после суда; но главнокомандующий, узнав о сем, был весьма недоволен сим: Маркова велел выпустить и ехать в отпуск в Россию, а Авенариусу оставить полк и службу в Грузии. Авенариус просил перевода по армии; ему было отказано.

Между тем временем, как дело сие тянулось, Алексей Петрович имел лично случай короче познакомиться с Авенариусом; признав в нем добрые его качества, полезные для службы, он уговорил его остаться в службе, сознался в своем заблуждении и в вознаграждение за сделанную им обиду доставил ему на днях полковничий чин. Сознание сие случилось в Шулаверах в мою бытность.

Полковой казначей мой подпоручик Петров, которого я сам образовал казначеем, назначил его и выучил считать, надеясь иметь в нем помощника в частые отсутствия мои, заболел горячкой в июле месяце. Он был очень опасен, когда я поехал на Лори, так что я едва согласился отпустить на праздник священника. Человек сей, корыстолюбивый без меры, глупый, ленивый и нетрезвого поведения, пьянствовал на Лори. На второй день, накануне выезда моего, я его подозвал к себе и, напомнив о положении казначея, о коем я много беспокоился, сказал ему, чтобы он на другой день выехал из Лори и следовал в Башкет. Не желая оставить сего места веселия, он стал было представлять разные причины, но я повторил ему свое приказание, и он обещался выехать. Как я удивился, когда увидел его на другой день опять пирующего. Я побранил его, упрекнул ему в упущении своей обязанности и велел тот же час выехать. Он отзывался, что лошади его захромали. Видя, что с ним нечего было разговаривать, я ему объявил, что если он сейчас не выедет, то будет связан и отправлен за караулом, позвал дежурного и велел отправить его за казачьим конвоем. В ту же ночь он был доставлен в Башкет казаками, под расписку полкового адъютанта. Но сие происшествие ему не понравилось. Я слышал, что он намеревался оставить полк мой. Ра-

дуюсь сему случаю избавиться сего человека, поведения дурного, нисколько не соответствующего его сану, я предложил ему свою помощь для перевода его в другое место. Он подал прошение, которое я представлял по начальству, вместе с прошением священника Тимофея Никитина эскадры Каспийской флотилии 45-го экипажа, который был со мною в первой экспедиции к туркменским берегам (и тогда еще условились мы служить вместе, если мне по производству в полковники полк дадут; вступив с ним в переписку по сему предмету, я получил согласие сего почтенного старика). Я узнал после, что нынешний священник мой Лука Савин писал письмо к экзарху, в коем жаловался на меня; но, кажется, что письмо сие, не дошедшее, к счастью его, по назначению, было возвращено ему людьми, ему доброжелательствующими.

5 августа было порядочное землетрясение в Лори, Башкечете и Квеше; землетрясение сие раз пять случилось в августе месяце.

Едва я успел возвратиться в Башкечет, как получил письмо от Алексея Петровича, писанное из Каджор, в десяти верстах от Тифлиса, где он стоял лагерем, укрываясь от жары тифлисской. Он звал меня к себе, дабы проводить его в Манглис прямой, отысканной мною дорогой. Я немедленно поехал к нему, выслав по его приказанию из Башкечета поручика Клименку с командой, из 50 человек состоящей, на Манглис для караула. Прапорщик, князь Елисуйских владений, был вместе с ним послан и прибыл вскоре с известием на Каджоры, что команда уже выставлена. Его вскоре отправил Алексей Петрович в Нуху по секретному поручению, для изловления одного человека, где он и теперь еще находится в ко-

мандировке, но по другому делу, находясь переводчиком при майоре Клименке, занятом там отысканием казенных земель и доходов.

В деревне Табахмели¹⁷⁹ я нашел вновь прибывшего с полками казачьими на смену старых генерал-майора Василия Дмитриевича Иловайского, с коим и познакомился. Человек сей, известный храбростью своею и оказанными подвигами в 1812 году, не имеет нисколько привычек донских: будучи в душе ревностным донцом, он образован, воспитывавшись в кадетском корпусе, и все обращение его европейское. Он умен и любезен, но имеет также свои странности и прихоти.

Алексей Петрович принял меня на Каджорах (помнится мне, 12-го числа) весьма ласково. Я провел с ним три дня до выезда нашего и, наконец, мы пустились в путь верхом по новой дороге к Манглису. С нами были генерал-майор Иловайский, полковник Сергеев, инженерный генерал-майор Трузсон, адъютант главнокомандующего Талызин (один, ибо Воейков уехал на линию на воды и в отряд начальника штаба), инженер путей сообщения полковник Гозиуш, того же корпуса капитан Боборыкин, капитан Жихарев и многие другие лица.

В первый день, проехавши около 35 верст, мы прибыли на Кульгутинский пост. До Манглиса оставалось только пять верст, но тут застал нас густой туман, попеременно с дождем, и мы остались ночевать на высокой горе, Алексей Петрович в палатке, а мы все в сквозящемся балагане казаков, где нас не переставал дождь мочить. Другой день был такой же, и мы провели его играя в цхру¹⁸⁰, в чем участвовал все время и целый день сам главнокомандующий, веселясь игрою сею и играя сам за другого. На третий день по-

года прояснилась, и мы спустились с горы. Главкомандующий осмотрел место и остановился у разоренного монастыря Манглиса, где был встречен конвойной командой и провел тут с час; мною же был приготовлен в сем месте завтрак. Мы возвратились ночевать на Кульгутинский пост, где генерал-майор Иловайский был во все время хозяином нашим и где самые лучшие и дорогие вина лились в изобилии.

На другой день Алексей Петрович уехал на Каджоры, а я поехал снова осмотреть дороги и местоположение и нашел, что место, им избранное для перенесения моей штаб-квартиры, не имело поблизости воды. Прибывши к Манглису на ночлег к конвойной команде, я написал ему письмо с объяснением виденного, но не получил никакого ответа. На другой день поехал я на Цалку, следуя прямой дорогой лесом и, с трудом выбравшись на горы, остановился отдыхать в балагане у артиллерийского офицера подпоручика Сазонова, находящегося тут в карауле при казенном табунае. Взявши его с собою, я приехал на Цалку.

Не хотел я пропустить сего случая, не обследовав одного обстоятельства, довольно занимательного. Подполковник Кулябка говорил мне, что в 1815 году, когда главнокомандующий Ртищев выходил лагерем с отрядом к Цалке и строил крепость Цалку, охотники, ходившие по горам, нашли в одной оставленной церкви на скалах труп человеческий, в одежде греческой, стоявший на коленях перед алтарем в той церкви, невредимый и без всякого запаха; волосы еще были целы, и все части тела, кроме глаз, были хорошо сбережены. Кулябка сам тогда ходил из любопытства смотреть сие со многими другими офицерами и уверял меня, что, сколько ни кликали собак, с ними быв-

ших, к себе, но они никак не могли войти в ограду церкви; что после того один капитан Грузинского полка Поляков, будучи на охоте, стащил тело сие с его места и положил его в церкви, в стороне, вытянув ему ноги. Кулябка видел оное и в сем положении и сказывал мне, что сам Ртищев ездил смотреть его и что какой-то старик из Тифлиса, по завещанию, похоронил оное. Я слышал то же самое от офицеров 41-го егерского полка, когда был у них на полковом празднике на Лорах: солдаты их полка (бывшего тогда 17-м егерским и занимавшего в то время крепость Цалку) хоронили тело сие.

До выезда еще моего из Башкечета я поручил штабс-капитану Григоровичу, стоявшему на Цалке с ротой, отыскать сие тело. Солдаты с рвением бегали по всем окрестным скалам и, наконец, по указанию маркитанта, бывшего в 1815 году на Цалке, нашли сию церковь. Я посылал майора Гладкого-Сацкого отрыть тело, и он сказал мне, что нашел точно тело, похороненное в досках, под коими подложенное сено еще не сгнило. Он говорил мне, что тело было покрыто некоторого рода слизью, но что не сгнило; он не мог мне хорошо объяснить того, что видел, и потому я решился сам осмотреть оное.

Едучи с артиллерийским подпоручиком Сазоновым, я разговорился с ним о сем и услышал от него то же самое: он сам был в 1815 году на Цалке и видел нетленного. По приезде на Цалку, я на другой день поехал с майором Гладким-Сацким осматривать сию церковь и нетленного. Разрывши могилу, нашел я точно доски и сено, что явно доказывало, что человек сей не был похоронен азиатцами, а русскими. Я нашел в могиле голову и весь остов, но только одни кости, без тела. И тем кончилось исследование сие.

Впрочем, рассказанное другими лицами о сем человеке не подлежало никакому сомнению.

За сим я осмотрел церковь, подле коей он был похоронен и в коей он до сего находился. Она стояла на утесистом берегу реки Храма, выстроена вся из каменных больших плит, с особенным искусством, и украшена резной работой на камне, а также надписями, которых не могли разобрать. Надписи сии, если не на греческом языке, то должны быть на старинном грузинском. Впрочем, около Цалки жили греки, что доказывается большим разоренным селением или городом, находящимся от крепости вверх по реке верстах в семи. Развалины сии называются Антропиос, греческим именем. Мне не удалось еще осмотреть их, но я их издали видел; они заключают семь церквей, а потому названы казаками семикирками. При рытье канавы для цалкской мельницы найдены были в земле солдатами еще до меня греческие серебряные монеты. В числе ваяний, виденных мною на стенах церкви, находилась баранья голова, довольно искусно сделанная. Я велел вынуть весь камень и привез его к себе в Башкечет. Справедливость показания подполковника, что собаки не шли в ограду церкви, доказывается тем, что хотя церковь открыта, но тело сие не было тронуто зверьми, находящимися там в большом количестве.

Проехав около 35 верст, мы прибыли ночевать на берег озера, лежащего на горах, и остановились в огромном караван-сарае, выстроенном прекрасно и со всеми удобствами. Здание сие не сделало бы стыда лучшим зодчим нашим; оно могло бы вместить до 600 человек на ночлеге весьма просторно. Переночевав, я поехал далее к югу по вершинам гор, вдавшись в границы турецкие, на расстоянии 25 верст от крепо-

сти турецкой Ахалкалаки¹⁸¹, и возвратился в Башкечет через урочище Ездакар, где уже спустился с гор, отделяющих наши владения от турецких, на коих среди лета виден снег. Обывательские караулы собирались ко мне по мере, как я подъезжал к занимаемым ими местам.

Частые поездки сии были неразлучны с упущениями по полку. По мне оставался старшим подполковник Кулябка. Нижние чины, вопреки приказаний моих, не переставали работать на него. Он имел здесь хлебопашество, и за жнитво хлеба его и молотьбу не хотел даже дать той цены рекрутам, которую они за сие получали от обывателей. Артемовский, коему они были поручены (также и вся хозяйственная часть) в отсутствие мое, не мог уговорить его к сему, заплатил им сам от себя, дабы мое приказание было исполнено. В распределении сенокосов Кулябка оставил себе лучшую часть, отведши артиллерийским строевым лошадям дальний и недостаточный сенокос, так что по приезде моем я принужден был им отдать уже часть казенного полкового сенокоса. Сколько мне стоило слов и уговоров (тогда как я мог приказать, но не делал сего, желая ласками побудить его к исполнению своих обязанностей), чтобы снять от квартиры его часового, ему не следовавшего и присвоенного им в отсутствие Ладинского, когда я еще не прибыл к полку. Он затруднялся исполнением должного и воли моей, тогда как едва доставало в Башкечете людей для караула. В отсутствие мое он допустил жителей запахать землю, занимаемую нашими табунами для пастьбы. Не съезжая с места, он ничего не знал, что около делается. Роты не переставали, вопреки моих приказаний, посылать в степь за разным делом людей без ружей; вырубленный мною

лес для построения мостов в меру¹⁸² был при нем укорочен, дабы его легче можно было перевозить, и тем испорчен.

Я позвал к себе Кулябку и наедине упрекнул ему в ссорах, заводимых им в полку. В ответ на сие он отвечал мне, что казначей и адъютант имеют больше меня власти в полку. Сего отзыва было бы достаточно, чтобы представить его начальству; но, избегая жалоб, которые были бы неприятны Алексею Петровичу, я сказал ему, что если они бы и имели сию власть, то сие делалось бы по моей власти, и я могу ему тотчас же показать ее. Сии слова остановили его. Я перечел ему все упущения его, и он просил меня, чтобы я простил ему, если он вышел из границ своих обязанностей против меня. Я представил ему все ошибки его и отпустил его; но не менее положено было сим начало ссоры моей с ним. В бытность мою на Каджорах, не имея еще причины быть им недовольным, я просил главнокомандующего, по желанию его, доставить ему где-нибудь комендантское место; но Алексей Петрович засмеялся и сказал мне, что я, верно, желаю сбыть Кулябку, которого он уже знал, и заключил тем, что не имеет вакантных комендантских мест. По отъезде Алексея Петровича, я просил старшего Вельяминова о представлении его в отпуск по поданному им прошению, но получил также отказ, потому что он просился в отпуск не на законное время. Кулябка брал все меры, чтобы остаться в полку, ибо ему нигде не было бы так хорошо жить, как здесь, и я не имею средств выкурить его из полка до приезда главнокомандующего, коему принужден буду описать его в настоящем его виде.

Но причина сей ссоры скрывалась под другими начальами. В бытность еще Ладинского и в первое время

прибытия моего в полк, Артемовский обручился с сестрой жены Кулябки тайным образом. Я, узнав о сем, не отсоветовал сего Артемовскому; но он мог не видеть, что я не признавал выгодным для него жениться в столь молодых летах. Артемовский, не питавший уже той страсти к невесте своей, сам чувствовал ошибку свою, тем более что маленькое имение подполковника, ему обещанное, должно теперь было остаться в семействе, потому что жена его забеременела и что по сему поводу переменилось с ним и обращение будущего дяди его. Зная несносный нрав его, Артемовский желал прервать связь сию, и как он был гораздо умнее подполковника, то и подвел его к ссоре, в коей сделал его виновным и получил желаемый отказ. Они после того помирились, но Артемовский не хотел более возобновить сей связи. Подполковник был в отчаянии и полагал меня причиною сего; но Артемовский, видя и со стороны невесты своей такое же охлаждение, не возобновлял более дела. Женщины везде, где они вмешаны, будут причиной неудовольствий и распрей; я опять удостоверился в сем правиле, узнав, однако, уже после о настоящих причинах сего разрыва.

В доме у Кулябки жил один ослепший родственник его юнкер Чуйкевич, который, будучи обласкан мною и представлен лично Алексею Петровичу, в бытность его в Башкечете, к производству в офицерский чин (на что главнокомандующий, из сострадания к его положению, согласился) был мне благодарен. Он не терпел Кулябку, от коего ежедневно получал неудовольствия вместо помощи и утешения в своем несчастии, и от него извещался я обо всем происходящем у них в доме.

Общество офицеров в моем полку состоит всё, или большей частию, из людей бедных, живущих од-

ним жалованьем, но привыкших издерживать оное всё; немногие из них имеют небольшой достаток, нужный в службе; но большая из них часть знаменует особенное пристрастие к деньгам. Есть между ними и некоторые развратного поведения, но сих сбывал всегда и сам полковник Ладинский в гарнизоны. Русских в том числе только несколько человек; прочие все малороссияне, грузины, армяне и поляки. Малороссияне, набранные Ладинским из самых простых званий, суть самые малообразованные, но, между тем, и самые хитрые. Из них все штаб-офицеры, старший командир 3-го батальона подполковник Кулябка, у него в батальоне младший штаб-офицер майор Потеня, женатый на осетинке самого бешеного и вздорливого нрава, не дающей пропуска ни одному офицеру. Имея многочисленное семейство, бедные люди сии, вместо того, чтобы снискивать расположение других кротостью, умели приобрести всеобщую ненависть. День проводят они в драках между собою; иногда жена бьет мужа, иногда муж жену, а всего чаще все семейство дерется, так что дети бьют отца и мать, а те между собою и бьют старуху бабку свою. Майор сам, не занимаясь никогда службой, предан пьянству и не перестает допускать на себя справедливые претензии нижних чинов, находившихся у него в разные времена в услугах. Я употреблял все средства, дабы выжить его из полка, он старается удержать себя в оном, и я принужденным найдусь представить на первую вакансию батальонного командира младшего его штаб-офицера, дабы его выкупить.

В проезд Алексея Петровича из Башкечета на Лори ему показалась трудна дорога, ведущая на Мокрую гору, лежащую близ Башкечета, и тогда же прика-

зывал он мне отыскать другой подъем на сию гору. Имея в виду исполнение его приказа, я отправился в первых числах сентября месяца отыскивать сей объезд и, нашедши оный лучше первого, продолжал путь свой прямой дорогой в Гумры¹⁸³, куда прибыл в 1-м часу пополуночи, проехав в сей день около 80 верст. Я полагал застать всех спящими, но удивился, когда, подъезжая к дому князя Севарземидзева, услышал музыку. Он давал бал для разных жен полковых офицеров, зазванных им из 41-го егерского полка, и завез их на край света и на границу, дабы ему удобнее было волочиться за ними. Но бал сей был еще лучше даваемых предместником моим в Башкечете. За столом служили кучера, дамы выпускались только к танцам, а по окончании оных запирались в другую комнату, в которую имел вход только один князь. Музыка, всегда несчастная в Тифлисском полку, играла так, что едва можно было разобрать, что она играла; слышны были только трубы, барабаны и изредка пискливый голос уставшего и задыхающегося кларнетиста.

Во время сей поездки родилась у подполковника дочь, и он, невзирая на неудовольствия, между нами происшедшие, просил меня крестить у него. Я крестил уже до сего у майора Потевни и у священника, не отказался и в сем случае и сделался крестным отцом детей тех особ, которые мне по дурному своему поведению всех несноснее. Они же, может быть, сим средством надеялись найти более снисхождения к их ошибкам и упущениям.

Дня через два после возвращения в Башкечет я принял у себя в доме бригадного командира своего генерал-майора князя Эристова. Смотр начался на другой же день и через три дня кончился; но надобно

было смеяться оному: соблюдены только были некоторые формы, предписанные в сем случае. Сам бригадный командир, немного зная в сем деле и даже мало русской грамоте, не вдавался в глубокие исследования; к сему еще служило причиною самое запущение службы в полках, в Грузии расположенных, за которое трудно приняться кому бы то ни было, не подвергаясь неудовольствиям от Алексея Петровича. Князь Эристов — старик, осетин или грузин, дослужился, однако, до генеральского чина. Человек сей отменно добр и честен, но столько же и глуп и бестолков; он, говорят, был прежде храбр. Года три тому назад он сходил с ума и теперь еще не совсем поправился от сей болезни, пускается охотно в разговоры о духах, бесах и философии, не читав от роду никакой книги, так что трудно иногда удержаться от смеха при разговорах его. Я не пользовался, однако, слабостями его и старался соблюсти все должное начальнику, особливо при смотре.

Алексей Петрович около половины сентября выехал из Тифлиса на линию, взяв с собою один батальон Херсонского гренадерского полка, с коим и следовал в Тарки, для укрощения восставших лезгин, после убиения Верховского, где он и до сих пор еще находится.

В начала октября месяца однажды я поехал в Тифлис для того, чтобы заняться 1-м батальоном и несколько отдохнуть от частых поездок и занятий по службе, от коих в полку мне отдыха не было. Я разъехался дорогою с предписанием Вельяминова, сделанным мне по воле Алексея Петровича, писавшего к нему из Владикавказа, чтобы он приказал мне и Авенариусу приступить на Манглисе и на Белом Ключе к заготовлению материалов для перенесения

наших штаб-квартир. Я получил сие предписание уже в Тифлисе по пересылке из Башкечета. Не имея людей, я не мог приступить к сему делу и остался в Тифлисе до исхода месяца.

В это время уехал из полка адъютант мой Артемовский, которому я дал вид, будто он едет по поручениям полка, дабы не лишить его жалованья, желая ему через сие доставить случай быть дома; но, найдя в нем мало благодарности к сему снисхождению моему, я упрекнул ему перед отъездом в том, напомнив ему, что я его буду только до апреля месяца ожидать. Меня более расстраивало сие обстоятельство потому, что по отъезде его некому почти было поручить адъютантской должности; но я назначил для сего адъютанта 3-го батальона прапорщика Туркевича и нашел в нем более усердия, чем знания (противное Артемовскому, в коем под конец было заметно малое усердие, хотя он и совершенно знал дело), но, занявшись сам с Туркевичем, я обошелся и теперь уже совсем привык к нему. К отъезду Артемовского присоединилась еще болезнь полкового казначея подпоручика Петрова, который только в декабре месяце выздоровел и стал заниматься своей обязанностью. Все обстоятельства сии и частые поездки мои, по воле начальства, были причиной, что все лето было проведено мною в безмерных хлопотах и заботах, от коих я надеялся отдохнуть зимой; но тут подошло переселение полка, что меня еще более заняло.

В конце октября я возвратился в Башкечет и в первых числах ноября месяца писал рапорт к И. А. Вельяминову, в коем, донося о найденном на Манглисе после подробного исследования угодий оного, сделанного посланными мною для сего офицерами и нижними чинами, я представлял ему положение пол-

ка и невозможность послать более 30 человек для работы на Манглис; ибо пять рот занимали караул в Тифлисе, три роты и одна, прикомандированная к ним, занималась работами в Тифлисе же; затем оставалось в штаб-квартире у меня только две роты, на коих лежали все командировки, по воле начальства деланные; одна из них еще в том числе была женатая, так что за занятием в Башкечете караула едва оставалось у меня 30 человек свободных.

Женатая рота была сформирована после смотра в сентябре месяце. В 1820 году, по представлению Алексея Петровича, были присланы женатые рекруты во множестве во все полки. В мой полк их не более 300 назначили, в иные же более 700. Целью главнокомандующего, вероятно, было поселение сих рот, но в следовании их очень мало о них заботились, и казна не хотела издержек на них делать, так что до половины сих людей и женщин с детьми померло дорогой и в Тифлисе без всякого почти призрения: в Тифлисе умирало до 30 и более человек в день из рекрутских партий. По прибытии их в полки предписано было полковым командирам поселить их и дать им средства к хозяйственным заведениям, но никаких средств для сего казна не дала. Некоторые полковые командиры из сожаления призрели сих несчастных и дали им средства к заведению, кормили их и одевали на свой счет; впоследствии времени казна отпустила на них шестимесячное продовольствие деньгами. Ладинский не упустил сего случая, чтобы попользоваться, вычитая из денег сих несчастных за нахождение их в лазарете; так как и с холостых солдат вычитается провиант за сие время, он вывел в расход все деньги к приезду моему по справочным ценам на содержание сих женщин, продовольствуя их хлебом,

засеваемым им самим посредством солдат в Башкечете, тогда как другие полковые командиры вывели из сей суммы значительный остаток до 1500 рублей серебром, которые были ими представлены начальству и обращены в пользу же сих женщин. Вместо того чтобы собрать сих женатых в одну роту и дать им попечительного начальника, Ладинский разбил их по всем ротам почти поровну, вероятно, для того, чтобы менее заботиться о благосостоянии их и более иметь случая усладить страсть свою к женщинам. Он сам первый показал пример разврата. За сим следовали офицеры... Так как людей сих нельзя было употреблять на службу в Тифлисе, то они всегда оставались в Башкечете, а на место их посылались люди из других рот. Мужья тех, которые помоложе были, посылались в команды для работ, дабы свободнее было сношение с женами их.

И так поселился в полку разврат в самой сильной степени, и люди до сих пор, пробыв уже три года в полку, называются еще рекрутами и не знают почти приемов ружейных. Желая истребить сие зло, я давно уже предполагал соединить сих людей всех в одну роту, но поездки мои и ожидаемый еще с июля месяца смотр препятствовали в том. Наконец, после смотра я приступил к сему, назначив для расформирования 4-ю егерскую роту, которая, проводя более двух лет в Тифлисе на работе, от беспечности ротного командира Погорелова совершенно опустилась. Для сего я послал ей на смену 6-ю егерскую с Цалки, сменив сию последнюю из штаб-квартиры 2-й карабинерной ротой. По прибытии 4-й егерской, коей командиром я назначил штабс-капитана Ротмистрова, бывшего приставом в немецкой колонии, я расформировал ее по другим ротам и перевел в нее всех же-

натых. Разврат совсем почти прекратился, и люди сии, о благосостоянии коих и восстановлении прав их на жен я ежедневно забочусь, стали заниматься службой с успехом.

Приступая к заготовлению материалов на Манглисе, я писал к Вельяминову рапорт, коим просил, чтобы спустили по сему случаю рабочие роты, в Тифлисе находящиеся, ибо мне совершенно некого почти было послать на Манглис. В ответ получил я предписание, что в сем же месяце к 10-му числу они все будут спущены. Я дожидался, но роты не спускались. Наконец я решился сам ехать в Тифлис, в последних числах месяца, просил лично о сем Ивана Александровича. Никакой другой причины сему замедлению не было, как забывчивость или беззаботливость. В самый день приезда своего я все переработал, и три роты, с прикомандированной четвертой, были назначены в конце недели к отправлению в Башкечет.

2 декабря я приехал в Башкечет, куда роты поспели около недели после меня. Собрав весь 3-й батальон вместе, я назначил 5-ю егерскую роту для следования на Манглис, собрал обывательских быков, для доставления туда 200 четвертей муки, вытребовал до 200 человек рабочих обывателей и отправил 13-го числа всех на Манглис с майором Гладким-Сацким, коему и дал подробное предписание, что ему делать надлежало. В исходе месяца началась рубка леса, продолжающаяся до сих пор с хорошим успехом; люди обстроились землянками у разоренного монастыря и запасены провиантом до марта или апреля месяца. Разработка дороги, ведущей от Цалки к Манглису, также производится обывателями под надзором 2-й карабинерной роты из Цалки; но холода, вьюги, метели и снега были причиной, что многие из

жителей заболели и некоторые даже померли от нужды. Нуждаясь, однако же, крайне в сей дороге, я не остановил производства работ на оной и надеюсь в скором времени видеть ее оконченной, вопреки всем препятствиям, предстоящим в сих холодных местах. Казна мне ничего не отпускает на сии работы, как на Манглисе, так и на разработке дорог, и потому я обязан, в угождение Алексею Петровичу, делать все сие на собственный счет свой, что немало мне стоит.

Невзирая на многие занятия, я избрал время, дабы дать повеселиться офицерам. В декабре месяце было у меня в доме два или три бала и под Новый год маскарад. Все были очень довольны, исключая меня. Веселясь удовольствию других, я скучал в обществе, к коему не принадлежал по своему роду жизни, но старался всех уверить, что не менее их веселюсь, и успел в сем, уверив их, что мне приятны сии общества.

1824 год

*(Начато в Башкечете, близ Тифлиса,
27 января 1824)*

Командование полком

В сем году надлежало расплатиться за прошлый. Сочтя расходы свои, я нашел, что за уплатою 23 000 рублей осталось у меня еще до 3000 рублей долгу, в числе коих полагаю также 450 моих червонцев, посланные Алексеем Петровичем за границу для выписки музыкального инструмента. Я думал о средствах уменьшения сих расходов, ибо с оными недолго бы я мог выдержать сего командования, тем более

что к сему присоединились еще расходы для Манглиса, и, нашедши много лишних расходов, как собственно мною делаемых, так и моим дворецким Веденеем, я взял меры к укрощению их и уплате долгов своих. К тому же, я не получаю уже три или четыре года ничего из дому: батюшка не переставал в письмах своих, изредка мною получаемых, извещать меня, что дела его совершенно расстроены и в таком положении, что он не в состоянии мне ничем помочь. Брат Александр стал чаще писать ко мне и показывать живое участие в моем положении, советуя мне оставить службу и жениться. Но невозможность исполнения сего ускользнула из его соображения. Содержась столь долгое время одним только жалованьем, я более помышлял о том, чтобы в дурных обстоятельствах или каких-нибудь непредвиденных, могущих случиться по службе неприятностях, иметь, с чем выехать из Грузии, и потому, откладывая в течение четырех лет, при каждой трети, часть своего жалованья, успел скопить до 5000 рублей ассигнациями, которые берегу на черный день. Сверх того должен я заботиться еще о приготовлении около 14 000 рублей для сдачи полка; получаемое же мною недостаточно было уже в прошлом году на мои расходы.

К сим неблагоприятным обстоятельствам присоединилось еще другое, которое тем более заставляет меня сожалеть о дурном состоянии моих дел. Корсаков перестал было ко мне совсем писать; но недавно получил я от него письмо, в коем жена его извещает меня самым утвердительным образом о том, что в доме Н. С. Мордвинова готовы принять возобновление моего желания и что я найду соответствие в склонности со стороны дочери его. И я, завлеченный службой и остановленный бедным состоянием сво-

им, не позволяющим мне почти выехать отсюда, должен отказаться от сего и, проводя дни свои в одиночестве, видеть, как лета моей молодости, уже протекавшие, проведенные в суетах и беспокойствии, не приготовили меня для предстоящей старости и мирного и благополучного житья в кругу семейства; словом, должен навсегда посвятить себя для службы, оставив все прелестные предположения о будущем, о коих я давно уже мечтал. Вот обстоятельства мои. Но, вспомнив то ужасное бедствие, от коего меня освободило чудесным образом Провидение, вспомнив заключение свое в Хиве и данное себе тогда обещание, что если бы мне удалось когда-нибудь воззреть на отечественный берег, то не буду никогда жаловаться на судьбу свою, в каком бы звании и состоянии ни находился, я смиряюсь и благодарю Творца своего, даровавшего мне еще участь, столь превосходящую участь многих других.

Расположившись, таким образом, служить, я не хотел оставить и занятий собственных. Прошрое лето не позволило мне оным предаться. Ныне, избрав свободное время, я принялся за сии записки, довел их до нынешнего времени и стану продолжать ежедневно, сколько возможность позволит. Намереваюсь также продолжать изучение восточных языков, на кое уже употребил столько времени, и, невзирая на то, что мне уже в сем году минет 30 лет, не намерен оставить сего занятия. Чтение книг буду продолжать также. Недавно кончивши чтение немецкой книги сочинения Геерена о сношениях политических и торговых древних народов¹⁸⁴, примусь теперь за географию Malte-Brun¹⁸⁵, некогда мною начатую. Нахожу также время и для музыки. Имея прекрасное фортепиано, купленное у Грибоедова, я по-

свящаю на оное в первые пять дней недели по одному часу в день. Занимаюсь также гобоем и флейтой, не с теми, однако, уже мыслями, которые привлекают в молодых летах к занятиям всякого рода, в надежде извлечь из сего впоследствии времени себе пользу или удовольствие. То предбудущее время для меня уже настало, и я занимаюсь сими предметами единственно для удовольствия, которое они мне в настоящем доставляют.

Сим кончаю и чувствую себя довольным, загладив прилежанием своим в сем месяце запущение сих записок более года, чему причиною, однако же, не лень была, а истинные недосуги. С тем вместе приобрел я полезную привычку рано вставать по утрам, что необходимо для того, чтобы исписать целую книгу сию в один месяц без ущерба службе и другим занятиям моим. В дополнение, однако же, написанного нахожу еще нужным упомянуть о трех предметах, забытых мною в сем году, хотя и неважных, но принадлежащих не менее того к сим запискам.

1) В бытность мою на Белом Ключе, в ожидании Алексея Петровича, накануне приезда его, я ездил с подпоручиком моего полка Куликовским к виденной мною башне в глубоком ущелье, к стороне реки Алгетки. Проехав с большим трудом густым лесом и горами к сему предмету, около шести верст, мы несколько раз теряли дорогой надежду найти оный, но, наконец, добрались. Башня с бойницами в шесть этажей имела за развалившимся верхом еще около пяти сажен вышины. Вход в оную был аршинах в четырех от земли; взлезши в оную посредством людей и казаков, с нами бывших, мы стали отрывать в ней землю и нашли зарытые большие кувшины, служившие, вероятно, для хранения запаса воды во время набегов

неприятелей для осажденных. Башня была еще очень крепка, и по стенам видны еще ступени, ведущие на верхние ярусы оной. Саженьях в 50 от оной нашли мы развалины большого каменного дома в лесу и всех служб, к оному принадлежащих, а также и кладбище с большими надгробными камнями, с высеченными на них надписями на грузинском языке. Удивительно, как страна сия, оставленная жителями, по преданиям, только за 70 лет от набегов ахалцихских лезгин, могла так скоро зарости лесом! Большие и толстые деревья росли в покоях сего замка и около него и так закрывали его, что, будучи не более, как в 50 или еще меньше саженьях от одного, мы едва нашли его. В расстоянии полуверсты от сего места были также развалины деревни и церкви в лесу. Итак, места сии, служившие некогда убежищем мирным жителям, ныне превращены в обширные пустыни от разорений неприятельских и заросли густыми лесами. Но наставшие ныне покойные времена стали опять привлекать жителей на старые места, и правнуки, отыскивая прах прадедов, начинают селиться в древних достояниях своих, украшенных всеми богатствами природы.

2) Сентября 2-го числа выступил отсюда с полуротой артиллерии капитан Берг, следуя к Нухе. Выступлению его я был очень рад, как развязке с человеком беспокойного нрава. Остался здесь подпоручик Брюммер с шестью орудиями 3-й легкой роты Кавказской гренадерской артиллерийской бригады, человек с образованием, а по обхождению неприятный, по причине излишней самостоятельности своей и высокого о себе мнения.

3) В бытность мою в Тарках, я взял одного 15-летнего мехтулинского мальчика с собою, именем Мир-

зу, которого отец был в бегах и дом разорен и который скитался в нищете, исправляя должность кашевара при работниках, высылаемых из мехтулинских областей. Видя его почти нагого в холода и заметя в нем хорошие способности, я одел его и взял из сожаления к себе в услужение. По приезде в Башкетет я vykpe-стил его и отдал учиться грамоте. В короткое время он сделал хорошие успехи. Я был доволен им, но все люди дома моего уже не раз жаловались на него, говоря, что он всех обижал и грозился некоторых бить и даже заколоть кинжалом, говоря, что он происходит от знатного рода и что никто над ним власти не имеет. Я долго не хотел верить сему, но убежденный повторенными жалобами их, я снабдил его на дорогу платьем и деньгами и отправил его к тифлисскому коменданту, при письме и отношении, коими просил об отправлении его на родину, говоря, что к удалению его был причиною неукротимый нрав его. О нем положили Ивану Александровичу, который, по бывшим тогда возмущениям в мехтулинских областях и потому, что он уже был vykpe-щен, не согласился на отправление его на родину, а велел предложить ему избрание рода жизни в Тифлисе. Мальчик сей, не зная никакого ремесла, избрал военную службу, и именно мой полк. О нем писали в Инспекторский департамент¹⁸⁶ и с разрешения оного препроводили его на днях ко мне, против всякого ожидания моего, для определения на службу, к чему я ожидаю теперь предписание от бригадного командира.

В бытность его в Тифлисе жил он у лезгинских аманатов, от коих он слышал, что причиною убийства Верховского было то, что в тот самый день он приказал одному из слуг Амулата поднести ему водки с ядом и что слуга сей, поднеся оную Амулату, сказал

ему, что подносит ему сие по приказанию полковника Верховского, но предоставляет ему выпить сие или оставить и что сие самое, сделанное, будто по уговору шамхала, понудило Амулата в тот же день убить своего благодетеля. Но сие невероятно и несообразно с благородными правилами Верховского, тем более что генерал-майор Греков, за два дня до сего убийства, был уже извещен о намерении Амулата и писал о сем к Алексею Петровичу, но поздно; ибо злодейство было уже совершено, когда получилось сие известие. Вероятно, что слух сей был распушен самим Амулатом в оправдание свое пред лезгинами, которые, со всею привязанностью к своему отечеству, не могли бы никогда похвалить сего изменнического и низкого поступка. В бытность мою в Тифлисе я слышал, что сообщники сего убийства приезжали ночью к стенам Дербента, дабы, отрыв тело Верховского, наругаться над ним, но что вместо его отрыли они тело умершего года два тому назад предместника его, подполковника Швецова, отрубили ему голову, которую увезли, и бросили тело. Поступки сии обыкновенны между азиатцами: нынешним летом привез ко мне ночью татарин Али-ага, известный разбойник, отрубленную им руку у убитого им же в Ахалцихском пашалыке¹⁸⁷ одного жителя, по приказанию Алексея Петровича. Я сам отправлял его за границу, по приказанию главнокомандующего, не зная зачем. Привезенную ко мне руку я отправил с самим Али-агой к Алексею Петровичу в Тифлис, при письме своем. Убиенный был убийцей одного солдата 41-го егерского полка в начале прошлого года; один из сообщников его находился в деревнях князя Орбелиани, Борчалинской дистанции, был пойман и повешен офицером моего полка на дереве, в самой той дерев-

не, где он жительство имел, по приказанию же корпусного командира.

Теперь, отправив в Тифлис отставного поручика Романова для подания прошения об определении его ко мне в полк, я дожидаюсь послезавтра возвращения его, дабы съездить на Манглис, где хочу оставить его для съемки места, избранного для новой штаб-квартиры. Намереваясь деятельностью обогнать в работах сих Авенариуса, готовящегося перейти на Белый Ключ, начавшего работы свои гораздо прежде меня, еще в октябре месяце, и имеющего то великое преимущество предо мною, что ему не предстоит трудное обрабатывание трех дорог, и что Белый Ключ, ему назначенный, в 20 только или 15 верстах от теперешней его штаб-квартиры, а Манглис от Башкечета в 80 верстах.

31 января предписал я подполковнику Кулябке, чтобы он, собрав всех офицеров к себе, предоставил им сделать выбор одного из них в квартирмейстры¹⁸⁸.

При сих выборах, продолжавшихся около трех часов, он стал класть суждения о казначее и адъютанте и вообще о должностных офицерах, жалуясь на них, называя их забывшимися, и подстроил все общество к тому же; но как из них недовольных никого не было, то все замолчали и оставили его класть свои суждения обо всех; наконец избрали в должность квартирмейстера подпоручика Мищенко. Ввечеру он принес ко мне выборный лист и сказал, что все роптали на должностных, и назвал даже некоторых, употребивших дерзкие выражения. Желая узнать причину их неудовольствия, я сзывал их поодиночке, и все отзывались совершенно довольными; когда же я объявил им, что я слышал, они удивились, говоря, что никогда им и не приходило в голову быть недовольными, что, напротив, все сие было сказано самим

подполковником и что они молчали в сем случае, не имея никаких причин жаловаться. Оказалось, что Кулябка солгал на них. Я уличил его в присутствии офицеров, и он ничем не мог оправдаться. За сей поступок его следовало бы отрешить от командования батальоном, но, боясь через сие нанести неудовольствие Алексею Петровичу, я смолчал; не менее того готов воспользоваться случаем, чтобы избавиться от сего беспокойного человека.

2 февраля я выехал из Башкечета на Цалку в сопровождении майора Гладкова-Сацкого, отставного поручика Романова, штаб-лекаря Гривцова и подпоручика Мищенки для обозрения Манглиса. Доехав в тот день до Цалки, я осмотрел новые мельницы.

3-го, осмотрев роту 2-ю карабинерную, на Цалке расположенную, я поехал на Манглис новой дорогой и нашел ее почти совершенно конченной. Я удивился, увидев прежние места, по коим нельзя было иначе, как верхом ехать, обработанные с таким искусством, что бричка, в коей я ехал, прошла без малейшего затруднения по дороге широкой и ровной, проложенной по каменным горам и в самых трудных местах. И работа дороги сей производилась зимой, в самое холодное и неудобное время. В тот же вечер я приехал на Манглис, где застал 5-ю роту егерскую обстроившуюся и прекрасную землянку у ротного командира штабс-капитана Антонова, в коей я и остановился.

4-го я объездил часть срубленного леса для построения штаб-квартиры, нашел его весьма хорошим и работы весьма успешными.

5-го я также объезжал леса, осмотрел известку и ввечеру приступил к разбивке новой штаб-квартиры.

6-го и 7-го предоставил майору осмотр лугов, а сам занимался разбивкой штаб-квартиры.

8-го кончил сию разбивку по плану, который был представлен мною Ивану Александровичу.

9-го, отпустив штаб-лекаря с Романовым домой, в Башкечет, сам поехал на зимовник казачий Иловайского полка для осмотра лугов. Тут застала меня летучая от Ивана Александровича, по коей предписывал он мне выслать в Тифлис на работы 500 человек и 750 человек в караул, что превышало число людей, у меня оставшееся, почти тремя- или четырьмястами человеками. Несообразность сего требования заставила меня решиться, по возвращении в Башкечет, отправить все, что осталось, и ехать поспешнее в Тифлис, ибо, не будучи в состоянии исполнить неумеренного требования начальства, я мог подвергнуться ответственности. Итак, вместо отдыха в Башкечете предстояли мне новые заботы.

10-го, окончив обозрения свои на Манглисе, я поехал по Цинсеарской дороге для обозрения ее по приказанию Алексея Петровича. Проехав 30 верст по трудной дороге вниз по Алгетке, я приехал на зимовник артиллерийской роты подполковника Симчевского, где застал артиллерии подпоручика Сазонова и, отдохнув несколько, поехал на Белый Ключ, куда прибыл ночевать. Тут я застал 11-го егерского полка штабс-капитана Кузминского с командой, занимавшегося вырубкой леса. Обозрев на другой день место, избранное для перенесения штаб-квартиры 41-го егерского полка, я приехал 11-го числа в Квешу, где, отобедав у Авенариуса, поехал в Башкечет и, занявшись до сего дня отправлением бумаг и 3-го батальона под командой подполковника Кулябки, собираюсь сегодня, 14-го числа, выехать в Тифлис.

Я приехал в Тифлис по закату солнца. В самый вечер приезда я стал узнавать, по какому случаю тре-

бывалось у меня такое множество людей, что, по отсылке всего полка в Тифлис, еще недоставало к требуемому числу 389 человек, и узнал, что сие было сделано ошибочно, ибо в замене посылаемых отдавались мне пять рот здесь находящиеся.

16-го. Я ездил явиться к обоим Вельяминовым и удостоверился, что сие точно было ошибкой сделано, а потому и сделал новое распоряжение в размещении рот. Ввечеру я был у губернатора, дабы испросить у него помощь обывателями для вывозки леса и разрабатывании дороги. На первое он согласился, во втором же отказал, собираясь ехать в Башкечет и осмотреть сам места, от чего я всячески должен стараться его отговорить: ибо осмотр сей в короткое время не доставит ему никаких сведений, а только отвлечет меня снова от полка, где мое присутствие после столь частых отлучек в особенности нужно; и для того я буду действовать через Коцебу, который его лучше уговорит.

23 февраля. Все мои старания были тщетны. Коцебу был у меня, я поил его шампанским, дабы лучше его склонить; он обещался участвовать, но изменил мне и вышел со двора в тот день, как я ездил уговаривать губернатора. Тимковский со мною действовал и также неудачно. Губернатор упорствовал и настоял, и я немедленно принужденным был приступить к мерам самым удобным для встречи его. Мы расположились оба выехать отсюда 26-го числа; он должен ехать из Квеша на Манглис, где я его встречу 2-го числа марта и провожу его через Цалку в Башкечет.

Тифлис. 19-го прибыл сюда 3-й батальон на смену 1-го. Кулябка, командир одного, сделал первую ошибку в том, что, переходя через старый мост, едва держащийся, и на коем всегда стоит караул для осторожно-

сти, он пошел отделениями. Сердце во мне замерло, когда я увидел сие, стоя на новом мосту, по коему еще не велено было ездить и водить войска. Я побежал к батальону, сделал выговор Кулябке и велел людям поодиночке идти. Вечеру, когда Кулябка пришел ко мне явиться, я ему сделал строгий выговор, и как он стал довольно громко оправдываться незнанием опасности старого моста, я ему сказал, что мне бы весьма приятно было не иметь его под своим начальством, с чем он и ушел. Батальон сменился, и 21-го числа роты 1-го батальона, 1-я карабинерная, 3-я егерская и 6-я егерская, уже выступили из города к своему назначению. С ними должен был следовать майор Ахтырка, но, узнавши накануне от губернатора, что пристав немецкой колонии, мимо которой проходил батальон, принес ему жалобу на подпоручика Салмановского, обидевшего его словами, я стал исследовать сие дело и узнал, что в то время Кулябки не было при батальоне и что он оставался гулять целый день последнее воскресенье Масленицы у Авенариуса в Квешах, поручив батальон майору Потембе. А потому, призвав Кулябку и Ахтырку и изготавив приказ о смене батальонных командиров, я перевел Кулябку в 1-й (в Башкечете находящийся), а Ахтырку в 3-й (находящийся в Тифлисе), дабы избежать неудовольствий, которых мог всегда ожидать от упущений и сварливого нрава Кулябки. На другой день получил я рапорт от него, коим он отказывался от принятия батальона за болезнь и просил о переводе его в 41-й егерский полк. Достигнув цели не иметь его ни в Тифлисе, ни в Башкечете, я остался доволен сим положением дел и донес о сей перемене в штаб.

Вчера загорелась казачья конюшня близ дома Алексея Петровича, и сгорело несколько лошадей ка-

зачьих и разные экипажи; ветер был необыкновенно сильный, каких здесь еще не бывало; не могли загасить пожара, сгорели дрожки Нагаткина и бричка главнокомандующего, причем арсенал, подле находившийся, в коем было большое количество пороха и патронов, чуть не загорелся, и самый дом главнокомандующего едва не подвергся пламени.

26-го числа пришел ко мне поутру Кулябка и, жалуясь на судьбу свою, старался оправдывать себя, причем я принужден был перечесть ему все поступки его в течение года, понудившие меня так с ним обойтись. Видя, что я более не шутил, он расплакался, называя себя самым несчастным и говоря, что представляет после сего начальству делать с ним, что хочет; но что по расстроенному его состоянию он не может ни в отпуск, ни в гарнизон подать. Я тронулся его состоянием и предложил ему жить до прибытия главнокомандующего в Башкечете, обещаясь делать ему всевозможные угождения, с тем, однако же, чтобы он не рапортовался здоровым (ибо тогда я нашелся бы вынужденным представить о нем начальству), прибавив, что если он полагается на меня, то я с удовольствием берусь быть его ходатаем и просить Алексея Петровича о доставлении ему комендантского места и что ему не будет причинено ни малейшего огорчения. Я несколько утешил его сим и, дабы довершить сие, выезжая в тот же день в Башкечет, я заехал к нему и успокоил его и семейство его. Итак, я его сбыл, поручив его батальон младшему штаб-офицеру и не сделав его несчастным, к чему клонились все виды мои.

28-го. В Башкечете все застал благополучно, исключая одного фурлейта¹⁸⁹, замерзшего на озере Тапараване во время бывших здесь бурь и метелей в мое

отсутствие; ходил же он туда для рыбной ловли с Цалки с товарищами, но были все разбиты ужасной погодой, настигшей их на горах, на границах Турции.

2-го числа марта я поехал на Цалку, где находился с ротой 3-й егерской капитан Дален, а 3-го приехал на Манглис, куда прибыл и губернатор часа два после меня. Тут я застал молодого князя Бебутова, помещика сих мест, который приезжал просить меня, чтобы я оставил ему место подле штаб-квартиры для поселения деревни. Места сии, издавна оставленные, никогда и не были посещаемы своими помещиками; они получали по несколько баранов от пасущихся там стад, теперь же негодуют, что они занимаются войсками, тогда как они им ни к чему не служили.

3-го числа я поехал с губернатором показывать ему место, избранное для штаб-квартиры, и мы воротились ночевать к монастырю. С ним приезжали полковник Гозиуш, секретарь Тюльпин и переводчик; кроме сего капитан-исправник Тифлисского уезда Снежевский с переводчиком, какой-то князь Баратов и полковник Сергеев с двумя казачьими офицерами, так что всего на все набралось до 70 лошадей в таком месте, где сено должно было доставляться самым трудным образом с Цалки.

4-го числа, перед отъездом из Манглиса, после маленького спора с губернатором, который старался меня уверить, что мне не нужна дорога от Манглиса к Тифлису, он приказал исправнику, по моему настоянию, нарядить 200 человек рабочих для обделывания сей дороги. Исправник поехал по сему поводу в Тифлис, а я повез остальных на Цалку.

5-го числа привез гостей на Гуссейн-ханский пост, откуда отпустил их в Шиндляр к Сергееву в полк, а сам поехал в Башкечет.

6-го числа гости все приехали к обеду; к числу их присоединился борчалинский пристав, и я получил от губернатора все требуемые мною пособия для перенесения штаб-квартиры на Манглис.

7-го числа губернатор хотел ехать в Квешу, но я уговорил его остаться еще на один день, и он согласился. Я старался его угостить как можно лучше, и он, кажется, остался довольным. Я с удовольствием принимал его, уважая от всей души, как доброго и бескорыстного человека, и гость сей, нисколько не прихотливый, не мог никогда мне быть в тягость.

8-го губернатор поехал в Квешу. В карантине, вверенном моему надзору, я приготовил ему завтрак и скрыл музыку, которая неожиданно заиграла; ему был приятен маленький праздник, который я ему тут сделал, и он поехал весьма доволен приемом моим. С ним вместе отправил я в Тифлис и казначея за приемом разных сумм.

13-го. В 6 часов утра был довольно сильный удар землетрясения, который повторился в 10 часов утра, но уже гораздо слабее. Штаб-лекарь Гривцов, возвратившийся ввечеру с Манглиса, куда он ездил для пользования прибывшего туда и вдруг заболевшего майора Ахтырки, сказывал мне, что на Гуссейн-ханском посту казачий офицер сказал ему, что после сего землетрясения из речки вдруг вышло множество лягушек, которые покрыли луг и дорогу, как саранча, что должно быть действие испуга.

22-го. Я ездил со штаб-лекарем и казначеем к Сергееву в полк, откуда, пообедавши и попивши прекрасных вин, воротились в Башкечет. Сергеев же сам поехал в Елисаветполь для встречи Алексея Петровича, который должен 26-го числа сего месяца туда приехать.

2 апреля в среду, по выходе от заутрени из церкви, узнал я, что Алексей Петрович еще в субботу приехал в Тифлис. Я в тот же день приобщился Святых Тайн и после обеда, выехавши из Башкечета, ночевал в Квешах.

3-го. Я приехал в Тифлис, где увиделся с Воейковым и в тот же день явился к главнокомандующему.

4-го. Он выехал на Белый Ключ к Авенариусу и ночевал в полку у Иловайского, а 5-го прибыл на Белый Ключ. Желая с ним провести время наедине, дабы поговорить о новой постройке штаб-квартиры и также выпросить и место для подполковника Кулябки, я выехал из Тифлиса 5-го числа и в тот же день к вечеру приехал на Белый Ключ. Мне, кроме того, надобно было видеть распоряжение его о назначении места для построения штаб-квартиры 41-го егерского полка, дабы знать, чего он бы и от меня стал требовать по такому случаю: ибо он ехал на Белый Ключ для того, чтобы опять переменить место для полка, услышав, что в родниках, при коих полк селится, начала иссякать вода; но он, кажется, более для того ездил, чтобы укрыться из Тифлиса от наступивших праздников.

6-го числа. Светлое Воскресенье мы провели почти без всяких хлопот. Авенариус, переведший уже часть полка в землянки, построенные на Белом Ключе, старался принять главнокомандующего, как умел лучше, и уговаривал его не переменять прежнего места, находя, что воды на оном было достаточно; но он непременно хотел переменить оное, ездил несколько дней по окрестностям для сего и, наконец, утвердил ему под строение место, отлежащее на одну версту или полторы от прежнего, имеющее все те же удобства и неудобства, как первое, и не признав за удобные места чрезвычайно выгодные, потому единствен-

но, что ветер перестал дуть, когда он чрез оные проезжал, и солнце стало несколько греть. В сих случаях были слишком заметны кривые суждения его, основанные на пристрастии. Я заметил (и замечание сие уже многими сделано), что его можно склонить к избранию самого дурного места, если только его там хорошо накормить, напоить и доставить покой; если же будешь оспаривать с самыми благоразумными доказательствами мнение его при избрании дурного места, то он рассердится и нарочно оставит на оном из одного упрямства. И вообще заметна в нем особенная нерешимость. Начальник штаба, который с ним был, вел себя постоянно с одинаковым хладнокровием, не говоря ни слова и заботясь единственно о себе лично. Гозиуш и Сергеев забавляли его разными шутками, а Авенариус не переставал пилить его самыми глупыми предложениями. Со всем тем его хорошо угостили, и он остался, кажется, довольным, грозясь мне перевести и мою штаб-квартиру, что для меня было бы чрезвычайное расстройство: ибо я уже начал делать строения на избранном им месте. Он же все хочет строить штаб-квартиры тесные, каменные и окружить их редутом, который бы мог защищаться 100 человеками. Иногда, как по речам придется, недостаточно ему речки для напоения сих людей; иногда он довольствуется колодцами в расстоянии пяти верст от штаб-квартиры. Слова его противоречат одно другому, и везде заметна непростительная слабость, пренебрежение к обязанностям, единственная мысль о своем личном удовольствии и совершенная беспечность о благосостоянии нижних чинов. Я никогда не видал его еще такого, но он всякий год слабеет и становится хуже. Нерадение его к занятиям по службе повторяется каждым из подчиненных его в своей обя-

занности; взыскания за вину считаются притеснениями подчиненным, и счастлив тот полковой командир, который отделается от командования полком, не подвергнувшись названию упустительного по службе, или беспокойного нрава. Главнокомандующий проводит целый день или в игре в бостон, или в раскладывании гранпасьянса, или в скучном рассказывании анекдотов, которые он уже всякому по двадцати раз говорил. С делом едва ли кто дерзнет к нему явиться: ничего не хочет слушать, сердится за то, что ему приносят бумаги, подписывает их, почти не читая, и из всего видно, что ему служба уже весьма надоела. Он ничего не делал на Белом Ключе, и я не искал случая с ним поговорить, просил, однако же, о Кулябке, но получил в ответ, что теперь не имеется вакантного места.

8-го числа я хотел ехать обратно в Тифлис, но Алексей Петрович велел мне остаться, и без всякой надобности, тогда как занятия мои призывали меня на Манглис. 9-го числа я выехал из Белого Ключа и прибыл в Тифлис, куда он приехал 10-го.

12-го. Я опять поехал из Тифлиса на Манглис, для осмотра тамошних работ и производящейся работы по дороге от Тифлиса. Целый день шел дождь, а когда я поднялся на Каджорскую гору, то застал меня еще туман. Я хотел непременно проехать в дрожках до Манглиса, и от того лошади, утомившиеся от частых поездок и грязи, едва привезли меня в урочище, где находился с 6-ю егерскою ротою штабс-капитан Григорович. Я ночевал у него на дожде в худой палатке солдатской, но и тут с удовольствием вспоминал, что оставил скучный и без дела суетливый Тифлис, где с утра до вечера осаждала меня скучливая толпа людей без дела.

16-го я возвратился в Тифлис, где пробыл еще несколько дней, в надежде переговорить с Алексеем Петровичем о моих постройках; но не тут-то было: с утра до вечера кабинет его был наполнен чиновниками, считающимися при нем в службе, и он то в карты играл, то рассказывал им анекдоты, а о деле нельзя было и заикнуться. Видя, что мое пребывание совершенно бесполезно, я просил у него 18 числа позволение в полк ехать. Тут он удивился, что я так скоро хочу ехать и, напомнив мне, что мы еще не говорили о Манглисе, велел мне ввечеру зайти. Он меня продержал до 12-ти часов ночи и все рассказывал о посторонних предметах; наконец, простился со мною, не приказав ничего, и отпустил. Его намерение было у меня истребить все начатые строения и все сделать по новому плану, каменное; но, по беспечности и медленности их, я плана сего не получу прежде осени, и мне негде будет зимовать. Самые предположения его нисколько неудобны для помещения полка: в его строениях никогда и жить не будут по неудобству их, а если они когда и будут строиться, то единственно для исполнения воли его. Я просил его позволить мне продолжать строения деревянные по своему плану и после долгого упорства упросил его, наконец, обещаясь ему все переломать при строении штаб-квартиры по его плану, если его строения придутся на местах, занимаемых моими. Притом же он хотел еще приехать на Манглис в первых числах мая месяца. Я боюсь приезда сего, не имея средств доставить ему все удобства и хороший прием и опасаясь, чтобы он не назначил опять нового места, что лишило бы и меня, и всех чинов полка моего охоты, которую я старался им внушить к переселению.

19-го числа я выехал из Тифлиса, переправился через реку Храм, в которой воды очень увеличились,

ночевал на Калогирском и 20-го приехал в Башкечет, где стал отдыхать от несносной и беспорядочной жизни, которую я вел.

23-го числа, в день св. Георгия, я делал парад и давал обед у себя всем нижним чинам, кавалерам сего ордена. Вечер проводили у Золотарева, командира 1-й карабинерной роты, в которой был образной праздник¹⁹⁰. Я ушел рано; но Сергеев, которого я звал на праздник, оставался там с офицерами очень поздно, и шумное веселье, более похожее на пиршество сумасшедших, заняло у них часть ночи; я же был доволен, зная других веселящимися.

1 мая офицеры, собравшись, давали мне праздник на пчельнике, причем были употреблены все средства, в руках наших находящиеся, дабы придать более торжества сему празднику: орудия и стрелки, рассыпанные по горе и в кустах, сопровождали пальбою поздравления, когда пили за здоровье мое.

7-го капитан Дален прислал при рапорте своем одного пойманного в Красном лесу, что близ Цалки, по следующему случаю. Роты 6-й егерской (которая разрабатывает дорогу от Тифлиса к Манглису) один унтер-офицер Сиволоцкий с двумя рядовыми был послан штабс-капитаном Григоровичем на охоту в сей лес к турецким границам. Ранивши козу, они остановились перед вечером в балагане, и, поставивши два ружья в оном, при коих оставался унтер-офицер, рядовые пошли с одним ружьем отыскивать раненую козу. Унтер-офицер только что отдалился на несколько шагов от балагана, дабы принести воды, как из сидящих за кустами пяти хищников турецких один по нем выстрелил, но не попал, и все бросились на него, связали его, обобрали все оставшееся в балагане, ружья, патроны, котлы и шинели и уехали.

Пришедшие вскоре рядовые развязали унтер-офицера и дали о сем знать на Цалку, откуда был послан казачий разъезд, который хотя и нашел след, ведущий в турецкие границы, но хищников настичь не могли.

Вместе с посылкой сего разъезда было дано из Цалки знать и татарскому караулу, охраняющему границу, о сем происшествии. Начальник того караула Юз-баши-наба поскакал в лес и, отдалившись от товарищей своих, настиг одного человека у начала леса, пешего, на коего напав, схватил и с помощью прибывших товарищей связал. Между тем, товарищи пойманного, находившиеся вблизи, начали стрелять по нашим татарам, которые также завели перепалку, и турки, коих было двое, ушли, отстреливаясь, и скрылись в скалы.

Пойманный был прислан ко мне с Юз-башой, который уличал его, что он хищник, ссылаясь на выстрелы товарищей его и говоря, что и сей по нем спустил курок, держа ружье в упор, но оно осеклось, после чего будто сам Юз-баши стрелял, и у него также ружье осеклось, а затем он ударил турка кинжалом по голове, но прорубил только шапку и, таким образом обобрав его, связал и привел на Цалку. Пойманный, напротив того, уверяет, что он с товарищами ничего не знает о шайке, напавшей на солдат, что они сами были пешие, приходили на охоту из турецкого селения Хыршиси, нисколько не имея намерение грабить, а только защищались от напавших на них наших караульных татар. Унтер-офицер, присланный сюда с ними, также говорил, что сего пойманного не было в числе захвативших, связавших и ограбивших его; а потому я и удостоверился, что сии люди точно не принадлежали к первой шайке. Но они

могли также быть хищниками, и потому, дабы дознать истину, я велел сделать пойманному легкий допрос под розгами, но ничего не узнал: он все оправдывался. Вчера велел я выстроить виселицу и, надев ему веревку на шею, повели его к оной; он испугался, лишился чувств, видя близкую смерть, но также показывал прежнее, а потому я решился донести о сем происшествии начальству, с испрошением, как мне велят поступить с пойманным туркой. Некоторое подозрение падает на него. Сверх того, я велел назвать ему несколько человек из деревни Хыршиси, из коих он, однако же, ни одного не знает, хотя и показывает себя из той деревни. На правой руке он имеет знак якоря, сделанный порохом, который, по словам здешних жителей, означает принадлежащего к войску янычар. Он содержится за строгим караулом на полковой гауптвахте.

11-го я поехал в Тифлис, куда и прибыл в тот же день для принятия прибывших двух рот 25-го и 26-го егерских полков на укомплектование моего полка. Первой командовал капитан Барский, второй поручик Родионов. 12-го числа я принял первую, 13-го — вторую. Люди имели много претензий на своих ротных командиров. Одному, именно Родионову, мне удалось помочь, и рота отказалась от претензии; но капитан Барский, на которого, по-видимому, нижние чины были озлоблены, не успел в своем иске, и я принужден буду представить о сей претензии по начальству, не имея права уничтожить ее. Я остановился у Воейкова, был озабочен с утра до вечера и не имел много свободного времени, дабы с ним вместе побывать. Скудные посещения разных людей мне столько надоели, что я искал случая, как можно скорее обратиться оттуда. 14-го, распростившись с Иваном

Александровичем, я хотел на другой день ехать; но того же числа приехал из Гори Алексей Петрович, куда он ездил гостить к Попову, а потому я остался.

15-го. Он объявил, что будет в конце месяца на Манглис, причем я чрезвычайно боюсь, чтобы он не переменил места моей штаб-квартиры, на коем сделано уже так много строений, что это лишило бы меня и всех сослуживцев моих охоты к постройкам, и нам негде было бы зимовать.

19-го я разбил прибывших людей по ротам своего полка и принялся за изготовление бумаг к отправлению их к своим местам.

26-го, в Духов день¹⁹¹, была здесь сильная гроза, и убило на улице молнией одного солдата 2-й карабинерной роты. Я сейчас вскочил с постели, пробудившись от тяжелого сновидения, коего впечатление до сих пор еще беспокоит меня весьма много. Я видел сию ночь во сне, что Наталья Николаевна Мордвинова умерла после продолжительной и трудной болезни, видел ее умирающей и страждущей, будучи обнадежен родителями в получении ее, если она выздоровеет; но смерть похитила у меня ее со всеми надеждами. Неужели сон сей предвещал мне истину, и я должен еще раз узнать то же самое, без всякой надежды на пробуждение мое от обманчивого сновидения? Мысль сия и беспокойное предчувствие не оставляют меня.

Майор Гладкой-Сацкий, простой хохол, которому надзирания за работами были поручены, по возвращении из Манглиса всегда доносил мне, что все идет, как нельзя лучше. Я давно уже замечал, что человек сей, сколько ни был ограничен, но, не менее того, имел свою степень отечественной хитрости, и я замечал из ответов его, что более заботило его соб-

ственное его хозяйство на новой штаб-квартире, чем успех в постройках полковых, в чем он мог всегда свободно распоряжаться в мое отсутствие, потому что на Манглисе находились роты его батальона. Не менее того, я не переставал ласкать его и оказывать доверенность, в надежде склонить его более к общей пользе, потому что я, ожидая известия о прибытии Алексея Петровича, не мог оставить Башкечета. Сие самое побудило меня, около 6-го или 7-го числа, послать его на Манглис, куда он неотступно и сам просился. Из слишком свободного изложения мнений его насчет отдаваемых мною ему перед отъездом приказаний, я заключил, что ласки мои во вред послужили, и что давно уже действия на Манглисе не согласовались с моими распоряжениями. Сие самое побудило меня выехать из Башкечета, не дождавшись ни его возвращения, ни известия об Алексее Петровиче, и потому 7-го числа я собрался выехать на другой день и часу в 11-м ночи получил при летучей карте письмо от Алексея Петровича, коим он извещал меня, что около половины месяца будет на Манглис, между тем, упрекал мне в том, что я, готовясь к смотру, собрал целый батальон в Башкечете и занимался учениями, тогда как следовало заниматься постройками на Манглисе. Совершенно ложное обвинение сие меня много беспокоило, я не мог почти всю ночь уснуть и встал в 1-м часу, дабы написать ответ. Приказав отправить из Башкечета на Манглис музыкантов, песенников и всякого народа для увеселения главнокомандующего на Манглисе, я выехал сам из Башкечета 8-го числа и приехал на Цалку, где и остался ночевать и в тот же день отправил с Цалки ответ свой Алексею Петровичу. Прилагаю здесь список как с его письма, так и с моего ответа.

Любезный Николай Николаевич!

Ты ждешь инспекторского смотра и, желая пощеголять на оном, удерживаешь людей праздными, тогда как в Манглисе много принесли бы они тебе пользы, занимаясь работою. Это неверный расчет: ты покажешь хороший батальон, а на зиму не успеешь сделать жилищ, и по необходимости надобно будет разделить полк, и не на короткое время остаться должна будет часть на Башкечете. Теперь ни словом не похвалю за исправность, и чрезвычайно благодарил бы, если бы устроил какое-нибудь для людей пристанище. К половине сего месяца думаю побывать в Манглисах; тебя уведомя заблаговременно. Прощай. Верный Ермолов. 6-го июня 1824. Тифлис.

Ответ на письмо А. П. Ермолова

Милостивый государь, Алексей Петрович. Получив письмо, коим вашему высокопревосходительству угодно было меня удостоить, я счел обязанностью своею известить вас о занятиях своих, дабы уверить вас, что я не заслужил упрека, мне сделанного. С самого начала построек на Манглисе, в последних числах января месяца, я не занимался обучением полка, не сводил не только батальона, но даже роты, и едва остается на Башкечете достаточно людей на две смены караула. Имея более 7-ми рот в откомандировках, с остальным количеством невозможно и было распорядиться таким образом, чтобы в одно время учиться, сделать две дороги, заготовить нужные материалы для построек и подвинуть сии последние до степени, в коей они находятся теперь, и в которой вы сами изволите увидеть их. Зная обя-

занность свою, я никогда не решился бы упустить из вида исполнение воли вашей, отвлекая людей от построек для приготовления их к смотру, при предстоящих важнейших занятиях. Мне также известно, что противно было бы воле вашей, если б самая малая часть полка осталась зимовать на Башкечете, и я, согласно сему, вел занятия людей, устраивая жилища на Манглисе и дороги, нисколько не занимая их учениями, даже поодиночке. Посещение вашего высокопревосходительства, коим обещаетесь удостоить меня и сослуживцев моих, давно поощряет нас к вящим трудам. Я смею надеяться, что вы останетесь довольны успехами оных, но также, что вы до узрения их уверитесь в совершенной несправедливости сказанного вам на мой счет. С глубочайшим почтением и пр. Цалка, 8-го июня 1824 года.

9-го я приехал на Манглис и нашел часть вновь обработанной Цалкской дороги весьма испорченной от проезда женатых нижних чинов из Башкечета с семействами и тяжестями и постоянно шедших давно уже проливных дождей, от коих вода в Алгетке так увеличилась, что сорвала только что построенную с большими трудами плотину у мельницы. Дорогой меня с бричкой опрокинуло. Я, прежде всего, объехал все работы и нашел у майора небольшое поле, засеянное просом, строящийся наружный дом при временных землянках женатой роте в овраге не по плану и большой сарай при 5-й егерской у монастыря, рубленный для конюшни. Отвлекая таким образом людей от настоящих построек, без сомнения, нельзя было ожидать хорошего успеха, причем люди 5-й егерской, по-видимому, не были употребляемы к постройкам штаб-квартиры, которая была предоставле-

на одной плотничной команде без всякой помощи. Зачатые строения я нашел весьма хорошей отделки, но с медленным успехом, и потому виновных в сем погонял, сколько можно было; потому что они распоряжались с воли батальонного командира, которому я делал полную доверенность и который, употребив ее во зло, был первый виновник всему. Я стал сам заниматься надсматриванием за работами и порядками, что и продолжал до сего дня, ожидая прибытия Алексея Петровича, для приема коего уже сделаны все нужные заготовления и коего приезд неминуемо причинит ущерб в успехе работ.

13-го, известясь о скором приезде Алексея Петровича, я поехал на вечер по дороге в Тифлис и остановился ночевать на станции, выстроенной мною на половине дороги, которую я назвал Приютиным.

14-го поутру главнокомандующий прибыл и, позавтракав, отправился в Манглис, где он занемог. Погода все была дождливая. Проведши несколько дней в игре в карты и без всякого дела, он поехал отсюда 19-го числа, не сделав ничего, позволил мне продолжать строения и нашел, что место, которое он сам избрал, было весьма дурно, ибо вода отдалена. Кроме того, он нашел, что дороги по гористым местам во все стороны от Манглиса весьма затруднительны, чего он не мог заметить в прошлом году и о чем я ему много раз говорил и писал. Работы во время пребывания его здесь замедлились; ибо, проводя целый день в рассказывании анекдотов или игре, он другим ничего делать не дает, а если и обратит внимание на минуту к делу, то для того единственно, чтобы переменить без всякой выгоды, а по одним прихотям своим. Я был доволен его отъездом; но, к сожалению, слышал от него обещание скоро опять возвратиться. Ча-

стые посещения сии, клонящиеся единственно к увеселению его, будут причиной, что я не успею ничего сделать. Я ожидаю, кроме того, на днях бригадного командира, который также отвлечет меня от занятий.

25-го приехал сюда бригадный командир князь Эристов для смотра рот и того же числа кончил оный. Скучный и вместе очень глупый старик сей несносен своею болтливостью, но не менее того заслуживает уважения по отличной доброте своей и прежней деятельной службе в молодых летах его.

29-го, в день Петра и Павла, полкового праздника, все предалось здесь введенному до меня обряду пьянства, не одни нижние чины, но, к неудовольствию, и самые офицеры. Командир 6-й егерской штабс-капитан Григорович был именинник. Он созвал товарищей своих; неумеренное употребление напитков скоро погрузило их в пьянство, а затем последовали ссоры и упущения по своим обязанностям.

В течение нынешней весны обделана была 6-й ротой егерской дорога от Тифлиса сюда и выстроена в 20 верстах отсюда станция на дороге. Местоположение оной восхитительно, и я с удовольствием провел там время. Уединенное место сие, которое я назвал Приютиным, не имеет себе подобного во всех странах, мною виденных, и я счел бы себя счастливым, если б мог быть помещиком одного, а не временным жителем.

Манглис. 8-го числа приехал сюда из Башкечета турок Иегия-бек, посланный ко мне от пограничного начальника Ахалкалакской крепости Абдуллы-бека с письмами на тот случай, что нынешней весной были турками ограблены в Красном лесу около Цалки несколько солдат, бывших на охоте и оплошно отошедших от своих ружей, вследствие чего нашими кара-

ульными татарами был захвачен один турок после небольшой перестрелки в наших границах с его товарищами, которого полагали из числа грабителей. Он содержался на гауптвахте и по требованию оттуда и удостоверению, что он невиновен, был отпущен, но ружье его, кушак и шапка, как взятые с бою, остались у караульного, взявшего его. Иегия-бек просил о возвращении ему отнятых вещей и привез ружье и вещи, ограбленные от тех солдат, что я и исполнил, прося Абдуллу-бека письмом о возвращении других вещей и людей, угнанных недавно турками из кочевья.

Башкечет, 27 июля. 14 июля мне минуло 30 лет.

17-го я получил из Белого Ключа от Воейкова письмо, коим он извещает меня о прибытии на другой день ко мне главнокомандующего и вызывает меня навстречу. Немедленно по получении сего письма я отправился в новую штаб-квартиру полка Иловайского, где долго дожидался Алексея Петровича, но, наконец, узнал, что он, отъехав от Белого Ключа четыре версты, воротился, потому что дорога показалась ему дурна. Я возвратился в Манглис, досадуя, что все хлопоты, остановки в работах, все было излишнее. Вслед за мною приехали Сергеев, Симчевский и Воейков; последний доставил ко мне письмо от Алексея Петровича, коим он извещал меня, что за дурной погодой не приехал ко мне, а, между тем, звал меня в Тифлис, дабы уверить меня, что новая дорога, которая идет от Кульгутинского поста к Манглису лучше той, которую я уже обделал.

Новая дорога сия была еще в прошлом году осмотрена мною, и я нашел ее довольно хорошей, но несколько кружной. Я намеревался ее обделывать, но нерешимость его и охота к переменам заставили меня

отыскивать другую, которую я и нашел гораздо ближе и почти такую же хорошую в том месте, где он сам избрал ее. Дорогу сию я обработал. В проезд по ней под гору он нашел ее хорошей, но, едучи обратно на гору, она показалась ему крута, и он стал утверждать, что дорога сия хуже идущей на Моздок чрез Крестовую гору, и приказал Воейкову осмотреть виденную мною в прошлом году. Воейков признал ее удобнее, и сим он уверился, что обработанную надобно бросить, а за сию приняться. Он писал ко мне также, что Воейков мне покажет сию дорогу, которую я сам Воейкову показал. Напрасно я уверял его, что если дорогу сию и сделать, то все будут ездить по обработанной уже, потому что она удобна и короче.

18-е и 19-е число я провел в угощении прибывших, а 20-го отправился с ними на станцию к Тифлису, где провел всю ночь в шумном кругу, поил их до невозможности, велел качать, стрелял из ружей и сам представлял из себя человека, в особенности довольного таким пиром.

21-го я проводил их в Тифлис, где 22-го явился к Алексею Петровичу. Он мне стал опять о дороге говорить, и, видя его упорство, я согласился, что дорога сия лучше обработанной, но что я только затрудняюсь в обделке одного крутого спуска, который именно не знаю, как обработать, чтобы он был отлог и лучше тех, которые на старой дороге, и просил его о назначении инженерного офицера для осмотра сего места. Он назначил Боборыкина.

23-го прибыл я в Манглис, где застал все строения в разорении и, к сожалению, узнал, что в мое отсутствие остававшиеся офицеры не переставали гулять, пьянствовать по целым ночам, причем даже были сделаны неудовольствия остававшемуся здесь

старшим майору Потембе, над женой коего ругались в песнях. Но нельзя везде усмотреть, и с таковым нарядом должно еще довольным быть, что чего-нибудь худшего не случилось.

Манглис, 5-го августа. В Башкечете я застал все общество, встревоженное, и узнал, что причиной всего сего был полковой адъютант Артемовский, человек, который мною был совершенно благодетельствован. Он был недоволен за то, что обещанное ему награждение корпусным командиром в прошлом году еще не было им получено, невзирая на все старания мои доставить ему оное. На пирах не упускал он случая поставлять общество против меня и, напавшая подполковника, заставлял его произносить на мой счет, в присутствии всех, самые нелепые речи. Мнительный нрав мой показал мне в сих происшествиях последствия самые дурные, и потому я принужден был взять меры, дабы войти в сие дело и узнать сущность оногo. Я начал с Артемовского, коему сделал выговор за нарушение порядка в мое отсутствие, не показывая, однако, никому, что мне известно было все сделанное ими против меня. После того я увиделся с Золотаревым, коего весьма огорчило то, что я назначил к выступлению 1-ю карабинерную роту, коей он командовал, и тем разлучал его с женой Кулябки. Артемовский подружился с ним и мучил его, представляя ему, что я по службе гнал его. Я успокоил Золотарева, обещавшись ему позволять приезжать в Башкечет, когда он отведет роту. Ввечеру пригласил я Кулябку, и после долгого разговора с ним я увидел, что он помнит весьма зло, сделанное ему Артемовским, и что все действия его против меня, хотя и руководимые собственным огорчением, но, не менее того, имели главную причину свою в происках Арте-

мовского. Мне надобно было видеть еще всех у себя вместе, и потому я пригласил всех к себе на бал 31 июля. Все шло своим порядком, но после ужина многие перепились, и казначей в пьяном виде стал поносить майоршу Потебню, женщину точно презрительную, но которую не должно было обижать в моем доме. Сие самое побудило меня его выслать из дома.

4 августа я перешел от монастыря на штаб-квартиру, где остановился в палатках на прекрасном месте, в сосновой роще. Определившийся на службу в мой полк отставной артиллерийский поручик Романов ездил на днях в Тифлис и, возвратившись третьего дни, известил меня, что на Тифлисский казачий пост прибыли при нем люди Киат-Аги из Туркмении с жеребцом, кибиткой, коврами и прочими вещами, которые ко мне посылал Киат и о коих я на днях получил от него письмо. Он исполнил по поручению моему, данному его сыну при отъезде из Тифлиса, ко-его я просил о сем, присоединив и две львиные шкуры. Мне весьма приятно было видеть доверенность и привязанность сего старика ко мне, и нынешний случай оную весьма доказал.

14-го числа ввечеру я слышал, что песельники во 2-й роте пели после работы и, желая успокоить нижних чинов, притом зная, что таковые веселия не бывают без дурных последствий (потому что офицеры перепьются) я оставил их веселиться до 10 часов вечера, а в 10 часов велел адъютанту написать к ротному командиру поручику Житинскому записку, коей приказывал ему отпустить песельников, в уважение трудов, ими переносимых в течение дня и предстоящих на другой день. Записка, заставшая офицеров пьяными, была сожжена, и приказано петь громче. Вслед за сим я послал адъютанта с приказанием при-

нести ко мне шпагу поручика, а ему приказать идти на гауптвахту. И сие не было исполнено, а песельников, перестававших петь, стали бить. Я пошел сам уже после полночи и ударил сбор. Ротный командир вышел перед ротой пьяный. Я арестовал его, а как он медлил идти на гауптвахту, я велел его силой оттащить туда, а сегодня отдаю приказ по полку, коим предписываю ему удалиться из полка, выставив все его поведение перед офицерами и всем полком. Вот последствия мер снисхождения, мною взятых с недавнего времени.

21-го. Вчера я простил Житинского по просьбе Антонова. Призвав его ввечеру к себе, я ему сделал наставление при всех собравшихся офицерах; после того, отдав ему шпагу, прочел приказ, написанный мною по сему случаю, но еще не отданный по полку и коим я ему предписывал удалиться из полка, изорвал его и простил, видя искреннее раскаяние его, но вместе с тем заметил прапорщику Яновскому в том, что он бил песельников, дабы заставить их петь, что он поступил не как добрый товарищ, будучи сам виновен: видя, что ротный командир его под наказанием, не пришел сам ко мне и не признался в своей вине, прося взыскания или прощения.

27-го. Вчера я разговаривал с Абдуллой, человеком Киат-Аги, привезшим ко мне от него разные вещи, и узнал, что Якши-Магмед, сын его, живший при мне около двух лет и просветившийся несколько знанием грамоты русской и части арифметики, не может ужиться между туркменами, коих находит глупыми, необразованными и скучными дикарями, не дающими ему свободного времени для занятий, которые бы он продолжать хотел, что и соделывает ему тамошнюю жизнь несносной, а его ненавистным

его соотчикам. Судно, отвозившее его на тот берег, наделало там беспорядки. Нашедши в Челекене одну персидскую расшиву¹⁹², лейтенант взял оную силой, говоря, что от правительства нашего запрещено пускать их к туркменам, и забрал весь товар, на оной находившийся, принадлежавший Киату и простирающийся на сумму 10 тысяч рублей ассигнациями. Киат был в то время удручен сильной глазной болезнью; он послал на расшиву трех туркмен в лодке просить лейтенанта, чтобы ему хотя товар возвратили, но лейтенант, увидев приближающуюся лодку, послал баркас против них; трое туркмен поворотили на берег и убежали, после чего он пустил из фалконетов два выстрела по кочевью, их коих одно ядро упало у самой кибитки Киата и чуть не убило меньшего сына его, хотевшего выйти из оной. Туркмены, собравшиеся к Киату по сему случаю, упрекали его в дружбе с нами и требовали мщения, но он запретил им сие, обещав им возвратить все пропавшие товары ходатайством у главнокомандующего, чем и усмирил их. Вместе с отправляющимся обратно судном он написал два письма, одно к Алексею Петровичу, а другое ко мне, с объяснением сего обстоятельства; но я письма сего не получал, почему и полагаю, что лейтенант, сделавший сие насилие, опасаясь, чтоб известие о сем не дошло до главнокомандующего, истребил письма. Теперь, узнав о сем, я опишу все происшествие Алексею Петровичу, дабы виновники, расстраивающие доброе согласие между нами и туркменами, приобретенное толикими трудами, не остались без должного взыскания.

Абдулла также сказывал мне о болезни, появившейся на Челекене по отплытию судна, которая в течение 15 дней унесла из числа 300 душ 47. По описа-

нию должна быть холера: люди, поутру заболевшие, к вечеру умирали с сильной рвотой и поносом, имея на лице признаки человека, изнуренного шестимесячной болезнью.

Он также рассказывал мне об одном случае, доказывающем строгость нравов, сохранившуюся между туркменами. После последнего моего путешествия в Туркмению на берегах Оок, один молодой туркмен, недавно женившись, стал жить особо с молодой женой своею в кочевье и снаряжать себе кибитку. Заметивши, что один молодой человек был в любовной связи с его женой, он вознамерился застать их вместе, уличить и наказать. Для сего удалился он однажды ввечеру из кочевья, приказав жене снабдить его хлебом на несколько дней и говоря, что он идет в дальнее кочевье для отыскания пропавшего верблюда. Ночь была месячная. Удалившись с некоторыми товарищами, которых он взял в свидетели, за бугор, он заметил входящего в кибитку его любовника его жены. В полночь он возвращается со свидетелями к своей кибитке и велит жене отпереть двери; она притворяется не узнавшей голоса его и медлит, дабы дать время любовнику спрятаться. Любовник становится у самого входа, дабы поспешнее выбежать. Муж, не дожидаясь долго, вламывается в дверь с обнаженной саблей и, увидев соперника своего, убивает его, а вслед за сим и жену свою при свидетелях, после чего берет бандуру, садится у порога своей кибитки и всю ночь в радостном исступлении поет песни. Едва утренняя заря осветила окрестности, как он берет трупы убиенных им и вешает их за ноги по обе стороны верблюда, на которого сам садится с бандурой и с песнями влачит любовников по всему кочевью, в присутствии всего собравшегося народа, по-

сле чего он отправился таким же образом в другое кочевье к родителям жены его и бросил у дверей кибитки их труп ее, сделал то же самое и с трупом любовника, которого отвез к дому его родителей. И никто не смел вступить за убитых, ни родители, ни приятели их; оттого, что муж застал их при свидетелях, а убил обоих вместе. Если же бы он убил только одного из двух, то, по обычаям туркмен, целый род умерщвленного стал бы мстить ему и, кровь за кровь, уничтожился бы который-нибудь из двух родов.

Манглис, 11 сентября. 29 августа я поехал в Тифлис, дабы отправить Абдуллу к Киату, обратно в Туркмению, что и исполнил, послав подарков Киату, и поручил находящемуся в Баку Вартану Хачатуровичу послать к нему еще 125 четвертей хлеба. О поступке же морских офицеров с ним я писал к Воейкову, дабы он довел оный до сведения Алексея Петровича.

В первых числах сентября прибыл ко мне из Ленкорана новый священник, из 45-го флотского экипажа, Тимофей Никитин, переведенный ко мне в полк по желанию моему и его собственному, с которым я вместе 8-го числа выехал из Тифлиса обратно в Манглис, где непрерывные проливные дожди много препятствовали успехам в работах.

Корпусный командир, отыскивая новую дорогу с линии в Грузию, должен к 15-му числу сего месяца прибыть в селение Тиби, куда полковник Попов выступил с 1000 человек пехоты и четырьмя орудиями для соединения с Алексеем Петровичем, который выступил с отрядом из Кабарды и должен придти в горы вместе с Поповым.

24-го уехал отсюда прежний священник Лука Савин в Тифлис, для следования в Астрахань. На сих

дней приехал сюда из Петербурга поручик князь Орбелиани моего полка, который, намереваясь служить в гвардии, выходит в отставку. Он приехал вместе с Мадатовым, женившимся на Саблуковой в Тифлисе.

Октября 11-го. 9-го я прибыл ночевать в Приютино, а 10-го явился к корпусному командиру. Вчера было ровно восемь лет, как мы сюда прибыли в Грузию с Алексеем Петровичем. Он праздновал день сей и был очень весел. Я воспользовался сим, чтобы выпросить у него прощение штаб-капитану Калантарову, моего полка, который был отдан под суд за произведенный им беспорядок и драку в саду на днях, где он изорвал мундир на одном полицейском офицере. Случай сей, в коем более участвовал один выключенный из службы офицер, был еще первый такого рода, встретившийся с Калантаровым, который смирный малый, хорошего поведения и нечаянно попался в такое дело. Он дожидался только сентября месяца, чтобы проситься в гарнизон, не чувствуя себя, по ограниченным способностям своим, в силах командовать ротой, от которой он и отказался в прошлом году, когда я ему хотел поручить оную. После долгого сопротивления корпусный командир, наконец, согласился и простил ему.

Тифлис, 12-го. Я был поутру у князя Мадатова, где увиделся с женой его, родственницей моей¹⁹³. Она была весьма рада меня увидеть, не имея никого здесь близких. Она чувствовала, как из слов ее заметить можно, несообразность супружества своего, получив воспитание отличное и живши всегда при дворе, быть супругой человека необразованного, как князь Мадатов. Новое родство мое с ним несколько сблизило нас, и он вчера, отведши меня в сторону, объявил мне данное ему поручение от сестры жены

его Бакуниной, дабы сказать мне, чтобы я приехал в Петербург для женитьбы на Н. Н. Мордвиновой, коей родители и она сама теперь соглашаются выйти за меня. Он мне советовал ехать в отпуск для сего, говоря, что Бакунина не могла сего иначе сделать, как по поручению самого адмирала. Я отвечал ему, что состояние мое и отца моего не позволяет мне предпринять сего путешествия и сделать свадьбу в столице; при том же, желая увериться в том, что я и нынешний раз также не буду обманут, я полагал бы мнением своим, что гораздо лучше было бы адмиралу приехать на будущее лето к водам Кавказским со своим семейством, и тогда бы я сам выехал туда же, и дело сие совершилось бы. Мадатов находил сие затруднительным, и потому я предложил другое средство, чтобы адмирал приехал в свои крымские деревни, куда бы и я приехал.

14-го. Умер поутру подполковник Пономарев, оставив по себе семейство, состоящее из пяти дочерей, двух сыновей, жены и тещи, в крайней бедности. Сие самое побудило меня с Поповым сделать подписку для них: я дал 600 рублей ассигнациями, Попов — 500, и, проведя вечер у Попова, мы впятером собрали 2300 рублей для вспоможения им. Я просидел у Попова до 6-го часу утра; мы провели ночь довольно дурно и выпили множество шампанского вина, так что сегодня, вставши в половине 11-го часа, я почувствовал себя весьма нездоровым.

15-го. Вечеру я ездил прощаться с Алексеем Петровичем. Он тронул меня описыванием своего состояния и того, на что он может считать, когда выйдет в отставку. Он счел мне доходы свои и сказал, что будет жить в Крыму и заниматься воспитанием своих двух сыновей.

Манглис. 1 ноября я перешел в дом свой, не желая более подвергать здоровья своего непостоянству климата и далее испытывать терпение свое на морозе, уже несколько дней продолжающемся и весьма ощутительном, живши на дворе в палатках. Дней пять тому назад я начал учиться по-грузински, единственно для того, что мне весьма легко будет выучиться сему языку и чтобы не упрекать себя в том, что живу более восьми лет между народом, коего языку не выучился. Дом мой, хотя я в нем и ночевал сегодня, еще не совсем готов; я занимаю две маленькие комнаты, которые только осталось окрасить, прочие же должны также в скором времени поспеть.

12-го. Приехавший из Тифлиса поручик Лашевский сказал мне, что 8-го числа сего месяца капитан Боборыкин застрелился, будучи в доме у полковника Давыдова. Он сделал сие при жене его, которая вбежала в комнату, услышавши пистолетную осечку, и застала его, когда он уже другим пистолетом застреливался. Она сама упала без чувств от испуга и долго была в таком положении, пока ее привели к жизни. Если справедливо все сказанное мне, то нельзя не порицать Боборыкина в поступке, который можно назвать бесчестным тем, что он сделал сие в доме, в коем был принят ласково и дружески; но слухи сии могут быть несправедливы.

17-го. Желая доставить Воейкову приятное, я велел нарядить песельников в одежду больных и пригласить им его к себе на обед, по случаю недавнего перенесения в новое строение полкового лазарета. Обман хорошо удался. Воейков точно счел их за больных, и когда мы сели обедать в лазарете, то мнимые больные встали со своих коек и стали в пере-

вязках своих и халатах петь и плясать. Угостивши его, таким образом, в лазарете, я хотел подобный же сему праздник дать ему на обрабатывающейся вновь дороге между татарами, но 20-го числа получил от главнокомандующего предписание по летучей карте с получения сего прибыть в Тифлис, собравшись так, чтобы на некоторое время отъехать в Караклис и Гумры. Не зная причины столь внезапного и неожиданного требования, я должен был торопиться выехать, тем более что летучая карта сия была уже три дня в дороге, потому что она была отправлена через Белый Ключ и Цалку. Итак, по получению оной, чрез несколько часов я собрался в дорогу и того же дня выехал с Воейковым и ночевал на Приютинском посту, куда были высланы наперед пессельники и стрелки. 21-го числа, не доезжая 23 верст Тифлиса, лошади понесли повозку, в которой я с Воейковым сидел. Так как они несли к канаве, в которую бы повозка опрокинулась, я решился спрыгнуть, и сделал сие так несчастливо, что ушиб себе очень крепко левую ногу. По приезде в Тифлис боль так усилилась, что я во всю первую ночь не мог глаз сомкнуть.

Я остановился на квартире Воейкова. Замечая, что я ему мешал (ибо ко мне ходило множество народа, притом же больное состояние мое должно было его беспокоить, что он показывать совестился), я решился перейти от него, и на третий день ввечеру, как мне уже полегче было, я перешел на свою старую квартиру к князю Бебутову, где пробыл до 2-го числа сего месяца, не в состоянии будучи двигаться без костылей. Алексей Петрович провел у меня один вечер и был очень весел и доволен. Я хотел было проводить время свое у Мадатовой,

предпочитая хотя с трудом выехать со двора, чем сидеть на месте (ибо докучливые гости с утра до вечера не оставляли меня), но она была столь осторожна, что сказалась больной для того единственно, чтобы заставить меня не выезжать и тем предохранить ногу мою от большей боли. Итак, я провел в Тифлисе 13 скучных, беспокойных и несносных дней, и я издержал в сие время близ 1000 рублей на потчеванье и шампанское вино, от коего отделаться возможности нет.

1 декабря, накануне выезда моего, я был у Алексея Петровича и просил его, кажется, с успехом, о представлении майора Гладкого-Сацкого в подполковники. И так поездка моя была не совсем излишней, а ушиб ноги, от которого надеюсь скоро выздороветь, избавил меня от дальней и весьма неприятной поездки на границу, куда меня хотели послать, кажется, для размежевания оной.

5-го приехал сюда поручик Руднев, недавно определенный в мой полк из 15-го егерского. Вечеру, приказав казначею достать у Артемовского расходную тетрадь его, я записал ему 6-м числом в оную, без его ведома, на приход 500 рублей, желая сим показать ему мое внимание за его усердие к службе, подарить его в день моего ангела и поддержать, как человека, коего женатое состояние требует больших расходов.

6-го поутру, при собрании всех господ, в штаб-квартире находящихся, сделано было освящение дома моего, и служили молебен для дня ангела моего. К обеду собрались также все господа, а вечером был бал, на коем присутствовали полковые наши жены. К сему случаю приехал из Тифлиса Цицамсваров. После ужина, когда остались одни муж-

чины, желая повеселить господ по их обычаю, я сделал так называемое ими гулянье, т. е. пьянство, но с некоторою умеренностью, и был до 5 часов утра свидетелем их шумной радости. И так я провел день сей не для своего удовольствия, а в угождение сослуживцам своим, не знающим другого веселия и принявшим сие угощение мое с нелицемерным удовольствием.

8-го я писал к Мордвинову длинное письмо, коим, уведомляя его о сказанном мне князем Мадатовым, объявлял решительно, что иначе не могу согласиться на женитьбу с дочерью адмирала, как в таком только случае, если он приедет в крымские свои деревни, куда бы и я выехал, и, женившись, увез бы ее в Грузию, не имея средств ни предпринять путешествия, ни жить в России; но вряд ли они согласятся на сие, и я не вижу, чтобы давнишнее мое намерение когда-нибудь сбылось.

Командир 2-го батальона Гладкий-Сацкий объявил мне, что, желая угостить меня 13-го числа сего месяца (потому что он слышал, что я в сей день праздную освобождение мое из Хивы), он пригласил господ на подписку для сего угощения, что все было подписались, но когда лист сей дошел до Артемовского, то он обиделся тем, что женатых хотели особенно пригласить к сему (чем именно намеревались ему более чести сделать). В присутствии фельдфебелей ввечеру, при отдавании приказа, он объявил гласно, что ни он, ни жена его не будут на сем собрании, в обидных выражениях для майора Гладкого-Сацкого, и, созвав офицеров 1-го батальона, здесь находящихся, он представил им, что их обидели офицеры 2-го батальона тем, что не пригласили на совещание для устройства сего праздника,

и пригласил их всех выскоблить свои подписи. Отпустивши Гладкого-Сацкого, я послал за Артемовским и расспросил его. Оказалось все сказанное справедливым; он полагал еще себя правым. Я не мог вступить в сие дело, потому что я лично был в оное замешан, и, казалось бы, как будто я напрашиваюсь на оную. Желая прекратить всякую ссору между офицерами, я было отказался от сего угощения, но Михаил Антонович представил мне, что желавшие от усердия своего мне доставить приятный вечер ничем не были виновны, и я согласился принять угощение офицеров 2-го батальона. Офицеры же 1-го батальона, сожалея о своем поступке, не знают теперь, как поправить его. Следовало бы выставить зачинщика перед целым обществом, а именно Артемовского, но я не могу сего сделать, ибо не должен бы и знать о сем происшествии. А потому я оставил сие до первого удобного случая, который, вероятно, в скорости представится.

12-го Артемовский, собрав всех офицеров, им соvrращенных, отправился к майору Гладкому-Сацкому, просил у него прощения и позволения участвовать в даваемом мне празднике и получил оное; после чего майор пришел ко мне и просил меня также оставить сие, на что и я согласился, не находя нужным в таком случае продолжать распрю, а, прекратив ее, со временем выставить виновных. Ввечеру я служил молебствие в своей комнате, не полагая, чтобы мне на другой день дали с усердием совершить сей долг.

13-го поутру собрались ко мне все офицеры и просили выйти к параду, для сего дня приготовленному. Майор командовал и сделал небольшое батальонное учение на площади. За сим дан мне был обед

офицерами, после которого все ездили со мною прогуливаться, а ввечеру был дан бал, и на площади был сделан щит с моим вензелем, причем пальба и крики «ура!» сопровождали всеобщее веселие. Всякий желал от чистого сердца, как мне казалось, доставить мне удовольствие; пили за мое здоровье, веселились, как могли. Праздник сей кончился 14-го в 4-м часу утра, и им пресеклись все неудовольствия и ссоры между офицерами.

18-го ввечеру меня настигла необыкновенная тоска. Собрав несколько из офицеров, я старался с ними развеселиться и провел вечер вместе; за сим остался у меня священник, с коим я просидел до 1-го часа утра.

Манглис, 23-го. О случившемся со мною неприятном происшествии пишу здесь для большей предосторожности на будущее время. Месяца два тому назад, как я просил рапортом губернатора о наряде 66 подвод для перевезения из Башкечета оставшегося там заготовленного сухого леса для построения полкового обоза, на что в ответ получил отношение довольно грубое и колкое, коим он предлагал мне рассчитать, сколько мне уже дано подвод. Я получил оное на Приютине в следовании в Тифлис, где ушиб себе ногу. Перед выездом моим из Тифлиса, я съездил с трудом к губернатору и, объяснившись с ним насчет сей бумаги, показал ему желание, чтобы он ее назад взял; но он по глупости своей не понял моего намекания и отвечал мне:

— Что же делать? По службе нельзя иногда избегать неудовольствий.

По возвращении сюда я написал к нему рапорт, что в исчисление тягостей, переносимых жителями, я входить не вправе, потому что сие есть его дело, а что

я удовольствовался бы и просто отказом его без всяких околичностей.

В сие самое время случились здесь морозы, так что мельницы не успевали перемалывать нужного количества муки. Я просил немедленно борчалинского пристава, чтобы он присылал мне поставляемый жителями хлеб в магазин мукой, на что и получил ответ, что хотя он и не может сего вдруг сделать, по случаю замерзания воды на мельницах и в дистанции, но понемногу может доставлять ко мне муку. Между тем, дабы более обеспечить себя продовольствием, не полагаясь совершенно на пристава, я писал в комиссионерство и в штаб, прося о высылке 300 четвертей муки ко мне из тифлисского магазина. В ответ получил я, что комиссионерство сделало уже свое распоряжение и просило губернатора о высылке подвод. В ответ на мой рапорт губернатору я получил два отношения 20-го числа, коими первым отзывается самым пустым образом насчет нарядов подвод, а другим (еще более свидетельствующим об ограниченности ума своего) извещает меня, что вместе с сим предписал он не посылать ко мне муки, а хлеб зерном, что он сделал по личному своему неудовольствию на меня. Готовясь на другой день писать к нему, я получил от корпусного командира повеление, коим, находя меня виновным в том, что не было здесь заблаговременно запасено муки, и находя, что дороги к Манглису непроходимы для обывательских быков, предписывал мне прислать за сими 300 четвертей муки своих лошадей. Мне весьма прискорбно было видеть обвинение, сделанное без всякого исследования дела и по одним, вероятно, пустым и неосновательным отзывам губернатора, не хотевшего дать подвод, дабы более отмстить мне.

Я написал было вчера рапорт к А[лексею] П[етрови-
чу], коим объяснял все дело, но после переменял его,
подумав, что сие может возродить новые неудоволь-
ствия, и отложил оправдание мое до личного с ним
свидания, чему теперь препятствует больная нога
моя. Я написал ему только, что теперь уже не пред-
стоит надобности в сей муке, ибо предварительными
распоряжениями моими и случившейся оттепелью
предупрежден недостаток в муке. Но сегодня и сей
рапорт не послал, а послал к Воейкову с объяснени-
ем дела.

Манглис, 25-го. Сегодня я получил письмо от
Воейкова, коим он извещает меня, что А[лексей]
П[етрович] был недоволен на меня тем, что губер-
натор сказал ему, что я обратил назад 1000 четвер-
тей пшеницы, привезенных ко мне жителями, чего
никогда не бывало. Он по сему случаю зовет меня
в Тифлис для объяснения лично, и я завтра еду в
Тифлис, невзирая на свою больную ногу, дабы
оправдать себя в налганном на меня губернатором.
Сегодня был здесь парад из 2-го батальона по шести
взводов каждый, а после того молебствие с колено-
преклонением на площади перед домом моим. За
сим обед у меня, и теперь продолжается вечеринка,
на которой находятся все офицеры. Со мною едет
священник наш, который по прибытии сюда забо-
лел. Сейчас получил я письмо от Воейкова, коим он
уведомляет меня, что примирение мое с губернато-
ром не удастся; и так я сам еду решить дело сие лич-
но в Тифлисе.

27-го я приехал в Тифлис и явился к Алексею Пе-
тровичу, коему объяснил причины недостатка в муке,
представляя ему, что на Манглисе казенных мельниц
не имеется. Он отменил присылку лошадей моих за

провиантом в Тифлис, по тому случаю, что я управился с перемолом провианта. Вчера я был у губернатора и с ним также помирился. Итак, кончивши дела свои, я сегодня был опять у А[лексея] П[етровича] и, переговорив о мельницах, не заметил в нем никакого неудовольствия на меня. Отобедавши у губернатора, я позвал его к себе, и мир водворился между нами лучше еще прежнего.

Манглис, 2 января 1825. 30 декабря выехал я из Тифлиса и прибыл ночевать в Приютино, откуда выехал 31-го и приехал сюда. 31-го собрались ко мне на вечер все офицеры, и мы встретили в 12 часов ночи Новый год вместе.

1825 год

(Начато в Манглисе близ Тифлиса, во время командования 7-м карабинерным полком)

16 января. Привезли сюда в совершенной исправности полковую музыку мою, которую Алексей Петрович уже полтора года как выписывает из Вены.

6 февраля был у меня бал по случаю Масленицы, на коем присутствовали все офицеры, в штаб-квартире находящиеся, и полковые дамы.

14-го я приобщался Святых Таин.

22 марта я написал письмо к Николаю Михайловичу Мордвинову*, в коем я излагал мысли свои о женитьбе на дочери адмирала, с коими, вероятно, он не будет согласен, но без исполнения коих не приступлю к сему делу, ибо я никак не располагаю с су-

* Если не ошибаемся, это был родной дядя Н. Н. Муравьева по матери. (П. Б.)

прудством лишиться независимости и поступить в другое семейство, не хочу даже оному быть ничем обязанным: я полагаю, что жена должна зависеть единственно от мужа. Поступить же в домоправители адмирала я не намерен и потому мало надеюсь видеть когда-либо исполнение сего давнишнего намерения моего.

29-го был праздник Воскресения Христова. Выпавший со вчерашнего дня снег устлал показавшуюся уже в нескольких местах зелень на $\frac{3}{4}$ аршина; а сегодня присоединилась к тому еще такая метель, что, поехавши на санях к монастырю и выехав из рощи, я принужден был возвратиться, потому что дух захватывало, и ничего не было видно перед собою от метели.

Сегодня разослал я к майору Гладкому-Сацкому и шести ротным командирам, участвовавшим в празднике, данном мне 13 декабря прошлого года в память возвращения моего из Хивы, по одному экземпляру моего путешествия на восточные берега Каспийского моря при письме к каждому, располагая завтра еще разослать шесть экземпляров сей книги некоторым офицерам.

23 апреля, был ротный праздник в 1-й карабинерной роте, в коей образ святого Георгия. Поутру было у меня в доме по сему случаю молебствие, на коем присутствовали все офицеры и вся рота 1-я карабинерная, уставившаяся весьма просторно в три шеренги около стен зала, в коем происходило служение. После сего был у меня званый обед, на коем были все офицеры, в штаб-квартире находящиеся.

8 мая я поехал в Тифлис по случаю прибытия из Петербурга полковника барона Фридрикса для выбора людей в гвардию. Пробыл там до 11-го.

Манглис. 26-го числа приехал сюда, против всякого чаяния моего, Измайловского полка штаб-капитан Муханов, родственник мой¹⁹⁴, который воспитывался и учился в доме отца моего. Будучи адъютантом у Раевского, он был теперь смещен во фронтовые офицеры (потому что генерал Раевский, находясь в отпуске, уже не командовал более корпусом), и, не желая служить в Петербурге, он приехал сюда, дабы повидаться с двоюродной своею сестрой¹⁹⁵ княгиней Мадатовой и искать места адъютанта у Ермолова до получения им капитанского чина, для того, чтобы перейти ко мне в полк подполковником. На сей случай привез он и письмо от генерала Раевского к Алексею Петровичу, но ему было отказано.

8 июня. Дня три тому назад я встал поутру беспокоен; мрачные мысли занимали меня, и причиной сего был следующий сон.

Я видел, что был обокраден и между тем, как занимался отысканием пропажи (то было ночью), пришли ко мне со всех сторон гости, в числе коих были приезжие из Тифлиса и все наши полковые жены офицерские. На спрос мой, зачем они пришли, отвечали мне, что, видя в окно горящую свечу в моей комнате, полагали, что я еще не ложился спать, и пришли провести вечер со мною. Вскоре явилась среди них молодая девица, прекрасная собою, но которую я не знал. Желая доставить удовольствие гостям своим, я послал за музыкантами и пригласил их танцевать; все приняли сие предложение с удовольствием и начали танцевать, а я оделся. Молодая незнакомка мне весьма нравилась, я искал расположение ее и сам танцевал с нею; она была отлична от всех красотою, ловкостью и воспитанием; но никак

не мог я узнать, кто она такая. Один молодой офицер, похожий на капитана Далена, у меня в полку служащего, также старался ей нравиться и успевал более меня, что мне было очень досадно видеть. Но вдруг все исчезло, и бал, и освещение, и гости, и незнакомая красавица. Невольным образом сон сей меня два дня беспокоил: я ожидал какого-либо неприятного известия или происшествия, тем более что мне помнилось во сне, будто кто-то, утешая меня, говорил, что это сон; но я, различая ясно предметы, уверял, что сие не может быть сон и что я истинно видел сих людей и сие происшествие в своей комнате.

Но так как со мною ничего особенного не случилось в течение сих трех дней, то я вчера и успокоился, забыв о сне совершенно.

Вчера приехал из Тифлиса Цинамсваров. Адъютант мой звал меня на чай к себе. Я пришел к нему с Цинамсваровым, и принесли почту, из Тифлиса пришедшую. Письмо от Н. М. Мордвинова возвестило мне, что 29-го числа апреля Н. Н. Мордвинова вышла замуж за отставного полковника Львова*. И так сбылся сон мой: ибо в то самое время, как я читал письмо сие, собрались к адъютанту моему те самые особы, которых я во сне видел у себя на вечеринке; они входили ко мне из двух дверей, некоторые из оружейной комнаты или с восточной стороны, дру-

* Александр Николаевич Львов, очень образованный и достойнейший человек, сын известного при Екатерине и Павле Н. А. Львова, приятель С. Т. Аксакова. Супруга его Наталья Николаевна, предмет столь долгой страсти Н. Н. Муравьева, кончила жизнь в Москве в маститой старости. Замечательно, что бывший искатель руки ее, будучи уже престарелым генералом, по-видимому, сурового закала, краснел при встрече с нею. Так цельна была его могучая природа. (П. Б.)

гие же, женщины большею частью, с малого крыльца или с западной стороны. Не знаю почему, но во сне мне было это очень заметно; ныне же случилось то же самое и наяву, ибо особы сии с тех сторон именно сходились к адъютанту в доме, с которых я видел их приходящими ко мне.

Итак, решилось теперь дело, тянувшееся с самого начала своего 18 лет, а со времени данного родителями ее обещания — 10. Известие сие меня оскорбило, огорчило очень сильно, ибо я не лишился надежды получить ее, коль скоро бы отец мой только согласился дать мне, чем жить в России, и я имел верные известия о том, что родители ее расположены были вступить вновь в сношения со мною по сему предмету, и она сама была к сему расположена. Но теперь все кончилось, и судьба моя должна воспринять совсем иной оборот. Не я прервал первый связь сию, я был постоянен до конца. Теперь же осталось мне только ожидать обстоятельств и слепо повиноваться судьбе, которая да управит участью моею по своему произволу. Сбылось и замечание мое, подтверждавшееся несколько лет сряду, что около 10-го числа июня должно встречаться со мною какое-нибудь необыкновенное происшествие.

15-го числа встретился следующий неприятный случай на Манглисе. Поутру донесли мне, что бежало 10 человек солдат, в числе коих пять из 1-й карабинерной роты. Той же роты унтер-офицер Козловский с двумя рядовыми нашел их в балагане за завтраком в лесу. Испуганные внезапным пришествием его, они выскочили и, как говорит унтер-офицер, выстрелили по нему, но не попали; он также дал по ним залп и ранил одного, который и остался на месте; прочие же

бежали. Опасаясь с таким малым числом людей оставаться в лесу, он возвратился. Вслед за ним послал я майора Кашутина с двумя офицерами и 40 солдатами для отыскания бежавших. Он ходил три дня по лесам, был на Цалке, но никого не нашел и вчера ввечеру возвратился. Раненого принесли в самый день его отправления, и он на другой день умер, сознавшись в своем преступлении.

В исходе прошлого месяца прибыли ко мне денщик мой Морозов, остававшийся в Москве, и мальчик, присланный ко мне батюшкой; они привезли с собою книги мои и разные вещи, которые оставались в Москве.

18 июля. Теперь занимает меня день и ночь одна мысль: возвращение на родину. Служа в Грузии без всякой цели, ныне, со времени замужества дочери адмирала, я стал помышлять о спокойствии, которого, верно, здесь не найду никоим образом. К тому еще служат мне поводом обстоятельства, которые, как кажется, вынуждают Алексея Петровича выехать отсюда и оставить совсем Грузию. Будучи любим и уважаем им, я должен ожидать гонений от преемника его, а лучше не дожидаться их, тем более, когда служба и обманчивые прелести ее мне давно уже надоели.

26-го числа июля я поехал в Гори для обозрения дорог, ведущих в Карталинию¹⁹⁶. Долина Буры населена многими деревнями; из них в каждой почти есть замки, в коих живут помещики, а все вообще имеют большие виноградные сады; но жаркий климат тех мест причиною, что вся земля в полях совершенно выгорела, и, кроме гор, покрытых зеленым лесом, природа в сем месте мертвая. Переправился я вброд через Куру и проехал в Гори, где остановился у пол-

ковника Попова, командира Херсонского гренадерского полка.

Вид города Гори прекрасен: старинная крепость¹⁹⁷ занимает вершину скалы довольно обширной, находящейся на самой равнине; город же расположен у подошвы сей скалы, имеет некоторые строения порядочные, но вообще тесен, впрочем, из уездных городов Грузии может быть в числе лучших. Там выстроены католическая церковь и армянская весьма хорошо.

На другой день приезда моего я ходил с Поповым к царевнам. Одна из них — дочь бывшего грузинского царя Ираклия; ее дочь замужем за князем Эристовым и имеет также дочь лет 18-ти, хорошую собою и весьма любезную по-здешнему, по крайней мере, скромную. Мне жаль было видеть, что Попов, держа их в надежде, что он женится на внучке царевны, не упустит первого случая, если оный только представится, воспользоваться ее целомудрием, что легко может стать от легковерия бабки, не умеющей видеть в Попове качества развратные. Хотя он в другого рода делах, вероятно, иначе повел бы себя; но что до сего касается, то нельзя похвалить его правил, и царевна, по-видимому, слепо ему верит и надеется, ожидая брака сего, как благополучие для своей внучки, тогда как Попов, делая сие для своей забавы единственно, вредит девице и может ее сделать навсегда несчастной.

Другая царевна из фамилии князей Андрониковых; она была замужем за братом последнего грузинского царя Георгия. Обе они весьма почтенные дамы, имеют ордена Св. Екатерины, ласковы в обращении, и кровь их или происхождение заметны только из благородного обхождения их, нисколько же от свойственной азиатцам гордости, коей в сих нет нисколько.

Дня через два после моего приезда в Гори Попов делал бал у себя, на коем присутствовали царевны со своею внучкой и горийские чиновники с женами и дочерьми своими. Бал сей был вроде полковых балов моих, которые я давал прошлой зимой; мне жаль было только видеть, что бедную внучку Елену Эристову, которая могла бы быть счастлива, выйдя замуж за грузина, обманывали надеждой, что она будет супругой Попова.

Я провел время свое в Гори совершенно противно моему образу мыслей, ибо ночи проводили мы в питье, ходили с музыкой по всему городу, а днем спали.

1 августа, в день выезда моего из Гори, я приехал поздно ввечеру в селение Ностицу, лежащее у самой подошвы гор, принадлежащее маршалу уездному дворянства в Гори, князю Тарханову. Старик принял меня со всевозможной вежливостью и гостеприимством; тут я несколько отдохнул от пребывания моего в Гори. Замок его окружен стеной с башнями; вид с галереи его прекрасный, он обозревает всю долину, на которой рассеянные деревни со своими замками и башнями напоминают времена феодализма, в котором точно и жили грузины до пришествия русских. Хозяин мой пользовался особенным уважением всех помещиков в окрестностях. Собралось до 15 человек князей, и все Тархановых, из коих всякий старался, чем мог, угодить и услужить мне. При всей вежливости их я не мог не заметить озлобления их на правительство наше или, лучше сказать, на своего окружного начальника майора Петрова, производшего сие негодование. Человек сей служил при Ладинском в моем полку и был известен мошенничествами своими, коими он приобрел ненависть всего общества офицеров; он, по-видимому, ныне притес-

няет самыми низкими средствами подчиненных своих и не приобрел от них ни малейшего уважения. По слухам, он пускается в самые подлые поборы. Вообще, я заметил весьма дурное расположение духа в Гори, и при первом удобном случае оно, вероятно, окажется с невыгодой для нас. Удивительно еще смирение и повиновение сих людей, выведенных из терпения.

Манглис, 14 августа. Перед выездом моим из Ностицы хозяин мой сделал угощение, после которого князь, подвеселившись несколько вином, стали плясать, вывели и племянницу его, лет 14-ти девочку, весьма хорошую собою, которая плясала по-грузински, и праздник сей не кончился бы до вечера, если бы я не поспешил выехать; все провожали меня около версты. По прибытии сюда я застал только что приехавшими казначея Майвалдова, чиновника из канцелярии корпусного командира Закревского и аудитора Молочного. Майвалдов рассказал мне в подробности о случившемся на линии в Чечне. Генерал-майор Греков, командовавший оною, имел известие, что между ними явился некий пророк, предвещавший сего года совершенную гибель всех русских и им возвращение свободы. Святой сей или пророк явился еще в прошедшем году, как я слышал от других, и нынешние происшествия давно уже готовились. Узнав, что в известный день и почти час чеченцы, собравшиеся в значительном количестве из наших мирных деревень, переселенных после последней войны на равнину, и из гор, никогда нами не покоренных, собираются напасть на Амираджи-юртское укрепление¹⁹⁸ и Аксаевскую деревню, также укрепленную, он был в обоих сих местах и дал наставления начальникам сих крепо-

стей, как им распорядиться в случае ожидаемого нападения. Сие говорил Майвалдов, приятель Грекова; вот как я слышал начало сие от других.

Греков, коему поручено было управление чеченцами, переселившимися на равнины, многими поборами и несправедливостями ожесточил их так, что они вынуждены были взбунтоваться и, вступив снова в союз с единоплеменниками своими, оставшимися непокоренными в горах, решились сделать нападение на нас под предводительством явившегося среди них пророка¹⁹⁹. Как бы то ни было, последствия сего дела следующие. Чеченцы напали на укрепление Амираджи-юртское врасплох, ворвались в крепость и вырезали всю роту, там находившуюся, взяли две полевые пушки и около восьми гарнизонных, там находившихся; осталось только несколько человек без оружия и два офицера. Захвативши тут все оружие и снаряды, отправились они к Аксаевской деревне и укреплению, где, найдя более осторожности, расположились около крепости осаждать ее. Греков, осведомившись о сем происшествии, собрал сколько было можно войск, около двух рот, пошел освобождать подполковника Сарочана, находившегося в осаде, и был настигнут дорогой генерал-лейтенантом Лисаневичем, спешившим к нему в сем случае, но без войск. Чеченцы, осаждавшие Аксай, увидев приближающееся войско, разбежались, и Лисаневич с Грековым вступили в крепость и освободили Сарочана. Тут Лисаневич стал вызывать из толпы людей, подозрительных в сем заговоре и вредных правительству нашему влиянием, которое они имели в народе; их было человек до 10. Двух вызвали и взяли под стражу; позвали третьего, и он, отозвавшись на зов, вынимает кинжал и в

присутствии всего народа и войск убивает на месте Грекова, бросается вслед за сим на Лисаневича и ранит двумя ударами кинжала (от коих он через несколько дней умер), за сим кидается на пристава Филатова и наносит ему также кинжалом рану, но не смертельную (ибо стоявшее тут войско не дало ему довершить своего намерения). Лисаневич, падая, закричал солдатам: «В штыки!» Все бросились, убийцу вмиг закололи, а за сим солдаты, остервенившись, в ярости стали колоть предстоящий народ. Чеченцы, испугавшись, оставили дома свои и город и укрылись в горы.

В сем положении находились чеченские дела, когда Алексей Петрович, отлагавший со дня на день поездку свою на линию, вынужден был поспешить туда. Он выехал, но больной, и последние известия были, что он остановился за болезнью во Владикавказе; между тем в Чечне уже собирался отряд из пяти батальонов. Неизвестно еще, какие последствия были сему делу и чем оно кончилось.

Будучи в последний раз в Тифлисе, я познакомился короче с Сергеем Николаевичем Ермоловым, от которого узнал о состоянии дел наших с Персией. Спор о границах, который уже три года продолжается, до сих пор еще не кончен. С нашей стороны были сделаны большие уступки, но персияне еще ими не были довольны и не умерялись в требованиях своих; это было причиною, что произошло у Алексея Петровича с Аббас-мирзой неудовольствие, и последний, кажется, грозился вторжением в границы наши. Алексей Петрович, досадуя на расположение государя, не позволяющего ни под каким видом войны, писал к нему перед выездом своим письмо, почти убеждая его допустить военные действия с персиянами.

В сем письме, излагая свою преданность государю, он давал чувствовать в сильных выражениях, сколько ему прискорбно видеть уменьшение доверенности, которую к нему имели, и прибавил, что, в случае уступки персиянам требуемого ими, государь может прислать для исполнения его воли другого начальника, но что он никогда на сие не решится. Письмо это было писано, как говорят, в выражениях довольно дерзких. По-видимому, он не располагает здесь долго остаться или его не хотят здесь долее иметь. По сему случаю я посылал Сергея Ермолова к нему спросить, уезжает ли он отсюда, дабы самому взять меры к отъезду своему. Ответ его был, что еще не собирается отсюда выехать, и, во всяком случае, он должен с линии возвратиться в Тифлис. Я же не располагаю здесь более остаться, и все помышления мои клонятся к отъезду, который полагаю предпринять в начале будущего года, почему и готовлю полк свой к сдаче. Мне здесь нечего более делать, и пора уже возвратиться домой после долгого странствования и потерь невозвратных! Там, может быть, найду я еще покой и счастье, в достижении коего провел я тщетно лучшие годы моей жизни и всей моей молодости без успеха.

В ночь с 16 на 17 августа месяца, в полную луну, я видел следующий сон. Я умирал в тяжелой болезни, старания врачей и собравшихся родственников не помогли мне; я умер, и меня положили в каменный гроб, из целого камня высеченный, отнесли в старую церковь и поставили там гроб на ноги, так что я, находясь в нем, так же стоял, но не мог только двигаться, видел только несколько в малое отверстие, оставленное для глаз. Лекаря удивились, видя меня ожившего в гробу; я стал говорить, но только двигаться не мог.

Усмотрев, что мне роют могилу в самой церкви, я сожалел, что не хотели меня похоронить в открытом месте или в роще, и с гробом своим подвинулся к могиле. В это самое время она провалилась, и под церковью открылся большой погреб, в коем находились гробы похороненных тут в старые годы знатных фамилий грузин. Чувствуя приближающуюся смерть, я просил бумаги, чтоб написать свое завещание, начал писать, но, заметив улыбку присутствующих, спросил их о причине оной; мне отвечали, что я так неразборчиво пишу, что совершенно ничего нельзя прочесть. Итак, я чувствую смерть свою, снова приближающуюся. Я слабел и просил Молочного писать за меня. В это время увидел я мать свою на смертном одре, в другом углу лежащую. Штаб-лекарь моего полка говорил, что напрасно так заблаговременно и в моем присутствии рыли могилу, что могло ускорить мою смерть и тревожить меня. Лекарь же, ощупав пульс, объявил, что есть надежда к выздоровлению. Сим все кончилось, и я проснулся. Могилу же рыл Веденей, мой человек, который был очень огорчен и плакал, роя могилу.

24 августа. Причиною сна сего была, вероятно, пещера, которую мы недавно открыли близ Манглиского монастыря. Она в двух саженьях под землею и состоит из нескольких ходов, выточенных сводами, идущими в разные стороны; в сих ходах есть ниши в стенах, в коих поставлены большие кувшины, аршина в три величины. Теперь мы трудимся над исследованием одного хода, который несколько завалился. Вероятно, пещера сия служила убежищем жителям во времена набегов, и весьма немудрено, что мы в ней найдем если не сокровище, то, по крайней мере, медную посуду: ибо, по словам жителей, монастырь Ман-

глиский и окрест лежавшие деревни были оставлены внезапно по нападению лезгин, которые разгромили их и всех монахов побили. С тех пор, тому 70 лет, места сии служили убежищем лезгинам, которые ездили к Тифлису грабить; целые шайки их жили в самом монастыре, но не открыли сии пещеры; надобно полагать, что жители, уже много раз встревоженные набегами, скрывали в них имущество свое.

Тифлис, 25 сентября. Выезд мой из Манглиса (3-го числа) был точно в неблагополучный час предпринят; ибо, когда я приехал сюда, Вельяминов объявил мне, что 19-го числа едет ко мне. Сие понудило меня собраться опять в Манглис. Возвратившись от него, я стал распоряжаться к отъезду, как в соседственной комнате поднялся визг и плач. Причиною сего была кончина жены хозяина моего Бебутова, которая уже девять лет лежала разбитая параличом и, впадши в болезнь за несколько дней до приезда моего, умерла сейчас. Дочь ее была также при смерти больна и, так как хозяину негде было поместиться с плакальщицами и покойницей, он просил меня уступить ему мою комнату, в которую и поместили покойницу. К счастью, случился у меня в это время Майвалдов, который пригласил меня ночевать к себе, и я перешел к нему.

Дела наши с Персией принимают вид войны. Мазарович, наш поверенный в делах, возвратился оттуда. Аббас-мирза, не получая земель, принадлежащих ему по трактату Гюлистанскому в 1812 году²⁰⁰, при Ртищеве сделанному, которые мы на границе заняли, и, получивши личные оскорбления от Алексея Петровича, наговорил множество дерзостей и ругательных слов в ответ на оные на счет главнокомандующего Мазаровичу и грозил войной с жалобой государю на обиды,

им понесенные, и грубости, сделанные ему Алексеем Петровичем; между тем, не упустил упомянуть и обо всех беспорядках, происходящих здесь, в управлении Грузии, которое ему совершенно и во всей подробности известно, говоря, что первое его вторжение будет сопряжено с повсеместными возмущениями в наших ханствах и даже в самой Грузии от жителей, озлобленных грабежом и несправедливостью чиновников, ими управляющих, в чем он совершенно прав. Между тем конница персидская уже вступила во владения спорных земель и согнала с оных наши обывательские караулы. Неизвестно и любопытно знать, чем кончится все сие происшествие, в коем виноват, по-видимому, Алексей Петрович своею запальчивостью: ибо, зная мысль государя, не желающего войны, он не должен бы расстраивать союза с Персией и оскорблять самыми неприличными выражениями наследника персидского престола за то только, что он требует возвращения ему принадлежащего. Вследствие последних действий персиян, которые политика, вероятно, научает приписывать самоуправству эриванского сардаря²⁰¹, Алексей Петрович предписал Вельяминову жаловаться письмом о сем Аббас-мирзе, с изложением мнения своего, что не должно и несовместно приступать к мерам такого рода, когда еще не кончен и не решен спор о пограничных землях.

27 сентября. Вельяминов поехал на Белый Ключ, где он выкрестил сыновей Алексея Петровича²⁰²; 29-го он возвратился. Я поспешил к нему, дабы объявить ему об узнанном мною здесь, что маршалы дворянства на днях, собравшись к губернскому предводителю дворянства, хотели написать прошение с жалобой государю и послать с оным депутатов, почему и собирали они деньги с прочих дворян. Я счел обя-

занностью предупредить свое начальство о сем, но скрыл людей, доведших сие до сведения моего, и самые подробности сего обстоятельства, как то предмет жалоб, не полагая, чтобы сие до меня касалось, и предоставил начальству самому взять меры к дознанию сего и прекращению.

Алексей Петрович, по-видимому, едет с линии для свидания с государем в Астрахань или в Таганрог. Государь, узнав об убиении Лисаневича и Грекова и делах на линии, назначил по представлению его князя Горчакова дивизионным командиром на линию; в присылке же войск сюда отказал ему. Из рескрипта сего заметно только хорошее расположение к нему государя; но о делах персидских государь ничего не пишет, и одно свидание их должно решить дело сие.

5 октября я приехал в Манглис. Персидская конница, занявшая, по вытеснению без драки наших обывательских караулов, спорные пограничные места, расположилась лагерем в сих местах и привела земледельцев, которые и начали их запахивать.

По приказанию Вельяминова полковник князь Севарземидзев ходил туда с ротой и с орудием. Персияне, издали увидевшие их, бежали, оставив весь лагерь нам. Но Севарземидзев послал их воротить и отдал им все брошенное, велев очистить места сии, что они и исполнили немедленно.

9 ноября. Я получил из Тифлиса письмо от Майвалдова, коим он уведомляет меня, что посланные на границу войска усмирили несколько надменность персиян, которые стали миролюбивее, и что, по-видимому, все обойдется без шума (по крайней мере, так кажется, до весны). Известия сии согласны и с известиями, получаемыми мною от Флиге,

который пишет, что персидских войск весьма мало на границе, а регулярных и совсем нет. Не менее того меры сии не излишни, дабы показать персиянам, что расположение наше не уступать им. О приезде государя в Астрахань ничего более не слышно. Алексей Петрович все еще в Амирадж-юрте и скоро оттуда тронется. Начальник же штаба, собрав отряд, по словам Майвалдова, стеснил кабардинцев в одном ущелье, так что они принуждены будут с наступлением зимы положить оружие или погибнуть. По сему случаю и потребовали 1000 человек пехоты из Тифлиса на линию, дабы занять посты, из коих выведены были войска для стеснения кабардинцев, и войска сии должны там остаться до окончания похода против кабардинцев.

26-го. Приехал сюда Цинамсваров, который ездил в Амамлы²⁰³ к двум ротам моим, там находящимся. По словам его, подтверждаются все известия, даваемые мне Флигем о ничтожности дел на границе с персиянами. Эриванский сардар отвечал посланному к нему от князя Севарземидзева, что подданные его никогда не осмелятся нарушить мир, а что князю вольно дурачиться, сколько ему угодно. От Цинамсварова также узнал я, что в Караклис прибыл из Персии хан, который едет к государю и который теперь должен быть уже в Тифлисе.

К 6 декабря я созвал сюда офицеров своих из Тифлиса и сделал бал, на котором все веселились без притворного удовольствия.

Но наши дела не в лучшем состоянии. Закубанцы разграбили еще одну станицу неподалеку от Ставрополя. Главнокомандующий выехал из Чечни в Екатериноград²⁰⁴ для свидания и, вероятно, для совещания с Горчаковым и начальником штаба, после

чего, как говорят, должна начаться экспедиция для умирения горцев. Чеченцы ожидали его в проезде его в числе 300 человек, но опоздали и напали уже на возвращающийся конвой его, из 100 казаков состоявший. После небольшой перестрелки один чеченец был взят, коему, как говорят, главнокомандующий приказал отрубить уши и пустить обратно к его единоплеменникам.

Манглис, 14 декабря. Собрались из Тифлиса офицеры наши и сделали мне праздник по случаю возвращения моего в сей день из Хивы: был обед, бал и ужин; во время бала я был вызван на двор и увидел изготовленную иллюминацию: впереди стоял щит с моим вензелем, а по бокам происшествия из путешествия моего в Хиву, срисованные в большом виде с картин моего путешествия, а именно первая ночь на берегу, крепость Ильгельди и прием, сделанный мне ханом; к ним присоединен еще четвертый вид, изображающий мое возвращение к берегу из Хивы, что сделали по словам священника. Картины сии, из коих две написаны весьма порядочно, были освещены сзади плашками, так как и все строения, на площади находящиеся, и под ними были написаны стихи, различные изображенным случаям. При выходе моем была сделана пальба выстроенными для сего по обе стороны щитов солдатами. После же того, по-обыкновенному, начались попойка и качание²⁰⁵.

12-го числа майор Кашутин привез сюда известие о смерти государя. 11-го числа в Тифлисе все военные и народ присягнули императору Константину Павловичу.

16-го приводил я к присяге на верность службе новому императору Константину Павловичу²⁰⁶ при штаб-квартире находящихся воинских чинов.

24-го выехал я из Манглиса в Тифлис, где намеревался узнать о расположении Алексея Петровича остаться служить или нет в Грузии, расположить по сему и действия и, в случае, если только обстоятельства мне позволят, не замедлить поданием в отпуск или отставку. Не думаю, однако ж, чтоб мне удалось исполнение желания моего в сем случае, ибо домашние обстоятельства, и отца, и братьев, в весьма дурном состоянии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Куба, с 1735 г. столица Кубинского ханства, ныне город Губа на севере Азербайджана.

² Обер-квартирмейстер — штаб-офицер, начальник квартирмейстерской службы корпуса, подчинялся начальнику штаба корпуса, отвечал за размещение войск, разработку маршрутов движения, составление боевых документов и донесений о действиях корпуса, подготовку топографических карт и пр.

³ С 1816 г. автор переживал глубокий личный кризис, вызванный тем, что адмирал Н. С. Мордвинов не согласился выдать за него свою дочь Наталью. Летом 1820 г., когда Н. Муравьев приезжал в Петербург в командировку, родственники сообщили ему, что ситуация изменилась, и он может рассчитывать на совершенный успех, но автор не решился вновь приступить к этому делу, тем более что адмирал в это время был в отъезде. Однако, как следует из полученного письма, Мордвиновы продолжали выступать против этого брака.

⁴ Молодая гвардия — воинские части русской армии, получившие звание гвардейских за боевые отличия в 1812 г. и преимущество офицеров только на один чин перед армейскими офицерами: лейб-гвардии Гренадерский, Павловский гренадерский и лейб-гвардии Кирасирский Его Величества полки.

⁵ Фельдъегерь — государственный военный курьер в ранге нижнего чина, служивший в Фельдъегерском кор-

пусе и доставлявший корреспонденцию правительственного уровня.

⁶ Трухмения, трухменский народ — здесь и далее в тексте данной части «Записок» эти устаревшие термины употребляются для названия Туркмении и туркменов.

⁷ Термин «поколение» в данном тексте употребляется в значении «род», «племя».

⁸ Ленкоран — ныне Ленкорань, город в Азербайджане.

⁹ Балканский (точнее, Балханский) залив — северо-восточная, глубоко врезавшаяся в материк часть Красноводского залива, ныне местами в маловодные годы пересыхающая вследствие опускания уровня Каспийского моря и частично превращающаяся в солончаки.

¹⁰ Автор «Записок» здесь и далее ведет речь о расположенных поблизости от Балх(к)анского залива Каспийского моря Балканских возвышенностях (горах). Не путать с одноименным горным массивом в Юго-Восточной Европе.

¹¹ Аманат — на Северном Кавказе во время Кавказской войны заложник, взятый для обеспечения точного выполнения договора, заключенных условий преимущественно в военное время.

¹² Кендерлинский залив (ныне — Казахский залив) — находится на мангышлакском побережье Каспийского моря, в 250 км южнее казахстанского города Актау.

¹³ Агиз-ада (Агис-ада) — остров, существовавший во времена Муравьева в Кендерлинском заливе Каспийского моря. По мере понижения уровня Каспия соединился с материком и стал частью Кендерлинской косы.

¹⁴ Александр Бай — залив в восточной части Каспийского моря в районе села Курык Мангистауской области Казахстана. Был назван по имени князя Александра Бековича-Черкасского.

¹⁵ Мангышлак — полуостров на восточном побережье Каспийского моря, переходящий в одноименное плато.

¹⁶ Эмба — река в Казахстане. Ныне из-за большого водозабора на орошение падает в Каспийское море лишь в полноводные годы. По Эмбе проходит часть условной границы между Европой и Азией.

¹⁷ Култук — мелкий залив Каспийского моря. Астрабадский култук — ныне залив Горган.

¹⁸ Астрабад — ныне Горган, город в Северном Иране.

¹⁹ Автор «Записок» имеет в виду чрезвычайно выгодный для России Гюлистанский мирный договор 12 октября 1813 г., завершивший многолетнюю войну России и Персии 1804–1813 гг. По нему Персия признала переход к Российской империи Дагестана, Картли, Кахетии, Мегрелии, Имеретии, Гурии, Абхазии, Бакинского, Карабахского, Гянджинского, Ширванского, Шекинского, Кубинского ханств, а также части Талышского (Ленкоранского) ханства.

²⁰ Карагач — село в Прохладненском районе Кабардино-Балкарии, на предгорной Кабардинской равнине.

²¹ Верста — русская мера измерения расстояния, равная нынешним 1066,8 м.

²² Саганлуг (Соганлуг) — во времена Муравьева был пригородом Тифлиса; в настоящее время аэродром Тбилисского авиазавода в черте города.

²³ Мингечаурская переправа — с античных времен связывала правобережье Куры со столицей Кавказской Албании Кабалой, находясь на важнейшем транспортном пути региона из Каспийского моря по крупнейшей реке Закавказья. Это было основное место перехода через полноводную реку и одно из ответвлений Великого Шелкового пути. Во времена автора «Записок» Мингечаурская переправа продолжала играть существенную транспортно-экономическую роль.

²⁴ Шамхор — ныне Шамкир, город в Азербайджане.

²⁵ Елисаветполь — ныне Гянджа, город в Азербайджане.

²⁶ Инженер-майор Л. Л. Ладыженский в 1764 г. проводил исследования на восточном берегу Каспийского моря и оставил журнал своего путешествия.

²⁷ Карабаг — ныне Карабах, историко-географическая область в Восточном Закавказье. В настоящее время населенный преимущественно армянами, Карабах де-юре входит в состав Азербайджана, де-факто же его большая часть контролируется непризнанной Нагорно-Карабской республикой.

²⁸ Мингичаур (правильное написание — Мингечаур, также встречается под названием Мингечевир) — город в Азербайджане, на обоих берегах Куры.

²⁹ Нуха (ныне — Шеки) — город в Азербайджане, у южной подошвы Главного Кавказского хребта, столица упраздненного в 1819 г. Шекинского ханства.

³⁰ Ширван — историческая область в Закавказье на западном побережье Каспийского моря, от Дербента на севере до реки Кура на юге.

³¹ Новая Шемаха — город, располагавшийся в окрестностях современного азербайджанского города Ахсу, после того как правитель Персии Надир-шах в 1734 г. разорил один из крупнейших городов Ширвана Шемаху и перевел ее жителей на новое место. Однако уничтоженный персидским шахом ширванский город вскоре возродился под именем Старая Шемаха. Ныне он вновь называется Шемаха.

³² Фитдаг — одна из столиц Ширванского ханства. Располагался у одноименной горы в окрестностях Старой Шемахи. После бегства в 1820 г. в Персию последнего правителя Ширванского ханства Мустафы-хана и ликвидации самого ханства, Фитдаг на следующий год был уничтожен российскими войсками, а его жители переселены в Старую Шемаху. Ныне — село Сулук Исмаиллинского района Азербайджана.

³³ Имеется в виду корвет «Казань», на котором автор совершил свою первую экспедицию в Туркмению в 1819 г.

³⁴ Сара — остров у западного берега Каспийского моря, севернее города Ленкорань. В настоящее время в

связи с понижением уровня моря превратился в полуостров.

³⁵ Шкоут (шкут) — плоскодонное парусно-гребное грузовое судно прибрежного плавания.

³⁶ Речь идет об индийцах-огнепоклонниках, обитавших в окрестностях Баку на Апшеронском полуострове. В селении Суруханы последователи зорастризма поддерживали неугасимый огонь в храме Атешгях благодаря близости расположения к поверхности земли горящих выходов природного газа. Здесь и далее под «индейцами» автор «Записок» имеет в виду индийцев.

³⁷ Квадратный фут — единица измерения площади, равная 0,3048 м. Соответственно, 1,5 квадратных фута составляли 0,14 м².

³⁸ Видимо, имеется в виду караван-сарай — на Ближнем и Среднем Востоке и в Средней Азии большое общественное строение в городах, на дорогах и в ненаселенных местах, служащее кровом и стоянкой для путешественников, как правило, для торговых караванов.

³⁹ Аршин — старинная русская мера длины, равная 0,7112 м. То есть длина волос у индуса равнялась 2,84 м.

⁴⁰ Плац-майор — должность старшего помощника коменданта города или другого населенного пункта.

⁴¹ Брандвахта — корабль, несущий сторожевую службу у входа в гавань или порт.

⁴² Девичья башня — древняя крепостная постройка у прибрежной части Старого города «Ичери-шехер» в Баку. Визитная карточка азербайджанской столицы. Входит в список объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО. Точное время ее возведения до сих пор не выяснено, но в XII в. она уже входила в систему оборонительных укреплений города.

⁴³ Приблизительно 43 м в высоту и 11 м в диаметре.

⁴⁴ В 1820 г. русский дипломат А. Ф. Негри, который вместе с автором участвовал в Персидском посольстве А. П. Ермолова, получил поручение отправиться в Бу-

хару, чтобы завязать с этой страной торговые отношения и выхлопотать освобождение русских невольников, захваченных хивинцами, киргизами и туркменами и проданных в неволю в Бухару. Все возложенные на него поручения Негри выполнил и представил в Министерство иностранных дел подробный журнал переговоров и переписки, которые он вел с бухарским правительством. Негри вывез из Бухары много пленников, и в награду за труды ему был пожалован орден Св. Анны 1-й ст.

⁴⁵ Крестиком в полукруге обозначались в адрес-календаре великие церковные праздники, 23 апреля праздновался день св. Георгия.

⁴⁶ Летучая карта — донесение или распоряжение, отправленное по летучей почте, т. е. по почте, временно организуемой для связи между войсками в полевых условиях.

⁴⁷ Шанцевый инструмент — набор инструментов, необходимых для полевых фортификационных работ, включавший топор, мотыгу, лопату и кирку.

⁴⁸ То есть 18 см.

⁴⁹ Сажень — старорусская мера расстояния, равная 2,1336 м. Соответственно, 8 саженей равнялось 17 м, а 10 саженей — 21,34 м.

⁵⁰ В связи с обострением международной обстановки, вызванной, в частности, восстанием в Турине, рескриптом от 3 марта 1821 г. император Александр I, находившийся на конгрессе Священного союза в Лайбахе (ныне Любляна, Словения), вызвал А. П. Ермолова к себе. Предполагалось, что Ермолов возглавит 3-ю экспедиционную армию, призванную подавить революцию в Италии. Однако после вступления 9 апреля австрийских войск в Пьемонт, поход в Италию русской армии был отменен, и назначение Ермолова не состоялось.

⁵¹ Должно быть не «эскадронный», а «эскадренный» командир.

⁵² Решт — город в Иране, центр провинции Гилян, расположенной на юго-западном побережье Каспийского моря.

⁵³ Фейерверкер — унтер-офицер в артиллерии, который командовал прислужкой артиллерийского орудия (командир орудия).

⁵⁴ Шкипер — капитан купеческого судна.

⁵⁵ Занте — остров в Ионическом море. Входит в состав Ионического архипелага, издревле называвшегося «Семью островами».

⁵⁶ Корвет — в эпоху парусного флота трехмачтовое военное судно с орудиями только на верхней палубе, используемое для военной и посыльной службы.

⁵⁷ Речь идет о мечети Биби-Эйбат — шиитской «мечети Фатимы», расположенной на берегу Бакинской бухты. Она была построена в конце XIII в. архитектором Махмуд ибн Саидом по приказу ширваншаха Фаррухзада ибн Ахситака II над гробницей дочери седьмого шиитского имама Мусы аль-Казима. В 1935 г. взорвана, в 1998 г. — восстановлена на основе старинных эскизов и фотографий. На протяжении многих веков эта мечеть является духовным центром для мусульман всего Востока.

⁵⁸ Укейма ханум происходила из рода дочери пророка Мухаммеда Фатимы и ее мужа имама Али.

⁵⁹ Гилян — остан (провинция) в Иране, расположенный на юго-западном побережье Каспийского моря.

⁶⁰ Пакетбот — во времена Муравьева парусное двухмачтовое почтово-пассажирское судно, совершавшее регулярные рейсы для перевозки почты и пассажиров.

⁶¹ Фамилия уточнена по «Общему морскому списку», в журнальной публикации было написано «Ладыжинский».

⁶² Остров Огурчинского — песчаный остров в юго-восточной части Каспийского моря. Тянется узкой косой шириной около 1–1,5 км и длиной около 42 км с севера на юг. Название получил по имени тюрского племени

огурджале, букв. «лихие люди», «морские разбойники», проживавшего на этом и окрестных островах и занимавшихся грабежом торговых караванов.

⁶³ Речь идет об острове Челекен (ныне — полуостров) на восточном берегу Каспийского моря, в Туркмении.

⁶⁴ Острова Наргин (Беюк-Зирия) и Вульф (Даш-Зирия) — небольшие скалистые острова в Бакинской бухте.

⁶⁵ То есть на корвете «Казань» в 1819 г.

⁶⁶ Шах-заде — титул, обозначавший принцев, потенциальных наследников престола.

⁶⁷ Йомуды (иомуды) — один из туркменских родов, обитавших в долине реки Атрек и сопредельных областях Ирана.

⁶⁸ Мазендеран (ныне — Мазандран) — провинция в Иране, расположенная на севере страны.

⁶⁹ Пуд — русская мера веса, равная 16,38 кг.

⁷⁰ Антимоний — устаревшее название минерала сурьмяного блеска или антимонита.

⁷¹ Шверман (швермер) — ракета для фейерверка, оставляющая зигзагообразный огненный след; шутиха.

⁷² Киржим — одномачтовое судно, использовавшееся на Каспийском море.

⁷³ Бударка — длинная и узкая лодка, нижняя часть которой выдолблена из цельного дерева, а борта нашиты из досок; иногда снабжается небольшим парусом на короткой мачте.

⁷⁴ Ныне на месте Вознесенской крепости находится морской порт города Туркменбаши (до 1993 г. — Красноводск). Бухта, в которой встал лагерем отряд Муравьева, позднее была названа в честь автора «Записок».

⁷⁵ Бастион — выступ в укреплении, образованный изломом линии вала и рва, для обстреливания куртин (пространства между бастионами).

⁷⁶ Юфть — выделанная шкура быка или коровы.

⁷⁷ Шестерка — лодка с шестью веслами.

⁷⁸ Дарджа — низменный пустынный полуостров на восточном берегу Каспийского моря. Вдается в акваторию Красноводского залива со стороны материкового Туркменистана.

⁷⁹ Карабугаз (ныне — Кара-Богаз-Гол) — залив-лагуна Каспийского моря на западе Туркмении, соединяющаяся с морем мелководным проливом шириной до 200 м.

⁸⁰ В журнальном тексте в этом месте написано «невольник Муздур», однако из дальнейшего текста следует, что невольник был музуром (так назывались на Каспии матросы купеческого или промыслового судна), поэтому в текст внесены соответствующие поправки.

⁸¹ Атрек (ныне — Этрек) — город в Туркмении на границе с Ираном.

⁸² Муравьев ведет речь о развалинах крепости Св. Петра (варианты названия: Бековичева крепость, Давлет-Кырей, Курганчеге), находившейся на полуострове Мангышлак в районе урочища Тюб-Кораган. Крепость была сооружена в 1716 г. князем Александром Бековичем-Черкасским по указанию Петра Великого. После отбытия основного русского отряда в Хивинское ханство, Бекович оставил в ней сторожевой отряд под началом полковника фон дер Вейдена. После полной гибели отряда Бековича в хивинских землях крепость была оставлена.

⁸³ Тёке (теке) — один из крупнейших туркменских родов в XIX в.

⁸⁴ Четвера — лодка с четвермя веслами.

⁸⁵ Видимо, имеется в виду какое-то горючее вещество.

⁸⁶ Зензили (ныне — Энзели) — город в Иране, в провинции Гилян.

⁸⁷ Дагада — низменный остров в вершине мелководного Балх(к)анского залива Каспийского моря.

⁸⁸ Кусовая лодка — на Каспии лодка, предназначенная для ловли рыбы на наживку (кус).

⁸⁹ Тилла (тилли, тилло) — бухарская золотая монета.

⁹⁰ Игдыры — один из родов мангышлакских туркмен.

⁹¹ Военный поход капитана Преображенского полка Александра Бековича-Черкасского в Хивинское ханство проводился в 1714–1717 гг. и закончился гибелью руководителя и большинства его участников.

⁹² То есть 320 м.

⁹³ Чувал — шерстяная обшивка тюка.

⁹⁴ Фальшфейер — пиротехническое сигнальное устройство, обеспечивающее яркое пламя в течение продолжительного времени (порядка нескольких минут).

⁹⁵ Имеется в виду Румелия, историческое название Балканского полуострова, во времена Муравьева принадлежавшего Турции.

⁹⁶ То есть восточный ветер.

⁹⁷ Искаженный термин. Имеется в виду анкерок — деревянный бочонок для хранения запасов пресной воды

⁹⁸ Жидовинник — во времена Муравьева так назывался кустарник тамариск (гребенщик).

⁹⁹ Фут — мера длины, равная 0,3048 м. Соответственно, три фута составляют 0,91 м.

¹⁰⁰ Видимо, речь идет о книге немецкого философа-мистика Карла Эккартсгаузена (1752–1803) «Наука чисел, служащая продолжением ключа к таинствам натуры», которая была издана на русском языке в 1815 г.

¹⁰¹ Шпанская мушка — жучок, из которого изготавливают нарывный пластырь того же названия.

¹⁰² Видимо, имеется в виду разновидность уток, которая в словаре Даля называется кашкалдак (местное название на Каспии), лысуха или водяная курица.

¹⁰³ Фальконет — небольшая пушка.

¹⁰⁴ См. примечание 82.

¹⁰⁵ Шахова коса (коса Шах-Дели) — песчаная коса на восточной оконечности Апшеронского полуострова.

¹⁰⁶ То есть северный ветер.

¹⁰⁷ Сара — остров у западного побережья Каспийского моря, к северу от Ленкорани.

¹⁰⁸ Рифовать — уменьшить площадь паруса.

¹⁰⁹ Куринский Камень (ныне — Кюр-Даши) — один из островов Бакинского архипелага.

¹¹⁰ Сальян (во времена Муравьева писался Сальян/Сальяны) — город в Азербайджане на реке Кура.

¹¹¹ То есть в районе залива Кызыл-Агач (юго-западное побережье Каспийского моря).

¹¹² Штурм Ленкорани отрядом генерала П. С. Котляревского состоялся 1 января 1813 г. в ходе Русско-персидской войны 1804–1813 гг. и отличался особой ожесточенностью. Во время войны англичане построили в Ленкорани крепость с мощными стенами, окруженными глубокими траншеями. Гарнизон крепости состоял из 4000 человек и был вооружен английскими орудиями. Отряд Котляревского имел 1760 человек. После пятидневной осады и артобстрела, который не причинил особого вреда персидскому гарнизону, а также после гордого отказа коменданта Ленкорани сдать цитадель русский отряд, несмотря на численное превосходство персидского гарнизона, взял крепость штурмом. Победа досталась дорогой ценой, при штурме было убито и ранено 950 человек. Персидский гарнизон был полностью уничтожен, пленных не брали. Генерала Котляревского, лично возглавившего штурм, нашли под телами погибших; с вытекшим правым глазом, раздробленной верхней челюстью и с простреленной ногой, он все-таки остался жив.

¹¹³ Талышинское (Талышское или Ленкоранское ханство) — феодальное государство, существовавшее с середины XVIII по начало XIX в. на юго-восточной части Азербайджана и восточной оконечности северо-западного Ирана. Столица ханства находилась в городе Ленкорань.

¹¹⁴ Бичева — прочная веревка для тяги судов против течения лошадьми или людьми.

¹¹⁵ Бранд(т)вахта — военный сторожевой корабль, несущий караул в акватории порта, а также служба на этом корабле.

¹¹⁶ Фамилия уточнена по «Общему морскому списку», в журнальной публикации было — Стяжнин.

¹¹⁷ Мегмендар — специальное должностное лицо для приема и сопровождения почетных гостей.

¹¹⁸ Чарски — одно из лезгинских племен.

¹¹⁹ Гог и Магог — по Библии два народа, нашествие которых потрясет мир перед вторым пришествием Мессии.

¹²⁰ Спустя несколько дней после разговора, 23 февраля 1822 г., А. П. Ермолов обратился с просьбой оказать содействие Н. Муравьеву к А. А. Закревскому, который в это время занимал должность дежурного генерала Главного штаба (в его подчинении находились Инспекторский и Аудиторский департаменты). Выписка из этого письма представлена в предисловии к данной книге (см. с. 7–8 настоящего издания).

¹²¹ Речь идет о гомеопатии, создателем которой был Самуэль Ганеман (1755–1843).

¹²² Белоканы (ныне — Балакен) — город в Азербайджане в предгорьях Большого Кавказа на реке Балакенчай (приток Алазани).

¹²³ Речь идет о книге автора «Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819 и 1820 годах», изданной в Москве в 1822 г.

¹²⁴ Меркурий — лекарственное средство, содержащее ртуть.

¹²⁵ Авлабари — один из исторических районов Старого Тбилиси. В XIX в. — место компактного проживания в городе армянской диаспоры.

¹²⁶ Мухровани — местечко в 30 км от Тбилиси.

¹²⁷ Гомборы — урочище на западном склоне Гомборских гор в Грузии.

¹²⁸ Пионеры — *зд.* саперы, или инженерные войска.

¹²⁹ Шамхал — титул кумыкских правителей Дагестана.

¹³⁰ Байрам — один из главных мусульманских праздников, разговение после поста.

¹³¹ Маркитант — мелкий торговец, имеющий разрешение на торговлю в расположении войск.

¹³² Павел Дмитриевич Цицианов (1754–1806) — в феврале 1806 г. осадил Баку, получив от местного правителя Хусейн-Кули (1772–1806) обещание сдать крепость русским. Однако в момент передачи ключей от города. Цицианов и сопровождавший его подполковник Элизбар Эристов были внезапно убиты двоюродным братом хана Ибрагим-беком. Оставшись без руководства, русское войско отступило от Баку. Торжествуя победу, Хусейн-Кули отослал голову Цицианова персидскому шаху Фетх Али (1797–1834). Однако уже в октябре того же года русская армия вновь подошла к бакинским стенам: опасаясь расправы, Хусейн-Кули бежал из города, а его ханство присоединено к России. Семейство Хусейн-Кули было весьма многочисленным: у него было пять сыновей и 17 дочерей.

¹³³ Мехтулинское ханство состояло из 13 аулов в долине реки Манас на территории Дагестана.

¹³⁴ Речь идет о походе 1819 г., который А. П. Ермолов предпринял против союза сельских обществ Акуша-Дарго, разгром которого он считал основной целью военной кампании. Союз образовался осенью 1819 г., когда в Акуше собрались владельцы, недовольные действиями российских властей в Дагестане, поставив себе целью отстоять общую независимость и восстановить политический строй Дагестана. Силы горцев насчитывали около 15 тысяч человек, большинство которых составляли сами акушинцы. Поход против них Ермолов начал лишь после того, как сломил сопротивление остального Дагестана и равнинной Чечни. В середине сентября против Акуша-Дарго выступили одновременно два российских

отряда: из крепости Внезапной под командованием самого Ермолова и из Дербента под командованием Мадатова. Решающее сражение произошло 19 декабря под селением Лаваши (в тексте название места сражения указано неправильно), в котором русские одержали победу. Этот разгром оказал деморализующее воздействие на горцев, и их сопротивление практически прекратилось. Через несколько дней Ермолов вступил в столицу акушинцев — селение Акуша. Все селения, лежащие на пути российских войск, были уничтожены. Акушинцы приняли присягу на верность России.

¹³⁵ Каракайдагское уцмейство (совр. написание — Кайтагское уцмийство) — одно из самых влиятельных феодальных владений в Дагестане. В октябре 1819 г. было завоевано генералом В. Г. Мадатовым и в феврале 1820 г. упразднено. Однако в 1838 г. Кайтагское уцмийство было восстановлено на правах вассала Российской империи. Окончательно ликвидировано в 1860 г.

¹³⁶ Муравьев имеет в виду шиитов, последователей двоюродного брата и одновременно зятя пророка Мухаммеда Али.

¹³⁷ Вероятно, речь идет об уцмии Адиль-хане (1809–1819).

¹³⁸ Здесь в названии селения ошибка: в дальнейшем тексте оно называется не Берской, а Берекей; нынешнее название Берикей, село в Дербентском районе Дагестана.

¹³⁹ Дербент был взят 10 мая 1796 г. экспедиционным отрядом под руководством генерал-аншефа графа В. А. Зубова во время похода в Персию.

¹⁴⁰ Чиркей — во времена Муравьева название бывшего дагестанского аула Старый Чиркей, затопленного в 1974 г. при сооружении Чиркейского водохранилища. Современное село Чиркей было образовано при переселении жителей Старого Чиркея выше на плато.

¹⁴¹ Муравьев ведет речь о горных дагестанских аулах Гергебиль и Унцукуль.

¹⁴² Акуша — моноэтническое даргинское село на одноименной реке в Нагорном Дагестане. Центр конфедерации Акуша-Дарго, правители которого с конца XVIII в. и до похода А. П. Ермолова в Акушу в декабре 1819 г. проводили активную антироссийскую политику. После успешной экспедиции русских в высокогорный аул его население было приведено к покорности. После победы Ермолов не стал разорять Акушу, а его жители с тех пор в течение всей Кавказской войны стали ориентироваться на союз с Россией.

¹⁴³ Кази (кади) — судья, судящий по мусульманскому каноническому праву — шариату.

¹⁴⁴ В дореволюционной России акушинцами по имени одноименного села называли современных даргинцев, второго по численности этноса Дагестана.

¹⁴⁵ Муравьев говорит об аммонитах, вымершем подклассе головоногих моллюсков, существовавших с девонского периода палеозойской эры по меловой мезозойской.

¹⁴⁶ Кубечи (совр. название — Кубачи). Со времен раннего Средневековья — один из крупнейших центров художественной обработки металла на Кавказе. Примечательно, что Кубачи или Губечи с тюрского как раз и переводится как «бронники, изготовители доспехов». Муравьев очень точно и тонко подметил отличительные особенности жителей Кубачей от соседних селений. Так, соседи кубачинцев называли их «пранг-капур», т. е. франки. О том, что кубачинцы — исламизированные потомки европейцев, точнее, генуэзцев, отметил и российский академик Иоганн Антон Гильденштедт (1745–1781) на основе анализа их языка и окружающих Кубачи построек в описании своего путешествия по Кавказу. Того же мнения придерживался и современник Муравьева итальянский историк Джанбатисто Фануччи (1756–1834), прямо писавший, что Кубачи — одна из бывших генуэзских колоний на Кавказе. Впрочем, среди современных

историков бытует и версия о том, что кубачинцы могли действительно быть и потомками франков, рыцарей-крестоносцев из войска грузинского царя Давида IV Строителя (1089–1125).

¹⁴⁷ Видимо, имеется в виду Андреевская деревня, позже называвшаяся Андреево, а затем до 1991 г. Андрейаул; ныне село Эндирей в Хасавюртовском районе Дагестана.

¹⁴⁸ Орден Святого князя Владимира 3-й степени представлял собой красный крест, который следовало носить на шейной ленте.

¹⁴⁹ Рустов — село, ныне в Кубинском районе Азербайджана.

¹⁵⁰ Имеется в виду победа, одержанная 22 ноября 1811 г. отдельным отрядом генерал-майора Н. М. Хатунцева (877 человек и 2 орудия) над многократно численно превосходящими его силами лезгин (7000 бойцов). «В Кубе Хатунцев, присоединив к своему батальону еще батальон егерей, смело бросился на главное скопище горцев и после четырехчасового кровопролитного боя у деревни Рустовой разбил его наголову. Победа была так решительна, что неприятель, оставив в руках победителей тридцать знамен и до тысячи тел, рассыпался в разные стороны; сам Шейх-Али бежал в Казикумык и скрылся у Сурхай-хана» (*Потто В. А.* Кавказская война. Т. 1. Ставрополь, 1994. С. 456). За эту победу генерал Хотунцов был награжден орденом Св. Анны 1-й степени. Победа при Рустовой была одержана не при Тормасове, который занимал пост главнокомандующего в Грузии в 1809–1811 гг., а при его преемнике в этой должности — генерал-лейтенанте маркизе Ф. О. Паулуччи (назначен 6 июля 1811 г., вступил в управление Грузией 22 сентября. См.: Там же. С. 450).

¹⁵¹ Правильное название деревни Конагкенд, которое на русский язык переводится как Гость-деревня, ныне поселок городского типа в Кубинском районе Азербайджана.

¹⁵² Перисагат (ныне — Пирсагат) — река в Азербайджане.

¹⁵³ Царевич Александр, сын царя Грузии Ираклия II, после присоединения в 1800 г. Грузии к России продолжал претендовать на отцовский престол. Для достижения этой цели он возбуждал на борьбу против русских дагестанцев, гянджинских и эриванских ханов и, наконец, персидского шаха. Однако, когда в 1813 г. после победоносного окончания Россией войны с Ираном (1804–1813), шах Персии Фетх Али-Шах был принужден заключить Гюлистанский мир, Александр бежал в Дагестан, а оттуда через несколько лет в Персию.

¹⁵⁴ Зардаб (ныне — Зердаб), город в Азербайджане на левом берегу Куры.

¹⁵⁵ Название села указано Муравьевым неверно, правильное название — Кюрдамир, ныне город в Азербайджане.

¹⁵⁶ Тертер — ныне город в Азербайджане, административный центр одноименного района.

¹⁵⁷ Шамхор (ныне — Шамкир) — город в Азербайджане, в северных предгорьях Малого Кавказа, на берегах реки Джагирчай. В 1803 г. был занят русскими войсками. В 1818 г. на месте древнего города была основана немецкая колония из Вюртемберга Анненфельд, названная в честь великой княгини Анны Павловны, сестры императора Александра I.

¹⁵⁸ Начиная с этого примечания, в тексте журнальной публикации «Русского архива» появляется название населенного пункта, где с 1817 г. была расположена штаб-квартира 7-го карабинерного полка, причем использовались два варианта названия «Башкегег» и «Башкегет». При проверке по книге: Шабанов Д. Ф. История лейб-гренадерского Эриванского ... полка. Тифлис, 1871 — установлено, что правильное название «Башкечет», а приведенные выше варианты явно вызваны ошибочным прочтением рукописного текста. Поэтому во

всем тексте данной публикации это название заменено правильным — Башкечет. В настоящее время Башкечет называется Дманиси, с 1981 г. — город, Грузия. Исходя из изложенного выше, примечание к тексту должно читаться как: Писано 31 декабря 1823 года в Башкечете.

¹⁵⁹ В журнале «Русский архив» за 1888 г. (№ 10, с. 294) помещена «Заметка о Ладинском», написанная военным историком Кавказа А. Зиссерманом по поводу этого примечания: «Ладинский Петр Антонович, сколько мне известно, был не поляк, а малорос. Он с молодых лет служил за Кавказом, еще в 1812–13 гг. находился в чине майора с батальоном в Кахетии и производил экзекуции над участниками восстания, возбужденного царевичем Александром Грузинским. Изучив грузинский язык, он познакомился со многими княжескими домами и, по веселому характеру, нравился им. Ладинский дослужился до чина генерал-лейтенанта, украсился звездами и в 1840-х гг., при князе Воронцове, вновь явился на Кавказе в важной должности начальника гражданского управления... Он пользовался по старой памяти расположением части высшего грузинского общества, особенно некоторых старых княгинь, и хотя был старый холостяк, но нередко приглашал к себе на вечера дамское общество. Князь Михаил Семенович [Воронцов] с княгиней Елисаветой Ксаверьевной тоже иногда у него бывали. В 1847 г., если не ошибаюсь, Ладинский /.../ оставил должность начальника гражданского управления и вышел в отставку».

¹⁶⁰ Переноска — в данном случае использование шинелей дольше положенного срока.

¹⁶¹ Солдатская артель представляла собой самостоятельную общину нижних чинов подразделения (в данном случае — роты), которая создавалась для получения ими пищевого довольствия из общего котла, а также для ведения совместной трудовой деятельности распоряжения собранными средствами (артельными

деньгами). Артельные деньги состояли из отчислений от жалования нижних чинов (по их добровольному согласию), из наградных и заработанных в свободное от службы время денег и полученных из других источников. При переводе или увольнении нижнего чина он получал свою часть. Офицерам не полагалось брать артельные деньги взаймы.

¹⁶² После окончания наполеоновских войн и второй Реставрации Бурбонов граф М. С. Воронцов в 1815–1818 гг. командовал Русским оккупационным корпусом во Франции, оставленным, в числе контингентов других стран антинаполеоновской коалиции, по просьбе короля Людовика XVIII для предотвращения новых попыток бонапартистских или республиканских переворотов. В должности командира оккупационного корпуса, как и на других командных постах, которые ему доводилось занимать, М. С. Воронцов отличался гуманным отношением к простым солдатам, запрещал их наказывать палками во время учения, пресекал факты рукоприкладства и унижения человеческого достоинства нижних чинов со стороны офицеров, организовал для солдат школы для обучения их грамоте. Эти меры казались многим, в том числе и некоторым друзьям Воронцова, излишне либеральными и подрывающими дисциплину вверенного ему корпуса.

¹⁶³ Капральный — звание унтер-офицера, который заведует капральством, т. е. отделением солдат, составляющим четверть роты.

¹⁶⁴ Это прозвище напоминает о так называемом восстании лейб-гвардии Семеновского полка (известном как «Семеновская история»), которое произошло в ноябре 1820 г. Солдаты роты Его Величества, недовольные непомерной строгостью и взыскательностью нового полкового командира, отказались идти в караул, потребовали ротного командира и не хотели расходиться, несмотря на увещания начальства; тогда рота была окружена дву-

мя ротами лейб-гвардии Павловского полка и посажена в Петропавловскую крепость. После этого полк был раскассирован (переформирован).

¹⁶⁵ Ситуация не очень понятна. Видимо, начальники платили женатым рекрутам, чтобы те не препятствовали их сожительству с женами рекрутов.

¹⁶⁶ Здесь и далее по всему тексту журнальной публикации, видимо, из-за ошибочного прочтения рукописного текста, было приведено неправильное название населенного пункта Цална; правильное название — Цалка, ныне город в Грузии.

¹⁶⁷ Белый Ключ, в 1944 г. переименован в Тетри-Цкаро, что по-грузински означает то же самое — белый родник; в 1966 г. получил статус города и районного центра.

¹⁶⁸ Комиссионерство — военное ведомство, занимавшееся снабжением армии положенным казенным денежным и вещевым содержанием, а именно: жалованием и деньгами столовыми, на лазареты, на канцелярские расходы, ремонт и закупку вещей, покупку лошадей, на обмундирование, обоз и лагерь, на госпитали.

¹⁶⁹ Екатерининфельд — так в честь сестры императора Александра I Екатерины Павловны в 1818 г. был переименован отстоящий в 60 км от Тбилиси город Чорук Кемерли, когда в нем поселилось 95 немецких колонистских семей из Швабии. В августе 1826 г. курды, союзники персов в начавшейся Русско-персидской войне 1826–1828 гг., практически полностью вырезали жителей немецкой колонии. Современное название города — Болниси.

¹⁷⁰ Алгетка — уменьшительно-ласкательное название местными жителями протекающей в южной части Грузии реки Алгети, притока Куры.

¹⁷¹ Манглис (ныне — Манглиси), поселок в Тетрицкаройском районе Грузии, расположенный на склонах Триалетского хребта.

¹⁷² Нынешнее название Бедиани, поселок городского типа на правом берегу реки Храми, Грузия.

¹⁷³ Современное название — Шиндлари.

¹⁷⁴ Караклис — до 1935 г., затем, до 1993 г., Кировакан, ныне — Ванадзор, Армения.

¹⁷⁵ Современное написание — река Храми. Протекает в Восточной Грузии и Западном Азербайджане, правый приток Куры.

¹⁷⁶ Современное название — Коджори, поселок городского типа в Гардабанском муниципалитете края Квемо-Картли, Грузия.

¹⁷⁷ Правильное название — Шулавери, в 1925 г. переименован в Шаумяни, в 1932–2013 гг. поселок городского типа.

¹⁷⁸ Имеется в виду Болниси (Екатериненфельд). Во времена автора «Записок» в ходу были оба названия.

¹⁷⁹ Табахмели (ныне — Табахмела) — старинное село в окрестностях Тбилиси. Название переводится как «сухое озеро», от *груз.* «тба» — озеро, «хмели» — сухое).

¹⁸⁰ Цхра — грузинская карточная игра.

¹⁸¹ Ныне это город на юге Грузии, в 30 км от турецкой границы.

¹⁸² То есть, имевшие заданный размер.

¹⁸³ Гумри (потом Александрополь и Ленинакан) — ныне Гюмри, административный центр Ширакской области, Армения.

¹⁸⁴ Речь идет о выдающемся сочинении Арнольда Германа Людвига Геерена (1760–1842), немецкого историка и профессора в Геттингене, «Мысли о политике, взаимоотношениях и торговле важнейших народов древнего мира» (Heeren. *Ideen über Politik, den Verkehr und den Handel d. vornehmsten Völker der alten Welt*).

¹⁸⁵ Видимо, речь идет о сочинении датско-французского географа Конрада Мальт-Брена (1775–1826) «Математическая, физическая и политическая география всех частей света» (*Géographie mathématique, physique et*

politique de toutes parties du monde), шесть томов которого вышли между 1803 и 1812 гг.

¹⁸⁶ Инспекторский департамент ведал личным составом и комплектованием армии, учетом численности, расквартированием и инспектированием войск.

¹⁸⁷ Пашалык — провинция или область в Османской империи

¹⁸⁸ Часто применявшееся в устной и письменной речи искажение термина «квартирмейстер».

¹⁸⁹ Фурлейт — рядовой (нестроевой), служащий в обозе; подводчик.

¹⁹⁰ Образной праздник — праздник святого, образ которого находился в роте.

¹⁹¹ Духов день — переходящий церковный праздник, день сошествия Св. Духа на апостолов, который отмечается на 51-й день после Пасхи.

¹⁹² Расшива — на Каспии большое плоскодонное судно, наподобие баржи, с парусами, веслами и лямочной тягой.

¹⁹³ Княгиня Софья Александровна Мадатова, урожденная Саблукова (1787–1875), доводилась автору двоюродной теткой: ее мать, Екатерина Андреевна Волкова (в замужестве Саблукова), и бабушка Н. Н. Муравьева-Карсского по отцу — Анна Андреевна Волкова (в замужестве Муравьева) были родными сестрами.

¹⁹⁴ Петр Александрович Муханов (1799–1854) приходился троюродным братом автору: его мать, Наталья Александровна Муханова (урожд. Саблукова), сестра вышеупомянутых г-жи Бакуниной и княгини Мадатовой, доводилась двоюродной сестрой отцу Н. Н. Муравьева.

¹⁹⁵ Софья Александровна Мадатова была младшей сестрой матери П. А. Муханова, т. е. доводилась ему не двоюродной сестрой, а теткой.

¹⁹⁶ Карталиния — одно из названий Картли, бывшего средневекового государства в Восточной Грузии, вошедшего в 1801 г. в состав России.

¹⁹⁷ Муравьев упоминает о доминирующей над городом старинной крепости Горисцихе, возведенной во времена грузинского царя Давида IV Строителя (1089–1125).

¹⁹⁸ Амирадж-юрт — село на правом берегу реки Терек к северо-востоку от города Гудермеса; современное название Хангиш-юрт (Гудермесский район, Чечня).

¹⁹⁹ Речь идет о движении под руководством Бейбулата Таймиева, одного из авторитетных людей в Большой Чечне. Толчок этому движению дала совершенная в 1822 г. экспедиция Н. В. Грекова, назначенного командовать войсками левого фланга Кавказской линии. В ходе ее было уничтожено крупное село Шали. Немаловажным обстоятельством было и то, что, по выражению А. С. Грибоедова, Греков был «человек способный, но грабитель» — он присваивал деньги, отпущенные на уплату чеченцам за участие в дорожных работах, и ценные вещи, выделенные для подарков чеченским старейшинам. Кроме того, Греков оскорбительно обошелся с Бейбулатом, ранее сотрудничавшим с российскими властями и даже имевшим чин поручика русской армии, в результате чего он стал противником русских. С весны 1825 г. движение в Чечне приобрело особый размах. В частности, горцы осадили Герзель-аул. Спешно подошедшие российские войска под руководством Лисаневича и Грекова сняли блокаду с этого укрепления, а 16 июля Лисаневич потребовал собрать аксаевцев, наиболее активно участвовавших в блокаде аула, и стал упрекать их в измене, требуя выдать зачинщиков движения. Во время этой сцены один из них, Учир-Мурза, бросился на генералов с холодным оружием, смертельно ранил Лисаневича и убил Грекова.

²⁰⁰ Гюлистанский мирный договор между Россией и Персией был подписан не в 1812 г., как пишет Муравьев, а 12 октября 1813 г. при посредничестве английского посла в Персии Гора Оулси. Именно ему принадлежала идея подписать Гюлистанский мирный договор «в целом»

(status quo ad praesentem), оставив уточнение спорных территориальных вопросов для последующих комиссий, что привело в дальнейшем к бесконечным территориальным разногласиям между Россией и Персией и послужило в итоге началом для новой войны 1826–1828 гг. между ними.

²⁰¹ Сардарь (сердар) — титул, который носил глава Эриванского ханства. Во время описываемых Муравьевым событий им был последний глава ханства Хусейн-хан Каджар (Гусейн Кули-хан).

²⁰² А. П. Ермолов был холост, но во время службы на Кавказе держал при себе несколько наложниц «из азиатцев». От разных связей он прижил сыновей Виктора, Клавдия, Севера и Николая, получивших от императора Александра II права законных детей. Еще один сын Петр, имевший фамилию Горский и служивший на Кавказе, погиб в молодом возрасте в стычке с горцами. Видимо, здесь говорится о крещении сыновей Клавдия и Севера, родившихся соответственно в 1823 и 1824 гг.

²⁰³ Амамлы(у) — в описываемые автором «Записок» времена — селение на пути из Тифлиса в Гюмри. В настоящее время — город Спитак в Армении.

²⁰⁴ Екатериноград — в 1786–1822 гг. город в Кавказской губернии; позже — станица Екатериноградская; ныне в Прохладненском районе Кабардино-Балкарии. При въезде в станицу во времена Муравьева стояла воздвигнутая Г. А. Потемкиным триумфальная арка с надписью «Дорога в Грузию».

²⁰⁵ Кавказский обычай: при кутежах песенники качали на руках офицеров, за что щедро получали на водку.

²⁰⁶ Младший брат императора Александра I Константин Павлович официально считался наследником российского престола. Однако его отречение вследствие нежелания царствовать и морганитического брака с польской графиней Ж. А. Грудзинской было тайным: об этом знали лишь несколько человек из ближайшего окруже-

ния императора. Когда Александр I во время поездки на юг России в конце осени 1825 г. внезапно умер, его брат Константин был провозглашен царем. И хотя на престол он так и не вступил, в течение 16 дней (с 27 ноября по 13 декабря) все официальные учреждения и расквартированные в Санкт-Петербурге и Москве войска приводили на верность царю Константину I. В отдаленных регионах империи, к которым как раз и относилось место службы автора «Записок», присяга новому императору происходила позже, по мере поступления сведений из Санкт-Петербурга о новом царе.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

- Аббас-Мирза* (1789–1833), сын Фетх-Али-шаха, наследник престола — 158-159, 240, 364, 367-368
- Аббас*, татарин — 50
- Абдулла*, человек Киат-Аги — 340-341, 343
- Авенариус*, командир 41-го егерского полка — 172–173, 229, 251, 268, 282, 287, 290–292, 303, 315, 317, 319, 323–324
- Агаси-бек*, брат Шкендер-бека — 150
- Аксаков* Сергей Тимофеевич (1791–1859), русский писатель и мемуарист, приятель А. Н. Львова — 357
- Александр I* (1777–1825), российский император (1801–1825) — 29, 148, 378, 389, 392, 397
- Александр* (?–1822), сын Амир-Шакир-баши — 154
- Александр* (1770–1844), грузинский царевич, сын Ираклия II — 228, 389–390
- Александровский*, начальник бакинской таможни, тесть А. Ф. Остолопова — 39, 41, 149
- Алексей*, невольник — см. *Степанов Сергей*
- Али-ага*, разбойник — 314
- Али-Бури*, сын Тарковского шамхала — 185, 187
- Аман-бай*, хивинец — 164
- Амарантов*, лекарь — 207
- Амир-Шакир-баши* — 154
- Амулат* (*Амулат-бек*), зять тарковского шамхала Мехти-хана, правитель Аварского ханства — 207–210, 216, 313–314
- Андрониковы*, князя — 360
- Антонов*, штаб-капитан, командир 5-й егерской роты — 316, 340

- Аракчеев* Алексей Андреевич (1769–1834), граф, приближенный Александра I, начальник Собственной Е. И. В. канцелярии — 165
- Араб-хан-Гаджи-Магомед-Санджар* — 164
- Аргутинский*, князь, учитель географии в Тбилиси — 176
- Артемовский (Артемовский-Гулак)*, прапорщик, полковой адъютант — 245, 247, 284, 289, 298, 300, 304, 338, 348–350
- Арчех*, отец Шамамета (Шах-Мамета) — 94, 103
- Асеев*, майор — 197, 205
- Аслан-хан*, генерал-майор, правитель Кызыкумукского (Казыкумукского) ханства — 218
- Астраков*, капитан, командир 3-й карабинерной роты — 255
- Ахмет-султан*, правитель Ширвана — 150
- Ахмет-султан (Ахмед-хан Аварский)*, бывший правитель Аварского ханства, брат Гассан-хана Мехтулинского — 185
- Ахтырка*, майор — 319, 322

Б

- Базилевич* Александр Иванович (1785–1843), генерал-майор — 24, 34–35, 39, 41, 47, 86, 134, 147, 154, 157, 165, 167, 176, 181, 187–188, 269, 273
- Бабенов* Иван Данилович, смотритель Лощуринского карантинна — 184
- Баранов*, штурман 12-го класса — 192
- Баратов*, князь — 321
- Барский*, капитан 25-го егерского полка — 329
- Басаргин* Григорий Гаврилович (?–1853), лейтенант, командир корвета «Казань» — 38, 51, 144–145, 148
- Батырев*, прапорщик Кизлярского войска, пристав Мехтулинских владений — 186, 204–205, 210
- Бахметьева*, невеста Наумова — 233
- Бебутов* Авессалом, владелец загородного дома близ Тифлиса — 278–279
- Бебутов* (?–1822), князь, старик, хозяин тифлисского дома, в котором останавливался автор — 24, 154, 196, 347, 367
- Бебутов*, молодой князь, помещик — 321
- Бекович (Бекович-Черкасский)* Александр (?–1717), князь, руководитель похода в Хиву, в котором он был убит хивинцами — 95, 106, 130, 374, 381–382

Берг, капитан артиллерии — 277, 288, 312

Боборыкин Дмитрий Александрович (ок. 1790–1824), поручик
Свиты Е. И. В., капитан — 33, 156, 160–161, 176, 294,
337, 346

Брежинский, отставной майор Харьковского драгунского полка, пристав Борчалинской дистанции — 228

Булгаков Василий Алексеевич, подполковник — 134–135, 137–140

Бухвостов, подполковник, комендант Дербента — 41

В

Ван дер Вейден, полковник, начальник крепости Св. Петра — 129, 381

Вахрушев, бывший командир роты — 277

Веденей, дворецкий — 309, 366

Вельяминов Алексей Александрович (1785–1838), генерал-майор, начальник штаба Отдельного Кавказского корпуса, младший брат И. А. Вельяминова — 23, 33, 124, 145–146, 167, 181–182, 185–187, 189–190, 303, 318, 367–369

Вельяминов Иван Александрович (1771–1837), генерал-лейтенант, начальник 25-й пехотной дивизии — 20–21, 23–24, 34, 44, 86, 136–137, 140–141, 146, 154, 156, 171–172, 175–176, 178–181, 194–196, 231–232, 248, 250–251, 264, 291, 299, 304, 307, 318

Верховский Евстафий Иванович (ок. 1786–1822), полковник — 21, 23, 159–160, 171–172, 174–176, 178, 182, 196, 200–201, 207–209, 216, 224, 303, 313–314

Виноградов (*Виноградский*), управляющий комиссионерством — 253, 266–267

Власов, генерал-майор, командир казачьего полка — 274, 277

Власов, урядник — 274

Влахопулов, артиллерийский подпоручик — 183

Воейков Николай Павлович (1797–1871), подпоручик, в 1820 г. переведен в Гвардейский генеральный штаб — 156, 159–161, 183, 237, 281, 288, 294, 323, 329, 336–337, 343, 346–347, 353

Волконский Петр Михайлович (1776–1862), князь, командир Свиты Е. И. В. по квартирмейстерской части — 7–8

Волконский, князь — 164–165, 168, 182

Высоцкий Николай Васильевич, подполковник, комендант Ширванской области — 149, 179–181, 226, 230–234, 243

Воронцов Михаил Семенович (1782–1856), граф, светлейший князь, видный, военный и государственный деятель — 256, 390–391

Вреде, барон, генерал-майор — 20, 44, 189, 224

Г

Гаджи-бек, сын Мустафы-хана, правитель Сальяна — 143, 150

Газан, француз, инженер-капитан — 146, 161–162, 202–203

Ганеман Самуэль (1755–1843), основоположник гомеопатии — 162, 384

Гассан-хан Мехтулинский, брат Ахмед-хана Аварского — 208

Георгий XII (1746–1800), последний царь Картли-Кахети (1798–1800) — 360

Герта — 160, 171

Гладкой-Сацкий, майор — 296, 316, 330, 348–350, 355

Гозиуш, полковник, начальник Газана — 146, 294, 321, 324

Голицын Дмитрий Владимирович (1771–1844), князь, главнокомандующий в Москве — 168–169

Гольцов (?–1821), горный чиновник — 21

Горчаков Петр Дмитриевич (1789–1868), князь, полковник, с 1820 г. генерал-майор, управляющий Имеретией, командир 3-й бригады 22-й пехотной дивизии — 229, 268–272, 291, 369–370

Греков, войсковой старшина — 241

Греков Николай Васильевич (1785–1825), генерал-майор, командующий Чеченской линией — 209, 314, 362–364, 369, 395

Грибоедов Александр Сергеевич (1795–1829), дипломат и поэт — 157–162, 169, 174–175, 178, 180, 182–183, 219, 310, 395

Гривцов Дмитрий Игнатьевич (1789 — ?), штаб-лекарь — 316, 322

Григорович, штаб-капитан, командир 6-й егерской роты — 276, 296, 325, 327, 335

Григорьев, армянин — 45

Гуриял — 156–157

Гуссейн-бек, родственник Мустафы-хана — 150

Д

Давыдов, полковник — 346

Дайлан, хивинец — 164

Дален, капитан 3-й егерской роты — 321, 327, 357

Данилов, инженер-капитан — 183

Дехтерев Яков Алексеевич, майор Тифлисского пехотного полка, потом подполковник — 183

Джафар-бек, прапорщик — 150

Джафар-Кули-ага (1787–1866), полковник, поэт, претендент на престол Карабахского ханства — 239–242

Джегал-Пери-Ханум, жена Тарковского шамхала, сестра Ших-Али-хана — 186

Дистерло, майор 9-го егерского полка — 35

Долотин, казачий подполковник — 242

Дубкевич — 176

Е

Евреинов, пионерный подполковник — 203–204, 206, 209–210

Екатерина II (1729–1796), императрица России (1762–1796) — 34, 357

Елисуи-султан (Ахмед-хан бен Али-Хазз-бек), правитель Илисуйского султаната — 152

Ермолов Алексей Петрович (1772–1861), генерал-лейтенант, командир Отдельного Грузинского корпуса — 20, 22–24, 45, 47, 52, 86, 93, 136, 138, 142–143, 146, 148, 152–157, 160, 162–169, 171–172, 174–183, 186, 190–191, 193–197, 199, 204–205, 207–210, 215, 217, 221, 223–224, 227–232, 234, 236–237, 239, 241–242, 251, 261–262, 266–267, 270–274, 275–277, 279–280–281, 284–295, 299–303, 305, 308, 314, 316–317, 320, 322–326, 330–334, 336–337, 343–345, 347–348, 353–354, 359, 364, 367–370, 372, 377–378, 384–387, 396

Ермолов Петр Николаевич (1787–1844), полковник, в 1818–1823 гг. командир Грузинского гренадерского полка. Родной дядя А. П. Ермолова — 154, 160–161, 178, 229, 241–242, 251, 270, 276, 289–290

Ермолов Сергей Николаевич (1798–1856), прапорщик, двоюродный брат А. П. Ермолова — 182, 364–365

Еш-Незер, (сотник) юзбаши — 66

Ж

Жданов, почтмейстер — 44

Жеребцова Ольга Александровна (1766–1849), помещица, сестра В. А. Зубова, владелица освобожденного автором из неволи Степанова Сергея — 145

Жеребцовы, помещики Владимирской губернии — 89

Житинский, поручик, ротный командир — 339–340

Жихарев, капитан Свиты Е. И. В. — 33, 172–173, 281

З

Закревский, командир корпуса — 362

Закревский Арсений Андреевич (1783–1865), дежурный генерал Главного штаба (1815–1823) — 7, 384

Зейкен-бег — 193

Зобаир, сын Тарковского шамхала Мехти-хана — 200

Золотарев, штабс-капитан, командир 1-й карабинерной роты — 280, 338

Зубов Валериан Александрович (1771–1806), граф, генерал от инфантерии — 215, 386

Зугум-кадий, шариатский судья в Акуше — 217

И

Иванов, надворный советник, астраханский армянин — 142–143

Иегия-бек, турок — 335–336

Износков, майор 3-го Куринского полка — 185, 187–190, 194–197, 201, 203, 237–239

Ираклий II (1720–1798), грузинский царь (1744–1792) — 360, 389

Исмаил, мирза — 185

Исупов Кузьма Алексеевич, начальник кизлярской таможни — 184

К

Кази-Таган — 106

Каиб, мулла — 55, 69, 103, 106–109, 117, 119

Калантаров, штаб-капитан — 344

Калогерас, поручик, казначей — 245–246, 258

Каминский Алексей Федорович, следователь — 41

Кандауров, майор, командир гарнизонного батальона в Баку — 46–47

- Каподистрия* Иоанн (1776–1831), граф, министр иностранных дел России (1816–1822) — 48
- Карпинский*, начальник горной экспедиции — 21
- Карчевский*, командир Апшеронского полка — 197, 223, 243
- Катани* (?–1822), граф, офицер-артиллерист — 19, 26, 34, 37–38, 56, 59, 74–75, 94–95, 97–100, 114, 116, 120, 122, 126, 133–134, 136–138, 143, 145, 149, 159, 168, 170
- Кацарев*, артиллерийский подполковник — 203
- Кашутин*, майор — 359, 371
- Кащеев*, отставной поручик — 272
- Квитковский*, таможенный чиновник — 46
- Керим*, сын Джафар-Кули-аги — 241
- Киат-Ага* (*Киат*, *Киат-бег*), туркменский старшина — 19–20, 23, 27–29, 41–43, 52, 54–55, 60, 63–64, 72, 76–77, 83, 85–87, 89, 91–92, 96, 98–100, 102, 104–112, 117–124, 127–128, 143, 164, 174, 177, 182, 192–193, 222, 339–341, 343
- Клименко*, майор, дежурный штаб-офицер — 249, 280
- Князев* — 163
- Козловский*, унтер-офицер 1-й карабинерной роты — 358
- Константин Павлович* (1779–1831), великий князь и цесаревич — 42, 371, 399
- Копылов* Гермоген Иванович, полковник артиллерии, командир Грузинского гренадерского полка — 250–253, 255, 262, 289–290
- Корсаков* — 21, 309
- Котляревский* Петр Степанович (1782–1851), генерал от инфантерии — 139, 383
- Коцебу* Мавр Астафьевич (Мориц Августович) (1790–1861), поручик, затем штабс-капитан свиты Е. И. В. по квартирмейстерской части — 163, 250, 263, 318
- Кочерухин*, прапорщик Георгиевской гарнизонной артиллерии — 186
- Краббе фон*, бригадный генерал — 205, 209
- Ктитарев*, прапорщик Куринского батальона — 194
- Кузминский*, штаб-капитан 11-го егерского полка — 317
- Кузмичук* — 51, 75, 80–81, 85
- Кузнецов*, донской подполковник — 190–191
- Куколь-Яснопольский*, прапорщик Кавказской гренадерской артиллерийской бригады № 3 легкой роты — 186, 195

- Куликовский*, подпоручик — 256, 280, 311
Кульчи — 71, 78, 80–81, 83, 118
Кулябка, подполковник, командир батальона — 255–256, 286, 288, 295–296, 298–301, 315–320, 323, 325, 338
Кунт, таможенный чиновник — 145–146, 148
Курбан, сын Ораз-Магмеда — 70, 75, 85, 91–93
Кюхельбекер Вильгельм Карлович (1797–1846), в 1821–1822 гг. чиновник особых поручений с чином коллежского асессора при генерале А. П. Ермолове на Кавказе — 178, 180, 182

Л

- Ладинский*, полковник, командир 7-го карабинерного полка — 22, 167, 180, 226–230, 233–234, 239, 241, 242–255, 258–273, 283–285, 298–299, 301, 305–306, 361, 390
Латинский, пристав Казахинской дистанции, подполковник — 33
Ладыженский Л. Л., инженер-майор — 34, 44, 106, 376
Ладыженский, лейтенант — 50, 380
Лашевский, поручик — 346
Левенцов, полковник, командир бывшего Троицкого полка — 223
Линицкий Иван Степанович, артиллерийский лейтенант — 48, 51, 141
Лисаневич Дмитрий Тихонович (1778–1825), генерал-лейтенант — 363–364, 369, 395
Лист, артиллерийский штаб-капитан — 180
Львов Александр Николаевич (1786–1849), муж Н. Н. Мордвиновой — 357
Львов Николай Александрович (1753–1803), архитектор и поэт, отец А. Н. Львова — 357
Любимский, таможенный чиновник — 149
Ляшевские, подпоручики, родственники Ладинского — 244

М

- Магмед-Гуссейн*, мирза — 39, 174, 195
Магмед-Рагим (1775–1825), правитель Хивинского ханства (1806–1825) — 163
Мадатов Валериан (Ростом) Григорьевич (1782–1829), князь, генерал-майор, с 1817 г. военно-окружной начальник ханств

- Шекинского, Ширванского и Карабахского — 35–37, 140, 151–152, 155, 157, 178–179, 181, 218, 230–234, 236–237, 239–240, 344–345, 349, 386
- Мадатова* Софья Александровна (1787–1875), урожденная Саблукова, двоюродная тетка автора — 344, 347, 356, 394
- Мазарович* — 158, 171, 367
- Майвалдов*, казначей — 28, 31–32, 362–363, 367, 369–370
- Мальт-Брен (Malte-Brun)* Конрад (1775–1826), датско-французский географ — 310, 393
- Макаев* (?–1821), майор, ширванский пристав — 36, 151–152, 230
- Макаров*, мичман транспорта «Кура» — 52, 137, 148
- Маритон* — 170
- Мартин*, англичанин — 169, 171, 174–175
- Мейендорф*, штабс-капитан пионерной роты 8-го полубатальона — 186
- Мерлини* Станислав Демьянович (1775–1833), генерал-майор — 226
- Мехти-Кули-хан Карабахский* — 239–240
- Мехти-хан* (1760–1830), правитель Тарковского шамхальства (1797–1830) — 208, 211
- Мещеряков*, пристав, переводчик — 184, 200, 210
- Миллер* Михаил Осипович, доктор — 162, 170
- Мирзу*, мехтулинский мальчик — 312–313
- Мирза-Исмаил*, управляющий Тарковского шамхала — 185, 187, 206
- Митрофанов*, переводчик — 210
- Могилевский*, действительный статский советник — 23–24, 241, 289
- Молочный*, аудитор — 362, 366
- Мордвинов* Николай Михайлович (1768–1844), генерал-майор в отставке, дядя Н. С. Мордвинова по матери — 354, 357
- Мордвинов* Николай Семенович (1754–1845), адмирал — 309, 349, 373
- Мордвинова* Наталья Николаевна (1794–1882), дочь адмирала Н. С. Мордвинова, с 1825 г. замужем за А. Н. Львовым — 78, 330, 345, 357
- Морозов*, денщик — 359

- Муравьев* Александр Николаевич (1792–1863), старший брат автора — 24
- Муравьев* Леонид Михайлович (1821–1881), племянник автора — 159
- Муравьев* Михаил Николаевич (1796–1866), младший брат автора — 159, 165, 168, 177
- Муратов* Иван, армянин — 32
- Мурзанов*, майор 2-го Апшеронского полка — 185–186, 190, 194
- Муромский* Алексей Иванович — 90
- Мустафа-хан* (1796–1820), последний правитель Ширванского ханства — 36, 142, 149, 151, 190, 230, 234, 376
- Муханов*, штаб-капитан Измайловского полка — 356, 394

Н

- Нагаткин*, полковник, дежурный штаб-офицер — 184, 320
- Надир-шах* (1688–1747), персидский полководец, шах Персии (1736–1747), основатель династии Афшаридов — 101, 376
- Надыр-Хан*, туркменский старшина — 106
- Назаров*, майор, переводчик — 242
- Наумов* (?–1821), полковник, дежурный штаб-офицер — 22, 227–231, 233–234
- Негри* Александр Федорович (1784–1854), дипломат и археолог, действительный статский советник — 41, 163, 377–378
- Нессельроде* Карл Васильевич (1780–1862), граф, министр иностранных дел России (1822–1856) — 101
- Нефес*, родственник Таган-Ниаса, приятель Киат-Аги — 107
- Ниас-Батыр*, туркмен из племени иомуд — 193
- Никитин* Тимофей, рядовой, затем унтер-офицер Бакинского гарнизона — 148, 174
- Никитин* Тимофей, священник — 293, 343
- Николаев*, мичман транспорта «Кура» — 52, 57–59
- Николаев* Семен Александрович, капитан-лейтенант, эскадренный командир — 44, 48, 50, 133, 135, 137–138, 144
- Нуширхан* — 153

О

- Огарев*, пионерный капитан — 183
- Ораз-Магмед*, мулла — 70, 72–73, 75, 78, 80, 83, 85, 87, 90–92
- Орбелиани*, князь, поручик — 314, 344

Остолопов Аполлон Федорович, зять Александровского, командир шкоута «Св. Поликарп», в 1821 г. уволен от службы чином капитан-лейтенанта — 38, 46, 51–52

П

Павел (5/10–64/67), апостол — 108

Павел I (1754–1801), российский император (1796–1801) — 357

Павлов Николай Александрович, капитан, старший адъютант — 155, 180

Паулуччи Филипп Осипович (1779–1849), маркиз, в 1811–1812 гг. главнокомандующий в Грузии — 229, 388

Пери-Джегал-Ханум, жена Мехти-хана — 211

Петр I Великий (1672–1725), российский царь и император (1682–1725) — 71, 144, 381

Петр, священник — 44

Петров, майор, окружной начальник — 361

Петров, подпоручик, полковой казначей — 292, 304

Петрович, армянин — 20–21, 41–44, 48, 84, 92, 99–100, 127, 148, 157, 189

Погорелов, ротный командир — 206

Поляков, капитан Грузинского полка — 296

Понаровский Василий Яковлевич, подполковник 41-го егерского полка — 250–252

Пономарев (?–1824), подполковник — 345

Пономарев Максим Иванович, майор, Елисаветпольский окружный начальник — 33–36, 38–39, 242

Попов, полковник, командир Херсонского гренадерского полка — 22, 154, 156, 330, 343, 345, 360–361

Потебня, майор, младший штаб-офицер — 301–302, 319, 338

Потебня, майорша — 338–339

Похвиснев Николай Николаевич (?–1828), чиновник, родственник А. П. Ермолова — 162, 171, 174, 180, 182

Пузыревская Аделаида, невеста Верховского — 207, 224

Р

Рагим-бек — 236–237

Раевский Николай Николаевич (1771–1829), генерал от кавалерии — 356

- Ратьков* Александр Сергеевич (?–1821), капитан-лейтенант, командир пакетбота — 50, 52, 56, 58, 61–64, 68–69, 76, 79, 85, 88–89, 97, 101, 105, 107, 109, 121, 124, 130–132, 144
- Реут*, подполковник, командир 42-го егерского полка — 237, 239–240
- Родионов*, поручик 26-го егерского полка — 329
- Розалион-Сашальский*, бывший столичный чиновник-статист — 163
- Романов*, отставной поручик — 315–317, 339
- Ротмистров*, штабс-капитан, командир 4-й егерской роты — 306
- Ртищев* Николай Федорович (1754–1835), генерал от инфантерии, в 1812–1816 гг. главнокомандующий в Грузии — 229, 295–296, 367
- Руднев*, поручик — 348
- Рюмин*, подпоручик, офицер-артиллерист — 19, 26, 33, 58, 63, 69, 76, 80, 82, 95, 97–99, 105, 107, 114, 122, 134, 136–140, 144–147, 159–160

С

- Саблукова* — см. *Мадатова*
- Савин* Лука, священник — 293, 343
- Сазонов*, артиллерийский подпоручик — 295–296, 317
- Салмановский*, подпоручик — 319
- Самойлов* Николай Александрович (1800–1842), граф, сын генерал-прокурора А. Н. Самойлова, в 1817–1820 гг. адъютант А. П. Ермолова, с 1821 г. флигель-адъютант императора — 177
- Сарочан*, подполковник — 363
- Севар(д)земидзе* Леонтий Яковлевич (? — после 1838), князь, подполковник (позже полковник), командир Тифлисского пехотного полка — 282–283, 286, 302, 369–370
- Сеид*, проводник — 42–43, 71, 74, 77–78, 81–82, 85, 87, 89, 91, 93, 100, 109, 119
- Сергеев* Григорий Алексеевич, полковник, командир казачьего полка — 276–279, 282, 294, 321–322, 324, 327, 336
- Серяков*, есаул — 190
- Сиволицкий*, унтер-офицер 6-й егерской роты — 327
- Симонич* Иван Осипович (1794–1851), граф, в 1823–1829 гг. командир Грузинского гренадерского полка — 178, 289–290

- Симчевский*, подполковник артиллерийской роты — 317, 336
Снежевский Василий Васильевич, капитан-исправник Тифлисского уезда — 321
Солейман-паша, старший сын Мехти-хана — 211
Старков Яков Михайлович (1875–1856), комендант Нухи — 36, 145, 148, 150–152, 154–156, 158, 226, 233–234
Степанов Сергей (Обоимов), освобожденный невольник — 70, 85, 87, 89–93, 145
Стяжнин (*Стяшкин*), мичман, командир пакетбота в 1821 г. — 144, 384
Суворов, поручик 21-й артиллерийской бригады — 186
Султан-Ахмет, правитель Аварского ханства (1802–1823) — 208, 216
Сумбатов, князь — 227, 229
Сумбатова, княгиня — 227, 229
Сурхай-хан (1744–1827), правитель Казикумухского ханства (1789–1820) — 218, 388
Суханов — 173
Сысоев Афанасий Алексеевич, подполковник, командир полка — 287

Т

- Таган-Ниас*, туркменский старшина — 60, 66–67, 74, 87, 89, 91, 107, 119, 122, 128
Талызин Иван Дмитриевич (1799–1844), адъютант А. П. Ермолова — 22, 281, 284, 294
Тамаджев, купец, владелец кожевенного завода — 170
Тарханов, князь, маршал уездного дворянства в Гори — 361
Тархановы, князья — 361
Тегер, инженерный капитан — 150
Тимковский Василий Федорович (1781–1832), в 1823–1825 гг. чиновник особых поручений при А. П. Ермолове — 273, 318
Тормасов Александр Петрович (1752–1819), генерал от кавалерии, главнокомандующий в Грузии в 1809–1811 гг. — 224, 388
Тохум-Мехтум, туркмен — 104, 144
Трубников, подпоручик — 183–184, 194
Тюльпин, секретарь — 321

У

Углев, купец — 137, 139–141

Унгерн-Штернберг (Унгерн), барон, в 1819–1821 гг. капитан
Нижегородского драгунского полка — 184, 201

Устимович, чиновник — 179

Ф

Фазан — см. Газан

Фет-али-хан (Фатали-хан) (1736–1789), правитель Кубинско-
го ханства (1758–1789) — 49

Филатов, пристав — 364

Филип, католический священник — 170

Флиге, подполковник — 276, 369–370

Фридрикс, барон, полковник Московского гвардейского полка,
путешественник — 184, 355

Х

Хачатуров Вартан, бакинский армянин, купец — 343

Хевес, туркмен — 54

Хидыр, второй сын Киат-Аги — 54, 66

Ховен — 170

Хомутский, капитан, командир 3-й карабинерной роты — 258

Ц

Цинамсваров — 348, 357, 370

Цицианов Павел Дмитриевич (1754–1806), князь, генерал от
инфантерии, убит при осаде Баку — 194, 385

Ч

Чавчавадзе, князь, полковник — 153

Чарторыжский (Чарторыйский) Адам Ежи (1770–1851),
князь, министр иностранных дел России (1804–1806) — 158

Черфало, шкипер — 48

Чубаров — 173

Чуйкевич, юнкер — 300

Ш

Шабельский, полковник, командир Нижегородского драгунско-
го полка — 153

Шамамет (Шах-Мамет), украденный мальчик — 81, 94, 193

Шах-Назаровы, карабахские землевладельцы — 239

Швецов, подполковник — 314

Шереметева Надежда Николаевна (1775–1850), урожденная Тютчева, теща брата автора Михаила — 145, 159

Шефи, мирза — 184

Ших-Али-хан (Шейх Али-хан) (1777–1822), правитель Дербентского (1791–1799, 1802–1803) и Кубинского (1791–1806) ханств — 185–186, 191, 215, 218, 224

Шкендер-бек, брат Агаси-бека — 150

Э

Эккартсгаузен Карл (1752–1803), немецкий писатель и философ — 125, 382

Эристов Георгий Евсеевич (1769–1863), князь, генерал-майор, окружной начальник в Кахетии — 153, 163, 302–303, 335, 360

Эристова Елена — 361

Эристов Элизбар Евсеевич (?–1806), подполковник, убит при осаде Баку, брат Г. Е. Эристова — 385

Эссен Петр Кириллович (1772–1844), генерал от инфантерии, Оренбургский военный губернатор (1817–1830) — 41, 155, 163

Ю

Юз-баши-наба, начальник караула — 328

Юрьев Семен Михайлович, лейтенант, командир транспорта «Кура» — 40, 49–50, 52, 54, 61–64, 74, 85, 88, 97–99, 105, 107–109, 111–112, 114–116, 126–127, 132, 136–138, 147–148, 182

Я

Якубовский, капитан — 224

Якубович, корнет Нижегородского драгунского полка — 33, 145, 153, 179

Якши-Магмед, старший сын Киат-Аги — 20, 54, 72, 87, 127, 143, 147, 171, 174, 176–177, 193, 236, 239, 264, 340

Яновский, прапорщик — 340

Содержание

Предисловие.....	5
1821 год (Начато в Тифлисе, 2 января 1821)	19
1822 год	151
1823 год (Начато в Башкечете, 31 декабря 1823)	242
1824 год (Начато в Башкечете, близ Тифлиса, 24 января 1824)	308
1825 год (Начато в Манглисе близ Тифлиса, во время командования 7-м карабинерным полком).....	354
Примечания	373
Именной указатель.....	398

Муравьев-Карсский Николай Николаевич
СОБСТВЕННЫЕ ЗАПИСКИ: 1821–1825

Редактор *Д. Д. Зелов*
Корректоры *Н. А. Хромова, Е. Ю. Жукова*
Художественное оформление *А. И. Орловой*
Именной указатель *В. Е. Климанова*
Компьютерная верстка *Е. М. Илюшиной*

ООО «Кучково поле»
Москва, 119071, ул. Орджоникидзе, 10, оф. 420
Тел.: (495) 256 04 56, e-mail: info@kpole.ru
www.kpole.ru

РОО «Беркут»
Москва, 127410, Путевой пр., д.34-а
Тел.: (495) 743-92-06, e-mail: vmalevany@gmail.com
www.vmalevany.ru

Подписано в печать 10.11.2016.
Формат 125х200 мм. Усл. печ. л. 21,84+ 0,84 (вкл.)
Тираж 2000 экз.
Заказ 1599.

ISBN 978-5-9950-0633-6

ISBN 978-5-9950-0633-6

9 785995 006336

• КУЧКОВО ПОЛЕ •